

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**1
2019**

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Барков С.А., Зубков В.И.* Метанарратив о прогрессе: мифология или наука? 3
- Добренков В.И.* Социология на перепутьях трудного пути 17
- Дудник Л.В., Путиловская Т.С.* Компетентностная сущность реферативной деятельности 33
- Игумнов О.А.* Становление концепций социального капитала: обзор теоретических подходов 41
- Кравченко А.И.* Парадокс начала: Огюст Конт как метафизик и революционер 50
- Малых С.В.* Стратегии продвижения университета в виртуальном пространстве 70
- Пензина А.И., Пархитко Н.П.* Анализ концепции Жана Бодрийяра в формировании гипер- и виртуальной реальности в СМИ 78
- Решетников В.А.* Гуманизм как социокультурное явление 82
- Решетникова Е.В.* Функции современного российского социального образования 87
- Сушко В.А.* Концепции социальных сетей в современных социологических теориях 92
- Шкурко Ю.С.* Следует ли социологии использовать данные биологических наук? 101

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Дзуцев Х.В.* Занятость современного российского бюрократа: социологический анализ 108
- Дзуцев Х.В., Черемных О.О.* Место шариата в жизни населения республик Северо-Кавказского Федерального округа 111
- Дружинин Г.В., Пружинин А.Н., Мамурков Е.В.* Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний 114
- Журавлева И.А.* «Умные города»: ожидания и страхи горожан 124
- Иванов Р.В.* Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона ... 130
- Малышев М.А.* Коллективный договор как инструмент защиты интересов наемных работников 136
- Полюшкевич О.А.* Боль и болезнь как социальные явления 147
- Попова М.В.* Привлекательность сельских территорий для современной молодежи 153
- Салынская Т.В., Ясницкая А.А.* О дополнительном профессиональном образовании: иностранный язык для научных целей 159
- Трескин П.А.* Уровень доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций 163

ГОРОД И ТЕРРИТОРИЯ

- Беляева Е.А.* Историко-правовые аспекты развития академической мобильности России и Китая 167

- Мозолевский В.Б.* Социальные механизмы в управлении мегаполисом 172

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- Белевич А.А.* Японская модель ротации государственных служащих 177
- Ли Мяо.* Корпоративная социальная ответственность в Китае, России и США: результаты экспертного опроса 184
- Мельничук Ю.А.* Применение геймификации в моральном стимулировании труда молодых преподавателей вузов 192
- Ван Лили.* Трудовая миграция в современном Китае 199

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Горькая О.О.* Реформа управления: от модели по поручениям к проектному подходу 202
- Дегтярева В.В., Дружинина Ю.В.* Организационные практики внедрения инклюзивной формы обучения в системе высшего профессионального образования: опыт регионального вуза 210
- Жило А.А.* Особенности социальной рекламы и ее воздействия на поведенческие установки 217
- Кузьмичева А.А.* Проблема инновационной и научной деятельности студентов учреждения высшего образования 221
- Ли Чжунюань.* Специфика управленческой политики и стареющего общества современного Китая 229
- Лян Цзянь.* Роль государства в процессе созидания общества «сяоюань» 232
- Матюшина Ю.Б., Петров Д.С.* Особенности потребительского поведения населения с разным уровнем дохода в сети Instagram 235
- Титова Д.В.* Проблемы определения понятия «Тайм-менеджмент» в профессиональной деятельности руководителей бизнес-организаций 244

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ван Цзяньган.* Может ли искусственный интеллект привести к автократии 249
- Синицын С.А., Гусарова О.Ф.* Информационный подход к разработке и применению иерархических ситуационных моделей интерактивного интеллекта 255
- Гребенщиков И.В.* Бюрократическое поле в дискурсе об экстремизме 263
- Скоробогатова А.Г.* Организация служб сопровождения пожилых людей 80+ 271
- Козлов Н.В.* Экономическое бремя инвалидности от рака легкого 275
- Сизинцев П.В.* Структурный обзор русских богословско-философских идей о Боге, как личном существе 282

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Метанарратив о прогрессе: мифология или наука?

Барков С.А., Зубков В.И.

Данная статья завершает серию опубликованных ранее статей «Метанарративы эпохи модерна в эпоху постмодерна», «Метанарратив о свободе: мифология или наука?» и «Метанарратив о демократии: мифология или наука?». Предметом исследования является прогресс как один из метанарративов эпохи модерна. Цель исследования – выявление особенностей социального восприятия феномена прогресса в постмодернистскую эпоху. Авторы приводят гносеологические и социологические аргументы «за» и «против» прогресса, иллюстрируя их примерами из истории и повседневной жизни людей. Прогресс может быть рассмотрен, с одной стороны, как объективный эволюционный процесс развития общества или общности, а, с другой стороны, как отражение субъективных предпочтений определенных сил, стремящихся направить развитие субъектов общественной жизни в желаемую для них сторону. Диалектический метод позволил проанализировать различные точки зрения на источники и приоритеты развития общества, а также вскрыть стереотипы восприятия прогресса в истории и современности.

Ключевые слова: прогресс, регресс, эволюция, прогрессизм, объективизм, критерии прогресса, бесконечность/конечность прогресса, индустриальное и постиндустриальное общество, классовый подход, дауншифтинг

Barkov S.A., Zubkov V.I.

Metanarrative of progress: mythology or science?

This article concludes a series of previously published articles: «Metanarratives: scientific ideas in the postmodernity», «The Metanarrative of Freedom: Mythology or Science?» and «The Metanarrative of Democracy: Mythology or Science?». The subject of the study is progress as one of the metanarratives of the modern era. The purpose of the study is to identify the peculiarities of social perception of progress as social phenomenon in the postmodernity. The authors give epistemological and sociological arguments «for» and «against» progress, illustrating them with examples from the history and daily life of people.

Progress can be considered, on the one hand, as an objective evolutionary development of a society or a community, and, on the other hand, as a reflection of the certain forces' subjective preferences. These forces are seeking to direct the development of social subjects to the way desired for them. Dialectical method allowed to analyze different points of view on the sources and priorities of the social development, as well as to reveal cognitive stereotypes of progress in history and modernity.

Key words: progress, regress, evolution, progressivism, objectivism, criteria of progress, infinity/finality of progress, industrial and postindustrial society, class approach, downshifting

Идея прогресса является одной из важнейших в формировании ценностей современной цивилизации. Она выразила собой, кажется, саму суть индустриального общества. Неслучайно, что пик внимания к ней пришелся на вторую половину XIX – первую половину XX века. Так, основоположник социологии О.Конт видел общественный идеал в синтезе порядка и прогресса. Самые разные социальные мыслители, начиная с отечественных народников и заканчивая представителями франкфуртской школы и современных сторонников постиндустриализма, отдали дань этой идее. Приведем в качестве примера только две цитаты от отнюдь не глупых людей. Виктор Гюго: «Прогресс – это способ человеческого бытия». Альфред Норт Уайтхед: «У человека есть только два пути: или прогресс, или деградация; консерватизм в чистом виде противоречит сути законов вселенной».

В современную эпоху, несмотря на развитие философии постмодернизма с ее критикой базовых научных понятий, эта идея не утратила своей актуальности. Ее не только активно обсуждают, но и насаждают, начиная со школы. Иногда может показаться, что в прогресс верят буквально все. Причем не только верят, но и считают прогресс неизблемой и фундаментально обоснованной категорией современной науки. При этом с философской точки зрения, всегда было понятно, что прогресс представляет собой скорее притягательную абстракцию, чем научно выверенную категорию. Определить прогресс очень просто: «Было плохо, а стало хорошо!». Но это понятное всем высказывание не позволяет рационально определить какие-либо атрибуты и критерии прогресса.

Продолжая диалоги о метанарративах и постмодернизме, начатые в статьях «Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна», «Метанарратив о свободе: мифология или наука?» и «Метанарратив о демократии: мифология или наука?», авторы представят разные аспекты понимания идеи прогресса, а также обсудят ее применимость к развитию общества в целом и его отдельных сфер. Под рубриками *Pro* помещены аргументы в пользу прогресса как общественной ценности и научной идеи. Под рубриками *Contra* представлены аргументы против прогресса и его использования в качестве символа веры.

Contra

У идеи прогресса нет и не может быть четкого содержания. Это скорее ощущение, возникшее в результате осмысления человечеством множества реальных фактов.

Сама по себе идея прогресса посещала умы людей с незапамятных времен. Однако в древности эта идея в познании мира и упорядочении его элементов была отнюдь не главной и даже не очень значимой. Людей и мыслителей древности скорее занимало повторение событий чрез день, неделю, месяц, год. В их понимании мир чаще всего развивался по кругу, а не по восходящей прямой.

Важнейшей предпосылкой возникновения идеи прогресса стало развитие методологии познания в древнегреческой философии. Если все, что мы наблюдаем на Земле, есть отражение (воплощение) неких общих понятий, идей, то можно сравнивать эти отражения-воплощения с их оригиналами, т.е. с изначальными идеями. Наиболее близкое к изначальной идее ее воплощение становится идеалом, а движение по направлению к нему – прогрессом. Так, Платон, по всей видимости, подразумевал, что процесс создания идеального государства и есть прогресс. Таким образом, само структурирование реальности в рамках классической науки неявно обуславливало не только возможность и значимость, но и необходимость прогресса. И, как известно, многие социальные мыслители XX века напрямую связывали прогрессивное развитие человечества с развитием знания, т.е. признавали единство социальной гносеологии и социальной онтологии.

Но если мы попытаемся вычленить какое-либо рациональное содержание в идее прогрес-

са, то получится, что единственным, да и то совсем небесспорным его атрибутом будет усложнение. Прогресс как усложнение легко иллюстрируется биологическим и техническим развитием. Амеба, как ни крути, проще млекопитающих и человека, а компьютер сложнее арифмометра.

Понятно, что тут же встает вопрос о том, зачем нужно это усложнение, и ответы на него могут быть самыми разными, вплоть до утверждения о бессмысленности прогресса как такового. Во многих случаях усложнение неких старых форм или отдельных функций представляет собой пустую трату времени. Как ни совершенствуй парусник – он не станет пароходом. Таким образом, усложнение может идти как в направлении реального прогресса, так и в направлении его «тупиковых ветвей».

О том, что усложнение совсем не всегда ведет к лучшим результатам, ярко свидетельствует опыт Второй мировой войны. А.Вассерман пишет в этой связи: «Германская военная мысль всегда тяготела к сверхоружию, способному одним ударом решить исход всего сражения, а то и войны в целом. Немецким генералам – как и военным всего мира – глубоко чужды мысли о трудоемкости, цене, ресурсах и прочих экономических категориях. Когда все эти особенности мышления сошлись в одной точке, получился Т-5 – едва ли не совершеннейший по тому времени в чисто техническом отношении, но экономически провальный настолько, что фактически разоружил собственную армию»¹. В то же самое время советские инженеры и технологи делали конструкцию своих танков как можно более простой. В результате фронт был насыщен новыми машинами, служившими хотя и недолго, но исключительно удачно воплощавшими в жизнь замыслы военных на поле боя. Таким образом, в этом и подобных случаях прогресс связывается отнюдь не с усложнением, а с упрощением.

Существует и множество псевдоновшеств, которые хотя и демонстрируют усложнение того или иного предмета в результате работы интеллекта, но не всегда могут рассматриваться как бесспорные свидетельства прогресса. Столь популярная в качестве подарка несколько лет назад мультиварка – это прогресс или нет? Даже планшетник – это прогресс или нет? Тем более если мы говорим о гибком планшетнике, кото-

рый так активно продвигают лидирующие в этой отрасли фирмы. Ну, можно будет наматывать планшетник на руку, и что? Неужели это его свойство будет однозначно признано прогрессивным?

Связь понятия прогресса с другими понятиями всегда подразумевает некий субъективизм. Наиболее очевидной является связь прогресса с эффективностью и функциональностью. Чем лучше что-либо выполняет свою функцию, тем оно прогрессивнее. Но тут снова встают вопросы: «Для кого лучше?» и «Что подразумевает это “лучше”?» Поезда или самолеты могут быть быстрее, а могут быть комфортабельнее. Для кого-то важен один критерий, для кого-то — другой. Тем самым прогресс можно, опять-таки с некоторой долей условности, определить как повышение эффективности в достижении одной цели.

Отсюда легко перейти к самому субъективному определению прогресса как к улучшению. Улучшение может (впрочем, как и повышение эффективности) означать упрощение, удешевление, уменьшение и т.п. Но и при таком понимании важнейшим остается вопрос: «Улучшение для кого?». Например, являлось ли прогрессом развитие малолитражного автомобилестроения? Для Европы и, в особенности, для Японии — видимо да, а для США с их огромными территориями — нет. Для американцев оно стало вынужденной необходимостью в годы первого серьезного нефтяного кризиса 1970-х гг., и американские концерны при первой же возможности (падении или стабилизации цен на бензин) отходят от этого «прогрессивного» направления развития.

Если же начать разбираться, зачем и для кого нужен прогресс, то выяснится, что он обязательно будет идти на пользу одним и во вред другим. Так, долгое время социальный прогресс происходил в форме вестернизации. С Запада перенимались технические достижения, экономическое устройство, политическая система и, как мы сегодня понимаем, образ мысли. Безусловно, для Запада такое развитие большинства стран было выгодно, и именно оно называлось прогрессом. Но выгодно ли было такое развитие для самих стран, подвергшихся вестернизации?

Приведем и более актуальный для современной России пример, раскрывающий «клас-

совый» подход в определении прогресса. Имеет ли место прогресс в современной Украине? Объективные данные о тяжелой экономической ситуации, трагическом ухудшении качества жизни людей и явном падении их морального уровня с очевидностью позволяют дать отрицательный ответ. Большинство россиян, включая представителей элиты, так и считают. Но, с точки зрения Запада и прозападных элит на самой Украине, она прогрессирует, занимая подобающее ей место в семье европейских народов. Повторим, что прогресса «в чистом виде» не существует, поэтому определяется он конвенционально, а при таком определении верх всегда берет тот класс (страна, группа, элита), который обладает наибольшей общественной силой.

Pro

Как теоретическая проблема идея прогресса была порождена эпохой Просвещения. В ее основе лежат два источника — объективный и религиозно-этический. Во-первых, род человеческий, по крайней мере, в некоторых отношениях, объективно идет вперед. Во-вторых, существует религиозное представление о том, что в будущем человечества добро должно победить зло².

Первой областью, в которой было замечено совершенствование человечества, оказалась мыслительная деятельность, благодаря которой человек постепенно открывает тайны природы и подчиняет себе ее силы. В то же время в античности считалось, что с точки зрения нравственности человек становится все хуже и хуже. В политике же древние усматривали лишь постоянное круговращение улучшений и ухудшений. Христианство заменило античную религиозную идею морального вырождения человечества на идею его морального возрождения. В дальнейшем представители многочисленных христианских сект стали верить в установление лучшего общественного порядка и выступать с чисто социальными требованиями³.

Средние века и начало Нового времени ничего не добавили к античной и христианской версиям прогресса. Но уже во второй половине XVIII века вслед за А. Тюрго целый ряд мыслителей попытались объединить в одну идею объективную и религиозно-этическую точки зрения на прогресс, т.е., с одной стороны, его «умствен-

ную» и социально-политическую, с другой, — его нравственную составляющие. Однако эти составляющие оказались неравнозначными. Так, Н. де Кондорсе на первый план выдвигал «умственный» прогресс, И. Гердер — моральный прогресс, а И. Кант — прогресс социально-политический⁴.

То, что прогрессизм⁵ как мировоззрение и теоретическая проблема окончательно сформировался именно в эпоху Просвещения, не было случайностью. После научной революции XVII века в следующем столетии в результате критики традиционных социальных институтов были заложены основы либерализма, политических и гражданских прав и свобод, демократии и рынка, сформулирован научный метод, нацеленный на поиск истины. Казалось, что распространение в народе знаний, приносящих практическую пользу, рационализм и свободомыслие, т.е. свобода использовать свой интеллект (И. Кант), опора на разум как на единственный критерий познания реальности просто не могут не повлечь за собой позитивных изменений. В XIX в. идея прогресса получила дополнительный импульс в связи с набирающей силу индустриализацией, поскольку с использованием новых технологий стало связываться повышение качества жизни людей — их материального благосостояния, образованности, улучшение их здоровья. Еще один ренессанс прогрессизма и эволюционизма приходится на начало второй половины прошлого века в связи с научно-технической революцией, возникновением неэволюционистских идей и разработкой теорий постиндустриального общества.

Однако вернемся к классическим составляющим прогресса.

Трудно сказать, когда, на земле или на небе добро победит зло. Однако художественная литература и субъективный опыт общения с верующими являют, что они не обладают какими-то особыми моральными добродетелями по сравнению с неверующими. Просто если совесть есть, то она есть, а если ее нет, то ее нет, но покаяться всегда можно. Кроме того, большинство исследователей и сама реальность показывают, что современное (постиндустриальное) общество по сравнению с традиционным менее морально с тенденцией ко все большей его аморализации⁶. Ведь каждая субкультура, которых в современных обществах становится все боль-

ше, все меньше разделяет общие представления о хорошем и плохом. С другой стороны различные меньшинства под флагом демократии навязывают свои представления большинству.

Однако демократию в целом также можно рассматривать в контексте социально-политического прогресса. Двести лет назад демократические режимы можно было посчитать по пальцам одной руки, сегодня же недемократические режимы в мире являются скорее исключением. То же самое можно сказать и о республиканской форме правления, связанной с демократией, и абсолютных и дуалистических монархиях. Это значит, что демократия, несмотря на все ее издержки, закономерно завоевывает все более прочные позиции в мире, поскольку, по крайней мере потенциально, способна максимально удовлетворять политические амбиции и другие интересы различных социальных групп в современных «мозаичных» обществах. При этом усилия Запада по продвижению собственных демократических ценностей приводят лишь к распространению демократических процедур при сохранении ценностей, составляющих своеобразие той или иной культуры. Поэтому все демократии разные, даже в рамках такого объединения культурно близких стран как Евросоюз. Кроме того, демократии развиваются. Здесь достаточно упомянуть лишь те новые возможности прямой демократии и демократического контроля, которые предоставляют нам современные информационно-коммуникационные технологии.

Если прогрессивные преимущества демократических республик в принципе можно подвергнуть сомнению, то «умственный» прогресс является вполне объективным и виден, так сказать, невооруженным взглядом. Человечеству дано стремление к познанию, поэтому прогресс — это, прежде всего, накопление знаний о мире и их использование на благо цивилизации. Так, селекция во много раз увеличила урожайность в растениеводстве и повысила эффективность животноводства, что, несомненно, является функцией от познавательной деятельности людей. Такие же процессы можно наблюдать в медицине, технической сфере и во множестве других областей, которые делают жизнь современного человека более комфортной, чем она была тысячи лет назад. И дело даже не в комфорте.

Если мы не отрицаем мыслительную деятельность, а тем более считаем ее наиболее важной среди всего того, чем занимаются люди, мы не можем отвергать идеи прогресса.

Contra

Давайте более внимательно рассмотрим, что же принес человечеству прогресс в мыслительной деятельности. Представляется, что наиболее адекватно использование категории прогресса применительно к техносфере. Так, всем очевиден прогресс в области вооружений, который приводил к смене цивилизаций, росту богатства одних сообществ и обнищанию других, заметным изменениям численности населения. Понятно, что прогресс в этой области в наименьшей степени совместим с моралью и извечным стремлением к тому, чтобы «завтра было лучше, чем сегодня». Тут имели место и усложнения, и упрощения, но критерий прогресса был един и понятен всем – оружие должно убивать как можно больше людей и делать это с наименьшими затратами.

И тут опять нельзя не вспомнить «классовый» подход. Именно Запад стал главным «бенефициаром» прогресса в развитии военной техники. Ведь с самой ранней античности достижения мыслительной деятельности служили покорению других народов. Архимед вошел в историю не только открытием математических и физических законов, он создавал метательные машины и другие виды вооружений для родных ему Сиракуз. Так было практически со всеми видными мыслителями Запада и их достижениями, включая самые современные.

Сегодня невольно задаешься вопросом: зачем Запад так активно стимулирует технический прогресс? Очевидного смысла в этой гонке за изобретениями нет. Уже созданы суперкомпьютеры, для которых почти нет задач, по своей сложности соответствующих их возможностям. Технологии 3D, 4D и даже ND не сделали мир прекраснее. Даже кино, пройдя чрез эйфорию использования новейших технологий, зачастую возвращается к обычному 2D формату. И, несмотря на это, выделяются миллиарды долларов на развитие цифровой индустрии, как будто без нее человечество просто жить не может.

Активный пропагандист западных ценностей в нашей стране А.Л. Кудрин вообще сказал о

том, что теперь страны нужно сравнивать по доле цифровой индустрии в ВВП. И если она мала, то страна, как в таких случаях всегда бывает у «западников», становится «изгоем». Тут же выяснилось, что у России эта доля в 3-4 раза меньше, чем у западных стран. Отсюда был сделан соответствующий вывод, завуалированный призывами бросить огромные инвестиции в цифровую отрасль, чтобы сократить отставание⁷.

Неужели отношение к техническому прогрессу не может быть иным? Оказывается, может, но это чрезвычайно опасно при наличии столь агрессивной Западной цивилизации. Восприятие инноваций в Китае радикально отличается от европейского, что в определенные периоды было причиной серьезного отставания в его общественном развитии. Так, к концу XVIII века Китай по своей экономической мощи являлся одним из мировых лидеров, его население составляло одну треть населения планеты, во внешней торговле преобладал экспорт, что свидетельствовало о безусловной конкурентоспособности производимых в стране товаров. Однако именно в это время на Западе происходит промышленная революция, послужившая толчком к бурному развитию науки и производства. Но правители Цинской династии проигнорировали эти изменения. Согласно философии дзен-буддизма все внешние изменения не могут сделать человека счастливым, и поэтому не стоит придавать им большого значения. В результате всего за сто лет Китай оказался на периферии мировой экономики и превратился в слабо развитую и плохо управляемую страну, что привело к вторжению колонизаторов на его территорию и общему отставанию в развитии на протяжении всего XX столетия. К этому стоит добавить, что Китай является родиной таких важнейших в истории человечества инноваций как бумага, сталь, порох. Причем данные инновации, радикально ускорившие прогресс западной цивилизации, в течение многих столетий кардинально ничего не меняли в социальном, политическом и экономическом устройстве самого Китая.

Запад всегда использовал и с особой активностью использует сейчас технический прогресс в качестве своего оружия в противостоянии с другими культурами. Россия, достигнув паритета в области ядерных вооружений, бросила

вызов Западу. Окончательно напугала Запад своей ядерной программой Северная Корея. И сегодня развитые западные страны так агрессивно стимулируют прогресс, чтобы благодаря новым технологиям ядерное оружие потеряло бы свою значимость. Либо сигналы от «ядерного чемоданчика» не дойдут до ракет, либо сам главнокомандующий подвергнется такому воздействию, что не сможет во время нажать соответствующую кнопку.

Фактически, западные страны используют технический прогресс и соответствующую идеологию как защитный барьер от конкурентов, имеющих иные ценности и приоритеты. Поэтому незападные цивилизации современного мира вынужденно включены в бессмысленную гонку за пресловутой «цифровизацией», которая по большому счету выгодна только Западу. При этом разрушить это влияние прогресса на существование миллионов людей очень сложно. Фактически, мы должны уповать на «феномен Горбачева», который сначала играл по правилам советской системы, сделал блистательную карьеру в ней, стал ее лидером, а затем разрушил ее. Поэтому Китай, Россия или какие-либо другие страны должны стать сильнее Запада в области «прогрессивных» технологий (стать лидерами в цифровой экономике), чтобы затем суметь затормозить прогресс и вернуть его в более-менее рациональное русло. По понятным причинам сделать это чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

Pro

Нельзя сводить проблему прогресса к теории заговора. Прогресс выгоден не только западным элитам. Его плодами в той или иной степени пользуется значительная часть человечества. Достаточно сказать, что рост продолжительности жизни во всем мире – это результат прогресса в сфере здравоохранения.

Что же касается прогресса в области вооружений, то научные изобретения и открытия могут использоваться как в мирных, так и в военных целях. (Кстати, технический прогресс имеет свои негативные стороны, не обязательно связанные с вооружениями, например, с «мирным атомом».) Но раз уж дело обстоит именно так, нужно, чтобы научный прогресс шел параллельно с социально-политическим. Однако как этого добиться? Для ответа на этот вопрос уме-

стно вспомнить концепции объективной эволюции (эволюции как бесконечного процесса, не имеющего цели, но обладающего объективными характеристиками) и прогресса как результата целеполагания.

В XIX в. одной из характерных черт науки стал объективизм, что отразилось в разработке таких понятий как естественное право, естественный хозяйственный порядок, естественный закон в философии и т.п. Ученые, стоящие на объективистских методологических позициях, объявили оценочное понятие прогресса (в смысле движения к идеалу) ненаучным и заменили его понятием эволюции, которая, по их мнению, не зависит от воли и желания людей. Тем не менее, в разработку теории прогресса наибольший вклад внесли именно эволюционисты, особенно Г.Спенсер, Ч.Дарвин и К.Маркс, которые на основе выявления «объективных» законов развития пытались предсказать будущее. У Спенсера движущими силами «большой эволюции»⁸ являются процессы дифференциации и интеграции. Смена ее фаз, т.е. движение вперед есть общий закон развития всего сущего. По Дарвину, органическая эволюция состоит в развитии высших организмов из низших. Следовательно, происходит и постоянное совершенствование человеческой природы путем наследственного закрепления у новых поколений новых качеств⁹. Если у Спенсера эволюция в целом идет в направлении все большего усложнения, то у Дарвина – в направлении все большей приспособляемости, хотя бы и за счет упрощения организмов. Но главное, что и в том, и в другом случае эволюционные процессы идут совершенно механически, без какой бы то ни было телеологии¹⁰. У Маркса смена общественно-экономических формаций также закономерна, но требует, правда, и некоторых человеческих усилий.

По словам Ч.Дарвина, эволюция совершается не для того чтобы, а потому что. Однако представление о том, что исторический процесс – это безличная эволюция, которая идет сама по себе без вмешательства человека, противоречит здравому смыслу, поскольку люди, так или иначе ставят перед собой цели и стремятся достичь их. И эти цели не должны быть просто «благими намерениями», например, как у социалистов-утопистов, а должны соответствовать выявленным законам общественного развития.

Если объективизм в своей крайней форме отрицает научность любых целей и целесообразность любой общественной деятельности по их достижению, то идея прогресса состоит в научном определении эволюционного идеала, принципов и средств его реализации в различных областях социальной жизни. Ведь сущность всякого целесообразного воздействия человека на тот или иной предмет заключается именно в знании свойств этого предмета. Практическое значение такого знания состоит в том, что оно, во-первых, открывает перспективу более целесообразной и успешной деятельности, а, во-вторых, придает этой деятельности высший нравственный смысл. Этот смысл, благодаря общественной коммуникации, должен приобрести легитимность¹¹. Ведь чем больше людей верит в прогресс и желает его, тем больше шансов, что общество действительно будет развиваться в прогрессивном направлении¹².

Contra

Речь как раз и идет о том, что объективистское понимание прогресса в какой-то момент почти полностью вытеснило его субъективистскую интерпретацию. Марксизм — лучшее тому подтверждение. Субъективное стремление к коммунизму подменялось якобы существующим объективным эволюционным законом, согласно которому все нации рано или поздно придут к коммунизму. В том, что этот закон не реализовался, проявилась значимость субъективного начала в метанарративе о прогрессе.

При этом коммунизм перестал быть привлекательным и стал восприниматься как неудачная попытка преобразования общества, а лежащая в его основе идея прогресса живет и торжествует. Самое важное, что идея прогресса вошла в обыденное сознание современного человека и стала определять его жизненные приоритеты. Человек стал жаждать прогресса и в своей собственной жизни, и в жизни окружающего его общества. При этом прогресс стал восприниматься как объективный процесс, проявления которого можно наблюдать повсюду и в котором просто невозможно сомневаться. Хотя, справедливости ради заметим, что сомневающиеся находились всегда.

Повторим, что прогрессистское понимание мира и прогрессистское мышление стали исключительно популярными в эпоху модерна и про-

никли во все сферы жизни, даже в те, где прогресс обнаружить практически невозможно. И как символ веры прогресс не мог не сформировать свои догматы. В ряде случаев они наглядно демонстрируются. Но даже если реальность им явно противоречит, в них все равно нужно верить.

Первый догмат гласит, что все изменения — к лучшему. Это, собственно, и есть вера в прогресс. Одно из главных следствий такой веры связано с оправданием революций. Революции мыслятся не как хаос и разрушение достигнутого, а как однозначное движение вперед, разрушение устаревшего, какие бы жертвы для этого не были бы принесены. Такое понимание развития общества явно прослеживается у французских просветителей, поэтому они считаются идеологами Великой французской революции. В это же время сформировалась идеология либерализма, постулатами которой стали вера в разум, вера в добрую природу человека, исковерканную социальным бытием, и вера в изменения к лучшему на основе раскрепощения личности. На самом деле именно французская революция, обернувшаяся массовым террором, а затем возвратом к правлению династии Бурбонов, как нельзя лучше подтверждает консервативный взгляд на эволюцию общества, согласно которому революции — это эксцессы развития, по большому счету ведущие в никуда¹³.

Второй догмат заключается в том, что прогресс в основной сфере общества важнее регресса в других его сферах. (Кто определяет эту основную сферу, не столь важно.) Люди уже давно поняли на практике, а Р.Мертон¹⁴ в своей теории о явных и латентных функциях научно доказал, что нет однозначно поступательного движения вперед. Но для того, чтобы верить в прогресс, нужно уметь закрывать глаза на недостатки прогрессивного развития, какими бы они не были. Чаще всего их признают несущественными или считают необходимой данью прогрессу. Именно данная аксиома лежала в основе безусловного признания прогрессом индустриализации и в целом модернизации общества. Но появление пролетариата как побочного и вместе с тем необходимого атрибута индустриализации заставило мыслителей более осторожно оценивать прогресс и ту цену, которую общество должно платить за него.

Жизнь пролетария в сравнении с жизнью средневекового крестьянина — это явный рег-

ресс. Люди, вытесняемые в города, не имели средств к существованию и были вынуждены продавать себя за бесценок, просто для того, чтобы выжить. Феодалный крестьянин при всех сложностях своего существования вел в сравнении с пролетариями относительно «нормальный» образ жизни. У него был свой дом и, как правило, большая семья. Он придерживался религиозных устоев и, хотя часто испытывал жесткую эксплуатацию, не терял человеческого лица. Социально-экономический прогресс привел к тому, что, образно говоря, началось «падение населения в пролетариат». Жизнь тогдашнего пролетариата можно легко понять, наблюдая за гастарбайтерами из Средней Азии в современной России. Снимать в восьмером шестиметровую комнату, при том, что хозяйка еще и ограничивает пользование ванной и туалетом, питаться «бомж-пакетами» и белым хлебом с молоком, одеваться в обноски — все эти грани существования в той или иной степени были характерны для пролетариата начала капиталистической эпохи. Даже для представителей более высоких слоев городского населения, чем промышленные рабочие, удовлетворение самых простых жизненных потребностей было настоящей проблемой. (Вспомним хотя бы героя повести Н.В. Гоголя «Шинель».)

При этом положение рабочих развитых стран XIX века было в чем-то даже хуже, чем у сегодняшних «отечественных» гастарбайтеров. Если разговориться с уроженцем Таджикистана или Узбекистана, влачащим «нечеловеческое» «пролетарское» существование в Москве, он может вытащить смартфон и показать, какой дом он строит на заработанные в России деньги у себя на родине. У него есть семья; живут они, конечно, тяжело, но, благодаря помощи из Москвы, никто не голодает, и третий этаж особняка, который в России стоил бы многие миллионы рублей, постепенно строится. В первую очередь это возможно из-за плавающих курсов валют и отсутствия золотого стандарта. Местные валюты могут стоить так дешево, что даже наличие небольшого количества более сильной валюты делает человека относительно состоятельным. Именно поэтому, например, Камбоджа стала просто «меккой» для тех, кто хочет практически не тратить деньги для удовлетворения своих первичных потребностей.

Сто лет назад ситуация была другой. Золотой стандарт не позволял рабочему в США обеспечить безбедную жизнь его семье в Польше или Италии. Большинство же пролетариев были уроженцами своей страны и мирились с существованием на грани выживания. Между тем «пролетарское потребление», ставящее человека на грань между жизнью и смертью, меняет его внутренний мир. Ни о какой религиозности и душевном спокойствии крестьянина больше речи уже не идет. Когда первичные потребности выступают на первый план, то для их удовлетворения можно делать все, что угодно — обманывать, воровать, торговать наркотиками. Ведь это дает возможность хоть как-то подняться над уровнем всеобщей нищеты.

Если на Западе классическими трудами, описывающими жизнь пролетариата, считаются «Положение рабочего класса в Англии» Ф.Энгельса и романы Ч.Диккенса, то в России в научном и политическом плане наиболее заметны труды марксистов начала XX века, а также знаменитая повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце». Все эти авторы фиксировали полное моральное разложение пролетариата. Если в комнате впопалку спят полсотни мужчин и женщин, то дело часто просто доходит до откровенного промискуитета. Что уж говорить о моральных нормах, которые должны регулировать стремление к потреблению. Не случайно марксисты увидели в пролетариате людей, способных легко и без всяких сожалений разрушить старый мир, чтобы хоть чуть-чуть нажиться на его «обломках».

Тогдашняя элита общества сама была шокирована такой «издержкой» экономического прогресса, как пролетариат. Среди ее представителей было немало людей, которые искренне болели за бедных, защищали обездоленных и критиковали эксплуататоров. Сам образ жизни и причастность к высоким моральным идеалам деятелей культуры делали их противниками такого «прогресса» с его избирательностью областей, где происходят реальные улучшения. Практически все искусство, и в особенности классическая русская и европейская литература XIX века, во многом формировавшая мировоззрение людей того времени, была проникнута антикапиталистическим пафосом. После чтения И.С. Тургенева или Ги де Мопассана невозможно было спокойно наблюдать за происходящим в период раннего капитализма.

Наконец, третий догмат говорит о бесконечности прогресса. И хотя жизнь постоянно ставит эту аксиому под вопрос, вера в нее отличает последовательно прогрессистское мышление. С появлением человека фактически закончился прогресс живых форм на Земле. Медики вплотную подошли к пределам излечиваемости сердечнососудистых заболеваний. И таких тупиков прогресса очень много. Один из самых забавных связан с увеличением силы всасывания у пылесоса. Конструкторы так увлеклись, что на свет появились модели, которые высасывали из пола паркетные планки...

Pro

Тем не менее, можно утверждать, что идея прогресса весьма плодотворна для социального развития и управления им. Не развиваться общество не может, и желательно, чтобы характер его развития был бы прогрессивным, а не регрессивным, эволюционным, а не революционным. Прогресс – это повседневное стремление к идеалу, но, конечно, такое развитие небеспроблемно. Необходимо определить, что такое прогресс в различных социальных сферах, в каких областях и пределах он прежде всего необходим, каковы механизмы его реализации, какие издержки как плату за прогресс можно допустить. Кроме того, прогресс – социально неравномерный и нелинейный процесс. Он, как отмечал еще Ж.-Ж. Руссо, включает в себя регрессивные «отступления», затрагивающие как общество в целом, так и отдельные направления его развития. Даже в одной относительно небольшой сфере могут сосуществовать разнонаправленные тенденции. Так, в российской космонавтике технологии пилотируемых полетов успешно развиваются, а технологии полетов автоматических аппаратов в целом деградируют.

Вообще из-за сложности общественной системы и тесной взаимозависимости ее элементов движение в направлении одной цели всегда подразумевает ряд побочных изменений, на которые люди вынуждены закрывать глаза¹⁵. Кроме того, эти побочные изменения могут проявляться далеко не сразу, а их негативные последствия – перевешивать позитивные сдвиги в направлении прогресса. Так, почти все реформы, которые изначально видятся исключительно прогрессивными, вскоре порождают множе-

ство непредвиденных отрицательных последствий. Развитие социальной защиты усиливает иждивенческие настроения, страхование увеличивает «моральный риск»¹⁶, повышение экономической эффективности системы образования снижает его качество и т.п.

Существуют и парадоксы прогресса. Один из них приводится во многих текстах, «предлагаемых» интернетом в ответ на поисковый запрос «прогресс». Этот парадокс состоит в том, что при явно прогрессивном переходе от охоты и собирательства к земледелию пища становилась более бедной белками и однообразной, а труд более монотонным и тяжелым, в результате чего продолжительность жизни ранних земледельцев была существенно меньше, чем у охотников и собирателей. Существуют и тупики прогресса (как и у любого «правила» есть свои исключения – системные тупики, провалы рынка и др.). В ряду важнейших из них – физическая и интеллектуальная ограниченность возможностей человека. До сих пор он выходил из этого затруднения путем технического «продолжения» своей физической конституции и все большего сужения специализации в процессе углубления познания.

Тем не менее, прогресс возможен во всех социальных сферах, поэтому и его критерии могут быть различными. Прогрессивное развитие может характеризоваться: движением от низшего к высшему, от менее организованного к более организованному, от менее совершенного к более совершенному, от простого к сложному и от сложного к простому (по структуре и функциям); развитием нового, передового; приращением знания; продвижением к желаемой цели; изменением к лучшему (успехом) по сравнению с прошлым; достижением большей адаптивности, выживаемости; достижением большей эффективности, экономичности, конкурентоспособности. В свою очередь каждый из этих критериев может измеряться множеством объективных (количественных) и субъективных (качественных) показателей. Что касается конкретики, то, например, в обзоре Г. Зараковского¹⁷ рассмотрено около двадцати систем показателей качества жизни населения, ведь, в конечном счете, прогрессивное социальное развитие состоит в улучшении жизни людей и всестороннем развитии личности.

Существуют и обыденные представления о прогрессе. По сложившейся в этой серии статей

традиции приведем данные ВЦИОМ по этому поводу. Прямого вопроса о том, что такое прогресс, в базе данных мы не обнаружили. Зато нашли такой вопрос: «Что, на ваш взгляд, прежде всего лежит в основе технологического прогресса и благосостояния западной цивилизации?»¹⁸. Вот три наиболее популярных ответа (при наличии возможности отметить несколько вариантов): трудолюбие, дисциплинированность, аккуратность народов Запада – 49%; частное предпринимательство, рыночные отношения – 40%; политические свободы, демократическая система – 26%. Следовательно, для движения по пути технологического прогресса нужно хорошо работать, честно конкурируя на рынке в свободной стране.

Респондентам задавался и еще один вопрос: «Что бы Вы могли сказать о науке, о ее месте в жизни людей и общества?»¹⁹, пять наиболее значимых ответов на который выглядят так (опять же при наличии возможности отметить несколько вариантов): это полезные открытия – 62%; это напряженный труд – 42%; это условие прогресса – 39%; это умножение знания – 32%; это средство преобразования мира – 22%. Значит, к детерминантам прогресса следует добавить еще и науку.

Contra

Прогресс и наука – это двуликий Янус эпохи модерна. Поклонение этому специфическому богу создало идеологию прогрессизма и во многом сделало индустриальное общество таким, каким оно было. Одновременно это поклонение заставило людей планировать свои жизненные стратегии по одному прогрессистскому стереотипу, пренебрегая всем разнообразием возможных направлений развития. Постмодернистское мировоззрение против такого «тотального прогрессизма» и предлагает ему свои альтернативы. Остановимся лишь на двух из них.

Жизнь в эпоху модерна через призму идеи прогресса виделась как вечный конкурс между государствами, народами, общностями, отдельными людьми, а цель жизни – как победа в этом конкурсе, достигаемая лишь единицам. Постмодернистское мировоззрение предлагает заменить тотальный конкурс выставкой – выставкой культур, идей, экономик. Во всяком случае, там, где это уместно. В частности, в гло-

бальном мире нелепое соревнование государств за место в экономическом рейтинге все в большей степени уступает место выставке экономик, вписанных в различные системы ценностей.

Эпоха модерна сформировала устойчивую традицию сопоставлять страны по их причастности к экономическому прогрессу. Западные страны формируют правила этого конкурса и последние два века с легкостью выигрывают в нем, не допуская реальной конкуренции. Стоит вспомнить, что за всю историю индустриального общества к группе развитых стран сумели приблизиться только пять представителей незападной цивилизации. Все они из Азии – Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Гонконг. Три из них невелики по размеру, причем, два не являются полноценными государствами: Гонконг – часть континентального Китая, а Тайвань не признан большинством стран мира. Южная Корея представляет собой также только часть разделенной страны. Фактически, единственной крупной страной, ставшей в ряд с западными государствами в своем прогрессивном развитии является Япония. Развитие всех этих стран в той или иной мере поддерживали США, то ли пропустив появление новых конкурентов, то ли сознательно сделав из них «идеалы» прогрессивных социально-экономических преобразований для всех других стран.

Неуместность конкурса между государствами можно проиллюстрировать развитием мирового спорта и Олимпийского движения. В современном мире с непреходящим значением потребления всяческих «досуговых» благ и развлечений, конкурс стран за обладание максимумом золотых медалей стал специфическим аналогом конкурса за величину дохода на душу населения. Но, во-первых, события 2016-17 годов с отстранением российской сборной от соревнований с нарушением многочисленных правовых норм и традиций мирового спорта однозначно указывает на то, что правила игры создаются специально для победы «назначенных» игроков. Во-вторых, малочисленность и «неконкурентоспособность» олимпийской сборной Индии – одного из крупнейших и быстро развивающихся государств – демонстрирует несовместимость спорта с системой ценностей индийцев, прежде всего, индуистов. Индия и не пытается догнать лидеров. Ее руководство понимает всю условность конкурса и видит про-

грессивное развитие своей страны в совершенных или иных культурных измерениях.

Поэтому конкурс можно устраивать только среди подобных. Кроме того, если жизнь на планете — это конкурс, проигравших в нем всегда будет на много порядков больше, чем выигравших. Исходя из этих предпосылок, конкурсное прогрессистское мышление постепенно уступает место выставочной модели отношения к жизни. В этой модели нет единого для всех направления развития, заранее одобренного определенными победителями. Каждый участник выставки может предоставить свой экспонат, и из этих экспонатов совсем не нужно строить пьедестал почета, определяя первое и последнее место.

Отмена конкурса как сценария жизни, конечно, не отменяет саму жизнь. Вместо модернистской победы (во что бы то ни стало) в постмодернистском мире главной целью становится проявление самобытности, оригинальности, несхожести с другими как возможности выбора и самореализации. Каждое государство, корпорация, регион, этнос, социальная группа вправе создавать свою культуру и представлять ее на глобальную выставку, в которую постепенно превращается культура человечества.

Другая альтернатива прогрессизму модерна — феномен дауншифтинга, проявления которого многообразны, как многомерно само социальное пространство. Дауншифтинг — это и переезд в сельскую местность (так называемый «экологический дауншифтинг») или в другую (слаборазвитую) страну²⁰; это и отказ от построения традиционной карьеры и поиск работы-хобби; это и жизнь для себя, семьи, детей и многое другое. Главная идея дауншифтинга состоит в том, чтобы обрести новые возможности и превратить их в позитивные результаты, очень не схожие с теми, что сулил человеку традиционный высокий статус в обществе.

Дауншифтер — не лузер, не неудачник. Это человек, осознавший многовариантность развития как личности, так и общества. Более того, это человек, который воплотил в жизнь то многомерное понимание общества, которое было уже давно сформулировано социальными мыслителями, но до определенной поры находилось в тени всепоглощающей идеи прогресса.

Дауншифтинг как целостный феномен — это новое явление, свойственное именно эпохе по-

стмодерна. И никакие веселые ссылки на то, что первым дауншифтером был Диоген, или более серьезные попытки сравнить дауншифтинг с уходом в монастырь не выдерживают никакой критики. В доиндустриальном обществе не было идеологического главенства идеи прогресса, а социальный статус был кастовым или сословным. В настоящее время само наличие дауншифтеров свидетельствует о том, что сознание человека постепенно меняется, его жизненные приоритеты теряют свою иерархичность и становятся чрезвычайно разнообразными (разнонаправленными).

Трудно привести реальную статистику по дауншифтингу. По некоторым данным до 30% западных управленцев склонны к нему. Но, как и по отношению ко многим другим социальным группам в истории, по отношению к дауншифтерам верно высказывание: их социальное влияние непропорционально их численности. На уровне изменения жизненных ценностей они зафиксировали (просто своим появлением) конец эпохи модерна, в рамках которой идти против прогресса в личной и общественной жизни было практически невозможно.

Pro

Безусловно, теоретически выставка достижений и дауншифтинг кажутся достойными альтернативами прогрессизму. Но если вторая альтернатива уже реализуется, то первая относится скорее к желаемому будущему. Поэтому мы пока не знаем, каким образом будут организованы спортивные или экономические выставки, ведь спорт и рынок основаны на принципах состязательности и конкуренции. Так, конкуренция обеспечивает развитие рынка, заставляя множество предпринимателей ради предпринимательской прибыли идти на риск, хотя далеко и далеко не все из них добиваются успеха. Даже в странах с сильной государственной поддержкой малого бизнеса примерно за три-пять лет практически половина малых предприятий сходит с дистанции, и на смену им приходят новые. При этом конкурентоспособными должны быть и индивиды, и организации, и страны.

Ну, а мотивация дауншифтеров требует отдельного изучения. Возможно, это рантье, фанаты «зеленых», поведенчески зависимые (например, от интернета), эгоцентричные, безамбициозные, уставшие от жизни или просто ле-

тивные люди. Кроме того, во многих местах жительства и сферах занятости таланты дауншифтеров в принципе не могут раскрыться. Чаще всего для этого просто нет институциональной основы.

Но главное даже не в этом. Обе эти постмодернистские альтернативы можно рассматривать и как прогресс в областях построения жизненных стратегий и социальных взаимодействий, и критерием прогресса здесь будет выступать повышение разнообразия. Вообще возникновение постмодернизма во многом связано с повышением социокультурного разнообразия в последней трети прошлого века. В современном мозаичном мире возрастает число субкультур, потребительских вкусов, типов семьи, религиозных течений (сект)... Поэтому современный мир – это свобода выбора, и не только продуктов и услуг, но и идентичности, и индивидуального самовыражения, что означает «разукрупнение» стилей жизни и моделей социальных действий. Не случайно, что там, где начинается постмодернизм, монизм и гомогенность уступают место гетерогенности, дифференциации, индивидуации.

Кстати, и мнения постмодернистов относительно направления общественного развития значительно различаются. Для Ж.Бодрийера – это регресс, постоянная утрата реальности или, что одно и то же, формирование гиперреальности, состоящей из симулякров. С точки зрения М.Фуко, история представляет собой независимые друг от друга эпохи, а в рамках конкретной эпохи идеи лишь сосуществуют, представляя собой ее возможные варианты. Поэтому понятия прогресса, регресса и даже процесса здесь не применимы. А вот прогрессивное развитие личности, по Фуко, возможно, если она будет творить свою жизнь как произведение искусства и, заново переоткрывая высшие ценности, выйдет за пределы господствующих дискурсов.

* * *

Метанарратив о прогрессе в каком-то смысле вечен. Никто не может лишить человека стремления познавать мир и накапливать знания о нем. Также нельзя остановить прогресс техники или свести на нет желание человека жить лучше. Но категорию прогресса нужно было «ввести в берега», ограничить ее только той ча-

стью реальности, которой она была бы адекватна. Поэтому постмодернизм стал откровенно издеваться над стремлением мыслителей эпохи модерна видеть прогресс буквально во всем – в урбанизации, в скорости транспортных средств, в построении карьеры, в изменении природной среды...

Для индустриального мира вера в прогресс была чем-то схожим с верой в Бога или загробную жизнь, поэтому утрата этой веры – тяжелое эмоциональное испытание для общества и конкретных людей. Но следует помнить, что, во-первых, прогресс, как и другие метанарративы эпохи модерна, не отвергается полностью. Просто в условиях современности утрачивается его мифологичность и более четко очерчивается сфера применения этой ранее всеобщей идеи. Во-вторых, многомерное представление об обществе и жизненных стратегиях само по себе не может быть хуже одномерного. А участие людей в выставке их достижений в эмоциональном плане может стать таким же привлекательным, как и причастность к прогрессу.

Таким образом, в современном мире начинает цениться многообразие и оригинальность, что исключает «дружное» следование общества в указанном кем-то направлении, но предполагает его поступательное движение к чему-то объединяющему, например, определяемому национальной идеей. Понятно, что мы находимся только в начале нового переосмысления мира, но уже сегодня очевидно, что идея прогресса не умрет, но, однако, не будет занимать центрального места в определении индивидуальных жизненных сценариев людей будущего.

Литература

1. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 1993.
2. Берк Э., Мэстр Ж. де Консерваторы. Без либералов и революций. М.: Алгоритм, 2017.
3. Вассерман А.А. Скелеты в шкафу истории. М.: АСТ, Астрель, 2011.
4. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
5. Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Академический проект, 2009.

6. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии / Отв. ред., предисл. и сост. А.О.Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2007.

7. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М.: Олимп-Бизнес, 2003.

8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2008.

9. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

10. Нисбет Р. Прогресс. История идеи. М.: ИРИСЭН, 2007.

11. Робатень С.С. Прогресс – спираль развития или порочный круг? 32 луча древнего окоема. М.: Белые альфы, 2015.

12. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. М.: АСТ, Астрель, 2011.

13. Токвиль А. де Старый порядок и революция. М.: ИД «Социум», 2017.

14. Человек продолжает эволюционировать, заявляют генетики // РИА Новости, 2017. 5 сентября. URL: <https://news.mail.ru/society/30909307/?frommail=1>.

Ссылки:

1 Вассерман А.А. Скелеты в шкафу истории. М.: АСТ, Астрель, 2011. С.210.

2 См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии / Отв. ред., предисл. и сост. А.О.Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С.432.

3 См. там же. С.433-434.

4 См. там же. С.434-435.

5 Прогрессизм как мировоззрение, основанное на вере в прогресс, не следует путать с прогрессивизмом – идеологией, обосновывающей необходимость социальных реформ «сверху», т.е. реформ, осуществляемых властью.

6 Еще в начале века М.Вебер был озабочен историческим процессом возрастания удельного веса целерациональных действий, не стесняемых моральными императивами.

7 Такие признания прозвучали в выступлениях А.Кудрина на Санкт-Петербургском и Сочинском экономических форумах 2017 г. См.: <http://tass.ru/pmef-2017/articles/4310650>; http://actualcomment.ru/kudrin-prizval-zanyatsyat-sifrovyu-ekonomikoy-1705191905.html?PAGEN_1=2.

8 В своих ранних трудах Г.Спенсер еще употребляет слово «прогресс», однако после

1850 г., видимо, ориентируясь на О.Конта, он пишет только об эволюции.

9 На этот счет мнения ученых разделяются. Но вот совсем недавно получено доказательство того, что естественный отбор в современных популяциях людей продолжается. В статье Джозефа Пикрелла – генетика из Колумбийского университета г. Нью-Йорк (США) и руководителя исследовательской группы, – опубликованной в журнале *PLOS Biology*, описан масштабный генетический анализ ДНК жителей Великобритании и США (свыше 160 тыс. чел.), который показал, что под действием естественного отбора число носителей «вредных» версий генов, связанных с болезнями, постоянно снижается. См.: Человек продолжает эволюционировать, заявляют генетики // РИА Новости, 2017. 5 сентября. URL: <https://news.mail.ru/society/30909307/?frommail=1>.

10 См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии / Отв. ред., предисл. и сост. А.О.Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С.440, 443-446.

11 Механизмы реализации общественной коммуникации раскрыты в концепциях рационального поведения К.Поппера и коммуникативной рациональности Ю.Хабермаса, а также в постмодернистских концепциях депривилегизации науки, например, у Ж.-Ж.Лиотара.

12 См.: Кареев Н.И. Указ. соч. С.447-451.

13 Такой точки зрения на революции придерживались прежде всего классики консерватизма как политической идеологии. Их можно назвать наиболее яркими противниками идеи прогресса, уже более чем два века назад вскрывшими противоречия данной идеи и ее воплощений в жизнь. См.: Берк Э., Мэстр Ж. де Консерваторы. Без либералов и революций. М.: Алгоритм, 2017; Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И.Рудомино, 1993; Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: ИД «Социум», 2017.

14 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2008.

15 Даже подъем на гору как прогресс «в чистом виде» подразумевает движение не только вверх. Альпинист не может, как на лифте, взлететь на вершину горы. Он движется, изменяя свое местоположение по всем трем пространственным измерениям. Просто в случае

покорения вершины другими направлениями перемещений, кроме вертикального, можно пренебречь.

16 О моральном риске см., например: Зубков В.И. Социологическая теория риска: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2009. С.220-229.

17 См.: Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. С.15-35.

18 См.: База данных ВЦИОМ. URL: https://wsciom.ru/zh/print_q.php?s_id=338&q_id=27205&date=30.07.2000.

19 См. там же. URL: https://wsciom.ru/zh/print_q.php?s_id=998&q_id=68656&date=21.12.2014.

20 Частая связь дауншифтинга с пространственными перемещениями вполне понятна. Пространство модерна создавалось в соответствии с идеей прогресса и иерархического строения общества. Так, центрами прогресса считались развитые страны, столичные города, особенно центры городов, и прогрессивные люди должны были стремиться именно туда. Переезд на окраины и тем более в отдаленные деревни, лишенные благ цивилизации, — явный вызов идее прогресса в ее «географической» интерпретации.

Социология на перепутьях трудного пути

Добренков В. И.

В статье освещаются ключевые вопросы развития современного российского общества и системы образования. В центре внимания автора поворотные моменты в обществе, образовании и науке. Дан анализ кризисных явлений и показаны возможные пути выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: общество, социология, наука, образование.

Dobrenkov V. I.

Sociology at the crossroads of a difficult journey

The article highlights the key issues of the development of modern Russian society and the education system. The author focuses on turning points in society, education and science. An analysis of crisis phenomena is given and possible ways out of the current situation are shown.

Key words: society, sociology, science, education.

Поражения и победы

15 лет назад в своей первой статье, опубликованной в только что вышедшем номере нового журнала «Социология» за 2004 год¹, я писал о ситуации в стране примерно так. Россия переживает едва ли не самую сложную и драматичную эпоху в новейшей истории. С 1992 года Россия идет курсом либеральных социально-экономических реформ. В результате современное российское общество переживает глубочайший системный кризис, потрясающий основы существования каждого из российских граждан. Разочарование, горечь несбывшихся надежд, чувство обмана охватило десятки миллионов российских граждан, оказавшихся в обществе, к которому они не стремились и которого они не хотели. Реформаторы не знали (да и не хотели знать!) российского общества, не понимали его принципиального социокультурного и природно-географического своеобразия, его отличий от западноевропейского или американского общества. В силу непонимания объекта реформирования механическое следование западным рецептам общественного устройства оказалось для России не просто неэффективным, но, хуже того, губительным для страны. Российское общество зашло в тупик. Духовные и материальные потери, которые понесла Россия за эти годы, неисчислимы. Мы не знаем, куда мы идем, что нас ожидает в будущем, испытываем страх за своих детей, за страну. Всех граждан России охватывает состояние тревоги, незащитности, унижения. Никогда еще в истории России не было ситуации, когда ее судьба была такой непредсказуемой, как сейчас.

С тех пор прошло полтора десятка лет. Срок небольшой для фундаментального изменения обстановки в обществе, но и немалый для того, чтобы улучшения, если они происходили, ста-

ли заметными. В.В. Путин стал президентом России в период, когда страна находилась на самом дне кризисной ямы – дальше падать было попросту некуда. Объем промышленности сократился на 54%, сельского хозяйства на 33%, строительства на 66%. Уровень производства в наукоемких секторах снизился в 6 раз. Такого спада не знала ни одна страна мира. Численность ученых сократилась вдвое, а количество чиновников возросло в несколько раз. Национальное богатство страны за 1990-е годы уменьшилось в 3 раза, ВВП на душу населения упал на 40%, безработица выросла до 12%. Политический авторитет страны был умеренно высоким в годы брежневского «застоя», затем резко повысился в эпоху горбачевской перестройки, и упал в период ельцинских реформ. Россию стали относить к странам с переходной экономикой.

После распада СССР сложилась принципиально новая внешнеполитическая ситуация для России. Россия сократилась в своих геополитических параметрах. Она потеряла ряд важных морских портов, военных баз, курортов. Она не только лишилась традиционных союзников в Восточной и Центральной Европе, но и получила вдоль своих границ ряд государств с недружественно настроенным руководством (особенно в Прибалтике). При сокращении территории протяженность границ увеличилась, к тому же Россия получила новые, не обустроенные границы. Численность населения современной Российской Федерации и занимаемая площадь по сравнению с СССР уменьшилась приблизительно в два раза. Утрачены прямые сухопутные выходы к Центральной и Западной Европе, вследствие чего Россия оказалась отрезанной от Европы.

Значительно пострадала обороноспособность, практически отсутствовали границы с бывшими республиками. Российский флот лишился баз в Балтийском море, предстояло делить черноморский флот с Украиной. Бывшие республики национализировали наиболее мощные военные группировки на своих территориях. Развалилась единая система противовоздушной обороны. Было потеряно былое влияние на страны Центральной и Восточной Европы. Обострились проблемы русских в ближнем зарубежье и беженцев из соседних государств.

Вопреки сопротивлению нашей страны произошло расширение НАТО за счет вступления в нее Венгрии, Польши и Чехии, а также некото-

рых бывших республик СССР. Все бывшие республики СССР, став членами ООН, несколько дистанцировались от России.

Пришедший к власти в 2000 г. президент В.В. Путин взял курс на новую экономическую политику. Ее цели - улучшение инвестиционного климата, модернизация промышленности, интеграция в мировое сообщество, уменьшение вмешательства государства в дела хозяйствующих субъектов. Экономика страны за счет высоких цен на энергоресурсы постепенно восстанавливается. Укрепляется финансовое положение России: значительно уменьшился внешний долг: в 2013 г. он 55,8 млрд долл., т.е. 5-10% от объема ВВП страны, что является одним из самых низких показателей в Европе. Для сравнения: в 1998 г. он достигал 146,4% от ВВП. Россия вышла на 5-е место в мире по объему золотовалютных резервов, уступая только Японии, Китаю, Тайваню и Южной Корее.

Уже первые преобразования В.Путина внушили россиянам оптимизм. Производительность труда возросла на 45% по сравнению с 1998 г. Внедрена эффективная система налогообложения - снижено налоговое бремя при одновременной отмене всех льгот: подоходный налог равнялся 13%, налог на прибыль снижен с 35% до 24%, НДС - с 20% до 18%. В 2000 г. по сравнению предыдущим годом экономический рост составил 10,2%. За 2003 г. объем промышленного производства увеличился на 7%. По информации Роскомстата, с 2000 по 2008 годы и далее, в нашей стране наблюдался исключительно стабильный рост ВВП, тогда же началось возрождение промышленности, сельского хозяйства и многого другого.

По темпам экономического роста в те годы Россия опережала большинство других стран: прирост ВВП за 2003 год в США составил 2,9%, в Японии - 2,6%, а в Евростоне - лишь 0,5%. Рост инвестиций составил 12,5%. Россия вошла в первую десятку самых привлекательных для иностранных инвестиций стран. Кредитный рейтинг страны стал самым высоким за всю историю новой России. Впервые за полвека Россия превратилась из импортера зерна в его экспортера. С 1999 по 2003 г. продажи наших продовольственных товаров на зарубежных рынках выросли в три раза. В 2003-2005 гг. кредитный рейтинг страны стал самым высоким за всю историю новой России. В 2008-2011 гг. ряд российских ком-

паний вошел в число крупнейших европейских и мировых. Некоторые из них – впервые за последние 90 лет – начали серьезную экспансию на мировые рынки, стали заметными участниками международных экономических отношений, серьезными конкурентами зарубежных фирм.

Однако в 2008 г. вместе с другими странами Россия вступила в полосу затяжного финансового кризиса. По всему миру лопались банки и фонды, разорялись предприниматели, рос государственный долг, безработица и инфляция. В нашей стране экономический рост сменился спадом. Профицит бюджета сменился дефицитом, миллионы граждан потеряли работу, стремительно росли цены и коммунальные тарифы. (Для сравнения: уровень безработицы на 2013–2014 гг. составлял в Португалии 16%, Греции – 28%, Испании – 26%, в России – 5,3%). Негативную роль сыграли *экономические санкции* западных стран против России в 2014 г. США ограничили экспорт в Россию высокотехнологической продукции. Поначалу внешний государственный долг России сократился с 158,7 млрд. долл. в 2000 г. до 51,2 млрд. долл. в 2016 г. Однако из-за санкций он вскоре вырос: суммарный внешний долг на начало 2017 г. достиг 518,7 млрд. долл. С 2000 по 2010 г. Россия жила с профицитом, а в середине второго десятилетия XXI века наступила эпоха дефицита – словно бы вернулись «лихие 90-е». Но в 2018 г. впервые за 7 лет бюджет РФ исполнен с профицитом: превышение доходов над расходами составило 2,7% ВВП. Дефицит бюджета в 2017 г. равнялся 1,4% ВВП. прогнозируется, что профицит федерального бюджета России в 2019 г. составит 1,932 трлн рублей. Благодаря своевременно созданной «подушке безопасности» в виде Стабилизационного фонда, а позже Фонда Национального Благосостояния, страна сумела пережить экономические кризисы и катастрофы, например, трехкратное падение цены на нефть. Сегодня социальные обязательства перед гражданами выполняются преимущественно из средств этих фондов.

В ответ наша страна приняла программу импортозамещения, которая позволяет формировать независимую и мощную экономику. К 2017 г. военно-промышленный комплекс почти полностью перестал зависеть от западного импорта, а в остальных секторах промышленности его доля существенно сократилась. Доля оте-

чественных лекарств на внутреннем рынке выросла до 60%; доля импортных продуктов питания в российских магазинах достигла рекордного минимума за весь XXI век – она составляет всего 23% от общего числа товаров; благодаря переориентации на отечественных производителей и увеличению заказов на оборудование для предприятий добывающей и горнодобывающей отраслей, в Екатеринбурге производство машин и промоборудования выросло в 3 раза; Волгоградский регион нарастил объем импортозамещения до 60%; Краснодарский край в три раза увеличил производство комбайнов и сельхозтехники. Сельское хозяйство стало кластером высокопроизводительного труда: при меньших посевных площадях удается собирать все больше урожая с каждого гектара. Россия – глобальный поставщик продовольствия, занимающий первую строчку в мире по экспорту пшеницы, второе место по продажам подсолнечного масла. С 2000 до 2013 г. промышленное производство России увеличилось более чем вдвое. Рост происходил не по финансовым показателям, зависящим от цен, а по физическим. То есть, товаров физически стало в 2 раза больше. В 1999 г. годовая инфляция равнялась 36,5%, в 2010 г. она составила 8,8%, а в 2017 г. – 2,5%. Для сравнения: в 2010 г. инфляция в Индии была 9,5%, в Аргентине – 22%, в Венесуэле – 29,8%, в Египте – 12,8%. С 1999 по 2003 г. продажи наших продовольственных товаров на зарубежных рынках выросли в три раза. Высокими темпами развивались информационные технологии.

Однако в целом роль российской экономики в мировой экономике не очень велика. Она несравнима не только с ролью США, Западной Европы, Японии и Китая, но уступает (или приблизительно равна) роли таких стран, как Бразилия, Индия, Индонезия и ряда других. Промышленный комплекс России находится в достаточно сложной ситуации. Средний возраст работающих на российских предприятиях превышает 50 лет. Износ основных фондов достигает по ряду направлений от 50 до 74%. По уровню развития высоких технологий страна откатилась, по самым скромным оценкам, на 10–15 лет назад, а по некоторым направлениям – даже на 20. Доля машиностроительной продукции в экспорте России составляет чуть более 5%, а вклад научно-технического факто-

ра в прирост валового продукта – менее 10%. Доля России на мировых рынках высоких технологий едва достигает 0,2–0,3%².

Российская экономика слабо готова к будущему – такие выводы содержатся в совместном исследовании Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ от 21.10.2017. Оценивались страны, входящие в G20, по таким параметрам, как доля инновационной продукции, доля сферы услуг в ВВП, экспорт технологий, ВВП на душу населения. По индексу готовности к будущему Россия втрое отстает от лидеров – Германии, Великобритании, США и Японии. Их показатели в рейтинге составили 1,00, 0,96, 0,92 и 0,9 соответственно, а у России всего 0,34. При этом хуже всего к преобразованиям и развитию Россия готова в сфере экономики. В соответствующем рейтинге она заняла предпоследнее, 19-е место. В итоговом рейтинге у РФ – 12-е место из 20 возможных. Впереди – все ведущие экономики Запада. Позади – Мексика, Турция, Индия и Саудовская Аравия³. В 2018 г. уровень жизни в целом по стране вернулся к отметкам 2009 г., а улучшений можно ждать не ранее 2030-х годов. К ухудшению ситуации, по мнению экспертов, может привести принятие в 2018 г. новой пенсионной реформы, постоянный рост цен, угрожающая безопасности страны коррупция, неудовлетворительное функционирование судебной системы, слабая инвестиционная привлекательность страны, отсутствие четкой идеологической программы общества (обостряющееся противостояние между консерваторами и либералами).

Россия никогда не была богатой или зажиточной страной, в отличие, скажем, от США или западно-европейских стран. Скорее ее можно характеризовать как общество с высокой социальной поляризацией, в котором меньшинство сверхбогатых окружено широким слоем умеренно бедных и небольшой прослойкой нищих. В западных странах широкий слой, окружающий сверхбогатых, состоит преимущественно из зажиточных. В этом главное различие между нами и ими, поскольку очень бедные и очень богатые есть везде.

«Исторический оптимизм» и хроническая бедность

Россия никогда не была богатой или зажиточной страной, в отличие, скажем, от США или западно-европейских стран. Скорее ее можно

характеризовать как общество с высокой социальной поляризацией, в котором меньшинство сверхбогатых окружено широким слоем умеренно бедных и небольшой прослойкой нищих. В западных странах широкий слой, окружающий сверхбогатых, состоит преимущественно из зажиточных. В этом главное различие между нами и ими, поскольку очень бедные и очень богатые есть везде.

Недавно Мировая лаборатория неравенства (World Inequality Lab) провела глобальное исследование, посвященное разрыву между богатыми и бедными. Согласно докладу World Inequality Report, неравенство в доходах растет практически во всем мире, а одним из лидеров по этому показателю в последние годы стала Россия. В 2016 г. на 10% самых обеспеченных россиян приходилось 46% национального дохода. Для сравнения, в Китае десятая часть населения получает 41% национального дохода, в Европе этот показатель составляет 37%, в США и Канаде – 47%, в Бразилии, Индии и странах Африки – 55%. По данным Росстата, в 2016 г. доходы ниже прожиточного минимума были у 19,8 млн. россиян, что составляет порядка 13,5% населения. Это показатель стал максимальным с 2006 г., когда на доходы ниже прожиточного минимума приходилось жить 15,2% россиян (21,6 млн. человек). Число людей, живущих за чертой бедности в России, составило уже 22 млн. человек⁴. Президент РФ В. Путин в октябре 2017 г. объяснял, что большой разрыв в доходах между богатыми и бедными во многом обусловлен «шоковой терапией» 1990-х годов.

На наш взгляд, президент сказал не всю правду. Вина не только «шоковая терапия» 1990-х годов, но и ее скрытое продолжение, замаскированное под либеральную экономическую политику 2000-х годов. Дело Гайдара и Ельцина живет и процветает в его последователях, недавно правивших или заправляющих до сих пор всеми делами в России. К нем можно отнести главного «приватизатора» А. Чубайса, бывшего премьер-министра (2000–2004) М. Касьянов, по мнению Forbes, – «одного из самых эффективных премьер-министров в истории современной России», а ныне лидера путинской оппозиции, бывшего министра финансов (2000–2011) А. Кудрина, добившегося погашения внешних долгов РФ, включая и те,

которые нам должны, бывшего министра экономического развития А. Улюкаеву⁵, который 15 декабря 2017 г. приговорен к восьми годам колонии строгого режима и штрафу в 130 млн. руб. за получение взятки в размере 2 млн. долл., нынешнего министра финансов А. Силуанова, призывающего сократить военный бюджет. Доминирование либерального подхода к управлению экономикой блокирует любые попытки модернизации реформ. Можно согласиться с теми, кто считает, что «либеральная система несет невиданный упадок, это новое монгольское иго, египетский плен, ведущий к демографическому кризису и распаду страны»⁶. Это либералы придумали среди прочего антинародную реформу монетизации льгот для пенсионеров.

Либералы всех мастей и поколений, в течение 30 лет толкавшие экономический воз то назад, то вперед, поступавшие так, как это выгодно скорее Западу, чем России, сегодня в один голос кричат: Путин довел страну до нищеты, он поставил страну на грань выживания, унизил РФ в глазах мирового сообщества. При этом они опираются на объективные исследования, в том числе академических институтов, и статистику. Бедность и нищета действительно существует в современной России. С этим не поспоришь. Но кто довел страну до этого или, точнее говоря, кто не смог вывести страну из ямы, находясь все время у власти?

В апреле - мае 2013 г. Институт социологии РАН проводил общероссийское исследование «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя». Проинтервьюировано 1900 респондентов по общенациональной репрезентативной выборке, а также 300 респондентов, отобранных по критерию бедности на основе данных Росстата. Исследование проводилось в 21 субъекте РФ. По статистике, в России официально считаются бедными 8,8% населения, или 12,5 млн. человек. К ним следует добавить бедных не по доходам, а «по лишениям» (т.е. по специальным вычислениям социологов): в 2003 г. к ним относились 39% россиян, в 2008 г. треть населения, в 2013 г. - всего четверть граждан. К бедным принадлежат безработные, инвалиды, пожилые, многодетные, монородительские семьи. Давая общую оценку полученным данным, руководитель исследования академик РАН М.Н. Горшков написал: «Мы страна

небогатых реалистов. Не слишком обеспеченных, не особо наивных, но и к истерикам не склонных. При том, что больше половины населения стоит сейчас на низших или средних ступенях социальной лестницы, люди не драматизируют ситуацию. Или, точнее, свыклись с ней. Большинство населения жизнью в целом довольно: треть (33%) считают, что в целом их жизнь складывается хорошо, 62% - «удовлетворительно». Только каждый двадцатый утверждает, что все «плохо». Доля бедного населения за 10 лет формально (по доходам) сократилась вдвое - с 66 до 30% населения, хотя каждый пятый россиянин обладает всеми признаками человека за гранью бедности. В последние годы люди стали более оптимистичны в оценках. Но за одним исключением. Бедные слои населения чувствуют себя все хуже и хуже, они недовольны жизнью, испытывают тревогу и напряженность, ищут и не могут найти выход из своих проблем. Эмоциональный покой они испытывают вдвое реже обеспеченных сограждан, ощущение подъема - втрое. Агрессивно настроен каждый двадцатый из бедняков. А общество к ним все более равнодушно». Конкретизируя выводы, проф. Н.Е. Тихонова (соруководитель исследования) добавила: «...средний россиянин относится к власти в целом неплохо, а изменения, произошедшие со времен 2000-х годов, считает сдвигами скорее к лучшему. Люди позитивно оценивают то, что в стране сейчас зарплату и пособия выплачивают вовремя, объективно выросли доходы, международное положение страны достаточно прочно. Россияне доверяют президенту страны, хоть и высказывают в адрес властных структур немало критических замечаний - особенно по поводу коррупции и работы правоохранительных структур. Но даже среди бедных 63% поддерживают нынешнюю власть, хотя и оценивают ситуацию в экономике и социальной сфере со знаком минус. Позитивных оценок от этой группы респондентов удостоилась лишь международная политика страны, перемены в Чечне и своевременные выплаты зарплат и пенсий. Главное же, чего хотят небогатые россияне, - чтобы государство строило свою политику по принципу «общего блага», чтобы у людей были равные шансы и возможности, а «социальные лифты» не застревали между этажами. Проблема противоречий между богатыми и бедными, между

чиновниками и гражданами, «олигархами» и остальным обществом очень заботит бедную прослойку населения. То же касается роста тарифов, вымывания из ассортимента дешевых товаров или услуг, отсутствия доступа к хорошему образованию и медицине для всех...»⁷

Путь из бедных в зажиточные крайне долг. Раньше человечество жило много хуже и численность бедных была выше. В Античной Греции 90% населения по меркам того времени проживало в бедности. В Англии эпохи Возрождения около 60% населения считалось бедным. В XIX веке масштаб бедности сократился до 50%. В 30-е годы XIX века только треть англичан относилась к бедным, а через 50 лет - всего 15%. Таким образом, в прошлом бедность была уделом большинства, а сегодня - меньшинства. Но так происходит не везде. В СССР бедных было незначительное меньшинство. Однако после «шоковой терапии» 1992 г. ими оказалось большинство населения.

Таким образом, может произойти и обратная динамика – из зажиточных в бедные. При советской власти, в 1970-80-е годы, большинство населения относилось к среднему классу, а в 1990-е годы это большинство дружно опустилось на уровень бедности. В прессе появилось два понятия - «новые русские» и «новые бедные». В 1992 г. в США к бедным относили 14% населения, а в России - 80%. Иными словами, большинство россиян в 1992, а затем, после кризиса 17 августа, и в 1998 г. оказалась у черты бедности либо перешагнуло его. В 2001 г. более трети россиян, или 36,7% населения имели доходы ниже прожиточного минимума.

Согласно авторам «Проекта тысячелетия ООН», к 2015 г. более 500 млн. человек в мире смогут выбраться из крайней нищеты – слишком краток срок и слишком велико количество нищих. Всемирный банк, опираясь на свои данные, считает, что такое сокращение бедности России не коснется. И уж тем более невозможно за такой краткий срок создать основательные предпосылки развития.

Диспропорция между богатством и бедностью растет не только между странами. В самой богатой стране мира США в 1989-1994 гг. в бедности жили 19% населения. Для сравнения: в Японии – 12%, в Западной Европе – 8%. Если в начале XXI века директор американской фирмы получал в 20-30 раз больше, чем рабочий,

то теперь этот разрыв составляет уже 200-300 раз. Но и директорская зарплата ничто по сравнению с тем, что может заработать на бирже в считанные минуты ловкий спекулянт. За несколько месяцев до Оккупируй Уолл-стрит 2011 г., Нобелевский лауреат экономист Джозеф Стиглиц написал статью «Из 1%, благодаря 1%, для 1%» («Из 1%, для 1% и к 1%») для журнала Vanity Fair. Он возвращается к этой теме в своей новой книге, глядя на то, как неравенство в Соединенных Штатах в настоящее время больше, чем любой другой промышленно развитой стране. Он отмечает, что совокупное богатство шести владельцев Wal-Mart Stores - американской компании, управляющей крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли, действующей под торговой маркой Walmart, эквивалентно совокупному доходу 30% американцев, расположенных в нижней части пирамиды доходов. «Это комментарий к тому, как хорошо быть наверху и как плохо быть внизу», - говорит Стиглиц. «Это символизирует реальную пропасть в нашем обществе, которая день ото дня становится все глубже». Во вторник, Bloomberg News сообщило, что зарплата топ-менеджеров на Уолл-стрите в прошлом году выросла более чем на 20%. В то же время данные переписи показывают, что почти каждый второй в США, или 150 миллионов человек, попали в бедность или могут быть классифицированы как лица с низким уровнем дохода. «Соединенные Штаты являются страной с самым высоким в мире уровнем неравенства [среди передовых промышленных стран], и ситуация становится все хуже, - говорит Стиглиц. - Что еще более тревожно, так это то, мы [также] стали страной с наименьшим равенством возможностей»⁸. В Африке сейчас живут более 160 тысяч человек с личными состояниями, превышающими один миллион долларов. Это вдвое больше, чем на переломе веков. Такая динамика подчеркивает проблему углубляющегося неравенства на фоне сильного экономического роста в беднейших странах мира. К 2024 г. миллионеров в Африке должно стать на 45% больше – примерно 234 тыс.⁹

История вхождения России в глобальный мир еще раз подтвердила то, что либерализм, который Запад во главе с США навязывает народам всего мира, является набором правил, с помощью которых США и Запад обеспечивают себе господство над человечеством в условиях гло-

бализации. Либеральный глобализм – это политика и идеология доминирования Запада над незападным человечеством. США, да и Запад в целом, навязывают миру идеологию и политику либерализма, чтобы обеспечить себе господство над ним. Это, возможно, один из самых главных уроков либеральной глобализации России.

Как нам представляется, созрела необходимость перехода от прозападной глобализации, от глобализации для «золотого миллиарда» к общечеловеческой глобализации, к глобализации для всех, от однополярной глобализации к многополюсной глобализации. В этой связи необходима сплоченность и координация действий «глобального Востока» – всех страдающих от либеральной проамериканской и прозападной глобализации незападных народов, а также всех тех сил на Западе, которые отвергают глобализацию в либеральной форме. Во имя более справедливого и человеческого мира необходимо создание блока наиболее крупнейших стран западного мира Российской Федерации, Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, Мексики, Ираном и других государств, а также сил на Западе, выступающих против либеральной глобализации. Недаром среди российской молодежи и молодежи других стран становится все более популярной фигура Че Гевары – пламенного борца против империалистической глобализации. Необходима солидарность всех актуальных и потенциальных жертв империалистической глобализации во имя глобализации для всех.

Глобальные образовательные вызовы и ответ на них

Более чем двадцатилетний опыт внедрения в России Болонской системы и его верного спутника – ЕГЭ, показал глобальное одурманивание умов молодого поколения, утрату завоеваний советской системы образования и арьергардное место российского образования в мировых рейтингах. В 1999 г. страны ЕЭС договорились о создании «единого образовательного пространства», и эта договоренность была зафиксирована в виде Болонской декларации. Как подчеркивает С.Г. Кара-Мурза, никакого общественного диалога в связи с предстоящей сменой отечественной системы высшего образования не происходило¹⁰. Без обсуждения с российской педагогической общественностью, без

обсуждения с европейской общественностью командным образом Болонскую систему навязали нам либеральные министры образования поколения конца 1990-х и начала 2000-х годов. В результате уровень знакомства с западной программой в нашей стране, особенно среди чиновников, призванных распространять ее на местах, оказался катастрофически низким. Получилось как в сказке: иди туда, не зная куда, бери то, не зная что, внедряй так, не зная как.

В последние 20 лет отечественная наука финансировалась по остаточному принципу, ее финансирование резко сокращалось – как в абсолютном, так и в относительном (доля финансовых вливаний в науку по отношению к национальному ВВП) исчислении. Снижение зарплаты ученых привело к оттоку научных кадров в другие отрасли народного хозяйства, прежде всего в бизнес (внутренняя миграция) и отъезду их в другие страны – «утечка мозгов» (внешняя миграция, эмиграция). Между тем, количество кандидатских и докторских защит неуклонно увеличивалось. Спрашивается, за счет кого? Если талантливая молодежь из науки уходила, то почему выросло количества научных защит? В немалой степени рост произошел за счет тех, кто находится вне научного поля, – представителей бизнеса и чиновничества, кому дипломы нужны для престижа и продвижения по служебной лестнице, т.е. не научных целей. Отечественный интернет сегодня переполнен объявлениями об услугах особого рода – написании курсовых, дипломов, кандидатских и докторских диссертаций за деньги. О.Л. Рыбаковский так пишет по этому поводу: «Для борьбы с этим негативом изобретен малоэффективный метод – публикация (часто за деньги) необходимых для этих защит статей в рецензируемых изданиях и участие в конференциях, проводимых порой лишь с целью доведения до необходимого количества публикаций для выхода на защиту. Вследствие роста необходимых объемов публикаций, они либо заполняются низкопробными сырыми текстами, которые никто не редактирует и почти никто не читает, либо их же многократным тиражированием со сменой названий. Современная научная жизнь переполнена отходами, зерно в котором найти становится все труднее и труднее... всевозможные гранты, российские и зарубежные, превращают многих представителей науки в приспособленцев и

конъюнктурщиков, постоянно подстраивающихся под темы заявок, «прилепляющих» необходимые новые слова из посланий первых лиц государства типа «инновации, нанотехнологии, модернизация, наукоемкие производства и т.п.» к старым темам, над которыми эти представители науки работали и ранее»¹¹. Как считает А. Граник, «сегодняшняя система присуждения ученых степеней в России находится в глубоком кризисе, совершенно не отвечает тем задачам, которые перед ней стоят, является рассадником многочисленных махинаций и приносит серьезнейший урон федеральному бюджету»¹².

Отметим, что оба средства решения кризисной ситуации в отечественной науке – расширение списка публикаций соискателя и исследовательские гранты – позаимствованы министерством из зарубежной практики организации научной деятельности. Там они вполне органичны, традиционны и эффективны. В нашей практике они оказались чужеродным и неэффективным элементом, которым, когда их превратили в административное требование, ученые следовали формально, «для галочки». По существу, девальвируя совершенно рациональные и эффективные принципы организации научной деятельности.

В разряд псевдонаучной, чисто демонстрационной, показушной деятельности, отражающей общий кризис науки, специалисты относят намеренное усложнение методов математической обработки эмпирических данных и «цитирование по поводу и без повода зарубежных ученых»¹³. Превращение Интернета в общедоступную площадку для публикаций породило мириады псевдоученых, выкладывающих на всеобщее обозрение свои опусы, научная достоверность которых весьма сомнительна, теоретическая аргументация которых часто абсурдна, качество и состоятельность которых не контролируется научным сообществом, рецензентами, учеными советами, редакциями академических журналов. «В стране формируется новый тип молодого ученого, возвращенного в условиях глобализации, а равно в условиях повторного развития капитализма в России конца XX - начала XXI вв., безграмотного приспособленца и плагиатора, пользы от которого для науки практически никакой»¹⁴.

Социальный институт науки весьма сложно организован. Наука – это тысячи университе-

тов и лабораторий, институтов, журналов и монографий, библиотек и музеев, миллионы научных сотрудников. Наука как социальный институт складывалась постепенно в последние 300 лет. В это же время формировались институты гражданского общества, национальных государств и рынка. Сегодня карьера организаторов науки уже неотделима от государственной и корпоративной структур и жизни. Обладание научной, ученой степенью, званием, престижной премией доказывает ныне не уровень научных достижений, социальный статус, общественный престиж и популярность их носителей. Организационные формы науки интегрированы в политику и экономику, а выдающиеся ученые часто являются значимыми фигурами на политической арене – как внутренней, так и международной. В коммерциализированно-бюрократизированной системе высшей школы сложилась потогонная система эксплуатации профессорско-преподавательского состава, в которой не осталось места для научно-исследовательской работы, ибо оно занято написанием многочисленных отчетов, справок и докладных в вышестоящие инстанции, погоней за публикациями в высокорейтинговых журналах, преимущественно западных. Из родной страны преподаватели уезжают и превращаются на чужбине в гастарбайтеров.

У этого вполне объективного процесса имеются весьма негативные субъективные издержки: в то время как численность ученых в стране снижалась, количество чиновников, командующих и обслуживающих науку, возрастало. Для сравнения приведем только один факт: на одного ученого в стране приходится почти 500 чиновников, причем половина из них появилась в последние десять лет. Сейчас высококвалифицированных специалистов (в расчете на 100 жителей), способных воспринять и адаптировать науку к технологии и жизни, у нас меньше, чем в развитых странах. Средний возраст профессорско-преподавательского состава российских вузов практически достиг 50-летнего рубежа. При этом доля молодых преподавателей вузов продолжает уменьшаться. Правда, средний возраст российских учителей, по данным международного исследования TALIS, составляет 52 года. Согласно оценкам экспертов Центра социально-экономического развития школы Института образования НИУ ВШЭ, российские

показатели вполне благополучны на фоне средних по странам ОЭСР. «В целом возрастная структура учительского корпуса в России, если и отличается от средней по странам ОЭСР, то весьма незначительно и выглядит достаточно неплохо на фоне признанных стран-лидеров по качеству образования... При этом, сама возрастная структура учительского корпуса более или менее сбалансирована, то есть ожидаемое выбытие учителей пенсионного возраста компенсируется пополнением молодыми кадрами»¹⁵. Специалисты заключают, что баланс молодости и опыта в педагогическом коллективе создаст необходимые условия для качественного роста кадров. Но если проблемы образования кроются не в старении кадров или, выразимся точнее, не столько в их старении, тогда остается предположить, что суть вопроса в организации научной и педагогической деятельности, тесно связанной с духовными ценностями.

Последние 30 лет наше общество переживает разрушительные эксперименты практически во всех сферах жизнедеятельности. Особенно тяжелы последствия разрушений в духовно-нравственной сфере, в области воспитания человека. С учетом этого перед вузовской педагогикой и преподавательской наукой остро встает вопрос о смене парадигмы воспитания подрастающего поколения. Современное молодежное общество России характеризуется нарастанием в нем таких негативных явлений, как жестокость, социальная апатия, наркомания, нетерпимость, бездуховность, алчность, агрессивность, асоциальное поведение и др. С помощью средств массовой информации, массовой «художественной» литературы, кино в обществе утверждается культ насилия, культивируется образ «сильной» личности, свободной от ответственности перед обществом, формируется понимание права личности как права сильного и богатого человека. Наблюдая поведение современной молодежи, отечественные социологи отметили две характерные тенденции: усиление в 1990-е гг. комплекса радикального гедонизма (стремление к удовольствиям и наслаждениям как высшей цели жизни) и страсть к насилию.

Вместе с тем анализируя подходы к организации воспитательной работы в современном вузе, можно отметить, что еще в советское время в стране сложилось немало ценных тради-

ций и форм воспитательной работы, направленных на развитие таких общечеловеческих нравственных ориентиров, как гражданственность, сопричастность общественным интересам и потребностям, разумное чувство коллективизма, уважение к труду. Важную воспитательную роль играли студенческие строительные отряды и трудовые десанты, студенческие спортивные клубы, КВНы, СТЭМы (Студенческий театр эстрадных миниатюр), тематические вечера и т. п. Многие из них не утратили своего значения и от них вряд ли целесообразно отказываться.

Кардинальные перемены в общественно-политической и экономической жизни в нашей стране определяют и пересмотр форм и методов работы с вузовской молодежью. В скором времени студенты вузов, будучи сформированными специалистами, займут ведущие позиции в науке, бизнесе, политике и т. п., и качество их работы и социальной отдачи во многом будет зависеть от духовно-воспитательного потенциала, заложенного в них в студенческие годы.

Мы не сможем увидеть Россию в полной мере могучей и процветающей страной, пока не решим проблему духовного преобразования человека. Если говорить о стратегии развития российского государства и общества, то мы не решим демографические, социальные и экономические проблемы, пока не осознаем, что в основе всего, в том числе и политики, лежит глубокая нравственность. Нельзя заниматься политикой и быть безнравственным человеком; нельзя заниматься бизнесом и быть безнравственным человеком, нельзя обучать студентов и не верить в высокие идеалы. В связи с этим на первый план выходят проблемы воспитания молодежи. В российском обществе происходит возрождение чувства истинного патриотизма как духовно-нравственной и социальной ценности, поэтому у студентов-социологов очень важно сформировать граждански активные, социально значимые качества.

Социально-политические перемены в России существенно уменьшили для многих молодых людей возможности получить поддержку в их стремлении к самодостаточности. Поэтому в настоящее время воспитательные молодежные программы направлены на формирование и развитие у них умений и знаний, которые необходимы в условиях возрастающей жесткой кон-

курении. Новые обстоятельства определяют и методологически новые подходы в воспитательной работе. Они направлены, как правило, на формирование у молодых людей таких качеств как гибкость мышления, духовность, гражданственность, умение сотрудничать, деловитость, креативность, чувство ответственности, чувство национального самосознания и др.). Иными словами, сегодня необходимо стремиться воспитать личность с определенным набором востребованных социумом качеств и способностей, стимулирующих развитие навыков жизнедеятельности в демократическом обществе, но сохраняя духовный стержень – ценности и нормативы русской культуры.

Сегодня специалисты согласны с тем, что в свое время российские чиновники и реформаторы от образования неправильно поняли дух Болонской системы как стратегию восхождения России к «Европе знаний», но восприняли и активно насаждают некий паллиатив – коммерциализированную и крайне упрощенную версию образовательного плюрализма. В конечном итоге их устремления привели к крушению унаследованной от СССР системы подготовки научных кадров, которая была намного ближе к воплощению «болонской идеи», чем нынешняя система образования самых «цивилизованных» стран. Идеология болонской реформы почти неприкрыто прозападная и неявно антироссийская. Она усугубляет или делает необратимым системный кризис «реформируемой» России, системность которого исчерпывается системным обеспечением этого кризиса. Сегодня ни для кого не секрет, что «по многим цивилизационным показателям Россия движется не вперед, а назад»¹⁶.

За прошедшие 30 лет в сфере развития образования сделано очень много, но остаются нерешенными такие задачи, как необходимость формирования прозрачной и эффективной системы контроля качества образования, введение государственных минимальных социальных стандартов в образовании, создание системы государственного образовательного кредитования, переход на отраслевую тарифную систему оплаты труда работников образования, установление минимальной ставки оплаты педагогических работников на уровне не ниже прожиточного минимума.

Среди проблем и такие, как снижение качества образования, отсутствие эффективной го-

сударственно-общественной системы контроля качества образования, неэффективность системы финансово-экономических механизмов ресурсного обеспечения образовательной деятельности на всех уровнях образования, неадекватность существующих образовательных стандартов и программ всех уровней образования возрастающим современным требованиям, низкие темпы обновления технологий обучения. Серьезное влияние на ситуацию в образовании на всех его уровнях оказывают демографические процессы, характерные для современной России.

Движущей силой современной мировой экономики являются знания в форме идей и современных технологий. Резко возросли темпы перемен и обновления, товары и ресурсы с легкостью перемещаются через национальные границы, быстро распространяются новые средства связи и обработки информации в виде сети интернет, мобильной телефонной связи и компьютерной техники.

Высшее образование играет важную роль для приспособления к этим радикальным изменениям. Однако правительствам и вузам придется преодолеть целый ряд старых и новых препятствий на пути к модернизации высшего образования. Например, Россия продолжает искать приемлемое решение фундаментальной проблемы источников покрытия расходов на обучение возросшего числа студентов, сохраняя при этом равнодоступность высшего образования и поддерживая сбалансированность государственного бюджета. Другим важнейшим вопросом является качество преподавания и соответствие учебных программ новым потребностям конкурентной рыночной экономики, основанной на знаниях.

Стратегия факультета и тенденции образования в мировой социологии

Для того чтобы университетским факультетам, в том числе социологическому факультету МГУ, оставаться на уровне мировых тенденций развития науки, а в некоторых моментах даже опережать, необходимо знать эти тенденции и воплощать их на практике. Каковы они?

Первый тренд. Глобализация мировой социологии. В странах БРИК, а также в других регионах мира сегодня укрепляются тенденции

преодоления гегемонии западной социологии и поиск самобытных источников науки об обществе, соответствующих национальной культуре и актуальным запросам общества. Социология в Китае, Индии, ЮАР, Бразилии, Японии сегодня преодолела стадию ученичества у западной социологии, продолжавшуюся с конца XIX века по начало XXI века. Сегодня национальные социологи активно разрабатывают самобытные методологии и теории социологического исследования, предлагая мировому сообществу весьма оригинальные и необычные научные тренды. Российская социология, утратившая преемственность с дореволюционной социологией и переживающая подражательный этап развития, оказалась в арьергарде. До сих пор еще она не способна ответить на современные вызовы, чем-то удивить мировое сообщество, предложить оригинальные концептуальные изобретения, отвечающие глубоким чаяниям своего народа и гражданского общества. Между тем как мировое сообщество, привыкшее к интеллектуальным достижениям России на протяжении последних 200 лет, не только вправе ожидать, но и ожидает социологических открытий.

Обратим особое внимание на уничижительное незначительное внимание, какое сегодня уделяется вниманию отечественной социологии до 1917 г. на всех факультетах российских университетов. Вызывает крайнее удивление, что земская статистика, христианская социология С.Булгакова, теория некапиталистического развития А.Чаянова и многие другие концепции и теории русских дореволюционных социологов, вызывавших неподдельный интерес на Западе, ни в советские времена, ни сегодня никак не освещаются и никак не изучаются. Хотя известно, что только на почве собственной интеллектуальной культуры можно создать индигенную (национально самобытную) социологию – то, к чему сегодня стремятся социологи Китая, Бразилии, Индии, ЮАР, Японии и других ведущих незападных социологий. Еще немного и мы безнадежно отстанем.

Таков первый тренд развития – учет глобальных и глокальных (индигенных) тенденций развития мировой социологии.

Второй тренд. Он вытекает из традиционной слаботы советской социологии, которая делала основной акцент на идеологических и

теоретических тенденциях развития социологии, умаляя математико-статистическую подготовку студентов и мощную полевую практику. В западных университетах (кстати сказать, и незападных, а именно индийских, китайских, бразильских и др.) на первом месте в подготовке бакалавров стоит фундаментальное освоение количественной методологии, математики и статистики. Она подразумевает не только лекции и семинары, но исключительно обширную и самостоятельную практику студентов. Поскольку в последнее время получила активное развитие качественная методология, то практика студентов в проведении включенных и не включенных наблюдений, *action research*, глубинных интервью, социальной работе получает все большее развитие. Но наши студенты редко бывают в госпиталях, сиротских домах, домах для престарелых, не оказывают муниципалитетам помощь в преодолении социального неблагополучия, поддержке малообеспеченных семей и т.д.

Как считают ведущие российские эксперты, окончательно изжила себя система обучения, в основе которой лежит трансляция знаний с упором на пассивную роль обучающегося. Компетентностный подход ориентирован на решение конкретных задач. Внедрение стандартов третьего поколения предполагает построение всех блоков учебных дисциплин по формуле «знать – уметь – владеть». В связи с чем предусматривается широкое использование активных и интерактивных форм занятий (семинаров в диалоговом режиме, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, групповых дискуссий, организация студенческих исследовательских групп, интерактивного общения преподавателя и студентов, Интернет-консультаций, проведение вебинаров и межфакультетских телеконференций) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В бакалавриате доля интерактивных занятий не должна быть меньше 20-30%, в магистратуре – 40-50%¹⁷.

Третий тренд – соединение преподавания с исследованиями и лидирующая роль вторых. У большинства зарубежных университетов есть межфакультетские или факультетские исследовательские лаборатории и статистические бюро, которые на протяжении нескольких десятков лет

накопили солидный банк первичной информации, к которой имеют доступ не только свои, но и чужие студенты, которую ценят и уважают ведущие мировые СМИ и исследовательские центры. В таких центрах не только собирается уникальная информация по фундаментальным и прикладным исследованиям, но опробуются инновационные методы эмпирического исследования, преподаватели укрепляют свой исследовательский опыт, а студенты проходят постоянную практику. На соцфаке МГУ необходимо усилить эту тенденцию, проводить не только заказные, но и бюджетные исследования, посвященные фундаментальным вопросам развития российского общества.

Четвертый тренд – переход традиционного орально-бумажного преподавания на цифровое. Развитие Интернета требует не только создания нового поколения мультимедийных учебников (чего в российской социологии крайне мало или вовсе нет), проведения онлайн-тестирования, вебинаров, Интернет-конференций и т.п., но и выработки новой культуры преподавания. Основной акцент – на самостоятельную работу студентов по доступным в закрытых корпоративных сетях зарубежным источникам монографий и статей (для чего необходима соответствующая подписка и регистрация) – это 70% времени. Профессор, читающий базовые лекции окружен штатом тьюторов – наставников учебного процесса студентов, которые организуют и проводят все практические занятия, следят за тем, чтобы содержательные идеи профессора воплощались в жизнь. На факультете следует создать систему подготовки кадров тьюторов из аспирантов и молодых ученых с новым кругом функциональных обязанностей и профессиональных навыков.

С этой целью в западных вузах разработан, написан и доступен онлайн целый свод инструкций: как написать реферат, как провести групповой проект, написать социологический отчет, реферат, тезисы, аннотацию и др. Необходимо перевести на русский язык лучшие разработки, помещенные в сетях западных университетов, учесть накопленный в нашей стране педагогический опыт (и не только по социологии), объединить все это и затем провести методические эксперименты с преподавателями и студентами по измерению практической эффективности тьюторских инструкций. Это совер-

шенно новый прием и новая стратегия развития педагогической науки, которая давно принята в зарубежных странах, а у нас она еще только формируется. Следует отметить, что нужны не нравоучительные статьи и пособия на псевдонаучном и непонятном студентам (впрочем и преподавателям тоже) нормативном языке, а простое и доступное повествование с практическими примерами.

Для претворения в жизнь формулы «знать, уметь, владеть» от студентов требуется ежедневная (а не так как сегодня – накануне семинара или экзамена) практическая работа – письменные эссе, рефераты, социологические эссе, рефераты, аннотацию к научной статье, программы собственного эмпирического исследования, анализ статистических таблиц и построение графиков, тезисы выступления, анализ прочитанной научной статьи, обзор научной литературы по заданной теме, упражнения, задания, социологические практикумы, социологические игры, эксперименты и т.п.

Соединение электронного обучения с развитием практических компетенций – *пятый тренд* мировой социологии. Общение студентов с преподавателями в режиме онлайн, общение студентов со студентами других групп одного потока, наконец, общение между студентами одной специализации из разных стран – это реальность в развитых странах. Следовательно, компьютеризация и интернетизация образования – главный вызов отечественному образованию сегодня. Как нам ответить на него, механистически не подражая, не заимствуя передовые технологии только для галочки – очень сложная организационная и творческая задача.

По данным сравнительного анализа учебного процесса в российских и западных университетах¹⁸, в западном университете, чтобы стать бакалавром, студент должен затратить в среднем 3600 часов совокупного учебного времени. Российские же образовательные стандарты предусматривают значительно большие временные затраты на подготовку студентов: от 7450 (бакалавр культурологии) до 9300 часов (бакалавр прикладной математики и физики). Аудиторная нагрузка в западных университетах составляет примерно 20–25% учебного времени студента и гораздо больше времени отводится на различные формы самостоятельной работы. Так, в Великобритании студент проводит в аудито-

риях (включая лекции, тьюторские занятия, практикумы, контрольные и т. п.) в среднем 16 часов в неделю, в России же – до 40 часов. Соотношение аудиторных занятий и самостоятельной подготовки в университетах Великобритании составляет 1:2 (1:3). Недельная нагрузка в большинстве высших учебных заведениях составляет 45-50 часов, из которых 15 часов – аудиторные занятия, 30 часов – самостоятельная работа.

На социологических факультетах США намного больше внимания и времени, чем у нас, «отводится на обсуждение материала, а не на его изложение в форме лекции, поскольку базовые положения изложены в учебнике, изучить которые студенты должны до занятий. Лекция лишь обобщает и систематизирует материал для студентов. Да и обсуждение вопросов отличается от нашего семинарского занятия. Широко используются игровые ситуации, обсуждение альтернативных подходов к одному и тому же вопросу в подгруппах с последующей дискуссией между этими подгруппами. Как правило, все студенты должны участвовать в этих обсуждениях, что дает им возможность свободно высказывать собственную точку зрения, а преподавателю – корректировать их ответы, фиксировать уровень подготовки каждого студента»¹⁹.

Самостоятельная работа ориентирована, прежде всего, на подготовку различных письменных работ, развивающих мышление, логику, аналитические способности. Первостепенное значение, придаваемое письменным работам, позволяет западным университетам сделать учебный процесс предельно прозрачным: академические успехи студентов могут быть при необходимости проверены кем угодно и когда угодно. Соответственно, оценки успеваемости выставляются студенту по результатам письменных работ, а также итоговых письменных экзаменов²⁰. Сегодня признана оптимальной направленность образовательного процесса на развитие способностей мышления и выработку практических навыков; изучение процедур и технологий, а не набора фактов; привязка изучаемого материала к проблемам повседневной жизни. Когда акцент смещается с лекции на самостоятельную работу студента, изменяется набор требований к личностным качествам преподавателя. Такие черты, как наблюдательность, рефлексия, остроумие, ораторские способнос-

ти, артистизм, столь необходимые, когда процесс обучения на 70–80% представлял собой аудиторные занятия, утрачивают свое значение, уступая место организаторским способностям, знанию компьютерной техники, умению работать с информационными технологиями, пунктуальности, вниманию к нуждам студентов и др.

Актуальность перехода учебных курсов с бумажных на электронные носители, кардинальная перестройка всего учебного процесса в соответствии с требованиями болонского процесса и достижениями информационных технологий ни у кого не вызывает сомнений. Отдельные попытки, происходившие на нашем факультете в прежние годы, так и не превратились в единую систему информатизации, во многом потому, что не было создано необходимого социологического и научно-методического контента: новых по содержанию учебников и учебных пособий, инструкций для тьюторов по практике проведения семинаров и консультативных занятий со студентами, а также для самих студентов по написанию письменных эссе, проведению социологических практикумов, групповых проектов и дискуссий, студенческой конференции, прохождению семестрового и сессионного тестирования и т.д. Речь идет о развитии на факультете e-Learning – обучения, построенного с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Оно охватывает весь спектр действий, начиная от поддержки процесса обучения, до доставки учебного контента слушателям.

В эпоху тотальной глобализации образование интернализуется нарастающими темпами. По оценкам, в 2025 г. общее количество международных студентов во всем мире должно составить 4,9 млн.²¹ Уже сегодня находящийся в любой точке земного шара студент, если у него есть доступ к информационным технологиям, включая аудио- и видеообщение с преподавателями в «реальном времени», «присутствие» на лекциях и участие «вживе» в семинарах, способен в онлайн-режиме пройти курс обучения и получить исковую академическую степень.

Восприимчивость учебных заведений к переменам являются важными факторами успеха. Именно поэтому многие правительства стимулируют развитие многообразия учреждений высшего образования – как традиционные, так и виртуальные вузы, как исследовательские уни-

верситеты, так и чисто учебные колледжи, как вузы с самыми сложными академическими программами, так и центры переподготовки и повышения квалификации. Студентам, которые могут оплачивать свое обучение или получить кредит, гораздо больший выбор во многих странах предоставляют частные учебные заведения, подталкивая в то же время обновление и модернизацию в государственных университетах. Таким образом, повышается гибкость систем образования в целом, а она играет важную роль для успеха высшего образования в рамках «экономики знаний».

В Западной Европе в школе учатся дольше, чем в России, а потому в университет молодежь поступает более подготовленной и зрелой. Даже разница в один год – у нас 11-летка, а у них 12-летка – имеет принципиальное значение. Оно выражается хотя бы в том, что в западных университетах, в частности в британских, у бакалавров сразу же начинается специализация, а российские студенты первые два курса вынуждены проходить те же самые общеобразовательные предметы, что и в школе.

Спорность введения бакалаврской ступени образования в российских условиях, пишет В. Агудов, видна хотя бы из того, что его инициаторы не позаботились учесть, что за рубежом бакалавриат занимает вовсе не 4 года обучения, как это было декларировано у нас, а целых 6 лет: чтобы поступить в вуз, необходимо еще окончить 11–12 классы средней школы («старшие классы», которые по сути являются младшими курсами вуза) по профилю данного вуза. У нас же аналогичные задачи решаются на 1–2-х курсах самого вуза, где в основном преподаются общеузовские дисциплины (математика, история, философия, языки)²².

Существующий последние 15 лет список общеобязательных дисциплин – так называемый Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины: Федеральный компонент (ГСЭ.Ф.00) – включает 10 дисциплин, которые проходят в школе: иностранный язык, физкультура, отечественная история, культурология, политология, правоведение, русский язык и культура речи, социология, философия, психология и педагогика, экономика.

Сопоставление содержания школьного и вузовского стандартов показывает, что в экономике и правоведении они совпадают на 93%, в

философии – на 84%, в политологии – на 67%, в социологии – на 62%, в культурологии – на 34%.

Практически не представлены в школьном стандарте обществознания психология и педагогика, а для дисциплин русский язык и культура речи, отечественная история и иностранный язык существуют собственные стандарты.

Таким образом, вчерашний школьник, поступающий учиться в вуз, надеется углубить и расширить свои знания, а встречается с теми же самыми предметами. Не случайно, как показывают социологические опросы первокурсников, многие бывают разочарованы. Зачем, спрашивается, студенту повторять отечественную историю, философию или право в том же объеме, что и в школе?

Современные вузы в России вынуждены первые два года топтаться на месте, повторять школьную программу, отставая от европейского образования. И это называется модернизацией и приведением высшей школы к современным требованиям.

Ждать, пока школа перейдет с 11-летки на 12-летку или введет профильное обучение, значит, терять время. Даже после таких изменений никто не даст гарантий, что вузы не будут дублировать школьную программу.

В качестве реальной меры, помогающей найти хоть какой-то разумный компромисс, предлагается сделать Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины: Федеральный компонент (ГСЭ.Ф.00) специализированными, профильными. Это означает приближение философии, политологии и других социально-гуманитарных дисциплин к профилю того факультета, где они преподаются.

Наиболее ярко специализация, или профилизация видна на примере социологических факультетов страны. Им можно разрешить так развернуть содержание, скажем, стандарта по истории отечества, чтобы больше учитывать социальные проблемы, с которыми на разных исторических этапах сталкивалось общество, прежде всего российское. Разумеется, не обязательно все время посвящать истории классовых борьбы, но историю таких социальных институтов, как образование, церковь, семья, государственная дума, или историю общественных движений и миграций, в том числе крестьянских переселений излагать необходимо. Социо-

лог не может состояться как профессионал, если он не знает социальную историю того общества, в котором живет.

Модифицировать, оставив суть, можно также курсы правоведения, философии, культурологии, экономики. Кстати сказать, культурология скверно представлена и в школьном, и в вузовском стандарте. Это уровень не 2000-х годов, а начала 1990-х.

Вузовская философия практически полностью повторяет школьную за одним исключением – категории бытия. Спрашивается, для чего нужно такое дублирование? Не лучше ли в курсе философии основное внимание уделить не этическим категориям, морали и справедливости, а методологии научного познания, логике исследования, технологии мышления? Это как раз то, что пригодится выпускнику университета на практике, причем не обязательно только социологу. Именно логика и методология мышления формируют фундаментальное образование и вместе с тем помогают становлению практических компетентностей.

Сегодняшние студенты, судя по опросам, мало читают научно-популярную и общественно-политическую литературу, документалистику в газетах и журналах, не говоря уже о научных статьях и монографиях по социологии, не заходят на соответствующие сайты в Интернете, не смотрят документальные и познавательные фильмы. Современные студенты и школьники – в основном сетевое поколение. Информационные коммуникационные технологии стали их рабочим инструментом. И если студент не идет в библиотеку, следовательно, библиотека должна прийти к студенту. В новом проекте предусмотрено построение огромной базы данных, куда войдут не только отсканированные либо доступные в Интернете тексты классиков социологии, монографии, статьи, но также публицистика, документы, фото и видео материалы, учебные, научно-популярные и публицистические фильмы и т.д., которые помогут более глубоко освоению социологии. Ссылки на них будут в обязательном списке учебника, они могут и должны использоваться по самостоятельной домашней работе, подготовке устных докладов и письменных эссе, работе на семинарах. Такая база данных будет полезна как студентам, так и преподавателям. Она будет охватывать все или большинство тем, изучаемых на социоло-

гическом факультете, причем на разных языках. Хотя широкий спектр методов дистанционного обучения позволяет выбирать метод с учётом индивидуальных требований и предпочтений слушателя, E-learning не исключает общение с преподавателем лицом к лицу. Инновации в образовании предполагают, в частности, включение в реальный образовательный процесс современных информационных образовательных технологий (учебно-методических комплексов, виртуальных лабораторий, мультимедийных учебников, моделирующих комплексов, тестирующих программ и т.д.).

Выход на новые и более высокие рубежи социологического образования и академической социологии требует серьезных изменений. Необходимость кардинальной перестройки учебного процесса, а она предполагает также переобучение преподавателей, организацию экспериментов по отработке комплекса методических материалов, переписывание всех учебников и учебных пособий, создание учебных фильмов, электронной библиотеки на тысячи и тысячи единиц информации, выделение соответствующего финансирования, сотрудничество с компаниями, производящими электронные инструменты и программы, обусловлена рядом важных обстоятельств.

В процессе разработки должны использоваться лучшие практики педагогического дизайна, соответствующие международным стандартам. Для решения поставленных задач намечается партнерское сотрудничество с ведущими отечественными и международными компаниями, создающими электронные и мультимедийные образовательные комплексы. Обеспечение электронного продукта высокого качества невозможно без участия в его разработке ведущих специалистов в конкретной области, педагогических дизайнеров, ИКТ-специалистов высшей квалификации (программистов, системных администраторов, системных аналитиков и т.д.).

Ссылки:

1 См.: Добреньков В.И. Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды) // Социология, 2004, №1.

2 Кузык Б.Н. Инновационное развитие России: сценарный подход. Научный доклад. – М.: Институт экономических стратегий, 2009. Элек-

тронный ресурс: <http://www.biblioclub.ru/book/63680/>

3 Источник: АВМС Media со ссылкой на ВЦИ-ОМ и «Валдай» 21.10.2017

4 Газета.ru 15.12.2017

5 Приговором Улюкаеву была недовольна вся либеральная элита страны от Г. Явлинского до А. Навального.

6 Одинцов А. РФ на крючке у Запада. Почему в РФ правит либерализм? // Newsland.com 26.06.2015

7 Источник: Добрынина Е. В пользу бедных // Российская газета. 21.06.2013 <https://rg.ru/2013/06/21/bednost.html>

8 Stiglitz J. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future // DemocracyNow.org 6/06/2012 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=olKOPRqH4&feature=related>

9 Источник: <http://inosmi.ru/world/20150918/230318239.html>

10 Кара-Мурза С.Г. РФ и Болонская конвенция // http://iwolga.narod.ru/docs/inf_w/bolon.sow

11 Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 35.

12 Граник А. Как остановить девальвацию ученых степеней // <http://www.polit.ru/article/2008/06/24/vak/>

13 Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечествен-

ной и зарубежной науки) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 36.

14 Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 36.

15 Беликов А.А., Заир-Бек С.И. «Не только факты»: Поговорим о возрасте... // Учительская газета. 3 августа 2018 года

16 Келле В.Ж. «Высокое соприкосновение» в наши дни // Наука. Общество. Человек. М.: Наука, 2004, с.73.

17 Обсуждение образовательного стандарта «Социология» // <http://www.nbulaev.ru/news/1857-aleksandr-chepurenko-vuzam-eshhe-tolkopredstoit-osvoit-kompetentnostnyj-podhod>

18 Шанин Т. Западный и российский подходы к подготовке специалистов // Социологический журнал. 2001. № 1

19 Титаренко Л.Г. Методические аспекты совершенствования преподавания социологии с учетом зарубежного опыта // Социол исслед., 2000, № 8. с.136.

20 См.: Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Том 8. Социализация и образование. М., 2005.

21 Blight D. International Education: Australia's Potential Demand and Supply. Canberra: International Development Programme Education Australia, 1995.

22 Агудов В. Двудесятилетняя задача обществоведческого цикла // Высшее образование в России. 1999. № 5. с. 32-38.

Компетентностная сущность реферативной деятельности

Дудник Л.В., Путиловская Т.С.

В статье рассматриваются важнейшие особенности реферативной деятельности как одного из способов обработки текстовой информации. Особое внимание уделяется реферативной компетенции, включающей многочисленные умения и навыки, и рекомендациям по написанию рефератов.

Ключевые слова: реферат, реферативная деятельность, реферативные действия, компетенция, умения и навыки, алгоритм.

Dudnik L.V., Putilovskaya T.S.

Competence essence of synopsis-writing activity

The article looks at the main features of synopsis-writing activity as a way of dealing with text information. Emphasis is placed on synopsis-writing competence in a wide range of skills and a set of instructions used for writing synopses.

Key words: synopsis, synopsis-writing activity, synopsis-writing actions, competence, skills, algorithm.

Объем информации в мире постоянно увеличивается, и реферирование как один из способов обработки текстовой информации приобретает все большее значение в различных сферах деятельности, прежде всего, в системе образования и подготовки научных кадров.

В настоящее время реферирование иноязычных текстов включено в учебные программы по иностранному языку языковых и неязыковых вузов. Анализ рефератов, составляемых студентами, магистрантами и даже аспирантами, показывает, что у них не всегда есть четкое представление о том, каким должен быть реферат и как его писать. Очень часто реферат представляет собой краткое изложение содержания реферируемой статьи по своему усмотрению или её обычный пересказ. Такое упрощенное представление о реферировании является результатом незнания требований, предъявляемых к рефератам, и процедуры их составления, а также отсутствия четких методических рекомендаций по составлению и оформлению рефератов.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы дать краткую характеристику реферативной деятельности, представить перечень основных умений и навыков, необходимых для составления рефератов, и предложить алгоритм составления реферата иноязычного текста и варианты реферативных действий по его оформлению.

Данная статья является практической реализацией идеи о компетентностном характере модели реферативной деятельности, предложенной Т.С.Путиловской в работе «Роль стратегической составляющей коммуникативной компетенции в обучении академическому письму» [6]. Компетентностный подход позволяет построить такую модель обучения, которая дает возможность пошагово сформировать у обучающихся умения и навыки, необходимые для осознанного осуществления реферативной деятельности.

Реферат представляет собой краткое изложение содержания реферируемой статьи или книги (текста), являющееся результатом сложного аналитико-синтетического анализа текстовой информации, ее интерпретации с точки зрения значимости для заказчика и содержательно-смысловой компрессии текста в соответствии с определенными требованиями с целью передачи основной информации реферируемого текста в письменной или устной форме [4, с. 95].

Реферат должен включать название реферируемой статьи на иностранном и русском языках, библиографические данные статьи, формулировку основной темы или проблемы (если текст имеет проблемный характер), краткое содержание положений, раскрывающих основную тему, или способов решения основной проблемы, отношение автора к предмету речи и основную идею / вывод(ы) реферируемого текста. В реферате не должно быть общеизвестной, малосущественной и дублирующей информации, развернутых доказательств и рассуждений.

Содержание реферата зависит от характера информации реферируемого текста и интересов заказчика. Объем реферата составляет примерно 1/3 объема реферируемого текста.

В реферате, как правило, используется дедуктивный метод изложения информации в виде описания или повествования. Стиль реферата должен соответствовать стилю реферируемого текста, но в отличие от реферируемых текстов в рефератах описание/ повествование осуществляется в третьем лице, широко используются ссылки на автора текста или сам текст.

Образец реферата статьи

Реферируемая статья называется *How to Improve International Order* (Как усовершенствовать международный порядок), написана (кем?) и опубликована (где?) Автор статьи рассматривает основные направления реформирования ООН как важнейшего инструмента поддержания международного порядка.

В начале статьи автор отмечает, что после 11 сентября 2001 г. Совет Безопасности (СБ) ООН не принял никаких существенных мер по поддержанию международного мира и безопасности и фактически продемонстрировал неспособность выполнять основную задачу, возложенную на него Уставом ООН. По его мнению, необходимым условием стабильности в мире

является совершенствование международного правопорядка, и ключевым звеном здесь должна быть реформа структуры, полномочий и методов деятельности ООН.

Далее автор перечисляет основные направления реформы ООН, которые были разработаны еще в середине 90-х гг. в рамках самой ООН с участием других международных организаций.

1. Расширение числа постоянных членов СБ ООН. Формат расширения предлагается различный – от придания Германии и Японии статуса постоянных членов СБ до закрепления в этом качестве 15 наиболее значимых государств. Автор считает, что целесообразным является наиболее радикальный вариант.

2. Ограничение и даже частичное исключение возможности применения права вето при голосовании в СБ. Здесь также предложены разные варианты. Автор выступает за самый радикальный вариант, который предусматривает неприменимость права вето при принятии решений, касающихся использования вооруженных сил.

3. Введение в странах-членах ООН с целью дополнительного финансирования этой организации специального налога (сбора), которым бы облагались международные морские, железнодорожные и авиационные перевозки.

Автор, однако, считает, что для совершенствования международного правопорядка перечисленных направлений недостаточно, и предлагает более радикальные направления.

1. Закрепление в Уставе положения о том, что страна-член ООН не вправе сроком более чем на один год размещать вооруженные силы за пределами своей государственной территории без согласия СБ. Реализация этой идеи позволила бы ликвидировать все военные базы, находящиеся за пределами национальной территории.

2. Учет при голосовании в Генеральной Ассамблее не только количества государств-членов ООН, но и численности их населения (1 голос на каждые 10 (вариант: 100) млн. жителей).

3. Усиление роли ООН в процессе мирного разрешения межгосударственных территориальных споров путем использования нетривиальных методов (например, совладение спорящими государствами спорной территорией).

Автор предполагает, что некоторые страны, в первую очередь США, не проявят желания

возложить на себя какие-либо дополнительные ограничения международно-правового характера. Поэтому в заключительной части статьи он предлагает организовать массовое международное движение за реформу ООН. По его мнению, именно таким образом может быть начат процесс создания основы совершенствования международного правового порядка.

Процесс реферирования можно рассматривать как последовательное осуществление взаимосвязанных реферативных действий, направленных на передачу на русском языке основного содержания реферруемого текста. Под реферативным действием понимается процесс, направленный на достижение субъективно осознаваемой промежуточной цели деятельности по составлению реферата.

Реферативные действия бывают двух типов:

- 1) действия, направленные на решение задач по восприятию реферруемого текста;
- 2) действия, направленные на решение задач по составлению реферата.

При осуществлении реферативных действий по восприятию реферруемого текста референт решает задачи, по крайней мере, двух типов:

- 1) поиск основной (существенной) информации в реферруемом тексте;
- 2) содержательно-смысловая компрессия текста.

Поиск основной информации целесообразно осуществлять на уровне предложения и абзаца [3].

Индикаторами основной информации в английском тексте могут быть лексические, грамматические, стилистические и пунктуационные языковые средства и способы.

Из лексических языковых средств такими индикаторами могут быть различные части речи:

- сильные глаголы (strong verbs): climb, dive, jump, plummet, plunge, shoot up, sink, slump, soar etc.;

- прилагательные-усилители (intensifying adjectives): abrupt, absolute, complete, considerable, dangerous, dramatic, enormous, essential, entire, fantastic, huge, important, imperative, impressive, major, outright, perfect, prominent, remarkable, significant, substantial, total, tremendous, vital etc.;

- наречия-усилители (intensifying adverbs): absolutely, completely, considerably, dramatically etc.;

- фокусирующие наречия (focusing adverbs): chiefly, especially, exclusively, mainly, mostly, only, particularly, predominantly, primarily, principally, specially, specifically etc.;

- существительные (nouns): emphasis, accent, importance, key, priority, prominence, stress etc.

Из грамматических языковых средств индикаторами существенной информации являются следующие способы:

- изменение нормативного порядка слов: Under no circumstances should we do it.

- расположение вопросительного слова «what» перед подлежащим: What we need is a new strategy.

- расположение в повествовательном предложении вспомогательного глагола перед основным глаголом: We do see a need for change.

- Использование особых фраз: It is ... that (who, whom), It is imperative/ essential/ important/ vital to ..., It is of crucial importance that ..., What is more important..., But even a more important thing is ... etc.

Все эти грамматические средства являются так называемыми эмфатическими конструкциями, которые служат для выделения особо важной информации.

Из стилистических способов выделения существенной информации часто используется повтор ключевого слова: We are facing an economic challenge, a social challenge and a political challenge.

Наконец, в качестве ориентиров существенной информации выступают и пунктуационные средства (запятые, скобки, тире, кавычки и др.). Например, если определительное придаточное предложение выделяется запятыми, то оно содержит второстепенную информацию. Если же оно не выделяется запятыми, то в нем содержится важная информация. Ср.:

Getting a good job, which everyone has a right to, is not easy.

Simon is a person who has most experience.

По используемым автором текста языковым средствам можно также судить и о его отношении к предмету речи. Такими средствами, например, являются наречия, располагаемые в начале предложения: absurdly, admittedly, conveniently, curiously, fortunately, incredibly, interestingly, ironically, naturally, oddly, paradoxically, significantly, surprisingly, unbelievably, unexpectedly, unfortunately.

Конечно, автор может использовать особые фразы, передающие его личное отношение к предмету речи: What I'd like to stress / point out/emphasise is ..., I really must stress that ..., I firmly believe that ..., I feel quite sure that ..., I'm absolutely convinced that ..., It's perfectly clear to me that ..., It's impossible to over emphasise the importance of ...

На уровне абзаца поиск основной информации осуществляется путем нахождения в нем ключевого предложения (topic sentence), в котором выражена основная мысль (идея) абзаца. Место ключевого предложения зависит от типа (структуры) абзаца. Различают дедуктивный, индуктивный, стержневой и рамочный типы абзацев [1, с. 30].

Дедуктивный тип абзаца начинается с обобщения, за которым следуют конкретные положения. В нем основная мысль выражена в первом предложении.

Индуктивный тип абзаца начинается с конкретных положений и заканчивается обобщением. В нем основная мысль выражена в последнем предложении.

Стержневой тип абзаца представляет собой смысловой фрагмент текста, в котором изложение начинается с частных положений, далее следует обобщение, которое потом уточняется или конкретизируется.

Рамочный тип абзаца представляет собой смысловой фрагмент текста, в котором изложение начинается с обобщения, детализируемого и развиваемого с помощью частных положений, а затем основная мысль вторично обобщается в конце абзаца.

Важно иметь в виду, что существенная информация может содержаться и в других предложениях абзаца, с помощью которых автор может дополнять, уточнять и конкретизировать основную мысль, приводить аргументы, указывать причину или следствие действия и др.

Если сформулировать основную мысль каждого абзаца реферируемого текста, то его смысловое содержание можно представить в виде иерархии предикатов (смыслов) разного уровня [8]. Основные мысли соотносятся с предикатами первого порядка, дополнительные мысли — с предикатами второго порядка, уточняющие мысли — с предикатами третьего порядка и т.д. Например [9, с. 18],

Иерархия предикатов текста

A. Professor Talbot is a capable teacher.

1. He is patient.

1) Explains his points fully.

2) Listens willingly to all student questions.

2. He expresses himself clearly.

1) Speaks slowly.

2) Speaks loudly.

3. He organizes his classes well.

1) Gives schedules of assignments ahead of time.

2) Returns papers and tests promptly.

4. He has a good sense of humour.

B. Professor Talbot succeeds as a college instructor.

(A, B – предикаты первого порядка, 1, 2, 3, 4 – предикаты второго порядка, 1), 2) – предикаты третьего порядка)

Такой подход к анализу реферируемого текста позволяет понять его структурно-логическое построение и содержательно-смысловую сущность.

Здесь важно понимать, что смысл не всегда есть содержание понятий, передаваемых с помощью языковых знаков. Понятие включает объективно сложившуюся в процессе истории систему связей. Смысл же есть то, что субъект выделяет из этой объективной системы связей в данный момент, т.е. те значения, с которыми языковые знаки используются в данном контексте.

Уточняя понятие смысла, Р.К. Миньяр-Белоручев пишет, что смысл есть производное от сопоставления двух видов информации — семантической и ситуационной [5, с. 38]. Под семантической понимается информация, содержащаяся в анализируемом фрагменте текста, а под ситуационной — информация об экстралингвистических факторах акта коммуникации. При сопоставлении этих двух видов информации происходит объективация умственной картины, сложившейся в сознании субъекта при восприятии фрагмента текста, соотнесение содержания этого фрагмента с объективной действительностью, условиями коммуникации, предполагаемыми мотивами и целями автора текста. В процессе объективации содержания фрагмента текста субъект уточняет истинность содержания и окончательно определяет его смысл.

Компрессия реферируемого текста достигается также путем обобщения информации, т.е. путем абстрагирования от частных признаков и

синтеза наиболее существенных признаков предмета, явления или события действительности и путем объединения нескольких предикатов, т.е. включения в одно предложение нескольких предикатов, относящихся к одной и той же теме, одному и тому же субъекту действия и т.п.

При осуществлении реферативных действий по составлению реферата референт решает следующие задачи:

1) задача по формированию и формулированию основной темы или проблемы рефератуемого текста;

2) задачи по формированию и формулированию положений, раскрывающих содержание основной темы или способов решения основной проблемы;

3) задача по формированию и формулированию основной идеи и/или выводов текста.

Эти реферативные действия могут осуществляться разными способами. Способ представляет собой психологическую операцию реализации действия. Существует три способа осуществления реферативных действий:

1) смысловой способ, предполагающий передачу содержания фрагмента рефератуемого текста или всего текста своими словами;

2) переводной способ, предполагающий упрощенный или профессионально выполненный перевод фрагмента текста;

3) комбинированный способ, предполагающий использование первых двух способов для реализации одного реферативного действия.

Реферативное действие может быть ограничено рамками одного предложения, но может выходить за его пределы. Оно может включать один тезис, т.е. утверждение автора рефератуемого текста, или один тезис и основание в виде аргументов, фактов, примеров и т.п., приводимых автором этого текста.

При осуществлении реферативных действий важно добиваться целостности и связности реферата.

Используемое в лингвистике текста понятие целостности понимается не только как соотнесенность используемых в тексте языковых средств с одним и тем же объектом действительности (предметом речи), но и как смысловое единство. Это означает, что рассматриваемые в реферате положения/вопросы должны иметь непосредственное отношение к основной

теме, раскрывать ее. Суть феномена содержательно-смысловой целостности реферата заключается в единстве основной темы и иерархии раскрывающих ее смыслов. А структурная связность должна обеспечиваться не только с помощью грамматических и лексических языковых средств, но и самой логикой повествования. Структурная связность реферата проявляется, прежде всего, в его логико-смысловом построении и обеспечивает единство текста реферата как смыслового целого.

Таким образом, даже краткая характеристика реферативной деятельности показывает, какой сложный и многоаспектный характер имеет реферативная компетенция. С одной стороны, способность осуществлять реферативную деятельность предполагает наличие определенных знаний, умений и навыков, необходимых для правильного понимания иноязычных текстов и интерпретации содержащейся в нем информации с учетом интересов заказчика. С другой стороны, она предполагает владение умениями и навыками, обеспечивающими составление рефератов на родном языке в соответствии с предъявляемыми к ним требованиями в письменной или устной форме. Соответственно, эти многочисленные умения можно разделить на две группы:

1) умения, необходимые для понимания рефератуемого текста и интерпретации текстовой информации;

2) умения, необходимые для составления и оформления реферата.

Наиболее важные умения первой группы:

- умение определять лексические, грамматические и стилистические значения языковых знаков и смысл предложения;
- умение определять тип текста и его стилистическую принадлежность;
- умение определять связи и отношения между предложениями абзаца и различными частями текста;
- умение осуществлять поиск основной информации текста, дифференцировать основную и второстепенную информацию;
- умение определять логико-смысловую структуру абзаца и текста;
- умение осуществлять смысловую компрессию текста;
- умение определять отношение автора текста к предмету речи.

Наиболее важные умения второй группы:

- умение сформулировать библиографические данные реферируемого текста;
- умение четко сформулировать основную тему / проблему текста;
- умение излагать основную информацию текста в строгой логической последовательности;
- умение добиться цельности и связности реферата;
- умение делать ссылки на автора текста или сам текст;
- умение сформулировать отношение автора текста к предмету речи;
- умение сформулировать основную идею текста / вывод(ы);
- умение соблюдать нормы речи.

Кроме владения перечисленными умениями необходимо также знать алгоритм составления реферата. Ниже предлагается последовательность реферативных действий и их краткий комментарий [2].

1. Просмотрите предложенный текст и сформулируйте письменно его основную тему / проблему, т.е. ответьте на вопрос «О чем идет речь в данном тексте?» / «Какая проблема рассматривается в данном тексте?» Определите жанрово-стилистическую принадлежность текста.

2. Внимательно прочитайте текст еще раз по абзацам. Найдите в каждом абзаце ключевое предложение, в котором выражена основная мысль абзаца и сформулируйте ее в письменном виде на русском языке. Отметьте также информацию, дополняющую или конкретизирующую основную мысль, если вы считаете, что эту информацию необходимо включить в реферат. Если в абзаце содержится особо важная информация, отметьте ее восклицательным знаком.

3. Внимательно прочитайте последний абзац и сформулируйте письменно основную идею текст/вывод(ы). Если основная идея текста не выражена эксплицитно, просмотрите свои записи и сформулируйте ее сами, т.е. ответьте на вопросы «Какой вывод «напрашивается» из всего сказанного?», «Что автор текста хотел этим сказать?», «Зачем он написал эту статью?». Если вы поняли содержательно-смысловую сущность текста, то ваше умозаключение будет правильным.

4. А теперь приступайте к написанию реферата. В первом предложении укажите название реферируемого текста, кем он написан, где и когда опубликован. Уточните и сформулируйте основную тему/проблему текста. Не дублируйте заголовков. Используйте следующие фразы [7]:

- Реферируемая статья называется (как?)..., написана (кем?)... и опубликована (где?) ...
- В реферируемой / данной / настоящей статье речь идет / говорится (о чем?) ...
- В реферируемой статье содержится / дается описание / изложение / анализ / характеристика / обзор (чего?) ...
- В реферируемой статье рассматривается / освещается / описывается / излагается / анализируется / характеризуется (что?) ...
- Реферируемая статья представляет собой изложение/описание/анализ/ обзор (чего?) ...
- Реферируемая статья посвящена (чему?) ...
- Автор реферируемой статьи рассматривает / показывает / освещает / излагает / анализирует / исследует (что?) ...

5. Просмотрите свои формулировки основной мысли каждого абзаца и определите структуру реферата. Она может совпадать со структурой реферируемого текста, но вы можете изменить ее в соответствии со своим замыслом.

6. Кратко изложите содержание основной темы/рассматриваемых способов решения проблемы реферируемого текста, используя свои формулировки основной мысли абзацев и фразы, обеспечивающие цельность и связность реферата, переходы от одного положения/ вопроса к другому. Для содержательно-смысловой компрессии реферируемого текста используйте приемы обобщения и объединения информации. Здесь уместными могут быть следующие фразы:

- Статья состоит из введения и трех разделов
- В начале статьи / Во вступительной части статьи говорится / ставится вопрос (о чем?) ...
- В первом разделе автор рассматривает / раскрывает / анализирует (что?) ... / показывает (что?) ... / излагает точку зрения (на что?) ... / останавливается (на чем?) ...
- Рассматривая / Анализируя / Характеризуя (что?) ..., автор пишет / показывает / отмечает / утверждает / доказывает / подчеркивает, что...
- Говоря (о чем?) ..., автор отмечает, что...

- Сопоставляя / Анализируя разные точки зрения относительно (чего?) ..., автор ...
- Значительное место автор отводит (чему?)
- ...
- Большое внимание автор уделяет (чему?)
- ...
- Другие средства связи: затем, далее, во-первых, во-вторых, также, кроме того, наконец.
- Не забудьте выделить особо важную информацию:
 - Специальным предметом анализа является (что?) ...
 - Автор подчеркивает, что ... / указывает на то, что ...
 - Рассматривая / Анализируя / Описывая (что?) ..., автор уделяет особое внимание / особое внимание уделяет (чему?) ... / обращает внимание (на что?) ... / сосредоточивает / акцентирует внимание (на чем?) ...
 - Отмечая / Подчеркивая важность / актуальность (чего?) ..., автор ...
 - Вместе с тем / Однако, как подчеркивает / указывает автор, ...
 - Итак / Таким образом / Следовательно, ...
- В процессе изложения основного содержания реферлируемого текста делайте ссылки на автора текста или сам текст там, где они уместны. Отражайте также по ходу повествования позицию автора, т.е. его отношение к предмету речи. Используйте для этой цели следующие фразы:
 - По мнению / словам автора...
 - Как утверждает / считает / подчеркивает автор, ...
 - Вместе с тем, как отмечает автор, ...
 - С точки зрения / Согласно мнению автора, ...
 - Как представляется автору, ...
 - Рассматривая / Отмечая (что?) ..., автор ...
 - Говоря (о чем?), автор ...
 - Автор одобряет / отстаивает / защищает (что?) ...
 - Автор критикует / опровергает / отрицает / разоблачает / подвергает критике (что?) ...
 - Автор соглашается / не соглашается (с кем? с чем?) ... / разделяет / не разделяет мнение / точку зрения (кого?) ... / относительно (чего?)
- ...
- Критически рассматривая (что?) ..., автор
- ...
- Полемизируя (с кем?) ... по вопросу (какому?) ..., автор ...
- Автор на конкретных примерах убедительно показывает, что ...
- Автор подтверждает / доказывает свою точку зрения конкретными данными / примерами.
- В подтверждение своей точки зрения автор приводит ряд доказательств.
- Свои рассуждения (о чем?) ... автор иллюстрирует конкретными примерами.
- При этом автор ссылается (на кого? на что?) ... / приводит слова (чьи?) ... / опирается на мнение (чье?) ...
- Причину этого автор усматривает (в чем?)
- ...
- Данный тезис / Данное положение подтверждается / иллюстрируется / доказывается (чем?) ...
- Наконец, уточните и четко сформулируйте основную идею текста / выводы автора. В заключительной части реферата обычно используются следующие фразы:
 - В заключение автор приходит / подводит читателя к выводу, что... / делает вывод, что ... / еще раз обращает внимание на то, что... / пытается убедить читателя в том, что ...
 - Автор завершает рассмотрение (чего?) ... следующим выводом ...
 - Завершая анализ (чего?), автор делает следующие выводы...
 - Рассмотренные факты / примеры позволяют автору сделать следующий вывод ...
 - В заключительной части делается вывод / подчеркивается, что ...
 - На основании полученных данных делается вывод, что ...
 - Статья заканчивается / завершается выводом о том, что ...
 - Итак / Таким образом / Следовательно, ...
- 7. Проверьте составленный реферат с точки зрения содержания (в нем не должно быть второстепенной информации, повторов, рассуждений, доказательств и т.п.), структуры (логика повествования должны быть безупречной, цельность и связность реферата не должны быть нарушены) и формы (наличие характерных для реферата фраз, соблюдение норм русского языка и стиля).
- Итак, мы рассмотрели важнейшие особенности реферативной деятельности, реферативной компетенции и алгоритма составления рефератов иноязычных текстов. Мы считаем, что

такой подход к реферативной деятельности будет полезным и для преподавателей иностранного языка, и для обучающихся. Мы также надеемся, что овладение перечисленными умениями и соблюдение предлагаемой процедуры составления рефератов студентами будет побуждать их читать «по-реферативному» не только реферируемые, но и другие тексты научного и официально делового стилей, и порождать свои собственные тексты с учетом требований, предъявляемых к рефератам.

Литература

1. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. – М.: «Высшая школа», 1985. – 127 с.
2. Дудник Л.В. Алгоритм составления рефератов иноязычных текстов. / Актуальные проблемы управления – 2018: материалы 23-й Международной научно-практической конференции. Вып. 1/ Государственный университет управления. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – Сс. 90-94
3. Дудник Л.В. Поиск существенной информации в реферируемом тексте./ Актуальные проблемы управления – 2014: материалы 19-й Международной научно-практической конференции / Государственный университет управления. – М.: Издательский дом ГУУ, 2014. – Сс.
4. Дудник Л.В. Продукт реферативной деятельности./Актуальные проблемы управления – 2018: материалы 23-й Международной научно-практической конференции. Вып. 1/ Государственный Университет Управления. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – Сс. 94-97
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
6. Путиловская Т.С. Роль стратегической составляющей коммуникативной компетенции в обучении академическому письму. – Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. – 2017 №4. – Сс. 200-210
7. Токарева Т.Е. Культура научного общения: аннотирование и реферирование: Учебное пособие. – М.: МГЭИ, 2003. – 200 с.
8. Тункель В.Д. К вопросу об устной передаче речевого сообщения: Автореферат диссертации кандидата педагогических наук (по психологии). – М.: 1964. – 24 с.
9. Robert G. Bander American English Rhetoric. – New York, Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1971. – 382 p.

Становление концепций социального капитала: обзор теоретических подходов

Игумнов О.А.

Статья представляет обзор теорий, отражающий процесс становления концепций социального капитала. Предметом исследования является социальный капитал, рассматриваемый как феномен социальных отношений, источником которого являются не только существующие экономические блага, но также и индивиды, и социальные связи. Отмечено, что в сложившихся концепциях не в полной мере учитывается роль культуры как самостоятельного фактора социального капитала. Сделаны выводы о плюралистичности его эффектов, а также внутренней гетерогенности социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, актор, социальные связи, социальные отношения, социальная структура, социальный контроль, общественное благо, публичное благо, габитус, «капитализация» социальных связей

Igumnov O.A.

Social capital concepts formation: a review of theories

The article presents theories reflecting the process of formation of the concepts of social capital an overview. The subject of the study is social capital, considered as a phenomenon of social relations, the source of which is not only the existing economic benefits, but also individuals and social ties. It is noted that the existing concepts do not fully take into account the role of culture as an independent factor of social capital. The conclusions about the plurality of its effects as well as the internal heterogeneity of social capital are made.

Key words: social capital, actor, social connections, social relations, social structure, social control, public good, public good, habitus, social relations «capitalization».

Понятие социального капитала, сформировавшееся во второй половине XX века, играет в современных социальных науках роль определённого связующего звена между различными дисциплинами, прежде всего, социологии, экономики и управленческими науками. Составители «Рабочей книги по социальному капиталу» Гирт и Гюннар Свендсены использовали образ русской тройки для иллюстрации сущностной междисциплинарности этого концепта [31]. Само словосочетание «социальный капитал» интегрирует ключевые понятия социологии и экономики, а один из ведущих современных специалистов по теории социального капитала, А. Портес, считает, что этот концепт стал самым успешным примером теоретического и концептуального экспорта из социологии как в другие социальные науки, так и в публичную сферу [26].

Представляет интерес тематическое распределение публикаций, подтверждающее высокую степень междисциплинарности проблемы социального капитала. Доля публикаций по социологии в общем массиве публикаций составляет менее трети, хотя наибольшее внимание проблеме социального капитала уделяют именно социологи. Помимо социологии, проблематика социального капитала также активно исследуется экономистами и специалистами в области управления. Доля управленческих исследований социального капитала составляет более 17%. Представление датских политологов о «тройке» областей знаний, интегрируемых понятием социального капитала, подтверждается и наукометрическими данными.

Приведённые данные показывают не только возрастающую актуальность проблематики социального капитала, но и интегративный характер самого данного понятия как связующего звена между разными областями знаний. При

таких показателях интенсивности исследований и степени междисциплинарности логично ожидать значительной пролиферации теорий и многообразия трактовок понятия социального капитала. Однако, на наш взгляд, при всем действительном разнообразии определений и теоретических подходов было бы некорректным преувеличивать степень их несовместимости.

В рамках нашей статьи мы ограничимся лишь некоторыми иллюстративными примерами определений.

В исследованиях П. Бурдье, одного из наиболее известных в социологии проponentов теории социального капитала, последний определяется им как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [1, с. 66].

Американский социолог Дж. Коулман, указывает, что, хотя социальный капитал и рассматривается как специфический ресурс, которым обладает актор (как индивидуальный, так и коллективный), сам по себе он определяется не акторами как таковыми, а структурой связей между ними. Более конкретно социальный капитал характеризуется наличием социальных структур и облегчением определённых действий внутри этих структур [5].

Специалист в области проблем государственного управления Р. Патнэм отмечает, что центральной идеей в понятии социального капитала является то, что социальные сети и связанные с ними нормы взаимности представляют ценность для участвующих в них людей [27]. Это определение открывает возможности рассмотрению социального капитала с точки зрения гражданского участия и публичного блага [26, с. 462].

Несмотря на различия в формулировках, среди теоретиков социального капитала достигнут консенсус относительно как минимум двух аспектов этого концепта. Во-первых, в основе социального капитала лежат социальные связи между акторами, причём эти связи имеют для акторов ценность. Во-вторых, они влияют на возможности совершения акторами действий и способны увеличивать свою ценность для актора. Поскольку «ценность» для актора может принимать различные формы, капитализация

социальных связей также может относиться к разного типа «рынкам»: экономическим, политическим, трудовым и пр. [20].

Принципиально важной остаётся общая идея использования социальных связей и положения в социальной структуре для получения некоторых выгод или создания ценности. Поскольку социальные связи являются лишь одной из возможных категорий средств увеличения ценности, объяснимо и определённое противопоставление типов капитала, на которое обращают внимание многие теоретики: экономического и «неэкономического», экономического, социального и культурного, социального и человеческого и т.п. [1; 5; 20].

С исторической точки зрения развитие теории социального капитала отражает общие дискуссии о природе капитала и, в особенности, формирование представления о многообразии его форм и источников. При этом было бы некорректно, по нашему мнению, полагать, будто роль социальных отношений в производстве и распределении благ была признана только в последнее время.

Классическая марксистская теория напрямую увязывала существование капитала с положением акторов в социальной структуре, а именно – с иерархическими отношениями между собственниками активов и работниками [6]. Именно собственники получают выгоду от своего положения в социальной структуре. Однако сами по себе социальные отношения в данном случае не являются *источником* капитала, поскольку они участвуют только в его перераспределении. Фундаментальным источником капитала являются, прежде всего, *товары*, продающиеся на рынке, а труд выступает необходимым условием для их производства.

Таким образом, несмотря на то, что труд является социальной по своей природе активностью, необходимой для производства капитала, сами работники, вовлечённые в трудовую деятельность, не способны, в логике классической теории капитала, повышать *свои собственные* возможности и положение в социальной структуре. Социальная структура в этом смысле является фиксированной и внутренне присущей капиталистическому обществу, а потому социальные связи не рассматриваются как специфический ресурс, которыми можно управлять стратегически.

Дальнейшее развитие теории капитала кардинальным образом пересмотрело фундаментальные источники капитала, во многом отразив объективные изменения в социально-экономических отношениях западных обществ. Ключевую роль при этом сыграли теории «человеческого» и «культурного» капиталов, общим для которых стало смещение внимания с макроструктурных факторов производства экономического капитала на индивидуальные, микроуровневые условия.

Теория человеческого капитала исходит из того, что способность к труду, необходимые знания и навыки, которыми обладает работник, делают его полноправным участником экономических обменов. Источником капитала становится не производимый товар, а непосредственно работник, способный продавать своё время и способность к труду на рынке. Принципиальным отличием от классической теории капитала является и то обстоятельство, что работник может самостоятельно инвестировать в свой собственный человеческий капитал, например, получая образование или повышая квалификацию.

С точки зрения социальной структуры это означает, что отношения между владельцами активов и работниками становятся более сложными, не сводящимися к классовой иерархии с её непроницаемыми границами, а позиции в социальной структуре приобретают более подвижный характер — вплоть до изменения классовой принадлежности вследствие успешного «инвестирования» в собственные таланты. Сфера образования естественным образом становится ключевым «рынком» подобного инвестирования, к которой всё больше привлекает внимание исследователей [8].

Тем не менее, сами по себе, социальные связи в социологической науке, как и в марксизме, не рассматриваются как самостоятельный ресурс, являясь, скорее, следствием применения акторами тех или иных стратегий распоряжения разнородными активами (деньги, собственность, рабочее время, квалификация).

Поскольку разные формы капитала обладают значительной самостоятельностью, они не полностью перекрывают друг друга, что и обуславливает более сложную и подвижную социальную структуру, чем та, которая предполагается в марксистской теории. Индивиды, не име-

ющие экономического капитала, могут оказаться более успешными в приобретении культурного капитала, и наоборот.

Названные подходы в рамках дискуссии стали важной предпосылкой развития теории социального капитала, показав, что обращение капитала непосредственно связано с социальной структурой и что источником капитала является не только объективно существующие экономические блага (товары), но и сам индивид, его активность, знания, навыки и способности.

Во всех этих случаях понимание капитала является *субстанциальным*, поскольку его источником является нечто объективированное, то, что является либо объектом (товар), либо атрибутируемо объекту (здоровье, знания, габитус и т.п.). Элементы социальной структуры, в которой акторы совершают действия, выступают в качестве структурных ограничений, накладываемых на возможности действия. В отличие от этого, понятие и теория социального капитала исходит из *реляционной* перспективы, видя источник капитала не в объектах и их свойствах, а непосредственно в социальных позициях и отношениях между акторами.

Становление собственно теории социального капитала произошло в 1980-е годы и обоснованно связывается с работами таких теоретиков как П. Бурдьё, Дж. Коулман и Р. Патнэм, положивших начало современным дискуссиям и исследованиям [14; 25]. Как отмечает А. Портер, ключевое различие между ними заключалось в определении уровня социальной реальности, которому атрибутируется социальный капитал: для П. Бурдьё это индивиды и семьи, которые используют социальные связи для (пере)распределения ресурсов, для Р. Патнэма социальный капитал — это общественное благо, выражающееся в доверии и способности к участию на уровне государства или нации, а Дж. Коулман занимает промежуточную позицию, обращая внимание на плотность социальных связей и их способность обеспечивать соблюдение норм [26, с. 462].

Содержание основных теорий социального капитала неоднократно освещалось в работах различных авторов [2; 3; 7; 13; 14], поэтому мы ограничимся лишь кратким обзором ключевых идей, сформулированных отдельными теоретиками.

В теории П. Бурдьё понятие социального капитала занимает значительное место, хотя и является частью более общей картины, в которой разные формы капитала, взаимно конвертируясь, циркулируют в социальной структуре, воспроизводя присущие ей неравенства [13]. Исключительное внимание к социальной иерархии предопределило функцию социального капитала как одного из видов ресурсов, накопление которого, в комбинации с другими видами капитала, способно сохранить или повысить социальную позицию. Социальные связи, включенность в сети социальных отношений тем самым принимается как актив в полном смысле этого слова. Специфика этого актива заключается в его способности обеспечить обращение других видов капитала, прежде всего, экономического и культурного.

Индивиды, занимающие разные позиции в социальной структуре, даже обладая одинаковым экономическим или культурным капиталом, различаются по возможностям получения выгод от их использования в зависимости от степени включенности в социальные сети, которые они могут мобилизовать [12]. В качестве таких сетей могут выступать семейные связи, клубы выпускников престижных школ или университетов, члены элитных клубов, профессиональных сообществ и т.д.).

Очевидно, что каждый индивид включён в те или иные социальные связи, однако «капитализация» последних определяется именно положением в социальной структуре. С точки зрения индивидуальных возможностей и стратегий, величина социального капитала определяется плотностью и надёжностью социальных связей, а также социальным статусом участников сети. При этом социальные связи не являются условием получения выгод сами по себе: чтобы получать от них пользу, в них необходимо инвестировать: время, усилия, а зачастую и материальные ресурсы, например, в виде членских взносов или организации вечеринки. Это в значительной степени подчёркивает экономическую основу социального поведения, поскольку ограниченность ресурсов времени и усилий требует правильного определения приоритетных связей, которые следует развивать, и грамотного долгосрочного инвестирования в общение [1].

Теория социального капитала, предложенная П. Бурдьё, хотя и признается важным вкла-

дом в теорию и исследования социального капитала, не отличается детальностью и разработанностью, и не свободна от положений, подвергаемых критике. В качестве основных критических замечаний, в частности, указывается на преувеличенное значение семейных связей, сугубо инструментальное и индивидуалистическое понимание социального капитала, а также то обстоятельство, что, в соответствии с логикой марксистской теории, обладание социальным капиталом, по сути, остаётся прерогативой высших классов, несмотря на то, что включенность в сети социальных связей и взаимной поддержки является универсальным свойством любого человеческого общества [14; 24].

Американский социолог Дж. Коулман разработал теорию социального капитала, отталкиваясь от идей теории рационального выбора. Как и в случае П. Бурдьё, это предполагало преимущественный фокус на индивидуальном уровне анализа, однако в отличие от французского социолога, Дж. Коулман рассматривал социальный капитал как универсальное свойство социальной организации, не ограничивающееся высшими классами и отражающее структуру связей между акторами [5]. Социальный капитал, хоть и может рассматриваться как ресурс с индивидуальной точки зрения, является, прежде всего, способом координации коллективных действий.

В основе этой координирующей функции социального капитала лежат ожидания взаимности, а потому социальный капитал тесно связан с доверием внутри социальной системы. Высокий уровень социального капитала подразумевает уверенность в том, что обязательства, возникающие из-за асимметричности социальных обменов, со временем будут выполнены. Очевидно, что обратной стороной социального капитала, как гарантии соблюдения обязательств, становятся социальные нормы и способность сообщества их поддерживать.

Приведённые выше утверждения позволили А. Портесу утверждать, что для Дж. Коулмана социальный капитал является, прежде всего, источником социального контроля [25]. Поскольку нормы и социальный контроль не являются индивидуальными феноменами, социальный капитал становится в большей мере свойством социальных систем или сообществ, хотя и рассматриваемым с точки зрения индивиду-

альных интересов (какие возможности и ограничения социальный капитал в сообществе предоставляет для актора). Иными словами, социальный капитал, характеризующий состояние социальной среды, является условием *индивидуального* решения в пользу кооперации.

В силу своей природы, социальный капитал в той или иной мере присущ любым формам социальной организации. Однако Дж. Коулман признает, что разные типы социальных структур в разной степени способствуют накоплению и использованию социального капитала. Например, относительно замкнутые небольшие сообщества в большей степени способствуют формированию норм (а, следовательно, и социального капитала), чем открытые динамичные социальные среды с большим числом участников [6]. Фасилитация накопления социального капитала может также обеспечиваться общей идеологией и особенностями культуры, способствующими взаимопомощи и поддержке.

Подход Дж. Коулмана, хотя и является гораздо более разработанным, чем теория П. Бурдьё, также не свободен от критических замечаний. К числу наиболее важных можно отнести недостаток историчности: текущее состояние сообщества описывается исходя из логики теории рационального выбора и полезности социального капитала для индивидуальных интересов, тогда как длительный исторический процесс формирования особенностей этого сообщества и характерных для него норм склонен игнорироваться [14]. Кроме того, как отмечает А. Портес, теория Дж. Коулмана уделяет исключительное внимание близким социальным связям, особенно внутри семьи, и недооценивает слабые связи за пределами ближнего круга, которые, в частности, играют важную роль в социальной мобильности и приобретении новых знаний [24].

В отличие от П. Бурдьё с его сугубо идеалистическим подходом, Дж. Коулман рассматривает социальный капитал как связывающий индивидуальный и коллективный уровни анализа. В свою очередь, теория Р. Патнэма имеет ярко выраженный холистический характер, рассматривая социальный капитал как свойство сообществ и общественное благо. Американский политолог говорит о социальном капитале применительно к целым обществам и государствам,

причём предполагает, что это такая же измеримая величина, как национальный ВВП или индекс развития человеческого потенциала. Представление об «общественном» социальном капитале, отражающем способность всего общества к «играм с ненулевой суммой», максимизирующим полезность для всего общества, в настоящее время довольно широко распространено в социологии, институциональной экономике и политической науке [9; 10; 11; 31].

Исследования социального капитала Р. Патнэм проводил с точки зрения взаимодействия между институтами государства и гражданского общества. Во многом для Р. Патнэма, как и для Дж. Коулмана, социальный капитал непосредственно связан с решением проблемы кооперации и коллективного действия. Он рассматривается не столько как ресурс, доступный отдельному актору, сколько как характеристика всего сообщества и его социальной организации, выражающаяся в развитии социальных связей, взаимного доверия и социальных норм. Преимущественно макроуровневый фокус анализа позволяет более естественным образом связать социальный капитал с культурными ценностями, а также больше внимания уделить «слабым» связям, обеспечивающим социальную связность и включенность, а также гражданское участие на уровне всего сообщества.

Общественные функции социального капитала как инструмента кооперации и социальной солидарности определяются следующим набором конкретных механизмов: социальный контроль и повышение потенциальных издержек отказа от выполнения обязательств (в терминах теории игр это означает повышение связности различных игр, в которых участвует актор); сильные нормы взаимности, усиливающиеся социальными связями и институтом репутаций; упрощение циркуляции информации, в том числе о репутации индивидов и возможности доверять им; трансляция позитивного прошлого опыта сотрудничества, который не только способствует солидарности, но и становится образцом для кооперации в будущем [29, с. 173-174].

Три компонента социального капитала – социальные сети, нормы и доверие, – образуют ядро и дальнейшего развития теории социального капитала Р. Патнэма. Они обеспечивают координацию и достижение общих целей, а

их формирование во многом обязано «слабым связям», объединяющим людей, относительно незнакомых друг с другом.

Различие между сильными и слабыми связями до сих пор активно используется в современных теориях социального капитала, в частности, Н. Лином [20]. В теории Р. Патнэма во многом аналогичную роль играют две формы социального капитала: «связывающий» (*bonding*) и «соединяющий» (*bridging*) [28]. Первый обеспечивает внутригрупповую солидарность и идентичность, являясь более эксклюзивным. Второй обеспечивает доступ к внешним активам и информации, обеспечивая более широкие и гетерогенные социальные связи.

Теория Р. Патнэма, в отличие от других теорий социального капитала, уделяет особое внимание макроуровневым показателям и факторам формирования социального капитала. Анализ статистических данных, касающихся урбанизации, миграционных потоков, промышленного развития, преступности, а также различных масштабных опросов, затрагивающих такие разные темы, как политическое и гражданское участие, благотворительная деятельность, социализация, восприятие доверия и пр., позволили ему выявить долговременную динамику социального капитала в масштабах всего американского общества [28].

Внимание к динамике социального капитала в конкретных странах, особенно США, стало эмпирическим базисом теории Р. Патнэма, но вместе с тем и поводом для критики со стороны специалистов, указывающих на неприменимость вывода о «закате» гражданской активности в Западной Европе, сопоставимой по уровню развития и социально-демографической структуре с США [30].

Другие критики подвергали сомнению сам факт «заката» гражданской активности в США и указывали на важность методологических проблем, связанных с выбором эмпирических индикаторов, а также «циркулярную» логику его теории, предполагающую, что социальный капитал в качестве свойства сообществ выступает одновременно и причиной, и результатом экономического процветания и эффективной политики [27]. Впрочем, на наш взгляд, в последнем случае необходимо говорить не столько о циркулярности, сколько о положительной обратной связи, при которой эффективное управ-

ление способствует развитию социального капитала, который, в свою очередь, усиливает институты и общественную солидарность.

Несмотря на критику, теория Р. Патнэма признается в качестве основополагающей для современных дискуссий о социальном капитале и оказавшей наиболее значительное влияние не только на дальнейшее развитие теории, но и на политические процессы в развитых странах [14, p. 37].

Обозначенная А. Портесом дискуссия относительно уровня анализа социального капитала (изменяющемся в широком диапазоне от индивидуального актора до нации) [25] остаётся основополагающей и для современных исследований. Её важность определяется тем, что выгоды, которые отдельный индивид или небольшая группа получают социальных связей, могут находиться в прямом конфликте с потребностями «общественного блага». Непотизм и другие виды группового фаворитизма являются прямым проявлением этой дилеммы, заставляя теоретиков говорить о негативной стороне социального капитала или, в терминах А. Портеса, о негативном социальном капитале [24].

Другой важной характеристикой развития теории социального капитала стала дальнейшая детализация и выявление внутренних различий в совокупности тех явлений, которые описываются при помощи данного концепта. Так, П. Пакстон предложила выделить в структуре социального капитала два независимых компонента: объективные связи между индивидами, следующие из их положения в социальных сетях, и субъективные связи между ними [22]. При этом социальный капитал в строгом смысле, по мнению П. Пакстон, характеризует только те социальные отношения, которые являются одинаково сильными в обоих случаях.

По мнению Дж. Филда, разумнее рассматривать различные сегменты итоговой матрицы, получающейся в результате сочетания «объективной» и «субъективной» осей, как различающиеся по величине социального капитала [14].

В работе А. Портеса обоснована необходимость различать причины (источники) и последствия (эффекты) социального капитала [24, p. 8]. При этом проводится различие между консумматорными и инструментальными источниками социального капитала. Первые основаны на ценностных ориентациях и групповой соли-

дарности, а вторые – на экономических обменах (и ожидании взаимности), а также «принудительном доверии», то есть уверенности в соблюдении обязательств, основанной не на личных знаниях партнёра по обмену, а на положении в социальной структуре и гарантиях со стороны коллектива как такового. Таким образом, как нам представляется, социальный капитал не может быть редуцирован к какому-то одному источнику, в частности, разделяемым ценностям, как это интерпретируется, например, в исследованиях Ф. Фукуямы [10].

Эффекты социального капитала могут быть столь же плюралистичными. Они могут быть положительными (для актора): соблюдение норм, поддержка семьи и выгоды, вытекающие из социальных связей, однако могут и накладывать дополнительные обязательства (например, в виде необходимости тратить дополнительные усилия и время на поддержание социальных связей, а также ограничения на индивидуальные свободы и доступ к ресурсам).

Для характеристики современного состояния дискуссий о социальном капитале представляется полезной дальнейшая конкретизация функций, которые он, понимаемый как источник выгод, основанных на социальных связях, может выполнять в различных социальных ситуациях. Попытка систематизации функций социального капитала, начатой А. Портесом, была предпринята Э. Лолло, которая предложила структурировать социальный капитал по трём измерениям и четырём типам, лежащим в основе его основных функций, а именно функции инвестирования (получение выгоды для индивида или связанной с ним группы), координации (основанной на доверии) и получения ренты (основанной на занятии определённой социальной позиции) [21].

Измерения социального капитала, по сути, отражают ключевые характеристики социальных отношений, которые влияют на характер и результаты их использования. Такими измерениями являются:

- *частота* контактов, или интеракций между участниками социальной сети. Она способствует накоплению социального капитала просто в силу повторяемости: в терминах теории игр, это означает, что участие в множестве повторных игр объективно способствует развитию стратегий, основанных на взаимности. Одновремен-

но, более высокая частота среди индивидов в сети способствует росту замкнутости, что также является фактором возрастания социального капитала;

- *однородность* – наличие между участниками сети разделяемых целей и/или ценностей. Механизм, лежащий в основе социального капитала, в данном случае основан не на реальных и ожидаемых интеракциях, а именно на наличии общей нормативной базы, уверенности в том, что другие члены группы будут выполнять свои обязательства. Данный механизм, с психологической точки зрения, основан на групповой аффилиации;

- *иерархия* – иной способ социальной организации, основанный на концентрации социальных контактов вокруг некоторых центров. Концентрация социального капитала в иерархическую структуру упрощает её восприятие и способствует формированию чётких правил и ролей, структурирующих распределение ожиданий и обязательств.

Взаимодействие трёх названных характеристик социальных отношений порождает четыре типа социального капитала:

- *идентифицирующий* (*identifying*) социальный капитал образован сочетанием выраженной иерархии и однородности, которые обеспечивают формирование групповой идентичности, в особенности характерной для формальных организаций;

- *сопрягающий* (*linking*) социальный капитал образован сочетанием иерархии и частоты контактов. Он также больше характерен для формальных организаций, но предполагает, что сила социальных связей больше зависит от взаимодействия индивидов, а не разделяемой ими идентичности;

- *соединяющий* (*bridging*) социальный капитал основан на частоте контактов и однородности и, по сути, отражает функционирование в неформальных группах.

- *связывающий* (*bonding*) социальный капитал возникает, когда в равной мере выраженными являются все три измерения социальных отношений. Такое сочетание знаменует собой максимальную концентрацию и интенсивность социального капитала и, по сути, отражает существование групп, основанных на «сильных связях» в терминах М. Грановеттера и Н. Лина, либо же объединяющих объективные и субъективные

связи в модели П. Пакстон.

Предложенная Э. Лолло модель, будучи основанной преимущественно на индивидуалистической перспективе, восходящей к работам П. Бурдьё и Дж. Коулмана, может эффективно применяться для анализа мезоуровня социальной организации, в частности, небольших групп и корпоративных структур. Важным плюсом предложенной модели является чёткое обозначение того факта, что разные типы социальных отношений по-разному участвуют в формировании социального капитала.

Вместе с тем данная модель не свободна от определённых недостатков. Прежде всего, на наш взгляд, она не вполне учитывает роль культуры как самостоятельного фактора социального капитала. Хотя ценностно-нормативные факторы присутствуют как основа групповой аффилиации и измерения показателя «однородность», модель не отражает важного представления о том, что содержание культурных ценностей и норм может существенно различаться в разных сегментах социальной структуры (это замечание относится, в том числе, и к представлению Ф. Фукуямы о самом факте «разделяемых» ценностей как основе социального капитала нации) [10]. Само по себе наличие разделяемых культурных представлений и ценностей, безусловно, является основой для формирования групповой идентичности, однако не отражает той вариации ценностных моделей, на уровне как организаций, так и культур, которые существенным образом влияют на формирование социальных отношений [4; 15; 17].

Суммируя результаты современных дискуссий в рамках общей теории социального капитала, можно заключить, что, несмотря на различия в дисциплинарных традициях и исходных теоретических парадигмах, в понимании фундаментального ядра концепции достигнут достаточно высокий уровень консенсуса. Социальные связи и отношения – самостоятельный источник индивидуальных и групповых благ, построение которых, однако, зависит не только от конфигурации конкретной социальной сети, но и от усилий и стратегий актора. При этом социальные связи и отношения (в данном случае под социальными отношениями мы имеем в виду относительные диспозиции акторов, вытекающие из их положения в социальной структуре, а под социальными связями – соот-

ветствующие им интеракции и обмены, в том числе символические) сами по себе не являются капиталом и могут выступать в таком качестве при условии, что они: а) являются объектом инвестирования, и б) предоставляют реальные возможности увеличения благ и/или достижения индивидуальных либо коллективных целей.

Теоретическое разнообразие позиций в рамках современной теории социального капитала в большей степени затрагивает детали конкретных функций, которые он выполняет в различных социальных контекстах, факторов, влияющих на его формирование, а также механизмов, посредством которых те или иные типы социальных отношений могут мобилизоваться для индивидуальных или групповых целей (как явных, так и неявных).

Внутренняя гетерогенность социального капитала, определяемая разнообразием социальных отношений и целей индивидуальных и коллективных акторов, делает необходимой конкретизацию общей теории применительно к изучению отдельных социальных систем и контекстов, что, в свою очередь, и предопределяет повышенный интерес современных исследований социального капитала и высокую степень их междисциплинарности.

Литература

1. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60-74.
2. Гуськова Н.Д., Ключева А.П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. №2. С. 152-160.
3. Давыдов Д.А. Теория социального капитала: от социологии к экономике и обратно // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №1. С. 100-109.
4. Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и измерение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001.
5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо, 2017.
7. Политические учения XX-XXI вв. / Егоров В.Г., Абрамов А.В., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Березкина О.С., Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., Лавренов С.Я., Синчук Ю.В., Федорченко

С.Н. Москва, 2015

8. Натхов Т. Образование, социальный капитал и развитие // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 112-122.

9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

10. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2008.

11. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак, 2004.

12. Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires. In : Le Capital Social : Performance, equite et reciprocite / Sous la direction de A. Bevort et M.Lallement. Paris : La Decouverte, 2006. P.29-34.

13. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society, Culture. Beverly Hills : Sage, 1977.

14. Field J. Social Capital. London; New York: Routledge, 2003;

15. Fine B. Theories of Social Capital: Researchers Behaving Badly. London; New York: Pluto Press, 2010.

16. Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building Cross-Cultural Competence: How to Create Wealth from Conflicting Values. New Haven; London: Yale University Press, 2000.

17. Handbook of Social Capital. The Troika of Sociology, Political Science and Economics. Ed. by G.T. Svendsen, G.L.H. Svendsen. Cheltenham: Edward Elgar.

18. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.

19. Jones B.J. Social Capital in American Life.

Cham: Palgrave Pivot, 2019.

20. Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

21. Lollo E. Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types // 14th World Congress of Social Economics. URL: <https://social.economics.org/Papers/Lollo1C.pdf>.

22. Paxton P. Is social capital declining in the United States? A multiple indicator assessment // American Journal of Sociology. 1999. Vol.105. P.88-127.

23. Portes A. Downsides of social capital // PNAS. 2014. Vol.111.

24. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol.24. P.1-24.

25. Portes A. The two meanings of social capital // Sociological Forum. 2000. Vol.15. P.1-12.

26. Portes A., Vickstrom E. Diversity, social capital, and cohesion // The Annual Review of Sociology. 2011. Vol.37. P. 479-491.

27. Putnam R. Social capital: measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol.2. P.41-51.

28. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000.

29. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.

30. Rothstein B. Social Capital in the social democratic welfare state // Politics and Society. 2001. Vol.29. P.283-309.

31. Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. The troika of sociology, political science and economics / Handbook of Social Capital. The Troika of Sociology, Political Science and Economics. Ed. by G.T. Svendsen, G.L.H. Svendsen. Cheltenham: Edward Elgar. P.1-16.

Парадокс начала: Огюст Конт как метафизик и революционер

Кравченко А.И.

Одна из нерешенных проблем связана с Огюстом Контом и эпистемологией социального познания. Он начал нашу науку, он и должен отвечать, какой она стала. Парадокс рождения социологии в том, что ее отец-основатель О. Конт, провозгласивший непримиримую войну метафизике, создав позитивизм и «положительный метод» науки, на деле оказался еще большим метафизиком, чем те, с кем он боролся. Такова основная идея статьи. Он стремился выстроить будущее здание социологии, которую мыслил как социальную физику, по образу и подобию естествознания. Но из него он взял самое простое, что только можно было позаимствовать, а именно методы сбора эмпирических данных. Неизмеримую сложность социологической методологии Конт свел к нескольким простейшим правилам типа надо быть объективным и во всем следовать за фактами.

И вот такую упрощенную схему, выхолащивающую суть как физики – науки о бесконечно сложной природе окружающего нас мира, так и социологии – системе знаний о поведении самых непредсказуемых существ в этом мире, Конт хотел положить в основание новой общественной дисциплины. При этом в своей иерархии наук он поставил «королеву наук» на самую вершину, указав на исключительную сложность ее предмета изучения. Ну и как после этого развивать самую сложную науку при помощи самых упрощенных приемов? Сам Конт так на практике ни разу и не попробовал: он не организовал ни одного анкетного опроса, не провел ни одного наблюдения. Но зато много теоретизировал. Правда, его теоретические построения – о трех стадиях развития человеческого общества – годятся разве что для музея или архива. А почему? Потому что его теоретические построения – сплошная метафизика. То есть то, что, согласно его заявлениям, ни в коем случае делать нельзя. Но он делал. Делать самому то, что запрещает другим, это вполне в духе западных либералов, неважно какого столетия. Да и личностью он не особенно удался: как известно, О. Конт имел мрачный нрав, был эгоцентричен, его обвиняли в неблагодарности.

Ключевые слова: О.Конт, позитивизм, позитивная религия, метод, теория, социальные законы, вероятность

Kravchenko A.I.

Paradox of the beginning: Auguste Comte as a metaphysician and revolutionary

One of the unsolved problems is related to Auguste Comte and the epistemology of social cognition. He started our science, and he should answer what it has become. He started our science, he should be responsible as it is. The paradox of the birth of sociology in the fact that her founder Comte, which declared irreconcilable war metaphysics, positivism and creating a «positive method» of science, in fact, was even more metaphysician than those with whom he fought. This is the main idea of the article. He sought to build the future of the sociology structure, which is thought as social physics, in the image and likeness of natural science. But from it he took the easiest one he could borrow, namely methods of collecting empirical data. The immeasurable complexity of sociological methodology Comte reduced to a few simple rules need to be objective and to follow the facts.

Key words: O. Comte, positivism, positive religion, method, theory, social laws, probability

Социология как метафизика

Парадокс рождения социологии в том, что ее отец-основатель О. Конт, провозгласивший непримиримую войну метафизике, создав позитивизм и «положительный метод» науки, на деле оказался еще большим метафизиком, чем те, с кем он боролся¹. Он стремился выстроить будущее здание социологии, которую мыслил как социальную физику, по образу и подобию естествознания. Но из него он взял самое простое, что только можно было позаимствовать, а именно методы сбора эмпирических данных. Неизмеримую сложность социологической методологии Конт свел к нескольким простейшим правилам типа надо быть объективным и во всем следовать за фактами.

И вот такую упрощенную схему, выхолащивающую суть как физики – науки о бесконечно сложной природе окружающего нас мира, так и социологии – системе знаний о поведении самых непредсказуемых существ в этом мире, Конт хотел положить в основание новой общественной дисциплины. При этом в своей иерархии наук он поставил «королеву наук» на самую вершину, указав на исключительную сложность ее предмета изучения.

Ну и как после этого развивать самую сложную науку при помощи самых упрощенных приемов? Сам Конт так на практике ни разу и не попробовал: он не организовал ни одного анкетного опроса, не провел ни одного наблюдения. Но зато много теоретизировал. Правда, его теоретические построения – о трех стадиях развития человеческого общества – годятся разве что для музея или архива. А почему?

Потому что его теоретические построения – сплошная *метафизика*. То есть то, что, согласно его заявлениям, ни в коем случае делать нельзя. Но он делал. Делать самому то, что запрещает другим, это вполне в духе западных либералов, неважно какого столетия. Да и лич-

ностью он не особенно удался: как известно, О. Конт имел мрачный нрав, был эгоцентричен, его обвиняли в неблагодарности.

Его убеждение в том, социология как наука должна раз и навсегда отказаться от неразрешимых вопросов, вдохновляло не одно поколение мыслителей. В социологии приемлемы только такие утверждения – частно- и общетеоретического плана, которые можно подтвердить или проверить на практике. В общем и целом с этим никто спорить не будет. Подобные утверждения важны всем – психологам, экономистам, историкам. Каждый из них, доказывая истинность своих выводов, приводит неоспоримые факты. Особенно много их у историков. Но почему-то одни и те же факты историки, экономисты и социологи умудряются трактовать совершенно по-разному. Часто противоречащим друг другу образом. У одних во второй мировой войне победила Америка, у других – СССР. Выходит, что руководят умами ученых не факты, а ценностные ориентации, идеологические взгляды, верования, субъективные пристрастия, культурные стереотипы, шаблоны здравого смысла и многое другое, в чем еще предстоит разобраться психоаналитикам и психотерапевтам.

Но Конт свято верил в свою революционную миссию, ибо принес человечеству свет позитивной науки и позитивной религии. Именно так - не много и не мало. Термин «позитивный» он рассматривал в пяти значениях: реальный в противоположность химерическому, полезный – негодному, достоверный – сомнительному, точный – смутному, организующий – разрушающему. Задумаемся: хоть один из этих критериев, за которыми стоят теоретические утверждения и обоснования в социологии, можно проверить на фактах? Может быть их можно верифицировать или фальсифицировать непротиворечивым образом, до того подвергнув тщательной экспертизе через процедуру операционализации?

Над одним только понятием реального можно биться десятилетиями, так и не поняв его сути. Если наши глаза воспринимают лишь небольшой сегмент отражающего электромагнитные волны материального мира, если интерпретируются попавшие на чувствительную радужку глаза световые волны под строго определенным, не таким как у других животных, уг-

лом, коэффициентом или отражением, если осмысление дошедших до нашей нервной системы через бесконечные сети нейронных связей световых импульсов зависит от нашего воспитания, культуры и возраста, то о какой объективной реальности, существующей независимо от нас может идти речь? Но даже правильно интерпретированные образы предметов – стол как стол, а не как велосипед, - группируются каждым из нас своеобразно. А еще из них надо построить картину мира, которая у каждого совершенно своя, притом постоянно меняется. Тут в дело вступают категории более высокого порядка – культуры, идеологии, науки.

А что такое химерическое? Неосуществимое, несбыточное, нереальное? Третье является тривиальным: противопоставлять реальное тому, что не должно быть не реальным – в этом суть контовского критерия позитивного? Может быть, реальное следует противопоставить неосуществимому? Тогда не надо было придумывать утопии вроде позитивной религии, основанной на позитивной науке и призванной заменить старую религию, ни на какой науке не основанную. Где-нибудь контовская религия осуществилась, если не считать разбросанные по свету группки последователей Конта.

Начало европейской социологии вообще тесно связано с религией, так как провозгласивший непререкаемым для изучения общества научного метода, каким владело естествознание, О. Конт считал социологию новой формой религии на высшей, позитивной, стадии развития человеческой цивилизации. В последние годы своей жизни Конт основал позитивистскую церковь, которая должна была утверждать человеческие добродетели. Наука, по мнению Конта, призвана заменить религию не только с точки зрения формирования нового мировоззрения, но прежде всего в качестве связующей силы, призванной объединить людей и социальные институты, стать основой стабильного порядка. Установлению солидарности и согласия между людьми, считал Конт, призвана новая синтетическая наука - социология.

Что же получается. Вытолкнув метафизику за двери, Конт впустил ее в окно. Что такое религия или наука как религия – предмет поклонения и культа? Религия – прежде всего область, которая выпадает за рамки научного познания. Но все, что вне сферы научного позна-

ния, разве не есть метафизика? Или правильнее сказать — религия и метафизика как сферы вне эмпирического и верифицируемого знания разве не принадлежат той области, которая должна находиться за горизонтом научной социологии?

Противоречивый позитивизм

Позитивизм начинает играть у Конта, вопреки его собственным намерениям, двоякую роль: он выполняет роль новой философии сциентизма и одновременно — новой гуманистической религии. Первое — область точных фактов, вторая — оценочных суждений и ценностной отнесенности. Кто после этого будет противопоставлять Конта и Вебера?

По существу тем же путем пошел позже выдающийся философ и священник С.Н. Булгаков, который создает в начале XX века совершенно необыкновенное учение — христианскую социологию. Ценности — это весть из мира горнего о том, каким должно быть бытие человека и каким должен быть сам человек. Оценки и ценностные суждения — их интерпретация человеческим умом и сердцем. Первое — вечное и абсолютное, второе — субъективное и относительное.

Социология изучает второе, применяя опрос и интервью для выяснения общественного мнения, личного отношения человека к тем или иным событиям. Таков объект изучения социологии, а именно субъективные оценки людей, из которых в сумме складывается общественное мнение.

Но сама социология как наука не такова. М. Вебер завещал ей ориентироваться не на субъективные оценки (партийные пристрастия или обыденные мнения), а на ценности, т.е. исторический интерес эпохи. Ориентация на вечное служит верным компасом для социолога, ибо этот компас определяет сущность теории и методологии этой науки. Только с перспективой на вечное социолог способен создавать объективные суждения. Как видим, вечное лежит у корней дерева, хотя листья его — это субъективные мнения респондентов. Классики мировой социологии уделяли самое пристальное внимание сакральности религиозного фактора и собственно религиозному мировоззрению.

Для О. Конта и С. Булгакова делание социологии — это продолжение служения Богу. Но и

для М. Вебера социологии — это теоретическая интерпретация эмпирических данных и реальных фактов с точки зрения вечных ценностей, исторического интереса эпохи. Парадокса здесь нет, поскольку так считали и раннее поколение американских социологов.

Начало современной социологии очень тесно связано с христианством. В первом поколении европейских и американских социологов многие были священниками. Сен-Симон, Конт, Анфантэн, Базар, мечтавшие в конце XIX в. о новой религии и научном познании общества, были не только социологами, но и священниками. Многие пионеры американской социологии были священниками либо сыновьями священников. Первые президенты Американского социологического общества Ф. Гиддингс, У. Томас, Дж. Винсент родились в семье священников, а У. Самнер, А. Смолл, Хейс, Ч. Уитерли, Лихтенбергер, Дж. Гиллин и Ч. Хендерсон начинали свою карьеру в качестве священников, а затем уже стали социологами. Е. Фарис даже служил миссионером. Анализ биографий, проведенный в 1927 г. Л. Бернгардом и П. Бэкером, показал, что из 260 обследованных социологов более 70 ранее являлись священниками либо закончили религиозную школу². А. Гулднер с коллегами, опросив 6,5 тыс. членов Американской социологической ассоциации, выяснили, что 27,6% респондентов в то или иное время желали стать священниками³.

Крайне абстрактны и четыре оставшихся критерия позитивности: полезный, достоверный, точный, организующий. Определение через противопоставление — это от слабости мыслителя или невозможности конкретно решить то, что конкретным по природе не является.

Определение через ближайший род и видовое отличие позволяет выделить происхождение объекта, его структуру, состав, свойства и поведение. Это прямой путь к операционализации понятия. Но соотносительное определение, или определение через противопоставление, таким качеством не обладает. Оно применяется только к универсальным понятиям, тем, от которых Конт, по сути своей, призывал избавляться. В самом деле, определяемое «полезный» не известно. Его еще предстоит раскрыть через процедуру определения. Но определяющее «негодный» также неизвестно. Негодным может

быть все что угодно, если вы не уточняете. Функцию определяющего выполняют те признаки, которые составляют содержание определяемого. А их нет.

Во второй половине 1840-х годов Конт обращается к проповеднической и практической организационной деятельности, проповедуя позитивизм как политическое, религиозное и моральное учение. Так, в 1847 г. он провозглашает Религиозное Человечество, а в 1848 – создает Позитивистское общество. Тогда как же быть с принципом свободы от ценностей, понимаемой как воздержание от оценочных политико-религиозных суждений и поступков, на котором строится здание академической науки? Или им можно поступиться, выполнив все другие постулаты научной объективности? Как можно противопоставлять полезное – негодному, достоверное – сомнительному, точное – смутному, организующее – разрушающему, если ты сторонник одних религиозных либо политических взглядов и противник других? Ценностный нейтралитет ученого – не театральная реплика, выставляемая для публики. Это стержень твоих убеждений. Он либо есть, либо его нет.

Если его внутри тебя нет, а ты по каким-либо причинам вынужден его провозглашать, то это уже не наука, а метафизика – спекулятивные рассуждения о неразрешимых вопросах и абстрактных ценностях. Конт провозглашал одно, но делал другое.

В системе «позитивной философии» Конта любые положения, которые не поддаются точному сопоставлению с фактами, должны быть отброшены. В таком случае надо выбросить как метафизические его утверждения о структуре и развитии общества. Социологии в них 0, спекуляций (в его, контовском, понимании) – 100%.

Позитивизм как метафизика

Призывая повсюду заменять абсолютное относительным, опираясь на здравый смысл, Конт одновременно утверждал, что общество развивается по каким-то универсальным, раз навсегда данным законам. По Конту, социология – единственная наука, которая призвана открывать универсальные законы развития и функционирования общества, неотделимые от законов природы. В природе существуют неизменные законы типа всемирного тяготения. Но кто сказал, что они есть в обществе? Это надо

еще доказать, а не просто постулировать. Доказывает наука, постулируют философия и метафизика.

Метафизика – система предельных понятий, при помощи которых философы пытаются осмыслить то, что не поддается, и никогда не будет подлежать прямому эмпирическому наблюдению; категории чистого разума, не имеющие основы в перцептивном опыте; умозаключения о мире непознаваемых вещей. У Конта метафизика – вместительница сверхъестественных сущностей и абстрактных сил.

Но Конт был настойчив: если в природе есть неизменные и абсолютные законы, то и в обществе они должны быть, поскольку социология развивается по образцу естествознания – того самого, которое приобрело свой авторитет благодаря постижению объективных законов природы. Больших успехов добилась биология. Почему бы у нее не позаимствовать ряд понятий? Наподобие живых организмов социологи могли бы изучать «социальные органы», сосредоточив внимание на «органической целостности» и саморегуляции общества, на взаимосвязи частей.

Давайте без пристрастий, свойственных профессиональному сообществу, разберемся в том, чем различаются социальные и физические законы. Законы тяготения или закон постоянства скорости света говорят о том, что видимая и осознаваемая нами Вселенная, куда входит земля и построенное ее обитателями общество, основаны на них и только на них. Стоит изменить второй закон и разрушится общая теория относительности, а вслед за тем придется пересматривать наши представления о единстве пространственно-временного континуума. Возможно, что в каких экстремальных точках вселенной, в частности в черных дырах или в момент Большого взрыва, существовали совсем другие физические законы, о чем постоянно дискутируют современные космологи. Оснований считать так множество, в том числе вытекающих из математических расчетов. Но в регулярной, так сказать повседневной ойкумене действуют уже открытые физические законы, в том числе законы Фарадея, Бернулли, Кулона и Ома, опровергнуть которые еще никто не смог. Они действуют в нашей галактике, в соседней и в двухстах миллиардах других галактик Вселенной.

Они воздействуют и на поведение людей, определяя массу наших тел, величину артериального давления, скорость реакций, наше восприятие окружающего мира, движение мыслей и даже глубину наших чувств, хотя мы об этом и не задумываемся. Следовательно, косвенным образом физические законы определяют социальные законы. Изменяются первые, изменяются и вторые. Но не наоборот. Социальная реальность никак не влияет на физическую. Физические законы первичны и финальны, выше и сильнее их, фундаментальнее нет ничего.

В таком случае термин «законы» как упорядочивающие структуру мира закономерности, существующие и действующие независимо от нас, людей, применим только и только по отношению к физической реальности. Приписывать его социальному миру некорректно, ибо это будут уже закономерности второго порядка, т.е. нечто не совсем регулярное и фундаментальное.

В физике не существует универсальных и абсолютных законов, каждый закон имеет *границы применимости*. Закон Ома действителен только при постоянной температуре. При разных температурах отношение напряжения к силе тока будет разным. Сопротивление не является константой проводника, а является функцией температуры. За пределами тех условий, в которых был установлен закон Ома, он не действует. Если какой-то наблюдатель вышел за них, получил другие показатели, нежели те, что предсказаны этим законом, он не станет утверждать, что закон Ома не истинный. Он эффективен, но в своих границах.

Точно также для любого физического закона и любой физической теории существуют свои пределы допустимого. Скажем шире: для любого научного закона и любой научной теории. В том числе и социологической. Если вы установили определенную зависимость между инвестиционным поведением населения и возрастом, скажем 30-летними, то вы не имеете права распространять действие установленной тенденции, закономерности или закона за границами данного возраста и утверждать, что инвестиционное поведение 30-летних и 60-летних одинаковое. *Закономерность* понимается как мера вероятности наступления какого-то события или явления либо их взаимосвязи. Слабым видом закономерности выступает *тенденция*,

показывающая основное направление развития событий, приближение реального процесса к объективной закономерности. При многократном наложении различных тенденций обнаруживается устойчивая связь, которая и формулируется как *закон*. Законы выражают то, что существует объективно, т.е. независимо от сознания людей, их статистических расчетов и выкладок.

Границы применимости в социологии положены выборкой исследования. Если она касается 30-летних мужчин-горожан с определенным материальным достатком и неженатых, то с огромной осторожностью следует судить о других категориях населения, которые не попали в вашу выборку и на кого могут не распространяться обнаруженные вами закономерности.

Современная социология стремится избегать терминов типа «социальные законы». И правильно. Но О. Конт этого не делал. Он старался поднять придуманную им дисциплину до уровня серьезных наук, а потому социальные законы для него были так же важны, как законы физические. Приблизить создаваемую науку об обществе к существовавшей в XIX веке физике, по существу еще только делавшей свои первые шаги, было делом несложным. И приближал он две сущности чисто формально — просто декларировал сходство в методах и объективных законах. Такой подход не назовешь истинно философским, требующим глубочайшей рефлексии и взвешенности. Скорее он напоминает метафизическое упражнение. Слово «метафизическое» я употребляю в его наихудшем значении — как спекулятивное.

На самом деле у метафизики есть «наилучшее», или исходное значение — обозначать все, что находится по ту сторону физики как науки о природе вещей, видимых глазу. По ту сторону одновременно и «стоящее над», «находящееся выше». Возможно, того не подозревая, но на более высокое место, которое вроде бы должно принадлежать метафизике, учению о сущности вещей, т.е. того, что не видимо глазу, Конт поместил социологию. Иными словами, общество как система сложных связей возвышается над природой как субстанцией простых вещей. Отсюда вытекает, что методологически (пока еще методологически) Конт уравнивал социологию и метафизику. И в том нет больших противоречий, поскольку метафизика — более уни-

версальная дисциплина мысли, чем физика. В этот универсум входит логика – наука о законах правильного мышления, и социология – наука о законах правильного общества. Именно правильного, т.е. такого, которое строится на принципах Позитивной религии Конта. Ему и наука-то нужна была только для того, чтобы указывать человечеству путь к светлomu будущему – тому, которое он, Конт, предначертал.

Логика – между метафизикой и позитивизмом

Логика здесь появилась не случайно. Законы мышления – это нормативные должноствоования, равно как и юридические законы. Это правила приличествующего – с точки зрения логики или права – поведения людей (неважно, в мышлении или на улице). Никакой объективной силы они не имеют и никакую существующую независимо от нашего сознания вида реальности они не отражают.

Правила дедуктивного вывода в логике, на которых построена вся наука, предполагают, что из истинной общей посылки «Все люди смертны» и конкретного утверждения, свидетельствующего лишь о том, что данный объект классифицируется как принадлежащий к людям, обладающим всеобщим и истинным свойством быть смертными, «Сократ – человек» всегда следует истинный вывод «Сократ смертен».

Проблему логического выведения пока оставим в стороне. Посмотрим на *explanans* (объясняющее) – «Все люди смертны». Только первое суждение выступает в роли объясняющего, обладающего функцией истинного закона: действительно, не найдено ни одного исключения из этого правила, а именно ни один человек не прожил вечно. Однако утверждение «Все люди смертны» с квантором всеобщности стало теоретически всеобщим утверждением после многочисленных наблюдений первобытных людей за окружающей действительностью, философского, пусть и на уровне наивного разума, обобщения, дальнейшего включения данного вывода в культурную практику человечества, превращении наблюдения в распространенный социальный стереотип и, наконец, в безусловную веру всех людей в то, что все они когда-нибудь умрут.

Однако существует множество культур, где суждение «Все люди смертны» вовсе не куль-

турная или философская аксиома. У тех народов, которые, в силу своих религиозных убеждений, верят в бессмертие души, в бесконечное перерождение человека, в возможность появления духа человека при камлании или верчении тарелочки, наконец, в существование загробного мира, где все умершие приходят на суд Божий и часть из них проходит чистилище, такое суждение имеет статус проблематичного или условного. Всегда приходится оговаривать, в каком смысле человек смертен – в физическом или духовном? Некоторые народы полагают, что после прекращения дыхания человек не умер, а продолжает жить, но в другом обличье, среди живых. С ним можно общаться, как с соседом, но только через особого посредника. Для таких народов, а их по историческим меркам может оказаться большинство, «все люди бессмертны». При этом физическое существование не доминирует над духовным, но оба выступают в качестве осязаемой реальности. Даже в западноевропейской культуре, произрастающей на почве философского силлогизма «все люди смертны, Сократ – человек, следовательно он смертен», бессмертие и смерть – в культурологическом смысле – избирательны: герои бессмертны, злодеи смертны и преходящи.

Таким образом, утверждение «все люди смертны» надо считать биологическим и демографическим фактом, но никак не культурным или философским. Если логика нейтральна к смысловому модусу утверждения, к тому, какую реальность оно описывает, то данный силлогизм логически законен. Но только логически. Строить на нем философское, культурологическое или социологическое знание уже проблематично. Силлогизм легитимен лишь как форма мышления, но нелегитимен в отношении содержания мышления, если под содержанием подразумевать то наполнение формы, которое проистекает из особенностей корпуса знаний в данной науке.

Логические и юридические законы придумали люди под свои нужды и интересы. Своим мышлением, соблюдая принципы непротиворечивости, или своим поведением, не нарушая законы страны, мы можем управлять. Но законы природы вне нашей власти.

Остается спросить: а где место так называемым социальным законам? Если они суть закономерности поведения людей как представите-

лей больших социальных групп, выявленные эмпирическим путем (скажем, в опросе) и доказанные средствами математической статистики, то они относятся к вероятностным событиям. Статистика, а не логика или физика, определяют природы и суть социальных законов как тенденций или закономерностей наступления того или иного события.

Статистические исследования социальной сферы общества – это и есть эмпирическая социология в ее привычном, исходном и самом массовом виде. А. Кетле и политические арифметики XIX века являлись эффективными социологами до и помимо деяний О. Конта, который не провел ни одного исследования, но очень много поучал других, как их надо проводить.

Что он дал науке? Название и теорию трех стадий? Три стадии к социологии не имеют вообще никакого отношения, ибо они – образец философских мудствований. Название – да, оно прижилось. Стремление привнести в новую науку естественные методы исследования делались и до Конта. Он лишь узаконил эту возможность, превратив ее в необходимость. Вернее, необходимость использования математики в социологии сделал добродетелью.

Может быть, социальные законы находятся ровно посередине между объективными законами физики и субъективными законами права (статус законов логики в этом свете требует особого разговора)? Иными словами, в них ровно столько же объективного, сколько и субъективного? Тогда какие это законы? Это законоустановления.

С вероятностью знакома не только социология и статистика. Она находится в самой сердцевине современной физики – в квантовой механике. Это они, современные физики, используя самые точные и сверхмощные приборы не в состоянии определить местоположение элементарной частицы и ее энергию (импульс). То есть они могут сказать, где находится человек, но как он выглядит, какого он роста и веса, они не знают. Знать оба параметра точно запрещает фундаментальный физический закон – принцип соотношения неопределенностей Гейзенберга.

А социологам мешает получать точную информацию о людях? Другой какой-нибудь принцип неопределенностей? Сколько опросных фирм изучает установки избирателей, столько

разных данных получается. При этом все они доказывают, что выборку построили об искомом объекте правильно, а статистическая погрешность находится в пределах допустимого.

Приборы для исследования у нас с физиками разные – ну, очень разные. А неопределенность выводов почти одинаковая. Загляните в специальную литературу и посмотрите, какое количество теорий строения вселенной создано современными космологами. Видимо-невидимо. На любой вкус – стационарной вселенной, струнной, мембранной, пузырьковой, п-мерной и т.д. Теория голограммной вселенной предполагает, что где-то на другом конце существующие наши образы проецируются на двухмерный горизонт событий. Мир – это и есть трехмерная голограмма, спроецированная на двухмерный мир.

Творчество и фантазия буйствуют здесь похлеще, чем в живописи и музыке. Мы, социологи, в одном ряду с ними. Сколько у нас теорий общества и сколько социологических парадигм? И что, все теории, что у физиков, что у социологов, основаны на законах? Тогда скажите мне, что есть закон? Может быть, сами законы должны отойти в предание, т.е. в область метафизики – систему предельных понятий?

Социальный утилитаризм и идеалы прогресса

Трехстадийная концепция О. Конта – воплощение всемирно-исторических законов развития человеческого общества. Так, во всяком случае, думал ее создатель. В европейском обществе в это время происходили потрясающе интересные события. Капитализм, благодаря индустриальной революции, разворачивал всю свою мощь. Буквально штаны трещали на теле старого общества – рост промышленных городов-спрутов, обезземеливание крестьян, концентрация преступности и проституции, торговля детьми, пауперизация и обнищание широких масс. И все это на фоне невиданного расширения политических прав прежде всего для средних слоев, а не только аристократии как прежде, появление железных дорог, газовых фонарей, синаматографа, пароходов и других невиданных ранее чудес «века железа», как его окрестили позже историки.

Окончание войны против всех, провозглашенное Гоббсом, так и не наступило. Напротив,

Францию сотрясли экономические кризисы, классовые схватки, политические перевороты. Директория, Консульство, Империя, Реставрация, революция 1830 г., Июльская монархия, революция 1848 г., Вторая республика, Вторая империя - вот политические вехи творческого развития Конта. О. Конт волею судьбы был поставлен в необычные исторические условия: на коротком промежутке времени разыгрывались глобальные общественные процессы. Такому можно только позавидовать. Но сотрясаемое раздорами общество требовало не только бесстрастного диагноста, но и удачливого лекаря. Такую функцию была призвана выполнить социология.

Французское общество в контовские времена остро чувствовало потребность в ней. Уже в конце XVIII в. в научный обиход входит понятие «класс», заменившее собой расплывчатое «сословие». Французские историки вводят в употребление понятие классовой борьбы, которое описывает новую социальную структуру. Сен-Симон и Шарль Фурье первыми поставили проблему человеческого фактора в производстве. Не отрицая необходимости и пользы разделения труда в обществе, они, как и Руссо, предлагали задуматься о той гуманистической цене, которую приходится платить за технической прогресс.

Социологическая мысль явилась ответом на кризис динамично развивающегося европейского общества. Цель нового мышления - развить интеллектуальные инструменты, которые сделали социальные отношения в обществе более прозрачными. Социология родилась и выросла в быстро изменяющемся мире. Борьба за независимость в Европе и Америке, возрождение и падение Наполеона, расцвет Британской империи.

Именно в XIX в. мы видим широкое движение интеллигенции, причем во всех европейских странах включая и Россию, в помощь социальным аутсайдерам. Врачи проводят инспекции на предприятиях и описывают условия труда, филантропы жертвуют деньги на помощь беднякам и сиротам, учителя дают бесплатные уроки и выявляют одаренных детишек. Множащийся числом средний класс горел желанием улучшить положение дел в обществе. Социология рождалась как наука об обществе и его трансформации. Если европейские пионеры социологии

были философами, то американские - проповедниками и священниками. Это свидетельствует не только о романтическом ореоле зарождения социологии, но и о том утопическом проекте, который был выбран в качестве некоей теоретической платформы. XIX в., судя также и по русской литературе (вспомнить хотя бы Базарова) был весьма деятельным. Все что-то улучшали, изменяли, преобразовывали. О. Конт, создавая новую науку, мечтал ее сделать разновидностью научной религией, поверив в которую правители смогут править в соответствии с объективными и надежными законами. Алгеброй они поверят общественную гармонию.

Именно тогда только и могла появиться социология. Она возникла как идеология среднего класса, изменив традиционные ценности и привнеся в европейскую культуру нечто новое - *социальный утилитаризм*. В этом учении интересы общества уже доминировали над индивидуальной выгодой. Целью социального утилитаризма у Сен-Симона и Конта явилась общественная солидарность (консенсус). Конт призывал к созданию нового типа социализма, где сплоченность общества достигалась на всеобщем стремлении всех людей к идеалам науки, на превращении научного знания в новую разновидность религии. Жрецами современного общества должны были выступить ученые. Ученые, вооруженные позитивным знанием об устройстве общества (позитивное у Конта служило синонимом опытного, научного знания). Еще раньше древнегреческий философ Платон призывал установить над обществом власть просвещенных философов, которые также были вооружены всеми необходимыми знаниями, но вдобавок к тому еще и определенным образом воспитанные.

Несомненно, О. Конт в своём творчестве руководствовался идеалами прогресса, политической и экономической свободы, надеждой на то, что с помощью науки и просвещения можно решить все социальные проблемы. На вопрос о том, как вылечить больное общество, Конт отвечал просто: надо создать такую же точную и объективную науку об обществе, каким является естествознание. Новая наука называется «социология». Открытые наукой законы общества надо преподавать в школах и университетах, дабы просветить людей, научить людей тому, как следует правильно и разумно строить свои

взаимоотношения. В этом отношении он был близок к взглядам просветителей.

Социальная статика и общественный порядок

Создавая новую науку, О. Конт рассуждал примерно так: для того чтобы познать общество во всем многообразии его проявлений, философии уже недостаточно. Нужна специальная наука, которая занималась бы обществом не наряду с другими вопросами, а специально, посвятив все внимание только им. Для того, чтобы состоялась новая наука об обществе, как самостоятельное знание, ей нужно отказаться от философского метода познания и придумать свой собственный. Но в начале, пока своих методов нет, социология должна взять из естествознания такие методы как наблюдение, эксперимент и сравнительный анализ.

В созданной им классификации наук социология считалась самым сложным, труднопостижимым видом знания. Как фундаментальная наука о законах общества, которое есть высшая реальность, подчиняющаяся только естественным законам. Историю творят не великие личности, а объективные законы. Индивид - скорее абстракция. Общество - это все человечество или какая-то его часть, связанная консенсусом (всеобщим согласием). Историки находят у Конта зачатки того, что впоследствии стали называть системным подходом.

Конт преклонялся не только перед социологией, но и перед человеческим обществом, которое она призвана описывать. Для него отдельный индивид - почти ничто. Общество состоит не из отдельных индивидов, а из социальных систем. Под ним подразумевалось все человечество или какая-то его часть, связанная консенсусом (всеобщим согласием). Посредствующим звеном между индивидом и обществом выступает семья, и семейная связь совсем иной природы, нежели социальная. Учение Конта состояло из двух частей - *социальной статики*, описывающей законы существования, и *социальной динамики*, описывающей законы и этапы изменения общества.

Общество у Конта - органическое единство бесчисленного количества атомов-индивидов, связанных между собой всеобщим согласием (консенсусом). Такая связь носит внешний, принудительный характер. Напротив, в *семью* лю-

дей объединяет внутренняя, кровнородственная связь. В обществе люди объединяются сначала в семьи - первичные ячейки, а те - в социальные системы, вторичные ячейки. Общество состоит не из отдельных индивидов, а из социальных систем. Посредствующим звеном между индивидом и обществом выступает семья. Ход *социальной истории* по Конту таков: семья превращается в *племя*, а из племен со временем формируется нация.

Онтологически общество важнее, чем индивид. Ведь общество может прожить без каждого из нас, а каждый из нас без общества - нет. И еще: обществом управляют объективные законы, а индивидом - субъективные интересы. Вот почему для Конта отдельный *индивид не являлся объектом социологического исследования*. Конт решительно подчеркивает примат общества над индивидом, а слова «личность» и «личный» использует с уничижительным оттенком.

Говоря о социальной статике, Конт отвергал рыночную конкуренцию, полагая, что она развивает в человеке самые худшие, эгоистические черты. Он считал разделение труда внутренней пружиной прогресса, но отрицательно относился к социальным последствиям. Одно из них - специализация труда, превращающая человека в однобокого уродца. Разделение труда и конкуренция как бы выворачивают социальные отношения наизнанку: они развивают только чувство профессиональной солидарности. Оно объединяет лиц одной профессии, но заставляет с враждебностью относиться к лицам другой. Возникают замкнутые корпорации типа мафиозных организаций (клан или каста). Концепция перерастания профессиональной солидарности в солидарность корпоративную актуальна и сегодня. Она хорошо описывает феномен круговой поруки и организованную преступность.

Разрушение общественного порядка может приостановить государство. Только оно может использовать всю мощь политической власти для того, чтобы восстановить социальную солидарность и политическое единство общества. Воистину, государство - блюститель социального порядка. Ему надо разрешить вмешиваться в экономическую и социальную сферу общества, но не в моральную. Конт исповедовал принцип разделения моральной и политической власти. Он высоко ценил средневековые именно за

то, что там четко соблюдалось разделение власти между церковью (мораль) и государством (политика). Оно - единственное средство удерживать общество от интеллектуального и морального террора, в который неизбежно впадает всякое правительство, когда развитие мысли ставится в зависимость от политической выгоды. Индивид должен почитать общество как высшее существо, которому он всем обязан. Подчинение ему - священный долг каждого гражданина. Это не подчинение Богу или государству, это подчинение одного всем. Основной этический принцип общественной жизни - «жизнь для других». Таков принцип единства альтруизма и консенсуса. На его основе Конт мыслил, как и Платон в свое время, перестроить человеческое общество. Совокупность утопических рекомендаций он назвал программой создания «позитивной религии».

Общество трех стадий

В области социальной динамики О. Конт сформулировал основной закон общественно-го прогресса - *закон трёх стадий*, по которому стадии развития общества соответствуют стадиям развития человеческого ума.

Первую *теологическую*, или фиктивную стадию, охватывающую древность и раннее средневековье (до 1300 г.), Конт делил на три периода: фетишизм, политеизм и монотеизм. При фетишизме люди приписывали жизнь окружающим предметам и видели в них богов. При политеизме (Древняя Греция и Рим) обожествлялись природные явления. Эпоха монотеизма - эпоха христианства.

Метафизическую стадию (с 1300 по 1800 г.) Конт рассматривал как переходную, для которой характерно разрушение старых верований - фундамента общественного порядка. Важнейшие события этой эпохи - Реформация, Французская революция. Им сопутствовало распространение критической философии, приведшей к упадку авторитетов. Общество, погружённое в анархию, нуждается в новой идеологии, выполняющей интегрирующую роль.

Такова, по Конту, философия позитивизма, знаменующая наступление третьей стадии - *позитивной*. Свидетельством вступления в последнюю, позитивную эру является распространение наук, рост их общественного значения, развитие промышленности, гармоничное развитие

всех элементов социальной жизни. Если для общества, находящегося на метафизической стадии, наиболее важной является фигура юриста, то в индустриальном, на первый план выдвигаются ученые и промышленники⁴. Контская теория трех стадий развития общества осталась разве что музейным экспонатом, с которым вынуждены знакомиться студенты, посещающие раздел «История социологии». Это вам не Маркс, общественные идеи которого всколыхнули полмира и столкнули в классовой битве десятки миллионов людей.

Когда зарубежные историографы пытаются обнаружить теоретические источники современной концепции «индустриального общества», то наряду с О. Контом они называют имена двух других французских мыслителей — Клода Анри де Сен-Симона (1760—1825) и Эмиля Дюркгейма (1858—1917). Основополагающей идеей во французской школе социологии труда была концепция общественного разделения и кооперации труда как определяющего всю жизнедеятельность людей экономического и социального института. Излишнее разделение труда, по мнению Конта, ведет к разрушению самого ценного в обществе — согласия, или солидарности людей. Его отрицательные последствия — это разложение общества на отдельные корпорации, порождение конкуренции и узкой специализации работников, одностороннее профессиональное развитие личности.

Обратим внимание: закон трех стадий у Конта описывал три явления: а) развитие всего общества, или человечества⁵, б) становление философской мысли и науки, в) индивидуальное развитие отдельной личности с детства до старости: человек бывает теологом в детстве, метафизиком — в юности и позитивистом — в старости. Как тут не вспомнить мысль К. Маркса о том, что история общества в свернутом виде напоминает эволюцию человека, начиная с зародыша.

Надо сказать, что Конт вовсе не был оригинален: до него аналогичную теорию прогресса развивали Вико, Лессинг, Тюрго, Гердер, Кондорсе. По существу, эти идеи Конт воспринял у Сен-Симона, у которого семь лет работал секретарем. Если первый развивал идеи «социальной физики», то второй — «социальной физиологии», построенной на принципе историзма. Подчеркивая значение общепользуемой трудовой

деятельности как наиглавнейшего фактора, создающего взаимную связь людей, Сен-Симон придавал исключительную роль в историческом движении общества промышленности. Смена общественных систем у него происходила под влиянием господствующих форм собственности и производства, и критерием их прогресса выступало удовлетворение важнейших жизненных потребностей людей. Будущее общество представляло как огромная добровольная ассоциация людей, основанная на плановой организации производства и обязательном производительном труде всех ее членов.

Необходимость существования государства как такового обусловлена объединением частных сил для общей цели: правительство поддерживает общественную солидарность, препятствуя частным интересам разорвать единое целое. Покоится коллективная солидарность на двух столпах — как человек устойчив на двух ногах — светской и духовной ветви власти.

Основной своей задачей Конт считал необходимость переустройства общества на основе позитивизма, замену «ретроградной аристократии» и «анархической демократии» *социократией*. Идеологией социократии выступает у Конта позитивизм — ни наука, ни религия, скорее их некий *синтез*.

Признавая наличие двух противоположных классов — предпринимателей и рабочих, Конт призывает к их солидарности, утверждая, что каждый выполняет важную для общества функцию. В социократии нет средних классов⁶, так как между противоположностями «позитивного» общества — промышленниками (банкирами, купцами, предпринимателями, землевладельцами, менеджерами) и рабочими — царят классовый мир, взаимопонимание и солидарность. Политическая власть в социократии принадлежит банкирам, которые пользуются советами ученых-консультантов. Духовную власть в социократии осуществляют жрецы Позитивистской церкви — философы-позитивисты и учёные, которые воспитывают оба класса в духе социальной солидарности.

Собственность находится в руках фабрикантов, земледельцев, банкиров и купцов. Владение собственностью является не только правом или привилегией, но прежде всего долгом. Формируется то, что сегодня называют социальной ответственностью менеджмента и бизнеса. На

них ложится «необходимая социальная функция» по созданию и управлению капиталами, а также предупреждению забастовок, обучению кадров, формированию рабочих мест и развитию социальной политики.

Одновременно с этим Конт выдвигает идею о моральном превосходстве пролетариев над другими слоями общества. Моральное превосходство рабочих основано на том, что: 1) они живут и трудятся в плохих условиях, а это вызывает в других слоях общества сочувствие и переживание (т.е. «социальные чувства»); и 2) это труд в пользу других членов общества, на который мы должны смотреть как на благо само по себе. «В этом отношении они обыкновенно стоят даже выше истинных философов», — утверждает Конт⁷.

В социальной структуре общества у О. Конта, как и у К. Маркса, не нашлось места среднему классу. Его прообраз — мелких собственников — он называет «паразитным растением». «Лучшие» из них должны влиться в класс капиталистов, а остальные — увеличить численность класса пролетариев. К «лучшим» Конт относил тех, кто уцелел в ожесточенной рыночной борьбе и проявил предпринимательскую сметку. В результате «общество будет состоять только из богатых и бедных, и на обязанности богачей будет лежать обеспечение возможно лучшей участи для бедных»⁸.

Закон трех стадий, того не желая и не обозначая автора, подробно развивал М. Вебер. Каким образом?

Во-первых, называя общие понятия типа государства и класса бесплотными духами, абстракциями, Вебер по существу говорил о метафизическом этосе (а не только этапе, как у Конта) науки. За общими понятиями ничего не стоит. Что такое государство? Разве оно существует в реальности? Нет. Существуют только конкретные люди, осуществляющие государственные функции.

Во-вторых, он продолжил разговор о метафизике в теории бюрократии, которая правит от имени абстрактных методик документов, норм, которая руководствуется в своей повседневной деятельности безжизненными формальными правилами, стиль речи и документации безжизненный, абстрактный, метафизический. Правда, Вебер различал плохую (метафизическую) и хорошую (прагматическую) бюрократию,

которая благодаря общим правилам и четким нормам наводит порядок в организации, избавляясь от хаоса и дублирования функций.

В-третьих, первую теологическую стадию Конта Вебер анализировал в специальной работе, посвященной социологии религии. Кроме того, книга «Протестантская этика» это работа о прогрессивной роли религиозных установок в развитии трудовой деятельности и формировании современного капитализма. Он показал, что нехватка именно протестантского духа в древнем Китае и средневековой Европе не позволили возникнуть рациональному рыночному обществу, хотя другие его предпосылки там были.

Если конечный выбор научных симпатий Конта был в сторону количественной методологии, то у Вебера он был сложнее – как синтез понимающего метода (качественной методологии) и статистики, т.е. в сторону триангуляции.

Конт совершил поистине революционный переворот в социологии как науке об обществе, определил ее предмет и методы. По его мнению, наука должна раз и навсегда отказаться от философских спекуляций и заняться реальным делом. Мы не можем выдумывать, предписывать или устанавливать законы природе, утверждает Конт. Все, на что способен настоящий ученый, изучающий общество (и потому именуемый социологом), это - *наблюдать, регистрировать и систематизировать* факты и на этой основе выявлять определенные *закономерности*. Правда, на практике Конт не провел ни одного социологического опроса, никогда не занимался научным наблюдением и не проводил контент-анализ. Он был философом, разочаровавшимся в философии, потому что она не способна объяснить общество, в котором Конту пришлось жить и пропагандировать свои идеи. Он не очень тщательно собирал исторические факты и больше грезил о будущем состоянии общества, стремясь сделать из социологии его главную религию.

Секулярно-религиозный позитивизм Конта

Секулярно-религиозный позитивизм Конта – противоречие в определении. Позитивизм несомненно совместим с религией, как совместима с ней наука, по убеждению позитивистов. Каждая уступка религии – это шаг в сторону от истинно-

го позитивизма – веры во всемогущество науки. Конт сделал не просто шаг, он подчинил своей религии позитивизм: его религия была целью, позитивизм – средством ее осуществления.

Секулярно-религиозным позитивизм Конта является еще и потому, что религиозным он был лишь по форме, а секулярным по содержанию. В религии Конта не было Бога, хотя были священники-ученые. От религии сохранилась только внешняя, культово-обрядовая, оболочка. Впрочем, таким же отчасти является сам католицизм, в котором вырос Конт. Если он как-то и симпатизировал протестантизму, то только потому, что хотел отвергнуть христианство как таковое, заменив его новой, подлинной религией. Собственно говоря, протестантизм пределал с католицизмом тоже самое.

У Конта религия без Бога, вместо него природа, но природу он не приравнивает Богу. У Спинозы пантеизм, где Бог равен Природе. У Гегеля вместо всего Абсолют, он равен природе + богу + духу. У Конта нет ничего вне субъективного Я. Это как у туристов, созерцающих чужую страну из окон автобуса и домисливающих ее по собственным соображениям и отрывочным впечатлениям из окна.

Теория трех стадий Конта касается не только общества, но и разума, ибо это три этапа эволюции человеческого Духа, как у Гегеля – с большой буквы. Правда, не ясно, как соотносятся в динамике три ступени-стадии-состояния (именно так, через три слова, можно перевести с французского соответствующее существительное; к ним еще примешивается четвертое – государство). По законам диалектики? Например, следующая ступень полностью отрицает предыдущую, ничего не сохраняя? Вряд ли Конт додумался или подразумевал тотальный нигилизм. В таком случае следующая ступень сохраняет что-то от предыдущей. Но как много – четверть, треть, половину, две трети? Если следующая ступень, скажем, метафизическая, получила такое название, значит, что новые элементы более чем наполовину победили старые.

Но как тогда понимать, что мифологичность и метафизичность, которые, по Конту, якобы, преодолены, сохраняются сегодня? И не просто сохраняются, но и расширяют сферу своего приложения, например, религиозных сект и секто-

чек сегодня стало больше, чем когда-либо, мифология – как форма искаженного сознания – сегодня процветает и здравствует как в политике, так и в обыденной жизни. Разве служи и сплетни не есть формы искажённого, мифологического сознания? А всевозможные фейки в интернете? Если это так, то о какой победе научного сознания говорил Конт? О мифической победе?

У многих народов существует запрет на упоминание имени умершего человека из опасения вызвать его дух или призрак. Многие камба (Кения) до сих пор верят в духов и, если что-то нехорошее случается, то считают, что это произошло по вине покойных врагов рода. Например, если кто-то заболел, то старший в роду садится на трехногий табурет посреди хижины, окруженный семьей и перечисляет всех покойных предков по старшинству. Если же происходит что-то, что угрожает всей деревне, то за дело берется шаман, который может впасть в состояние транса и вступать в прямое общение с душами умерших. На острове Танна тихоокеанского государства Вануату распространён религиозный культ, в котором почитается супруг английской королевы Филипп, герцог Эдинбургский. Маконде (Танзания) не боятся смерти, так как верят, что полученная ими при рождении духовная сила лишь переходит в другое состояние. Связи с умершими следует всячески укреплять, ибо, если они ослабеют, добрые духи могут превратиться в злых. Апатани (Гималаи) верят, что души умерших естественной смертью (яло) уходят в подземный мир, похожий на долину. Жизнь в этой долине (Нели) похожа на надземную: люди работают, выращивают урожай⁹, пасут скот. Умершие там могут пожениться и даже иметь детей. Все на свете, считают байнинги, землю, реки, горы, людей, леса создал Ригенмуха. Никто не знает, как он выглядит и где живет. Самого Ригенмуху никто не создавал; он существовал всегда. Он невидим, но он присутствует везде. Имя его нельзя произносить вслух. Он правит жизнью и смертью; человек всегда может обратиться к нему¹⁰. Согласно преданиям мексиканского племени уичоли (Huichol), мир имеет священное измерение, обладающее великой силой, и жрецы способны в него проникать для установления связи между миром людей и миром богов. Люди из племени Дан (Кот-д'Ивуар) только во второй половине

XX века стали принимать христианство и ислам, поэтому большая их часть по-прежнему верят в магию, поклоняются духам предков. В их среде распространены анимизм, фетишизм, сатанинские культы. С конца 19 века среди аборигенов островов Меланезии стал распространяться культ карго – вера, что западные товары посланы им духами предков, а белые люди незаконно владеют ими.

В последнее время колдуны, шаманы, потомственные целители, предсказатели, врачеватели всех мастей заполнили своей рекламой российское пространство СМИ. Массовые сеансы целительства собирают огромные залы, как во времена Чумака. На смену старым кумирам пришли новые. Например, Рушель Благо обещает исцелить любого желающего с помощью своей магической музыки. Не только у нас в стране книжные прилавки наводнила литература по астрологии, хиромантии и оккультизму, а газеты полны объявлений бесчисленных колдунов и знахарей. То же можно наблюдать и в западных странах. Так, в США насчитывается около 10 млн астрологов; в Англии 35% населения регулярно читают гороскопы в популярной прессе, а 45% - нерегулярно; в одном только Париже действуют 3000 астрологов, хиромантов, ясновидящих, ежедневно издается 2-3 книги по магии и оккультизму¹¹.

Закон трех стадий – это закон развития человечества, его можно разделить на три вида: 1) стадии социального прогресса, 2) стадии развития науки, 3) стадии филогенеза индивидуального мышления человека. Именно этот момент триединства Конт подчеркивает в своих произведениях.

Теологическая, метафизическая и научная стадии могут еще быть названы так: теологическая (религиозная), телеологическая (метафизическая) и сциентистская (научная)?

На первой религиозной стадии человек объясняет непонятное и пугающее его в обыденной жизни сверхприродными силами. Но почему? Потому что он не понимает причинно-следственных связей, например, между молнией и вспыхнувшим деревом, природными циклами и засухой. Они эти связи станут известны позже, уже на третьей, научной стадии. Но пока что требовалась замена. Если не работает логически-аналитическое мышление, для которого нет ни подходящего эмпирического материала,

ни накопленного опыта наблюдений за природой, ни навыков анализа, то вход идет образное мышление и воображение. Таким образом, первая стадия – яркое проявление подключения к примитивному познанию природы метафор – одно обозначается и понимается через другое, более привычное и понятное. Весь ряд духовных сил – это строй метафор. Фетиши, боги, духи рода, духи умерших и т.д. – это все метафоры. Они сопровождают всю историю человечества, а сегодня не забыты как инструменты познания, а используются даже шире, чем прежде.

Метафизическая, или философская стадия знаменует собой замену зримых метафор, основанных на вполне конкретных вещах и явлениях, например умерших, абстрактными сущностями. Всеобщее, бытие, качество, становление, материя, логос и т.д. – это вновь метафоры, но уже другого калибра и другой природы. Конкретное и зримое заменено абстрактным и невидимым. Духи тоже невидимы и не осязаемы, хотя вполне наглядны и антропоморфны, как греческие боги на олимпе.

Третья, научная стадия заменила сверхприродных богов и античные философские сущности математическим языком, суть которого в установлении логических отношений между нашими понятиями по кратким символическим формулам. Он еще менее нагляден и понятен простым людям, но зато очень удобен для специалистов, ибо сокращает путь познания, сокращает словесные описания краткими выражениями. Но метафоры в двух своих прежних ипостасях – мифов и категорий – сохранились и никуда не делись. Они вновь верные помощники человека в познании неизвестного. А сегодня в XXI веке человечество всюду говорит об ограниченности голого позитивизма и математизма, который стал править наукой и подчинил себе реальный мир – квантофрения.

Итак, у Конта закон трех стадий, напрямую связанный с его иерархией наук, говорит о смене трех форм человеческого сознания, а не Духа или Общества. Почему он приравнивает их к стадиям общества? видимо потому, что в данную эпоху теологическое или научное сознание получает от общества институциональную и властную поддержку, благодаря становится материальной движущей силой развития общества. Но такие форму поддержки возникают только

тогда, когда они являются выгодными для элиты, которая их и институализирует, принуждая простой народ подчиняться племенному мифу, церкви или научной индустрии. Но эти три стадии не есть стадии зрелости общественного сознания. После крещения Руси в 988 г. российская глубинка еще в XVI-XVII веках поклонялась языческим символам. Новое сознание долго вызревает в недрах старого, хотя социальные институты, поддерживаемые властью, всюду спешат вперед. Постсоветская Россия институционально уже перешла к рыночному обществу, а общественное сознание во многом оставалось и остается до сих пор – если принимать во внимание не заявления, а поведенческие инстинкты – коллективистским или, лучше сказать, нерыночным. Называть его дорыночным не совсем правильно, ибо Россия несколько раз переходила к рынку, но возвращалась вспять. И неспроста – народу новый миф не понравился. Ведь когда агитируют за новое, то всегда картину нового приукрашивают его защитники, т.е. творят миф. Но и ушедший СССР сегодня тоже приукрашивается, как недавно демонизировался. То и другое – мифология. Коммунизм в свое время называли заменителем религии, а ведь эта идеология-религия господствовала в XX веке на половине земного шара, если считать Китай.

По всей видимости, в рамках схоластической научной картины мира природа и общество трактуются как некий шифр, нуждающийся в прочтении и расшифровке с помощью специальных кодов, роль которых играют мифы, коллективные архетипы и человеческое бессознательное.

Утописты и пророки

Не только учение О. Конта, но и французская социология в целом была тесно связана с пророчеством. Об этом документально засвидетельствовал Ф. Мануэль в книге «Пророки Парижа»¹². Наука о «социальном человеке» родилась в узком кругу французских интеллектуалов-утопистов (Тюрго, Кондорсе, Сен-Симон, Фурье, Конт), которые, подобно античным философам-перипатетикам, создавали новые идеи в неформальном общении и дружеских беседах – в небольших кафе, домашних гостиных, на улице. Происходило это в конце XVIII – начале XIX вв. Восхищенные техническими достижениями научного прогресса, они верили в то, что

история складывается из человеческих поступков и движется энергией разума. Они верили, что социальный порядок можно изменить при помощи тех методов, какие они использовали при свершении революции в физических науках. Люди все больше тянутся к знаниям, и это превращается в мощное социальное движение. Человечество движется от теологической фазы к позитивной через метафизическую. Социология становится царницей социальных наук.

По данным Ф. Мануэля, французские утописты разработали практическую программу позитивной научной религии. Роль первосвященника отводилась Конту, которому подчинялась разветвленная региональная сеть пророков-социологов, ответственных за реализацию гуманистических идеалов в каждой европейской стране. В своих сочинениях Конт настойчиво проводит мысль о социологе как священнике. Но своей жизнью, практическими шагами он демонстрирует иной образ: социолога как пророка¹³.

Не только Конт, но и другие утописты рассуждали в подобном тоне. Каждый из них видел в себе мессию, который прибыл на землю, чтобы спасти людей. Сен-Симон воображал себя не кем иным, как перевоплотившимся Сократом, О. Конт предпочитал связывать свой образ с именем святого Павла¹⁴. В отличие от немецких социологов, французские мыслители, пророчествовавшие по поводу социальной науки, не были академическими философами. Для них любое действие было связано не с практикой, а с теорией. Они были глубоко верующими людьми: знали, каким хотят видеть будущее устройство мира, и свои знания часто выражали в социальных манифестах. Подобно израильским мудрецам, они не были пророками в своем отечестве. Конта при жизни на родине не читали. Позитивизм получил признание и опору в Англии благодаря проявленному к нему интересу со стороны Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Конта читали в конце XIX в. многие интеллектуалы в России. Позитивизм оказал особое влияние на М. Ковалевского. Небольшими кружками интеллигентов позитивизм поддерживался в Голландии, Италии, Швеции и США. Зато очень ограниченное влияние он оказал на Дюркгейма. Конта почитали в Латинской Америке. В Бразилии его считали официальным философом, а на национальном флаге в

качестве герба красовался девиз Позитивистской Церкви Конта – «Порядок и Прогресс». «Еще в 1920–1930-х гг., пытаясь снизить накал социальных конфликтов в обществе (религиозных, этнических, расовых, культурных и др.), Бразилия приняла в качестве национальной идеологии социологию Огюста Конта. В результате примерно три десятилетия страна демонстрировала миру «бразильское чудо». Ежегодный прирост ВВП поднимался до 20% и продолжался до тех пор, пока не был прерван военной интервенцией США»¹⁵.

Подчеркивая роль конкретных методов в познании, О. Конт тем не менее оставался представителем прошлого – поколения социальных философов, создающих всеобщие законы человечества. Только через 50 лет, а именно в конце XIX в., появилось первое поколение социологов, лидерами которого стали всемирно известные ученые Э. Дюркгейм и М. Вебер, к идеям которых мы еще не раз будем возвращаться. Поколению Вебера и Дюркгейма пришлось сделать шаг вперед и доказать, что историю творят не великие личности, абсолютные идеи или безличные законы, а рядовые люди, обладающие мотивацией, интересами, потребностями и ценностными ориентациями, что история и биография приобретают значение, только пропущенными через призму общественных отношений.

Оставаясь главным героем, индивид тем не менее растворился в социальном типе – в «капиталисте», «пролетарии» и «буржуа» К. Маркса, «протестанте», «бюрократе» и «политическом лидере» М. Вебера. Уникальная личность, герой исторических биографий и мемуаров уступил свое место идеальному типу. Типичный индивид стал прекрасным инструментом сравнительно-исторических и кросс-культурных исследований. Отдаленные тысячелетиями Александр Македонский и Наполеон превратились в действующих лиц одной драмы под названием «цезаризм». Оба они являли идеальный тип цезарита. Если историк чтит неприкосновенность хронологического устройства вселенной, размещая уникальные личности и события по своим гнездам-эпохам, то для социолога все эти македонские, цезари и гитлеры, в какое время они ни жили, выступают иллюстрациями понятий «политический лидер», «авторитарное правление», «цезаризм». Дюркгейм и Вебер широко

оперировали эмпирическими данными, изучая одну проблему самоубийства, а другой - профессиональной мобильности.

Еще дальше пошел Р. Парк, создатель Чикагской школы. Будучи журналистом, он обыскивал трущобы и описывал особенности поведения их обитателей. Посторонние принимали чикагских социологов за какое-то гостиничное сообщество, которое интересуется ночной жизнью граждан. Он изучал социальные типы там, где обитают их живые воплощения: преступников - в подвалах, китайских крестьян - в деревенских лачугах, соплеменников отважного Робин Гуда - в непроходимых лесах, ковбоев - на Диком Западе, последователей Аль Капоне и Анастаси - на улицах больших городов.

Поколение Конта и Спенсера постепенно уступило место поколению эмпириков, изучавших все более узкие проблемы: преступные группировки, малые группы, городские агломерации, расовые отношения и т.д. Активно использовалась статистика и собственные методы, изобретенные для целей эмпирического исследования. Европейская интеллигенция искренне интересовалась положением малоимущих слоев населения, поэтому активно проводились регулярные обследования фабрик и заводов, детских приютов и городских кварталов, переписи населения. Зарождается социальная статистика как неотъемлемая черта европейской культуры. Под нее требуются тысячи анкетных опросов. Стало быть, развиваются методика, техника и методология эмпирического исследования.

Какого Конта знает история

Оценивая вклад О. Конта, можно, конечно, согласиться с утверждением К. Поппера о том, науку характеризуют методы, а не результаты. Поэтому история науки - не столько история открытий, сколько история развития научного метода. Но можно присоединиться и к мнению Э. Гидденса, назвавшего социологию «самой опасной, дерзкой и провокационной из общественных наук», добавив, что она «спорна по природе своей»¹⁶.

Конт - то и другое: дисциплина духа, последовательность и методичность в проведении своих взглядов, а вместе с тем фантазия, буйство, противоречивость, чудаковатость. Конт - гений и пророк или ограниченный и полоум-

ный фанатик, как его характеризовал тогдашний министр народного просвещения Гизо? По мнению Вл. Соловьёва, личность Конта вызывает скорее сострадание, чем благоговение¹⁷. А что вызывает наука, основанная Контом? Какую социологию и какой позитивизм предлагал Конт? Объективная социология пытается объяснить мир, а критическая социология пытается ее изменить. Конт замахнулся на их объединение. Получилось у него?

С одной стороны, Конт предлагал объективную социологию, ибо настаивал на объективном - независимом от религии и метафизики - наблюдении фактов человеческого поведения. В этом послые выражается первый смысл позитивизма - объективизм. С другой стороны, Конт считал научное исследование не самоцелью, а средством для прогрессивного преобразования общественных отношений, уничтожения войн и конфликтов, классовой и расовой вражды. В этом послые выражается второй смысл позитивизма - прогрессивный. С третьей стороны, Конт постоянно критиковал существующее общество, обличал его социальные язвы, отвергал христианство, высмеивал нравственные основы западного общества. В этом выражен третий послые позитивизма - критический. Вывод: позитивизм Конта - в отличие от современного, узкоутилитарного, позитивизма - имеет широкую интегративную природу, соединяя все три функции социологии: быть академической, критической, прикладной и общественной дисциплиной. Все как у М. Буравого в ХХI веке.

Из всего контовского позитивизма логический позитивизм и прочие современные разновидности позитивизма выбросили все, кроме узкого сегмента, на котором они и специализировались. Не удивительно, что подобная узость не нравится подавляющему большинству современных мыслителей, как в науке, так и в философии.

В заключение спросим себя: какую физику предлагал взять в качестве эталона для социологии О. Конт? Когда Конт создавал проект социологии по модели естествознания, физика переживала классический, т.е. ньютоновский, период своего становления. Современная социология не только далеко ушла от классических идеалов, а во многом прямо противоположна им. В частности, это касается понимания таких

фундаментальных категорий, как пространство, время, материя и причинность. Однако современная физика, созданная Коперником по классическим канонам научного знания, никак не учитывает современный уровень естествознания. Она в этом смысле находится в прошлом.

В прошлом в таком случае находится и социальная практика, к которой апеллирует социология, а именно государственные органы власти и менеджмент коммерческих компаний, практические рекомендации для которых готовят социологи. И управленцы, и социологи мыслят в парадигме ньютоновского мышления, но никак не современного квантово-механического.

Для *ньютоновского мышления* характерны такие черты, как детерминизм и предсказуемость поведения, линейное течение времени, механическая каузальность и представление о целом как простой сумме частей. Без предсказуемости поведения людей невозможно строить стратегию управления персоналом. Не имея однозначной связи между причиной и следствием невозможно предсказывать коэффициент прибыльности бизнеса и рост производительности труда сотрудников в ответ на внедряемые в фирме социальные пакеты и реформы. На причинно-следственных связях построены все структуры современных организаций – от линейно-штабных до матричных и сетевых.

Социологи-исполнители и администраторы-заказчики живут в одном измерении, а потому говорят на одном языке и мыслят в одной парадигме. Хотя договориться по конкретным вопросам внедрения социологических вопросов им не всегда удается. Но это уже, как говорится, вопрос техники.

Не только частный бизнес – главная сфера приложения труда социологов-прикладников, но и общество в целом, а также все социальные институты сконструированы в формате *ньютоновской парадигмы*. Функция социального контроля, законодательная деятельность, предупреждение и наказание преступлений, инвестиции в демографическую и семейную политику невозможны в иной парадигме. Если государство вводит политику материнского капитала и затрачивает на ее финансирование миллиарды рублей, то правительство и его эксперты должны просчитать отдачу: как улучшится демографическая политика, возрастет ли детность в

стране, меньше ли станет детей-сирот? Социальные и экономические расчеты возможны только и только при соблюдении принципов каузальности – жесткой связи между причиной и следствием. Иными словами, при соблюдении лапласовского детерминизма, но никак не квантового индетерминизма, согласно которому у одной причины может быть несколько следствий, одно следствие может происходить в силу разных причин, наконец, причина может происходить раньше следствия.

Между тем в последние несколько десятилетий, полагает Жиль Паке¹⁸, темп социальных и экономических изменений заметно ускорился, а проблемы, стоящие перед социологией и административной практикой стали гораздо более сложными. Частные, государственные и общественные организации все чаще сталкиваются с непредсказуемыми (*wicked*) проблемами, причем и в морально-нравственном плане тоже¹⁹. В этом *квантовом мире* не существует никакой объективной реальности, принцип неопределенности не выглядит уже таким неаутентичным, как прежде. События в лучшем случае носят вероятностный характер и представляют собой сеть непрерывно происходящих и не детерминируемых извне взаимодействий и взаимовлияний, целостность которых не сводится к сумме частей²⁰. Социологам и управленцам как минимум необходим переход на новый формат мышления.

В квантовом мире никто ни за что не отвечает в конечном счете²¹. Диверсификация собственности, рассредоточенная ответственность, неопределенность в постановке целей, софтверный контроль, мультипликация центров контроля и множественность групп влияния в современной корпорации вынудили трансформировать систему управления в сторону большей гибкости и эластичности действий. Управляющим компаниями требуется штат специалистов, которые разговаривают с учеными нового поколения на одном языке, умеют внедрять стохастические модели управления и участвовать в создании новых научных продуктов.

К управленческой ситуации в целом, характеризующей переход от одной парадигмы мышления к другой, вполне применимы слова Ф. Фукуямы²² о том, что государственное управление походит на черную дыру, создающую множество возмущенных реакций. Правда, об-

раз черной дыры, поглощающей ресурсы и информацию и ничего не выпускающей наружу, подходит больше для бюрократической структуры.

Переход от детерминистско-ньютоновской парадигмы исследования и управления к индетерминистски-квантовой парадигме означает многие изменения и в организации общества, и в организации системы управления. Прежде всего это переход от вертикально устроенного или вертикально ориентированного общества к горизонтальному, сетевому. В практике менеджмента также происходит переход от вертикально-интегрированных бюрократическим структур к горизонтальным – проективным, матричным, сетевым и виртуальным системам. Старый мир – это мир крупных вертикальных структур (world of top-down big G-Government), новый мир и новая реальность – мир малых горизонтально расплывчатых систем (world of small g-network-governance), мир экспериментирования и моделирования²³. Их отличительная характеристика – постоянное изменение и постоянное обучение всех граждан и всех организаций – частных и общественных. Обучение новым целям и новым средствам их достижения – управление через обучение (governing by learning)²⁴.

Так кем был Конт – метафизиком, а значит консерватором, или революционером-позитивистом? Считается, что он совершил первую научную революцию в социологии. Возможно, ее совершил не О. Конт, как мы думаем, а те, кто первым предложил применять статистические методы не к вещам, а к людям, не к орудиям труда, домам и овцам, а к мнениям и взглядам людей. Видимо, это произошло до Конта в период ранних социальных исследований в Англии и Франции. Идея перехода от вещей к мнениям сама по себе революционная, поскольку до того ее никто не использовал и так не поступали. Переписи населения проходили по «головам», а не по «мозгам». Учитывать мысли как объективные факты, высчитывать среднее квадратичное или медиану среди самого субъективного на свете – человеческих чувств и мыслей, методологически и методически пионерам эмпирической социологии было не просто. Для этого надо было самый сыпучий материал упаковать в твердую коробку формализованных анкетных вопросов, на которые нужно и можно было отвечать только так, как предписывала

инструкция. Стандартизировать субъективные предпочтения – это кардинальный сдвиг в познании. Это была революция. Ну а Конт совершил вторую научную революцию, приравняв методологию социологии к методологии естествознания.

Суть мировой социологии – отстраненное от суеты и будней повседневности объективное изучение окружающего мира. Академическому идеалу, к которому, вне всякого сомнения, стремится наука социология, отвечает холодный разум, неучастие в социальных событиях, беспристрастность выводов, опирающихся на безупречную математическую логику.

В наибольшей мере академическую нейтральность социологии выразил позитивизм, пропагандирующий нейтралитет, невмешательство, объективность и точность науки. Созданная им философская база призвана была убедить социологов удержаться от участия в общественной жизни. Кажется, позитивизм сделал все возможное, чтобы удержать ученого-социолога на холодных вершинах разума.

Тем не менее, именно создатель философии позитивизма О. Конт первым предал академические идеалы, спустившись с небес на землю. Его философия – первый в новейшей истории утопический проект того, как на основе социальной науки переделать все общество. Именно у него этика и религия, прорвав научные заборы, широким потоком вторглись в пределы холодных формул и точных расчетов.

С тех пор раздвоение социологии только продолжалось. В каждом поколении социологов находилось несколько выдающихся, а то и великих, фигур, которые демонстрировали миру не только научные достижения, но и общественное призвание социологии. Одни служили священниками и социальными работниками, другие выходили на баррикады, воевали на стороне экстремистских группировок. Их кабинетные размышления никак не сочетались с политическим активизмом, их чувства находились в противоречии с их разумом.

Конт призывал к созданию нового типа социализма, при котором сплоченность общества достигалась всеобщим стремлением всех людей к идеалам науки, превращением научного знания в новую разновидность религии. Жрецами современного общества должны были выступить ученые, вооруженные позитивным зна-

нием об устройстве общества (позитивное у Конта служило синонимом опытного, научного знания). Еще раньше древнегреческий философ Платон призывал установить над обществом власть просвещенных философов, которые также были бы вооружены всеми необходимыми знаниями, но вдобавок и определенным образом воспитанные.

Создатель социальной теории конфликта К. Маркс перешел от слов к делу. Не воспринимая утопического проекта переустройства общества, созданного О. Контом (к которому, надо сказать, он испытывал большую неприязнь), Маркс разработал практическую технологию свержения власти, разрушения буржуазного общества и возведения на этом фундаменте всемирного социалистического общества — интернационала. В истории новоевропейской социально-экономической мысли эта школа представляет явление экстраординарное. Опираясь на лучшие достижения классической социально-философской мысли — французскую просветительскую философию, французский и английский утопический социализм, немецкую классическую философию и английскую политэкономия, — марксизм в то же время резко отвергал все интеллектуальные традиции, предлагая свой, лево-радикальный, проект переустройства общества.

По мнению А. Гулднера, после смерти Сен-Симона социологи, точнее, социальные мыслители, разделились на два лагеря: О. Конт создал программу *академической социологии*, выражавшей ценности среднего класса, а его противник К. Маркс — *партийной социологии*, выражавшей чаяния рабочего класса и призывавшей к свержению существующего строя. Академическая социология в XX в. стала популярной в широких слоях западной интеллигенции, была официально признана в качестве университетской науки в Европе и Америке, а затем и во всех других странах мира. Партийная же социология, именовавшаяся то научным коммунизмом, то историческим социализмом, практиковалась узкой кучкой интеллектуалов преимущественно в странах Восточной Европы, где она получила официальное признание и преподавалась в университетах, либо радикальной молодежи в бедных латиноамериканских странах.

Академическая социология во все времена прочно базировалась на сборе и анализе объек-

тивной эмпирической информации, опросах общественного мнения. Напротив, марксистская социология, ставшая основой официально признанной основой советской идеологии, переселившись из рабочих трущоб и душных мастерских, вольготно расположилась в просторных кабинетах партийных функционеров. Отражая теперь уже их интересы, а не чаяния народных масс. Такая социология, оторванная от жизни, превратилась в абстрактную догму, с этого момента, переместившись с баррикад в кабинеты, марксизм не критиковал, а защищал существующий строй — со всеми его недостатками и ошибками. Напротив, академическая социология, верная своим идеалам объективного отражения действительности, такой, какая она есть, призывала к ее реформированию и улучшению. Видимо, поэтому в первых рядах демократической интеллигенции, призывавшей в конце 1980-х и начале 1990-х гг. к радикальному изменению советского строя находились также и социологи.

В это время на западе происходило все наоборот: марксизм скорее отражал радикальные устремления социальных низов, а академизм — реформистские, полуконсервативные ориентации благополучного среднего класса, а отчасти и элиты американского общества. И вот сегодня в рядах антиглобалистов, выступающих против «акул капитализма», пожирающих Третий мир, можно встретить немало марксистски ориентированной молодежи. А в это время академических социологов американские компании нанимают в качестве своих ведущих консультантов.

Контковский вариант социологии называют еще позитивистской социологией за ее склонность не разрушать, а созидать общество, опираясь на точные факты и научные прогнозы; марксистский вариант социологии — критической социологией за ее склонность подвергать все сомнению и пересматривать самые основы общества, полагаясь на умозрительные конструкции. Однако их нельзя противопоставлять друг другу как «хорошую» и «плохую» социологию. Научно-эмпирическая функция социологии имеет такое же значение, как и социально-критическая. Никто другой, кроме Маркса, не дал западным социологам столько интересных и плодотворных идей для критического анализа современного общества.

Марксизм породил плеяду выдающихся со-

циологов и социальных мыслителей мирового уровня: Ф. Энгельс, Н. Бухарин, Л. Троцкий, В. - Ленин, Г. Лукач, А. Грамши, Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хорхаймер, Э. Фромм, Ю. Хабермас и др., – которые считаются продолжателями дела К. Маркса. Конттовская же социология превратилась в современную академическую социологию благодаря усилиям нескольких поколений выдающихся социологов в разных странах мира. Их нельзя считать последователями Конта, который заложил только формальные основания науки. Содержательный потенциал учения Маркса оказался столь значительным, что, по существу, сравнялся с коллективным потенциалом всех немарксистских социологов. С Марксом продолжают полемизировать все социологи мира (ныне они появились и в России), а Конта вспоминают разве что историки науки.

Историки науки различают два периода творчества Огюста Конта, равно как и двух Контов – ранний рационализм и поздний мистицизм. Первым высказал подобную мысль его ученик Дж. Милль, который отделял «хорошего Конта» (ученого) от «плохого Конта» (мистика).

Ссылки:

- 1 История социологии. В 2 т. Т. 1 : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. И. Кравченко. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. с. 129-157.
- 2 Coser L. American trends //A history of sociological analysis. L., 1979. P. 287
- 3 Gouldner A. The coming crisis of Western Sociology. N.Y., 1970. P. 24.
- 4 Интересно, на какой стадии тогда находилась Россия в 1990-е годы, когда конкурс в юридические вузы превышал все мыслимые и немыслимые пороги?
- 5 Конт не разграничивает эти два понятия. Общество рассматривается как человечество в миниатюре, а человечество - как расширенное до предела общество.
- 6 К мелкой буржуазии Конт относился резко отрицательно и желал ее исчезновения. А интеллигенция как класс еще не появилась.
- 7 Конт О. Общий обзор позитивизма // Родоначалники позитивизма. Вып. 5. – СПб, 1913. С 87.
- 8 Милль Дж.Ст. О. Конт и позитивизм. СПб., 1906. С. 140.
- 9 В долине Зиро (Индия) племя Апатани

ведёт совмещённое рисорыбное хозяйство – разводит рыбу на рисовых полях.

- 10 Клеменсен А. В горах, где живут байнинги // Вокруг света. №11 (2578). Ноябрь 1973
- 11 Ходорыч А., Голубцов С., Антонова А. Шабашники высшего разряда // Коммерсант деньги №44(297), 8 ноября 2000, с.19-24.
- 12 Manuel F.E. The Prophets of Paris. Harvard, 1962.
- 13 Friedrichs R.E. A Sociology of Sociology. N.Y., 1970.p.70.
- 14 Friedrichs R.E. A Sociology of Sociology. N.Y., 1970.p.71.
- 15 Култыгин В.П. Теоретическая социология за рубежом накануне конгресса // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 11.
- 16 Гидденс Э. Устроение общества. – М., 2003, с.5.
- 17 Соловьёв Вл. Конт Огюст // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
- 18 Paquet G. Quantophrenia // Optimum: The Journal of Public Sector Management, 2009, 39(1) pp. 14-27.
- 19 Paquet G. Governance though Social Lwearning, Ottawa: The University of Ottawa Press, 1999; Paquet G. The New Geo-governance: A Baroque Approach, Ottawa: The University of Ottawa Press, 2005; Paquet G. Gouvernance: mode d'emploi, Montréal: Liber, 2008; Paquet G. Crippling Epistemologies and Governance Failures. Ottawa: The University of Ottawa Press, 2009; Paquet G. Scheming Virtuously: The Road to Collaborative Governance. Ottawa: Invenire Books, 2009.
- 20 Becker T.L. Quantum Politics. New York: Praeger, 1991.
- 21 Cleveland H. Nobody in Charge. San Francisco: Jossey-Bass, 2002.
- 22 Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Itahca: Cornell University Press, 2004.
- 23 Bradwell P., Reeves R. Network Citizens. London: Demos, 2008; McCarthy H., Miller P., Skidmore P. (eds) Network Logic. London: Demos, 2004; Parker S., Gallagher N. (eds). The Collaborative State. London: Demos, 2007; Sullivan H., Skelcher C. Working Across Boundaries. New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- 24 Michael D.N. Governing by Learning: Boundaries, Myths and Metaphors // Futures, 25(1), 1993, 81-89.

Стратегии продвижения университета в виртуальном пространстве

Малых С.В.

В статье рассматриваются особенности организации, поддержания и развития стратегий продвижения университета в виртуальном пространстве. Показываются сильные и слабые стратегии, а также ведется анализ актуальных технологий интернет-продвижения современного вуза.

Ключевые слова: университет, стратегии продвижения, виртуальное пространство

Malikh S.V.

Strategies for promoting university in the virtual space

The article discusses the features of the organization, maintenance and development of university promotion strategies in the virtual space. Showing strong and weak strategies, as well as an analysis of current technologies of Internet promotion of the modern university.

Key words: university, promotion strategies, virtual space

В последнее десятилетие в значительной степени выросла конкуренция в научно-образовательной области. При этом данная конкуренция охватывает как национальные образовательные системы в целом, так и отдельные научно-образовательные центры. Правительства многих стран стремятся повысить качество системы высшего образования в стране.

В первую очередь это относится к репутации университетов на мировом рынке высшего образования. Чем выше репутация вуза, чем больше у него возможностей удерживать местных и привлекать талантливых иностранных преподавателей, исследователей и студентов, тем выше его способности к формированию собственного значительного вклада в развитие экономики региона и страны в целом. Помимо этого, престижные и влиятельные университеты – это не только возможность решения внутренних задач развития страны, но и источник влияния на международной арене, предоставляющий возможность воздействовать как на глобальные процессы, страны в международном пространстве в целом [2,5,6,9].

Именно поэтому во многих странах была начата реализация так называемых инициатив превосходства в сфере образования. Наиболее яркими примерами могут служить Китай, Германия, Франция, Япония. Раньше других на продвижение университетов на международный рынок образования и науки обратил внимание Китай, в 1995 году, начав реализовывать Проект «211». Среди европейских стран подобную инициативу превосходства одной из первых начала реализовывать Германия, в 2006-2007 годах. В России начиная с 2012 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» реализуется Проект

5-100, основной целью которого является вхождение не менее пяти российских университетов в топ-100 ведущих мировых рейтингов.

При этом необходимо отметить, что подобные инициативы превосходства в первую очередь направлены на продвижение национальной системы образования на международном рынке путем формирования репутации отдельных ведущих университетов, которые впоследствии станут ориентиром для развития всех национальных университетов. Позиции в рейтингах в данном случае являются количественным критерием повышения конкурентоспособности ведущих университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров, одним из индикаторов их обновления, в основе которого лежит развитие вузов в соответствии с лучшими мировыми практиками организации и актуализации содержания образовательной деятельности, проведения научных исследований и т.д. [7]

В условиях все большей глобализации научно-образовательного рынка, значительного повышения мобильности студентов, ученых, преподавателей все большее значение в продвижении университета играет Интернет. Именно данный источник информации является одним из наиболее доступных для поиска сведений о том или ином университете, образовательной системе страны.

Поэтому университеты, которые хотят быть действительно конкурентоспособными на международной арене, все больше внимания обращают на свое позиционирование в интернет-пространстве.

Среди основных направлений позиционирования университетов в интернет-пространстве можно выделить следующие.

Продвижение национального образования на международной арене в настоящее время невозможно без продвижения университетов в интернет-пространстве. Именно поэтому сейчас становится особенно актуальной задача продвижения ведущих университетов на глобальном рынке электронного обучения, что в конечном счете будет также способствовать повышению качества, востребованности и доступности национального образования.

Необходимо отметить, что многие крупнейшие вузы мира присоединяются к продвижению онлайн-обучения, предлагая бесплатные онлайн-курсы на e-Learning площадках. Например,

к проектам Coursera и edX присоединились известные университеты США: Принстон, Стэнфордский, Йельский, Колумбийский университеты и другие. В проекте есть и известные европейские университеты: Эдинбургский и Манчестерский университеты (Великобритания), Мюнхенский технический университет (Германия), Политехническая школа (Франция), Барселонский университет (Испания) и т.д. Многие крупные компании и корпорации применяют e-Learning в образовательном процессе и повышении квалификации своих сотрудников, заменяя традиционное обучение технологиями.

Именно поэтому в настоящее время для российских университетов одним из стратегических направлений является развитие электронного обучения в контексте нового мирового тренда – массовых открытых онлайн-курсов (МООС).

Один из способов продвижения онлайн-курсов, созданных российскими университетами, – это присоединение к уже востребованной, известной технологической платформе. Именно поэтому значительное число российских университетов вошли в число партнеров платформы Coursera, предлагающей миллионам пользователей Сети учебные курсы от лучших университетов мира.

В настоящее время на данной технологической платформе расположены запущенные и анонсированные онлайн-курсы восьми российских университетов - 55 (всего – 144 онлайн-курса) [8]:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – 75 онлайн-курсов;
- Московский физико-технический институт (государственный университет) – 55 онлайн-курсов;
- Национальный исследовательский Томский государственный университет – 39 онлайн-курса;
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» – 28 онлайн-курсов;
- Новосибирский национальный исследовательский государственный университет – 25 онлайн-курсов;
- Санкт-Петербургский государственный университет – 20 онлайн-курса.

Еще одной технологической платформой, которая используется рядом российских университетов для продвижения своего онлайн-

образования, является edX. В настоящее время на данной платформе расположены запущенные и анонсированные онлайн-курсы четырех российских университетов (всего – 10 онлайн-курсов) [10]:

- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» – 6 онлайн-курсов;
- Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» – 2 онлайн-курса;
- Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики – 1 онлайн-курс;
- Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина – 1 онлайн-курс.

Необходимо отметить, что российские вузы активно инициируют создание аналогов зарубежных платформ для размещения разработанных ими MOOC. В частности, была создана национальная платформа «Открытое образование».

«Открытое образование» – современная образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. Платформа создана Ассоциацией «Национальная платформа открытого образования», учрежденной ведущими университетами – Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого, Национальным исследовательским технологическим университетом «МИСиС», Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Московским физико-техническим институтом (государственным университетом), Санкт-Петербургским национальным исследовательским университетом информационных технологий, механики и оптики, Уральским федеральным университетом имени первого Президента России Б.Н. Ельцина [16].

В сравнении с курсами других платформ онлайн-обучения курсы национальной платформы имеют определенные особенности [11]:

- все курсы разрабатываются в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов;
- все курсы соответствуют требованиям к результатам обучения образовательных программ, реализуемых в вузах;

· особое внимание уделяется эффективности и качеству онлайн-курсов, а также процедурам оценки результатов обучения - 59.

Еще один российский проект – «Универсариум», цель которого создание сетевой междууниверситетской площадки, обеспечивающей бесплатную энциклопедическую предпрофильную подготовку и целевое профильное обучение конечных потребителей образовательной услуги, а также обеспечение доминирования в электронной части российского образовательного пространства ведущих российских университетов с целью формирования и сохранения думающих и заинтересованных кадров для российской промышленности и экономики - 60.

Помимо размещения онлайн-курсов на определенных технологических платформах, часть российских университетов размещает подобные курсы на своих официальных сайтах.

В последние годы в мире активно развиваются так называемые инициативы открытого доступа (open access), которые предполагают создание репозиториев с открытым доступом. Данные репозитории содержат научные работы, публикации, результаты исследований университета, т.е. весь спектр интеллектуальных продуктов, которыми обладает университет.

Таким образом, репозитории открытого доступа являются эффективным способом продвижения университета на международной арене, базирующимся на его значительном научно-исследовательском потенциале в определенных научных областях.

Репозитории университетов с открытым доступом наиболее активно развиваются в странах Западной Европы, Северной Америки и т.д.

В России данный процесс пока идет не столь активно, но вместе с тем отмечается положительная динамика: если в 2014 году существовало только 15 университетских репозиториев, в 2017 году – уже более 20 (в соответствии с различными каталогами репозиториев открытого доступа).

В настоящее время свои репозитории с открытым доступом имеют, например, такие университеты, как Казанский (Приволжский) федеральный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Новосибирский национальный исследовательский государ-

ственный университет, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и т.д.

Сайт университета — это его визитная карточка в интернет-пространстве. Сегодня в большинстве случаев именно с сайта начинается первое знакомство с университетом. При этом целевыми аудиториями выступают в первую очередь студенты, которые ищут интересующие их образовательные программы, программы «двойных дипломов», онлайн-курсы, и абитуриенты, которые выбирают университет для своего дальнейшего обучения. Помимо этого, сайт университета могут посещать и научно-педагогические работники, ищущие как возможное место работы для себя, так и контакты по взаимодействию в рамках проведения совместных научных исследований по определенной научной тематике, различных проектов и т.п. Представители промышленности, бизнеса могут использовать сайт университета при поиске партнера для разработки совместного инновационного продукта, технологии, метода или для поиска курсов повышения квалификации для своих сотрудников.

Таким образом, на сайте университета должна быть обозначена комплексная информация, рассчитанная на различные целевые аудитории. При этом для продвижения университета на международной арене необходимо иметь подобную информацию на иностранных (по крайней мере, английском) языках.

Существуют различные методики отслеживания эффективности сайтов университетов с различными критериями оценки. Например, The Brenn-White Group — организацией, занимающейся маркетингом, брендингом, тренингами, разработкой стратегии и т.д. — для оценки привлекательности и удобства использования сайтов было разработано значительное число критериев, среди которых в том числе следующие [15]:

А) Функциональность сайта, наличие ключевой информации.

- наличие важной информации для пользователей сайта (например, как поступить в университет, наличие программ на английском языке, их стоимость и т.д.);

- доступность информации, возможность найти важную информацию быстро;
- отсутствие неработающих ссылок.

Б) Дизайн, стиль сайта:

- стилистическое единообразие в манере подачи информации, в оформлении, цвете и размере шрифтов и т.п.;

- достаточный размер и высокое качество фотографий (особенно на первых страницах сайта);

- отсутствие больших объемов текста на сайте;
- удобный интересный визуальный ряд, особенно на главных страницах;
- наличие видеоматериалов на сайте.

В) Качество информации на английском языке:

- высокий уровень английского языка (тексты должны писать носители языка — специалисты в области высшего образования);

- грамотность текста, отсутствие ошибок;
- ссылки, ведущие на сайты, страницы на английском языке (а не на русскоязычные ресурсы).

Г) Структурированность информации:

- структурированность информации по важности для посетителей сайта;

- структурированность информации по тематике: для студентов, абитуриентов, международных партнеров и т.д.;

- наличие четко выделенной информации об образовательных программах отдельно по их уровням: бакалавриата, магистратуры, краткосрочных программах, программах на английском языке и т.д.;

- наличие на сайте раздела о связях с международными партнерами;

- наличие информации о жизни в университете, бытовых условиях (общегитии, спорте, творчестве, досуге и т.д.);

- наличие на сайте информации о городе, стране, их уникальности, преимуществах и т.п.

В настоящее время развитие получило формирование профилей сотрудников университета/профилей университетов в Интернете (institutional profiles). Одной из наиболее популярных платформ, где создаются подобные профили, является Google Scholar citations. Данные профили основаны на рейтинге цитирования ученых, использующих одни и те же стандартизированные название и адрес электронной почты университета. Общее количество ин-

дивидуальных профилей в Google Scholar citations приближается к 1 миллиону, а число профилей университетов составляет более 5000.

Профили сотрудников университета/профили университетов в Google Scholar citations наглядно демонстрируют научную продуктивность университетов, значимость проводимых исследований для мировой науки, основные направления научной деятельности университетов и т.д.

Таким образом, создание и поддержание подобных профилей в значительной степени влияет на создание репутации университета как ведущего мирового научно-исследовательского центра, способного инициировать инновационные исследования, развивать прорывные научные направления, играть роль лидера в определенной научной области.

Технологии интернет-продвижения университетов. Использование SMM в продвижении университета

Развитие информационно-коммуникационных технологий в современных условиях, безусловно, оказывает влияние на практику связей с общественностью. Сегодня одним из ключевых трендов работы базисного субъекта PR с аудиторией становится ориентация на развитие коммуникаций в интернет-среде. Интернет объединил в себе интерактивный характер коммуникации, свойства гипертекстуальности, мультимедийности, сетевой навигации, эффекта присутствия и возможности построения индивидуального взаимодействия [13]. Необходимость включения связей с общественностью в новые медиа обусловлена как повышением уровня проникновения Интернета в регионах, так и постоянным ростом количества интернет-пользователей. Современные технологии PR связаны, прежде всего, с интерактивными коммуникациями и направлены на то, чтобы создать максимально содержательный и эмоционально насыщенный конвергентный материал, выстраивание многоуровневой коммуникации с аудиторией и, самое главное, формирование публичного капитала базисного субъекта. Таким образом, от односторонней модели коммуникации PR-специалисты переходят в интерактивный режим — к модели диалога со своей целе-

вой аудиторией, и в этом процессе существенную роль играют социальные медиа [14].

Social Media Marketing (в пер. с англ. — «маркетинг в социальных медиа») представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание взаимоотношений с потребителями в социальных медиа (блоги, микроблоги, социальные сети). Этот вид маркетинговых коммуникаций зарекомендовал себя как эффективный инструмент повышения лояльности. Среди инструментов SMM, позволяющих оказывать прямое влияние на формирующийся в Интернете информационный поток о компании и ее деятельности.

Можно выделить [12]:

- создание официальных сообществ;
- работу с неофициальными сообществами, посвященными компании и ее продукции;
- прямой контакт с потребителями, т.е. общение с каждым потребителем продукции компании напрямую через социальные медиа;
- создание контента для социальных медиа, т.е. производство видео- и аудиороликов, фотоконтента, написание текстов для размещения в социальных медиа;
- работу с лидерами мнений.

Таким образом, можно сделать вывод о преимуществах использования SMM в продвижении университета для различных целевых аудиторий:

- 1) для акторов: создание пространства диалога, обмена, поиска информации, партнеров, ресурсов;
- 2) для пользователей: возможность получать информацию в сфере «городских исследований», по проблематике СОНКО, социальным техникам и т.д. в «одно окно»;
- 3) для региона: многообразие практик и наработок собраны в единый привлекательный социогуманитарный образ региона;
- 4) для ИГУ: вуз позиционируется как территориальный центр социальных коммуникаций в широкой области социогуманитарных региональных знаний и социальных практик.

Использование SEO продвижения университета

Построение эффективных интернет ресурсов образовательных учреждений и проектов предусматривает изучение имеющихся разработок на сайтах других университетов, анализ ин-

формационных материалов университета по данным программам с целью их оптимизации для поисковых систем, разработку-PR-стратегии с применением информационных технологий, которые обеспечат обратную связь с потенциально заинтересованными потребителями этих образовательных продуктов.

Для начала, разберём, что такое SEO. Аббревиатура SEO расшифровывается как search engine optimization, то есть «оптимизация под поисковую машину». Что это означает? SEO – комплекс мер по оптимизации сайта, для поднятия его в выдачах поисковых систем, с целью повышения посещаемости ресурса. На поисковую выдачу влияют различные факторы ранжирования. Вот некоторые из них:

1) Качество домена – чем домен старше, тем лучше.

2) История домена – если он часто переходил из рук в руки или вовсе освобождался на какое-то время, то это очень вероятно послужит причиной для сброса истории сайта.

3) Название домена – насколько оно близко к ключевому запросу. Чем ближе, тем лучше.

4) Доменные санкции – если вы купили несколько доменов, и какая-то часть из них попала под ручные санкции, есть шанс что другие ваши домены потеряют свои позиции.

5) Заголовки – важная часть страницы. К ним относятся: h1, h2 – h6, title.

6) Meta-теги – краткое и емкое описание сайта.

7) Частота использования ключевого слова – если тексты написаны верно, то ключевое слово будет повторяться чаще остальных.

8) Достаточное количество контента – желательно не менее 2000 слов.

9) Синонимы ключевых слов – помогают поисковым системам лучше понять о чём идёт речь, и дают больше вхождений.

10) Списки таблицы – делают текст читабельное, как для робота так и для человека.

11) Уникальность контента – поисковики ценят неповторимый контент.

12) Живой сайт – чем чаще обновляется информация на сайте тем чаще робот будет индексировать сайт.

13) Карта сайта – помогает роботам быстрее находить страницы сайта.

Несколько лет назад SEO-копирайтеры вставляли в сайты тексты с огромным количе-

ством ключевых слов и тем самым сильно продвигались в поисковых позициях. Однако сейчас у поисковых роботов стали более сложные алгоритмы обработки сайта. Учитывается очень много параметров, начиная от количества ключевых слов и заканчивая дизайном сайта. Это способствует, уменьшению показов, ухудшению позиций, а то и вовсе исключению из показов, отнесение к спамным сайтам. Поэтому к оптимизации сайта надо подойти серьёзно и со знанием методов SEO-оптимизации.

Цель проекта – привлечение абитуриентов и студентов к использованию образовательных продуктов университета при помощи методов SEO-оптимизации сайта университета (блока страниц образовательных программ кафедры естественнонаучных дисциплин и информационных технологий) [1,2,4].

Целевой аудиторией блока страниц сайта являются следующие категории пользователей: Учащиеся, абитуриенты, студенты университета, родители: родители учащихся и студентов, широкая общественность, включая других участников образовательного процесса и его результатов (Министерство образования, работодатели, школьные учителя и пр.), а также международная аудитория.

Для начала отметим, что страницы сайта должны быть информационно привлекательными для целевой аудитории, отвечать запросам пользователей и быть удобными в использовании. Обязательно нужен блок текста, показывающий преимущества обучения по этим программам в данном университете [3]. Для обратной связи необходим блок информации с контактными данными кафедры, графиком работы приемной комиссии, а также с условиями поступления на рабочие места по профессии в конце обучения». Должны быть включены возможности для информационного интерактивного взаимодействия, создана информационная интерактивная среда.

Информационная интерактивная среда (ИИС) рассматривается как информационно-образовательная среда, связанная с управлением информационно-технологического и дидактического обеспечения, с формированием интерактивной позиции во взаимодействии субъектов (обучающийся, педагог) образовательного

процесса, направленная на удовлетворение их потребностей и интересов в качественных образовательных услугах.

Для привлечения большего числа посетителей нужно ориентироваться на массовые места присутствия целевой аудитории в Интернете. Как известно – это социальные сети. Поэтому нужно создать тематические группы в социальных сетях и ежедневно выкладывать полезную информацию на образовательную тематику, отчеты об интересных мероприятиях университета, кафедры, текущие новости по обучению по программе и так далее.

Еще очень важно сохранять верхние позиции в поисковиках не целевых запросах. Например: «институт Ростов». Это поможет привлечь абитуриентов, которые ищут неконкретное высшее учебное заведение, что повысит трафик посещения сайта.

Крайне важный момент – проработать оформление интерактивных онлайн-заявлений на сайте. Даже когда пользователя устраивают все условия поступления, он может «споткнуться» о форму на сайте и уйти [10,11]. Форма должна быть простая, понятная, а главное удобная для пользователя, так как многие посетители сайта очень нехотя отдают свои контактные данные, а некоторых процесс заполнения формы даже раздражает. Этот шаг должен быть максимально простым.

Хорошим способом привлечения новых студентов может стать контекстная реклама. Контекстная реклама – тип интернет-рекламы, при котором рекламное объявление показывается в соответствии с содержанием, контекстом интернет-страницы (лат. contextus – соединение, связь). Контекстная реклама действует избирательно и отображается посетителям интернет-страницы, сфера интересов которых потенциально совпадает/пересекается с тематикой рекламируемого товара либо услуги, целевой аудитории, что повышает вероятность их отклика на рекламу. Эта услуга платная, зато обладает хорошей конверсией, так как выдвигается по интересам интернет-пользователей. Она бывает текстовая, баннерная и видеореклама. Текстовая – блок текста с гиперссылкой на продвигаемый ресурс. Баннерная – реклама основанная на визуальном изображении (ряд картинки, gif анимации, flash анимации). Видеореклама – видеоролик также содержащий ссылку.

Еще нужна демонстрация качества образовательных услуг. Качественные образовательные услуги как услуги образовательной организации, предоставляемые в процессе осуществления образовательной деятельности, результатом которых является достижение определенного уровня образовательных результатов обучающихся, направленные на удовлетворение образовательных потребностей и интересов участников образовательных отношений.

Литература

1. Акопов Г.Л., Пашинская В.В. Разработка инновационной концепции развития интернет-коммуникаций в университете. Ростов-на-Дону, 2014. 60 с.
2. Башкеева В.В., Халбаева А.А. Имидж университета: вузы Бурятии и Иркутской области в региональных Интернет-СМИ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 209-213
3. Бычкова М.Н. Методики анализа присутствия современного университета в коммуникативном пространстве интернета // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. 2017. С. 66-77.
4. Ванчикова А.Б., Кокшарова А.С. Использование инструментов интернет-маркетинга при работе с абитуриентами ВУЗА (на примере бурятского государственного университета) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3 (20). С. 134-139.
5. Малых С.В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 1233-1234.
6. Малых С.В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. № 3. С. 222-226.
7. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. №4. С. 129-136.
8. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. №3. С. 123-133.

9. Малых С.В. Университетское образование и профессиональная карьера // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность Материалы конференции. Иркутск. ИГУ. 2018. С. 210-212.
10. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. пособие. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2018. 121 с.
11. Осинцева Е.А. Интернет-маркетинг в университетах // Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Л.А. Закс, Л.А. Мясникова, С.Д. Балмаева, Г.А. Брандт, А.В. Дроздова, С.А. Мицек, Н.В. Хмелькова. 2015. С. 470-473.
12. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.
13. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.
14. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
15. Сковородина Л.Л. Влияние современного информационного общества на интернет-брендинг университета // Открытое образование. 2015. № 4 (111). С. 68-72.
16. Шагдарова Б.Б. Репутация университета в коммуникативном пространстве интернета // Вестник ВСГУТУ. 2016. № 5 (62). С. 155-160.

Анализ концепции Жана Бодрийяра в формировании гипер- и виртуальной реальности в СМИ

Пензина А.И., Пархитко Н.П.

Статья посвящена изучению принципиально новых социальных явлений, характерных для информационного общества XXI в. В частности, системному анализу подвергнуты научные выводы, сделанные крупным французским социологом Ж. Бодрийяром относительно влияния контента развлекательных СМИ на формирование психологического восприятия аудиторией получаемой информации. Актуальность проблематики обусловлена всевозрастающей ролью развлекательного контента СМИ, в частности – разработок в игровой индустрии и в сфере виртуальной реальности в течение последних двух с половиной десятилетий. При подготовке исследования авторами применялся системно-аналитический метод, метод аналогий, метод контент-анализа и историко-аналитический метод.

Ключевые слова: Медиаиндустрия, досуг, контент, аудитория, гиперреальность.

Penzina A.I., Parkhitko N.P.

Analysis of Jean Baudrillard's virtual reality concept and the role of media in hyperreality forming

The article is devoted to the study of fundamentally new social phenomena that characterize the information society of the XXI century. In particular, the scientific conclusions made by the large French sociologist J. Baudrillard on the influence of media entertaining content on the formation of psychological perception by the audience of the information received are subjected to system analysis. The relevance of the issue is based on the ever-increasing role of entertainment content in the media, in particular - development of the gaming industry and in the field of virtual reality over the past two and a half decades. Preparing the study, the authors used the system-analytical method, the analogy method, the method of content analysis and the historical-analytical method.

Key words: Media industry, leisure, content, audience, hyperreality.

Жан Бодрийяр (1929-2007) – выдающийся французский философ и социолог XX века. Бодрийяр является одним из ведущих представителей постструктурализма и постмодернизма. В своих работах философ подвергал критическому анализу западное общество потребления и его эстетику. Жан Бодрийяр разработал известную концепцию «симулякра» (фр. – образ, подобие), которая говорит об отношении человека и мира вещей, которые получают власть над ним [7]. Также центральной темой в философских трудах Бодрийяра является тема виртуальной реальности и ее влияние на общество.

Современное общество, которое называют информационным, характеризуется стремительным развитием компьютерных технологий. Это привело к возникновению качественно новых форм передачи и обработки информации. Сфера применения компьютерных технологий и сфера применения их функционального содержания невероятно расширились. Компьютерные технологии стали носить универсальный характер. Создание новейшего программного обеспечения стирает границы между работой на компьютере и управлением материальными объектами, онлайн-коммуникацией и реальным общением.

В работе «Вопрос о технике» немецкий философ Мартин Хайдеггер размышлял о технике и ее влиянии на человека. Главный тезис философа в том, что технику нельзя понимать как нечто инструментальное. Хайдеггер вспоминает, что древние греки понятием «техне» определяли и ремесленное мастерство, и изящные искусства. Техника давала человеку некую власть над миром [8]. Согласно Бодрийяру, создание виртуальной реальности изменило вектор этой власти. Техника стремится влиять на человека и его внутренний мир.

Человек сегодня окружен не только естественной культурной средой, но и средой виртуальной. Это создает совершенно иной уровень отношений человека с окружающей действительностью, тем самым поднимает проблему соотношения реальности и ее символического отображения.

Виртуальную реальность можно назвать крупнейшим достижением техники XX. Возникнув в сфере развлечений (в частности видеоигр), сфера виртуальной реальности перешла в разные области науки, техники, образования и медицины.

Одной из областей, которая изменилась благодаря виртуальной реальности, стала журналистика. Нарастающий тренд новых медиа – иммерсивная журналистика – погружение в новости с помощью виртуальной реальности. Журналистика, в которой эффект присутствия становится как никогда настоящим. Недаром медиаэксперты, понимая расширение воздействия этого эффекта в виртуальной реальности, называли его эффектом вовлечения или погружения.

Один из недавних журналистских экспериментов с виртуальной реальностью – проект ABC «Внутри Сирии VR» [1] (значок VR говорит о контенте, созданном с помощью технологий виртуальной реальности. Такой формат предполагает использование специальных устройств – очков виртуальной реальности). Благодаря виртуальной реальности, зритель переносится в Дамаск, чтобы увидеть, как археологи пытаются защитить памятники истории от войны. И это неединственный пример.

Бодрийяр в своих философских трудах рассматривает систему общества как производную от знаковой системы. Единица такой системы по Бодрийяру – симулякр – центральное понятие концепций философа. Жан Бодрийяр определяет симулякр как ложное подобие, копию, скрывающую отсутствие оригинала и как воображаемый образ [4]. Французский философ видит в истории общества заселение социальной реальности ложными объектами, тем самым человеческая личность «выпадает» из реальности из-за постоянного перехода из виртуальной реальности в обычную и обратно.

Важную роль в этом процессе Жан Бодрийяр отводит СМИ. В своем труде «Симулякры и симуляции» (1981 г.) он говорит о том, что че-

ловечество утратило связь с реальностью и вошло в эпоху гиперреальности, когда картинка важнее содержания. По мнению философа, современный бесконечный поток информации создаёт огромное количество копий и симулякров, которые тем самым уничтожают реальность. Более того, замечает Бодрийяр, чем больше становится информации, тем меньше смысла несет эта информация.

Объясняя утрату смысла информации в СМИ, Бодрийяр выдвинул три гипотезы:

1) информация продуцирует смысл, но не компенсирует жестокую потерю смысла во всех областях. Попытки повторно его инъецировать, через все большее число СМИ, сообщений и контентов оказываются тщетными: потеря смысла происходит быстрее, чем его повторная инъекция;

2) информация вообще ничего общего не имеет с сигнификацией (фиксацией значений (понятий) с помощью символических средств)[6];

3) между смыслом и сигнификацией существует жесткая и необходимая корреляция в той мере, в какой информация непосредственно разрушает или нейтрализует их [4].

Бодрийяр говорит о том, что в обществе принято считать информацию как созидательницу коммуникации. Однако автор убежден, что там, где человечество полагает, что информация производит смысл, происходит нечто обратное.

В своем труде «Общество потребления» (1970 г.) Бодрийяр обращается к проблеме потребления как к цепной психологической реакции. Потребление предметов не связано с их сущностью. Речь идёт скорее об отчужденных знаках предметов, которые существуют лишь в связи друг с другом. Бодрийяр считает, что общество потребления – это общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура, и где даже изобилие является следствием тщательно маскируемого и защищаемого дефицита.

Говоря о средствах массовой информации, Бодрийяр делает вывод, что СМИ закрепляют тоталитарный характер общества потребления. Суть этого тоталитаризма в том, что СМИ убивают живое содержание мира, то есть обыденную реальность заменяют виртуальной, и извлекают из события содержание, которое основано на бесконечной отсылке друг на друга [3].

О создании СМИ искусственной, несуществующей в обыденной реальности картинки посвящен труд Бодрийяра под названием «Войны в заливе не было». Война в Персидском заливе стала, по мнению Бодрийяра, чем-то нереальным и несуществующим. Отличительной особенностью стало то, что война широко освещалась в СМИ в режиме реального времени. Однако философ утверждает, что война в Персидском заливе – это «мертвая война», которая несет в себе материальной составляющей. Бодрийяр считает, что именно СМИ заставляли общество того времени верить в войну, которой не было. Именно СМИ создали некую форму виртуальной реальности, в которой общество должно было существовать.

«Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну, так же как когда-то в революцию в Румынии, и мы помещены в симулякр войны, словно под домашний арест. Все мы стратегические заложники *in situ* (на месте): наше место обязательного пребывания – экран телевизора, где мы ежедневно подвергаемся виртуальной бомбардировке, и в то же время выступаем в качестве меновой стоимости» [2].

Здесь Бодрийяр уже открыто говорит о том, что СМИ создают виртуальную, несуществующую реальность, давая обществу неправдоподобную интерпретацию. Философ рассуждает о том, что существует некая логическая связь между виртуальным и реальным, в соответствие с которой всё вооружение будет использовано и приведет к столкновению. Однако наблюдается обратная ситуация. Виртуализация является тем сдерживающим фактором от перехода к действию. «Кажется, что эта боязнь перехода к действию определяет сегодня все наше поведение: боязнь всякой реальности, всякого реального события, всякого реального насилия, всякого слишком реального наслаждения. Катастрофе (происшествию) реального мы предпочитаем изгнание в виртуальный мир, универсальным зеркалом которого служит телевидение» [2].

Анализируя войну, Бодрийяр видит в ней процесс, который существует в нереальном пространстве. Информация в режиме реального времени передает на экраны телевизоров изображение, ненаполненное смыслом. Это возвращает нас к труду Бодрийяра «Симуляции и симулякры», в котором он говорит о бессмыслен-

ности в сообщениях СМИ, которые копируют друг друга.

Все труды Бодрийяра отсылают нас к подменам смысловых значений реальности, где средства массовой информации лишь усиливают этот процесс. Подмена реальности гиперреальностью кроется, как считает Бодрийяр, в том, что под действием симуляции реальное заменяется знаковыми явлениями. Гиперреальность создает ситуацию, когда истинность и реальность воспринимаются в качестве символических порядков. «Само определение реальности гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести» [4]. Это определение пришло из науки, которая говорит о том, что любой процесс можно точно воспроизвести в определенных заданных условиях. Получается, что реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что уже всегда воспроизведено.

Гиперреальность является новым состоянием реальности, которое сформировано вместе с появлением телевидения, и делает так, что реальность начинает совпадать с ее симулятивной моделью. На развитие гиперреальности повлияли определенные тенденции: материалы и формы вещей не зависят от их функций и операций, которые с ними производит человек; телесные передвижения и усилия заменяются электронными гаджетами (яркий тому пример – интернет-покупки, которые пользователи совершают, не выходя из дома с помощью смартфона или компьютера); процессы миниатюризируются в пространстве и во времени (карты памяти для хранения данных, компьютеры и т.д. Даже бумажные деньги перешли в электронный формат, исключив тем самым свою материальную сущность). Бодрийяр видит опасность в технологическом развитии, поскольку прогресс стал настолько быстрым, что становится независимым от своего создателя – человека.

В основе концепции виртуальной реальности Бодрийяра – теория симулякров – пустых форм и знаков. Симулякр возвращает нас к Платону, который впервые употребил это понятие в значении «копия копий». В философию постмодернизма термин ввел Ж. Батай. Но именно в философии Бодрийяра термин нашел воплощение. Повторение объектов приводит к тотальному распространению аудиовизуальных образов, которые создают пространство гиперреальности. А средства массовой информации

усиливают этот процесс, посредством копирования. Тем самым событие теряет истинный смысл и значение для общества.

Критика СМИ у Бодрийера это, скорее, взгляд лишь на одну сторону медали. С точки зрения создания виртуальной информационной реальности с французским философом можно согласиться, но это будет лишь односторонняя точка зрения, которая основана лишь на негативных последствиях влияния СМИ на современное общество.

Технологическое развитие также не является полем для создания копий. Виртуальная реальность становится здесь самостоятельным инструментом для научного познания.

Возможно, Бодрийер в своих работах хотел предотвратить некую социальную катастрофу – потерю личности и индивидуальности человека, окруженного симуляциями и симулякрами как чем-то искусственным. Однако с точки зрения окружающей действительности – то, что окружает человека и есть его реальность, поскольку в ней ему приходится существовать постоянно.

Потенциал концепций Бодрийера очень высок. Значимость таких, пусть и односторонних концепций, в том, что в них продемонстрированы начальные этапы понимания виртуальной реальности как совершенно иного процесса, который развивается быстрее, чем процессы, помогающие его трактовать. Концепции Бодрийера открыты для дальнейшего усовершенствования и исследования представлений о виртуальной реальности.

Литература

1. Effron L., Marquardt A., Louszko A., Roeber B. The Fight to Save Syria's Antiquities From the Hands of ISIS / Lauren Effron, Alex Marquardt, Ashley Louszko, Bruno Roeber / ABC News / URL: <https://abcnews.go.com/International/fight-save-syrias-antiquities-hands-isis/story?id=33776060> (Дата обращения: 15.01.2019)

2. Бодрийер Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Жан Бодрийер; пер. с фр. А. Качалова. – М.: РИПОЛ Классик, 2016. – 224 с.

3. Бодрийер Ж. Общество потребления / Жан Бодрийер; Культурная революция. Республика; Москва. – 2006 год. 269 с.

4. Бодрийер Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийер; [пер. с фр. А. Качалова]. - Москва: ПОСТУМ, 2016. - 238, с.

6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000 г.

7. Сергеева О.В., Терещенко О.В. Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / Белорусский государственный университет, Социологический институт Российской академии наук; ответственные редакторы О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. - 262 с. С. 32

8. Солтан Мохаммади Рад Хассан. Проблема соотношения искусства и техники в философии М. Хайдеггера: автореферат дис. кандидата философских наук: 09.00.04 / Солтан Мохаммади Рад Хассан; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2016. - 30 с.

Гуманизм как социокультурное явление

Решетников В.А.

Рассматриваются проблемы анализа гуманизма с точки зрения концепции социо-культурологического детерминизма. Обосновывается необходимость технологизации гуманистической концепции как условия вхождения ее в социальную практику. Приводится анализ социокультурных условий эволюции гуманизма в общественном дискурсе.

Ключевые слова: культура, гуманизм, человечность, социальные технологии, социо-культурологический детерминизм, гуманитарная культура.

Reshetnikov V.A.

Humanism as a sociocultural phenomenon

The problems of the analysis of humanism from the point of view of the concept of socio-cultural determinism are considered. The necessity of technologization of the humanistic concept as a condition for its entry into social practice is substantiated. The analysis of the sociocultural conditions of the evolution of humanism in social discourse is given.

Key words: culture, humanism, humanity, social technologies, socio-cultural determinism, humanitarian culture.

Природа научной и философской деятельности (в том числе и гуманистических исследований) состоит не столько в открытии существующих объективно законов мироздания (например, ценности человека как такового), а столько в выявлении конструктивных принципов решения значимых для человека проблем, в том числе технологий гуманизации ближайшего социального окружения, воспитания детей, поддержки нуждающихся и т.д. Немного иначе, но в принципе, похоже, выражался Д. Сантаяна – основная задача философии должна состоять не в объяснении мира, а в выработке моральной позиции по отношению к нему. Гуманистическая философия, культура ума (Цицерон), обращившись к человеку сократовским отношением – как жизненное руководство, как средство, при помощи которого люди обучаются жить и развиваться.

Такой подход, на наш взгляд, создает возможности для анализа гуманизма как определенного вида культуры. Метафора почвы подсказывает и тесную связь понятий человечности и культуры, которая в своем первоначальном понимании означала, как известно, возделывание и обработку чего-то. Так, по Цицерону, культура ума (обработка, возделывание ума) есть философия и если продолжить этот ряд, то гуманизм как культура есть возделывание, возвращение каких-то уже существующих (возможно заложенных биологически) качеств человека, которые оплодотворяются социальностью.

Действенной силой обладает, как известно, не учение как таковое. Немало их так и остались на пыльных книжных полках. Учение становится социально значимым фактом, когда оно воплощается в своем, часто в редуцированном виде, в культуре. Ну, а окончательный диагноз ответственности теории ставит укрепление ее в повседневной жизни как субкультуры, как мотива-

ционного комплекса поведения определенной группы людей [2].

Многообещающим направлением анализа гуманизма является концепция культурологического детерминизма. При ее анализе часто отмечается, что классические подходы в западной литературе были выражены еще А. Токвилем, постулировавшим соответствие культуры и демократии в США как факторов эффективной политической системы, М. Вебером, объяснившим становление капитализма факторами укорененности культуры в религии, Е. Банфильдом, выявившим универсализм анализа культурных корней бедности и авторитаризма в южной Италии. Интерес международного научного сообщества к детерминирующим возможностям культуры возростал в 1950–1960-х годах. Была создана обширная литература, в которой особенно значимы работы Маргарет Мид, Рут Бенедикт, Давида Макклеланда, Эдварда Банфила, Алекса Инкельса, Габриэля Алмонда, Сидни Верба, Люсьена Пая, Сеймура Липсета. В 1960-е и 1970-е годы интерес упал и стал постепенно возрождаться в 1980-е годы прошлого уже столетия, особенно после выхода в свет работы Л. Харрисона с главным выводом о том, что в большинстве стран Латинской Америки повседневная культура являлась главным препятствием для развития. В России на эти годы приходится пик интереса к проблематике культуры, который реализовался преимущественно в изучении ее политических аспектов. В настоящее время методика культурологического детерминизма используется как рабочая концепция при изучении своеобразия исторического пути России.

Важным рубежом является междисциплинарное исследование влияния культуры на человеческий прогресс, осуществленное в США группой видных ученых и изложенное в монографии [1].

Социокультурный подход фиксируется на качественной стороне процессов и формирует идеальный образ изучаемого явления. Временной диапазон его скорее логичен, чем историчен, он отражает иерархизацию явления, а присутствие конкретности часто только обозначено. От родственного культурологического подхода социокультурный отличает стремление увязать последствия встречи того или иного типа сознания с социальной реальностью. При исследовании политических процессов социо-

культурный подход подвергает сомнению актуальную значимость политических решений, особенно тех, которые принимаются без учета массовых представлений и противоречат уровню массовой культуры. Волюнтаризм с позиций социокультурного подхода может торжествовать только на короткий период.

Специфическую трудность при реализации социокультурного подхода составляет многозначность определения культуры. Есть трактовки, где она рассматривается в единстве процессуальности и предметности, по крайней мере, это система, где присутствует творение и творец, причем продукты творчества обладают собственными детерминирующими возможностями по отношению к человеку [7]. Имеются и другие методологические трудности, поскольку определения культуры также носят конвенциональный характер, и выделение ее видов совершается на различных основаниях. Однако большинство исследователей сходятся на человекотворческой сущности культуры, и в этом смысле понятие культура близка к понятию гуманизм. И это также имеет познавательное значение. Если понятийную систему, например, гуманизм, сложно удовлетворительно объяснить из нее самой, то, возможно ее объяснение из особенностей более общей системы, т. е. культуры. Подход к анализу гуманизма с культурологических позиций позволяет преодолеть противоречие, на которое часто указывают его критики – между гуманизмом как теорией и реальной массовой практикой. Кроме того, гуманистическая культура (взятая в человекотворческом аспекте) может рассматриваться на теоретическом уровне (концепции, философские исследования), практически духовном (диалоги, осмысление с позиций здравого смысла, функционирование ценностей), практическом (общение, действия и способы деятельности).

Однако смысловое пространство во многом занято другим понятием – гуманитарная культура. Это имеет историческое объяснение. Первоначально, как известно, гуманизм эпохи Возрождения обозначал сферу научных интересов – изучение человека в студиях – *humanitatis*. Это была своеобразная этология – познание духовного пространства, заселенного другими смыслами, и К. Леви-Стросс был прав, когда характеризовал ее как самую древнюю и самую общую форму того, что называют гуманизмом.

Этика, история, филология, философия изучают новые пространства духовного и тем самым познают самое важное – человека.

Итак, под гуманитарной культурой обычно понимается область знаний, свод наук, исследующих человека. Именно в этом смысле Цицерон использовал понятие гуманизма, когда писал о «*studia humanitatis et atrium*» в его речи «*Pro artia poeta*». Это человекознание в широком смысле слова, в котором нет общего идеологического или мировоззренческого компонентов [6]. Гуманитарное образование или гуманитарная подготовка специалиста как понятия, например, обозначают человекоцентристскую направленность этих процессов, в которых гуманизм как ценность может присутствовать или не присутствовать. Ясно и то, что по большому счету гуманитарное и должно быть гуманистическим. Можно констатировать как различие, так и сходство этих социокультурных терминов.

По мере развития культуры и социальности детерминация гуманизма усложнялась. Автор поддерживает концепцию ступенчатой детерминации поведения человека (Р. Будон) в соответствии с которой человеческая природа, общество, культура, сфера сакрального и другие факторы последовательно приобретали важное значение для развития человека.

Главными соперниками гуманизма всегда были трактовки социо- и теоцентризма, которые формировали и соответствующие культуры, предлагали человеку внешние авторитеты для руководства ими в повседневной жизни. Социальная культура и религиозная культура сходятся на том, что они предлагают человеку внешний авторитет, хотя эта отвлеченность также относительна, поскольку человек и его сущностные силы также присутствуют в этих видах культуры, но в своем опосредованном виде и в каком – то смысле противостоят ему или часто противоречат коренным интересам человека [3]. Иррациональное таится на заднем плане современной рациональности и технократизма, прорывая наружу, когда действительность обнажает свою саморазорванную основу. Связи религии и светской культуры гибки и подвижны, не сводятся к однозначно понимаемой тенденции, по мере упадка традиционной религиозности взаимопроникают, образуя новые формы.

Гуманизм, как исторически развивающееся явление культуры, имел временные союзы со своими оппонентами – тео и социоцентризмом и во взаимодействии с ними собственно выковывалось многообразие его видов – религиозный, атеистический, секулярный, светский, этический, социалистический, научный, этический, пролетарский, буржуазный, актуалистский, антропоцентристский, романтический, планетарный, динамичный, литературный, ренессансный, философский, классический, неклассический, христианский, критический, профанный, рационалистический, интегральный, религиозно-экуменический, политический и даже военный.

Само обилие детализаций, кстати, также существенно и не может игнорироваться, хотя есть точки зрения о существовании только одного, а именно - истинного гуманизма, (как правило, связанного только с европейской цивилизацией). В этом видится огнепальная ревность правоверного, ибо многообразие форм обозначает богатство проявления сущности на реальном уровне или в аспекте развития функционирующей гуманистической культуры, хотя дробление имеет также свои пределы [4].

В соответствии с типом мировоззренческих ориентаций целесообразно выделить значимые этапы эволюции гуманистической культуры.

Синкретический этап, на котором господствует мифологическое сознание и гуманизм существует в форме гуманности как способе (условии) совместного выживания. Это жесткое время господства витальных потребностей, и человек сумел выделиться из окружающего мира за счет не только кооперации, но и гуманизации, например, способности сохранить стариков как носителей опыта, детей как предпосылки будущего. Милосердие, которое первоначально проявлялось только по отношению к соплеменникам, постепенно распространялось и на чужих. Эти аспекты хорошо раскрыты в работах Э. Фромма.

Господство тео- и социоцентризма с его акцентом на потусторонние или общественные критерии нравственности, имеющие, впрочем, свои заслуги в становлении гуманизма как учения и культуры. Гуманистическая культура еще не выделяется как отдельный вид и существует в форме повседневной гуманности. Появляются и первые теоретические представления, ко-

торые развиваются на основе мифологического или религиозного отображения действительности [5].

Смешанный (переходный) тип ориентаций: теоцентристский, возрожденческо-гуманистический, социоцентристский, взаимодействие между которыми обогатило гуманистическую культуру и привело к ее секуляризации. Особенно важно плодотворное взаимодействие Реформации и Возрождения, которое способствовало эмансипации человека, рационализации сознания, появлению утопий как проектов социально-гуманистических экспериментов. Существенную роль в развитии гуманизма играет этика индивидуализма.

Этап становления новой формы гуманизма, который определяется по-разному, но чаще он рассматривается как «современный гуманизм». Впервые начинают остро осознаваться тупики социо- и теоцентризма на уровне специализированного и массового сознания. Обнаруживает свои пределы индивидуализация сознания. Наиболее характерная черта этапа, с нашей точки зрения, – переход к пониманию важности ассоциированного человека как носителя гуманистического мировоззрения, становление организаций, сообществ, коммун и других форм реализации гуманистических субкультур.

Хотелось бы подчеркнуть, что эта последовательность имеет условный характер, история культуры – это не череда событий, ее сложно представить как переход от одного состояния к другому или как линейно неумолимый процесс. Принцип *post hoc, ergo propter hoc* плохо работает в условиях, когда хронологически разновременное может быть типологически одновременным и наоборот. Так, в современности присутствуют все виды гуманистических и иных ориентаций в специализированных и массовых формах. Речь скорее идет не об этапах, а о социокультурной тенденции, которая объективно пробивается через социо- и теоцентризм к формам, которые в диалектическом смысле «снимают» индивидуализм и утверждают культивирование человека в связи с его ближайшим социоприродным окружением.

Это не означает также, что в некоей обозримой перспективе исчезнет социоцентристская и религиозная культура, а воцарится только гуманистическая. Гуманизм не может существовать вне социума, а религия, по-своему объяс-

няя мир, помогает (или препятствует) человеку в освоении непознанного. Речь может идти только о приоритетности ценностей, о доминировании определенного типа культуры.

Продолжая уточнение понимания гуманизма как культуры, отметим, что, являясь живым содержанием каждодневного процесса воссоздания социальности, человеческая деятельность может носить воспроизводственный или творческий характер, быть деструктивной или конструктивной. Возникает очень неудобный вопрос: всякая ли человеческая деятельность может считаться истинно человеческой в гуманистическом смысле? Если нет, то налицо опасность произвольного толкования человеческого и недочеловеческого, человеческого и сверхчеловеческого, а значит и разделения людей по какому-то признаку, а всякая дифференциация, единожды начавшись, приводит к произволу. Однако, всегда ли правильна эта логика, имеется в виду не в юридическом, а в нравственном смысле?

Но нас сейчас интересует иное, гуманизм оказывается тесно связанным не просто с человеком, а с ростом и развитием личности, с ее способностью не только к воспроизводственной, но, прежде всего, к инновационной деятельности. Это отмечалось, например, гуманистами - психологами. В концепции радикального гуманизма Э. Фромма любовь и творческий труд составляют содержание позитивной свободы, причем творчество выступает родовой чертой людей и главным отличием от животного мира. Вслед за дзэн-буддистами Э. Фромм утверждает, что предметом творчества не обязательно является, например, труд скульптора, им может быть сама жизнь. Простой землепашец может быть гораздо более творческой личностью, чем посредственный литератор. Добро в гуманистической трактовке – это утверждение жизни, раскрытие человеческих сил [2].

Итак, в фокусе внимания оказывается определенный перспективный, с точки зрения развития культуры, тип творческого человека с многообразием его социальных связей и в реальных ситуациях выбора. Его гуманистический потенциал реализуется в процессах личностных и внеличностных взаимодействий и тем самым воспроизводит культуру и социальные связи.

Кстати, Мартин Хайдеггер при рассмотрении этимологии термина гуманизм отмечал, что

в Риме существовало разделение homo humanus и homo barbarus. Под первым понимался римлянин, который совершенствует добродетель при помощи греческой культуры paideia (воспитание, учение, образование), что позднее также переводилось как humanitas. Варвар следует природному началу.

Одной из актуальных задач исследования гуманизма является определение базовых технологий гуманизации общества или же изменения уже существующих, таких как система образования. Иногда пишут, что если XX век был временем high tech, то XXI век будет временем high hume. Или если развивающиеся государства извлекают свое богатство из недр, то развитые приращивают его при помощи интеллекта и творчества человека.

Однако, по нашим наблюдениям, в психологии современных российских исследователей проблем гуманизма существует определенное предубеждение против социальных технологий, вообще против технологического подхода к социализации гуманизма. Один из источников этого - сильная этизация гуманизма, стремление ограничить его системой ценностей и углубиться в удобное пространство мыслительных форм. Но тем самым гуманистические организации рискуют оказаться вне рационалистической и прагматической тенденции исследований.

В современных условиях, важность культурологического подхода в социологии актуализируется в связи со становлением, так называемых, креативных (культурных) индустрий, под которыми чаще всего понимается деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. В европейских странах и США креативные индустрии рассматриваются как ключевое ус-

ловие экономического развития. В России этот процесс только начинается. Его продвижение поддерживается Центром развития творческих индустрий в Санкт-Петербурге (создан в 2001 г.), Институтом культурной политики в г. Москве (с 2003 г.). Ведутся работы по созданию российской модели творческого кластера, осуществляется поддержка территориальных агентств по развитию творческих индустрий, ведутся семинары по бизнес-планированию в сфере культуры. Однако проблема технологизации гуманистической культуры остается актуальной.

Литература

1. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000.) М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
2. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность. Монография. Иркутск, 2011. 221 с.
3. Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация социальной идентичности и консолидации российского общества (1984-2009 гг.) // Социология. 2011. № 2. С. 66-78.
4. Полюшкевич О.А., Решетников В.А., Федчин В.С. Социализация современного гуманизма через процессы региональной идентификации // Социодинамика. 2017. № 12. С. 27-36.
5. Решетников В.А. Гуманизм как феномен культурно-цивилизационных процессов. Монография. Иркутск, 2016. 215 с.
6. Решетников В.А. Гуманистические основы человеческой истории // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 3. С. 60-69.
7. Решетников В.А. Молодежное движение как инструмент социализации гуманизма // Социология. 2018. № 3. С. 184-188.
8. Экономическая теория. Макроэкономика-1, 2. Мегаэкономика. экономика трансформаций / Журавлева Г.П., Александров Д.Г., Громыко В.В., Забелина М.И., Прохорова М.С., Добрынин А.И., Дубовик М.В., Киселева Т.Ю., Лонская Г.М., Лычковская М.А., Мильчакова Н.Н., Ракута Н.В., Рябова Г.В., Савинова М.В., Сапор А.К., Синев В.М., Смагина В.В., Тихонова О.Б., Чередниченко Л.Г., Чередниченко Т.М. и др. Москва, 2011. (3-е издание)

Функции современного российского социального образования

Решетникова Е.В.

В статье рассматриваются теоретические и практические предпосылки формирования и развития функций социального образования. Обозначаются особенности современных российских реалий в развитии социального образования и показывается динамика социального развития. Также рассматривается социальная составляющая развития социального образования в России.

Ключевые слова: социальное образование, функции, социальная динамика, общественный прогресс

Reshetnikova E.V.

Functions of modern Russian social education

The article discusses the theoretical and practical prerequisites for the formation and development of social education functions. The features of modern Russian realities in the development of social education are indicated and the dynamics of social development are shown. The social component of the development of social education in Russia is also considered.

Key words: social education, functions, social dynamics, social progress

Прежде всего, следует отметить резкую актуализацию проблематики социального образования в связи с усложнением внешних и внутренних факторов общественного развития России. Смысловая динамика (М. Черепанова) в образовательном процессе, жажда смыслов, сформировала ситуацию того, что Э. Гуссерль обозначил требованием «Назад к самим вещам», определив тем самым необходимость перехода от умозрительных теорий непосредственно к живой действительности и ее феноменам. Сейчас, на этом пути становится возможным преодоление двух теоретических конструктов — либерального и узко-марксистского, которые, между прочим, на деле являются родными братьями и наследниками общей гуманистической традиции. Или, по крайней мере, смыкаются в пафосе тотального отрицания предшествующих смыслов.

Вынужденные поиски обоснования идеологии «опоры на собственные силы» застала врасплох правящую элиту, в особенности ее либеральную часть. Выброшенная в окно проблематика идеологии, ценности социального смыслоопределения, возвращается вновь. И тянут за собой проблематику воспитания и образования, которая особенно важна для учебных заведений. Прогрессивная педагогическая общественность давно осознала иллюзорность деидеологизации образования и воспитания. По крайней мере, откликаясь на требования времени, Тюменский государственный университет в 2010 году принял программу духовно-нравственного воспитания студенчества. Однако в целом организация социального образования и воспитания остается неудовлетворительной.

Традиционное толкование феномена социального образования имеет свой негативный аспект. Его собственное содержание начинает ускользать, подобно Протею - древнегреческо-

му богу, сущность которого была непостоянна и поэтому неуловима. Так, например, забывается, что образование это не просвещение и пропаганда, а формирование образа человека. А это процесс деятельностный.

В общем и целом возникает ощущение бесформенного и аморфности. Что-то начинает проясняться, если мы дифференцируем понятия социальное, общественное и гражданское.

Следует отметить, прежде всего, что термины «социальное» и «общественное» - не синонимы. Между ними существуют отношения тождества и различия. Это как бы две стороны одной медали. И в научной литературе до сих пор ведутся оживленные дискуссии.

С нашей точки зрения, понятие «общественное» фокусирует внимание на совокупном действии, абстрагируясь при этом от индивида. Синонимом «общественному» является «коллективное», а социальному соответствует личность, отдельная социальная группа. Социальное фокусирует основное внимание на субъектном измерении общественного.

Хотелось бы в связи с такой постановкой вопроса обратить внимание на слабую проявленность в массовом сознании различия между обществом и государством. Слов нет, России необходимо сильное государство. Это обусловлено громадной протяженностью территории и слабым развитием транспортных коммуникаций, его роль координатора и арбитра диктуется сильными конфессиональными, национальными и экономическими различиями территорий, вертикальные связи нужны для выравнивания дифференциаций в уровне жизни населения, остаются внешние угрозы целостности и самостоятельности страны и т.д.

Нуждается в исследовании соотношение социального и государственного. Социологи также фиксируют, что в общественном сознании также существует слабое различие между двумя этими понятиями [3].

Хотелось бы вынести на обсуждение конференции некоторые гипотетические подходы к социальному образованию, которое необходимо различать в зависимости от уровня рассмотрения и субъект/объектных отношений.

Отметим, что конечная цель социального образования как социального института - интеграция общества через установление и укрепление горизонтальных связей.

Структура социального образования раскрывается более полно в том случае, если мы рассматриваем социальное образование с субъектной точки зрения. В этом отношении характерна точка зрения австралийских ученых авторов сборника «Социальное образование в 1990-е годы: базовое право каждого человека» (1990). Они отмечают сложную природу социального образования и подчеркивают единство четырех компонентов - понимания, ценностей, умений и действий социального субъекта. Каждая составная часть преломляется через четыре сферы реализации: культуры (субкультуры), личности, сообщества, окружающую среду.

Авторы сборника определяют социальное образование как активный процесс, с помощью которого и полагаясь на собственный опыт и общественно выработанное знание:

- развивают и применяют понимание, помогающее им объяснить происхождение, разнообразие и динамическую природу общества, включая взаимодействие между сообществами, культурами, людьми и окружением;

- развивают и используют ценности и чувства, которые соответствуют демократическому обществу и устойчивому миру;

- развивают и используют умения для того, чтобы внести вклад и общество, обсуждая при этом актуальные вопросы, решая проблемы, принимая решения и работая вместе с другими;

- предпринимают действия, вдохновленные и усиленные этими пониманиями, ценностями и умениями, способными внести вклад в достижение желаемого будущего для всех. [10].

При субъектном подходе понятие «социальное образование» смыкается с понятием «социализация». Культивирование личностного начала имеет смысл только в рамках некоторой «солидарности» (Г. Гадамер, К.О. Апель, К. Мэйер-Драве, Ю. Хабермас). В технологическом смысле цель социального образования – оказание помощи в росте социального капитала человека, в становлении его субъектности. При этом важно отметить, что социальные движения, инициативы, социальная оппозиция, органы самоуправления и т.д. имеют двойную функцию – как форма самореализации личности и как социально-образовательная среда.

Прежде всего, получение социального образования преследует неявную цель самоформирования жизненного мира (Хабермас) чело-

века. Это возвращение того, что в социальной работе называют ближайшей системой защиты человека. Это условие достижения его онтологической безопасности.

Возможно, некоторые новые подходы в социальном образовании и самообразовании предлагаются современными информационными технологиями. Все больше людей переходят от состояния «цифровых иммигрантов» к состоянию «цифровых туземцев» (Н. Хокли), для которых интернет-среда является естественным местом обитания.

Отдельный человек отвлекается от кровнородственных связей и превращается в самостоятельный узел коммуникаций или образовательный портал, которые обеспечивают информирование, обмен знаниями, определение социальной идентичности. Признанный авторитет в сфере анализа социальных сетей, Б. Уэллман писал: «Хотя люди смотрят на мир с позиций группы, действуют они в сетях. В обществах сетевой структуры границы проницаемы, взаимодействия различны, связи перебрасываются между многочисленными сетями, а иерархии могут сглаживаться и обращаться. Переход от групп к сетям можно наблюдать на различных уровнях. ... Большинство людей действуют в многочисленных, слабо связанных, неполных сообществах, когда имеют дело с сетями родных, соседей, друзей и сослуживцев. Вместо того, чтобы соответствовать одной группе, каждый человек обзаводится своими собственными «личными сообществами» [6, с. 94]. Человек обретает не только возможности расширения своего индивидуального мира, но и самостоятельного формирования референтной группы, которая может включать в себя и ближних, и дальних. Интересно, что в индоевропейской языковой традиции свободным именуется тот, кто принадлежит к группе людей, связанных узами родства или дружбы [1, с. 212].

Определение первичной социально образовательной ячейки человека учитывает новые социальные реальности и чаще всего выходит за рамки семьи (аутопоэзис Н. Лумана, габитус П. Бурдьё, виртуальный дом Э. Тоффлера) или социальных функций индивида.

Интересный подход аргументирован С. И. Григорьевым на основе виталистской социологии. Он обосновывает важность такой социальной ячейки как социальный микрорайон лично-

сти - «... устойчивое, динамично воспроизводящееся и изменяющееся социальное образование, ядром которого является индивид в единстве его материальных и духовных, биопсихосоциальных характеристик, системы базовых, первичных социальных отношений владения, пользования, распоряжения и распределения, присвоения, потребления – взаимозависимости по поводу жизненного пространства, средств к жизни» [2, с. 19].

Субъектом социального образования личности могут выступать организованные группы креативного класса, общественные организации, инициативные движения, группы социальной оппозиции и социального сопротивления, субъекты местного самоуправления и социальные работники

Развитие средств массовых коммуникаций усложняет структуру социального образования и на этом уровне. Говард Рейнгольд проанализировал новый феномен объединения сознательного сотрудничества с бессознательным взаимным альтруизмом, способствующим, на основе коммуникационных устройств, формированию ситуативных и постоянных форм интеграции людей. Его общий вывод осторожен: «Технологии и методологии сотрудничества пребывают сейчас в зародышевом состоянии, и появление демократических, дружеских, разумных новых форм общежития зависит от того, как люди определяют, усвоят, преобразуют и перестроят новые информационные среды после того, как они покинут своих разработчиков – так было испокон веку» [6, с. 300].

Посредством социального образования человек интегрируется и в региональную среду. В таком случае, субъектом социального образования может быть гражданское общество в целом. В отличие от экономики и политики, субъектность в гражданском обществе реализуется через «слабые взаимодействия», на уровне микропрактик. Все это скорее относится к западной цивилизации. В российских же условиях можно лишь говорить о формирующейся структуре негосударственных организаций и их связях по сетевому принципу [7,9]. Социальные институты в России отчетливее обозначаются не сколько структурной, сколько своей непосредственно человеческой составляющей. Если этот путь имеет смысл, то России необходимо пройти версты и версты кристаллизации пер-

воначально региональных интересов.

Первый отряд регионального сообщества представлен теми структурами, которые иницируются или интегрируются властями. Как правило, такие структуры организованы по вертикальному принципу, лояльны к текущей политике, концентрируются в Центре. Иногда Общественные палаты, Общественные приемные, Гражданские форумы и т.д. демонстрируют активность по частным вопросам. Одновременно, наряду с позитивным содержанием, это и средство формализации и выхолащивания гражданского образования. Постепенно вырисовывается и их отрыв от спонтанных форм культуротворческой активности масс, озабоченных реальными проблемами своей жизни. Как правило, люди мало знают о них и после первой вспышки интереса они уходят в тень. В последние годы, правда, приняты законодательные акты, придающие Общественным палатам контрольные функции.

Характерной чертой второй группы – НКО является развитие клиентских отношений с населением, что само по себе имеет позитивное значение [8]. Часто это просто сервисные организации полупрофессионалов, живущие на гранты.

В последние годы институализируется третья тенденция – социальная самозащита или социальная оппозиция. Ее источником является практическая проблема на местном или региональном уровне – массовые нарушения прав человека и недовольство населения способами их разрешения. Отстаиванием своих прав в этих условиях вынужденно занимаются те люди, которых это непосредственно касается. Основное направление работы по самозащите – помощь в самоорганизации граждан. Декларируется стремление взять местную власть под свой контроль неполитическими методами, через отстаивание своих прав ненасильственными средствами, опираясь на закон.

Состав и проблематика социального движения разнообразны, но все они сосредоточены на наиболее болезненных и непродуманных точках реформы или на злоупотреблениях властей или бизнеса своими правами [4]. Это спонтанный механизм коррекции работы властных органов и связанных с ними бизнес – структур, которые часто идут на нарушение прав человека. Характерной чертой мировоззрения участ-

ников социальных движений является рациональная солидарность [5].

Вышеуказанные три направления социального образования могут обозначать перспективные линии (Макаренко) в формировании человеком своего жизненного мира.

Добавим, что социальное образование может быть и средством идеологической борьбы, что мы видим на примере методики подготовки цветных революций через возвращение общественных формирований и социальных движений (Украина). Успех социального зла возможен только в условиях пустого социального пространства, дефицита государственной заботы о социальном воспитании. Или политизации этой проблемы.

В условиях фронтального наступления узкого прагматизма и утилитаризма, важно удерживать традиционный дискурс социального образования, ядром которого выступала социокультурноцентричность, а характерными чертами – внутреннее соответствие ценностям Ренессанса и Просвещения и в особенности культу науки и рациональности, установка на активное участие в общественных делах. Нам еще только предстоит сформировать целостную, идеологически выверенную систему социального образования, которая учитывала бы процессы интернационализации и, в то же время, имела бы сугубо российский характер, препятствовала регрессивной адаптации молодежи.

Литература

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. Общ. Ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Григорьев С. И. Виталистский анализ первичной социальной ячейки общества как основа оптимизации современной социальной защиты населения // Социальная работа: традиции и инновации. 2006. №1. С. 17-24.
3. Колесников В.А., Полюшкевич О.А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 28-35.
4. Полюшкевич О.А. Образование и социокультурная солидарность // Alma mater (Вестник высшей школы). 2011. № 7. С. 19-22.
5. Полюшкевич О.А. Социальное образование как технология социальных лифтов //

Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений научно-методические материалы. Иркутск, 2014. С. 96-99.

6. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006. 416 с.

7. Решетникова Е.В. Личностные мотивы реализации социального образования в молодежной среде // Современные исследования социальных проблем. 2018, Том 10, № 2-4. С. 43-59

8. Решетникова Е.В. Особенности социального капитала социозащитных организаций: региональная специфика // Социология. 2018. № 4. С. 82-85.

9. Решетникова Е.В. Роль социального образования в солидарности общества // Вестник развития науки и образования. 2018. № 9. С. 40-46.

10. Social education in the nineties: a basic right for every person. Social Education Association of Australia. 1990. 420 p.

Концепции социальных сетей в современных социологических теориях

Сушко В.А.

В статье рассматривается роль концепций социальных сетей в исследовании состояния общества. С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики. Социальная сеть как способ организации социального знания требует особого методологического подхода, отличного от традиционных методов анализа социологической информации. С точки зрения теоретической и методической разработанности в статье проанализированы подходы следующих ученых: Дж. Гиллери, Г. Рейнгольда, Дж. Скотта, Барри Уэллмана, М.Кастельса, Ш. Рафаэли, Г. Равида, В. Сорока и др.

Ключевые слова: социальная сеть, сетевой анализ, сетевые сообщества.

Sushko V.A.

Concepts of social net works in modern sociological theories

The article discusses the role of social networking concepts in the study of the state of society. Since its inception, the network has been formed as an interdisciplinary analysis which combine efforts by psychologists, sociologists, communication specialists, anthropologists, mathematics and statistics. The social network as a way of organizing social knowledge requires a special methodological approach that is different from the traditional methods of analyzing sociological information. From the point of view of theoretical and methodological development, the article analyzes the approaches of the following scientists: J. Guilleri, G. Reingold, J. Scott, Barry Wellman, M. Castells, S. Rafaeli, G. Ravid, V. Soroka, etc.

Key words: social network, network analysis, network communities.

Современные информационные технологии имеют важное и неоспоримое значение в жизни современного общества, изменяют характер работы человека, его социальные связи, организационные формы осуществления социальных взаимодействий и сами социальные отношения. Новые телекоммуникационные технологии позволяют стирать языковые, культурные и экономические барьеры. В XXI веке общество развивается в условиях широкого доступа к информации, при этом она становится главным фактором, определяющим социальное положение человека.

При анализе данного явления важным представляется понимание и осмысление категории – «сообщество», которое являлось одним из ключевых в социальной теории XX века и претерпело существенную модификацию: от описания семейно-родственных отношений до фиксации особенностей Интернет-коммуникации.

Термин активно используется в характеристике политических, экономических, религиозных, этнических агрегаций людей и т.д. Американский социолог Дж. Гиллери, проведя глубокий анализ около 100 определений данного понятий, дал характеристики этого феномена: общность территории, социокультурные взаимодействия, наличие социальных связей [15. С. 132]. Тем самым, стоит обратиться к социологическому смыслу термина «сообщество», предложенному Р. Хойслингом: сообщество – это группа людей, которая участвует в каком-либо социальном взаимодействии и имеет между собой общие связи, черты, признаки, способы образования, формирования и функционирования [19. С. 35]. Отечественные психологи дополняют данное определение и считают, что сообщество – это группа людей, находящаяся во взаимодействии и связанная между собой

общими целями и интересами, в пространстве, в течение определенного времени [10. С. 5]. Такое определение, на наш взгляд, вполне применимо к изучению сетевых сообществ.

Новый поворот в исследованиях сообществ связан с распространением Интернет-коммуникаций и появлением сетевых сообществ. Данный факт актуализирует поиск теоретических оснований анализа сетевых взаимодействий.

Термин «сетевые сообщества» был введен Говардом Рейнгольдом в 1993 году в книге «Virtual Community». «Сетевое сообщество – это социальное образование, которое появляется на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве...» [22]. Г. Рейнгольд также отмечает, что «люди в сетевых сообществах, используя лишь слова на мониторе, обмениваются любезностями и спорят, участвуют в интеллектуальном дискурсе, осуществляют коммерческие операции, обмениваются знаниями, делятся эмоциональной поддержкой, строят планы, делают мозговые штурмы, распускают слухи, враждуют, влюбляются, находят друзей и теряют их, играют в игры, флиртуют, создают немного произведений искусства и много пустой болтовни» [22]. Однако Г. Рейнгольд не разработал полноценную концепцию сетевых сообществ, акцентируя внимание лишь на виртуальной реальности.

В последнее время все большей популярностью пользуются онлайн сетевые сообщества (социальные сети, блоги, форумы), благодаря которым происходит взаимодействие пользователей именно через сеть Интернет. Их основная функция – коммуникация, а также обмен информацией и знаниями. Особым преимуществом виртуальных сетевых сообществ является отсутствие территориальных ограничений.

По данным исследования TNS Web Index [6] среди наиболее посещаемых интернет-проектов за день лидирующее место занимает социальная сеть «ВКонтакте» 15 617 тысяч человек. Почти вдвое меньше посещений у «Одноклассики.ру» 8 993 тысячи человек. Также в двадцатку вошли Facebook, LiveJournal, Instagram и Twitter.

Таким образом, можно увидеть, что сетевые сообщества очень популярны в нашей стране.

В сетевых сообществах вырабатываются свои правила поведения, формируется сленг, который в последствие используется и в реальной жизни. В последнее время появляется все больше исследований на тему зависимости от Интернета и сообществ в частности.

В сетевых сообществах пользователь вправе решать самостоятельно, какую информацию публиковать и как ее преподнести, а какую скрывать, что позволяет формировать некий идеальный образ себя. Таким образом, строится особый виртуальный мир, со своими правилами и ценностями. Возникает вероятность того, что этот мир станет для человека более важным, а реальная жизнь отойдет на второе место и будет зависеть от первого.

Для того чтобы выявить социальную сущность и содержание сетевых сообществ, необходимо рассмотреть теоретические подходы, существующие в современных социологических концепциях.

По мнению Дж. Скотта, существует множество самых разных направлений (линий) в развитии современного анализа социальной сети, появившихся в самое разное время и в своей совокупности образующих своеобразную «родословную» данного метода (lineage of social network analysis) [17. С. 42].

Непосредственное влияние на становление и развитие сетевой теории оказали «формальная» социология (Г. Зиммель), социальная антропология (Р. Радклифф-Браун, Дж. Барнз, К. Митчелл), социометрия (Я. Морено) и теория социального обмена (П. Блау, Р. Эмерсон). Представители данного научного подхода считают, что главным фокусом сетевого анализа является не исследование больших и малых социальных групп и социальных общностей, а изучение слабых связей, существующие между взаимодействующими субъектами, что не позволяет считать их группой.

Во-первых, рассмотрим теорию Барри Уэллмана, который следующим образом формулирует свой подход: «Я рассматриваю сетевой анализ как комплексный интеллектуальный подход, нежели просто систему методов анализа социальных связей» [23. Р. 155-199.]. Социальные сети, как считает Уэллман, представляются собой множество людей (организаций и со-

циальных образований), объединенных в систему таких социальных взаимоотношений как дружба, совместная работа и обмен информацией. Тем самым сетевые сообщества – это «сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [24. Р. 228]. Данный тип сообществ обладает глобальностью коммуникации, которая определена предельным расширением того пространства, в котором происходят различные виды общения.

Обращаясь непосредственно к вопросу сетевых сообществ, Уэллман заявляет, что необходимо исследовать их как социальные сети. Социальная общность претерпела значительные преобразования и поэтому становится менее понятной с точки зрения классического исследовательского подхода, в рамках которого под общностью понимали некое коллективное образование, существующее в конкретном географическом пространстве. Как пишет Уэллман, «... комплексные социальные сети существовали всегда, однако современные достижения в области коммуникационных технологий допускают их функционирование в качестве доминирующих форм социальной организации» [24. Р. 228].

Основные выводы, полученные Уэллманом состоят в том, что в современном мире люди погружены не в традиционные плотно связанные, с четкими границами группы, а в слабо связанные, с размытыми границами, часто меняющиеся сети; общности перешли от групп, основанных на близком месте жительства, к сетям, которые продолжают служить источником поддержки и социализации; большинство связей в общности не интенсивны и узкоспециализированы, вследствие этого объем индивидуального социального капитала определяется размером сети» [9. С. 86]. Таким образом, современная общность людей – это не локальный, а пространственный феномен, при анализе которого Уэллмана, в первую очередь, интересует не то, как близко люди живут друг от друга, а что они делают друг для друга.

Преимущества данного подхода к определению феномена сетевых сообществ заключаются в том, что, во-первых, данная теория обладает наиболее широким и богатым понятийным аппаратом; во-вторых, ученый предлагает

достаточно полное и конкретное, на наш взгляд, содержание сущности сетевого сообщества; в-третьих, данная теория является новой, ориентированной на современные реалии.

Тем не менее, в концепции Б. Уэллмана есть и свои недостатки: во-первых, она не применялась к анализу российского общества, поскольку является довольно новой; во-вторых, данная концепция еще не слишком популярна в научном сообществе, поскольку существует ряд других исследователей сетевых сообществ, чьи теории уже получили свою эмпирическую апробацию и приобрели признание в научном сообществе.

Идейным продолжателем идей Б. Уэллмана является М. Кастельс. М. Кастельс назвал новый этап развития общества, начавшийся в 70-х годах 20 века – сетевым обществом, что означает – общество, в котором ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [7]. По его мнению, новая культура – это «культура реальной виртуальности», культура, детерминированная глобальными интерактивными электронными системами коммуникации. «Это – система, в которой сама реальность полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находят не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [7. С. 608]. Необходимость рассмотрения сообществ как сетей он обосновывает следующим образом: «Главным моментом здесь является переход от сообщества к сети как основной форме организации взаимодействия. Сообщества, по крайней мере, в традициях социологических исследований, базировались на общности ценностей и социальной организации. Сети строятся на основе выбора и стратегии социальных деятелей, будь то отдельные лица, семьи или общественные группы» [8. С. 153]. На смену вертикальному строению общества приходят горизонтальные, организационные структуры связей и отношений между людьми и их сообществами. Особое внимание уделяется сложившимся неформальным коммуникациям. М. Кастельс так же подчеркивает, утрату географического фактора в структурировании общественных связей и взаимодействии.

Сетевые сообщества способствуют развитию нового явления – сетевого индивидуализ-

ма, под которым понимают социальную структуру, а не собрание изолированных индивидуумов. Данный феномен включает в себя сети, онлайн-овые и оффлайн-овые, основанные на своих интересах, ценностях, склонностях и проектах. Результат этого можно обозначить, во-первых, как гибкость выражения социальности, так как субъекты формируют и воспроизводят свои формы социального взаимодействия. Во-вторых, неустойчивость форм социальной поддержки. Именно сети составляют основную структуру всего общества [8. С. 157-158].

Таким образом, на первый план выходит именно использование новых технологий электронной коммуникации, которые радикально меняют стратегии нашей жизни, наши чувства и мышление. М. Кастельс обращает внимание на то, что в сетевых сообществах создана непригодная атмосфера, причиной которой является анонимность. Он отмечает, что «...анонимные индивидуумы практикуют беспорядочную коммуникабельность, отказываясь от личного взаимодействия в реальных условиях» [8. С. 141]. Благодаря этому символическая среда сетевых сообществ противопоставляется реальному миру и замещает его с помощью образов – симулякров. «Это система, в которой сама реальность полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [7. С. 83].

В рамках современных социологических сетевых подходов, особое внимание следует также уделить социологам, разработавшим уникальный концепт, в основе которого лежит анализ социального капитала в виртуальных сетевых сообществах. Эту проблему в своих работах обсуждали А. Хуан-Хасе, Г. Равид, В. Сорока. Сторонники данного подхода рассматривают социальный капитал как феномен, воспроизводимый от свойств социальной сети – как особый ресурс, вырабатываемый в ней и одновременно влияющий на ее динамичность и обширность.

Ш. Рафаэли, Г. Равид и В. Сорока утверждают, что социальный капитал является существенным элементом виртуальных социальных сетей: «...вовлекаясь в виртуальные сообщества даже пассивным образом, человек участвует в

социальных активностях. Мы полагаем, что чтение и публикации в форуме формируют социальную сеть, где все ее участники, будь то активные или пассивные, приобретают социальный капитал посредством получения доступа к значимой информации, обучения социальными нормами, принятыми в соответствующем сообществе, а также через знакомства с активными участниками сообщества» [21. Р. 4]. В частности, они интерпретируют виртуальный социальный капитал сообщества как «совокупность характеристик социальной сети, сформированных в результате совместной деятельности членов виртуального сообщества, которая впоследствии приводит к развитию общих социальных норм и правил, содействующих взаимовыгодному сотрудничеству» [21. Р. 4]. Тем самым социальный капитал, как структурная характеристика социальной сети, является специфическим индикатором эффективности и функциональности виртуальных сетевых сообществ, включает в свою структуру личную информацию не только о конкретном пользователе, но обо всех участниках сетевого сообщества. Социальный капитал позволяет воспроизводить уже полученную информацию, делая ее доступной для других.

Безусловным достоинством данного подхода является аналитическая ценность при исследовании социальных характеристик виртуальных сетевых сообществ нового периода, доминирующими формами организации которых стали сетевые структуры, конструируемые на базе социальных Веб 2.0. Однако недостатком выступает то, что авторы не предлагают логически выдержанного определения «сетевое сообщество», исключительно акцентируясь на феномене «социальный капитал».

Таким образом, на первый план выходит именно использование новых технологий электронной коммуникации, которые радикально меняют стратегии нашего ведения, наши чувства и мышление. Изменяют свое значение понятия пространство и время. Объем и скорость распространения информации влияют на деятельность всех социальных институтов и всего социума в целом. Новым продуктом современного мира становятся сетевые сообщества.

Можно выделить два основных подхода к рассмотрению сетевых сообществ – макро и микро. Макроподход говорит о том, что сете-

вые сообщества рассматриваются как синоним социальных сетей, виртуальных сообществ, интернет-сообществ и т.д. Микроподход рассматривает сетевое сообщество, как например одна из групп в социальной сети.

Для дальнейшего анализа стоит рассмотреть теоретические подходы отечественных ученых и в их ракурсе рассмотреть основные особенности, функции и типологию сетевых сообществ.

Например, В.А. Сергодеев выделяет следующие особенности сетевых сообществ [15. С. 135]:

1. Виртуальность – это свойство символической реальности, противопоставленной реальному миру и замещающей его с помощью образов, симулякров и аналогов.

2. Интерактивность связана с ориентацией на индивидуальное и избирательное использование информации.

3. Гипертекстуальность лежит представление о тексте, который позволяет пользователю самому моделировать и организовывать текстовое пространство удобным для него образом.

4. Глобальность коммуникации определена предельным расширением того пространства, в котором происходят различные виды общения.

5. Креативность, которая обусловлена тем, что виртуальное пространство предоставляет человеку максимум возможностей для конструктивной деятельности, позволяя изобретать множество самопрезентаций.

6. Анонимность социосетевой коммуникации способствует созданию непринужденной атмосферы для самопрезентации.

7. Мозаичность коммуникации основана на отсутствии упорядочивающего центра и упорядочиваемой периферии, в силу чего социокультурное пространство неизбежно образует в некотором роде мозаичные структуры.

Таким образом, сетевые сообщества являются бесконтрольными центрами накопления и распространения информации.

Сетевые сообщества выполняют следующие основные функции [14]:

1. Коммуникационная – установление контактов, обмен информации, совместное взаимодействие и т.д. Общение является одним из самых важных явлений в жизни человека. Без него невозможно социализация и нормальное функционирование общества. В сетевых сооб-

ществах общение происходит в основном в письменном виде.

2. Информационная – сетевые сообщества позволяют обмениваться информацией в различной форме – сообщения, фотографии, видеозаписи и т.п., а также распространять информацию, вследствие чего интернет-коммуникацию некоторые рассматривают на новый вид СМИ. Пользователи могут самостоятельно выбирать информацию, которую хотят, а после ее передавать остальным, таким образом, могут являться коммуникаторам и реципиентом одновременно.

3. Социализирующая – пользователи проводят в сетевых сообществах большое количество времени, поэтому невозможно отрицать факт определенного воздействия на них.

4. Идентификационная – идентификация осуществляется посредством сравнения себя с окружающими. Сетевые сообщества дают возможность быть анонимным, о чем упоминалось выше, и каждый может регулировать степень этой анонимности: степень реалистичности информации, открытость или закрытость профиля. Благодаря чему, пользователь может управлять впечатлением о себе, «убежать из собственного тела», способствует психологической раскрепощенности, не нормативности, проявлению большей свободы высказываний и поступков, проигрыванию нереализуемых в действительности вне сети, неограниченных социальными нормами, ролей и сценариев. Таким образом, дает возможность реализации различных стратегий самопрезентации.

5. Развлекательная – сетевые сообщества содержат большое количество приложений, аудиозаписей, видеофайлов и другую информацию развлекательного характера.

6. Самоактуализирующая – создание собственных страничек, блоков – все это способы заявить о себе, быть услышанными большими аудиториями людей. Сетевые сообщества – это хранилище результатов творческой деятельности ее пользователей: публикуются высказывания, стихи, рассказы и даже научные статьи, фотографии, аудио и видеозаписи, сделанные пользователями.

Сетевые сообщества стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Поэтому невозможно не согласиться с тем, что «виртуальные сообщества становятся объективной

реальностью и оказывают влияние на системные свойства социума» [18].

С. В. Бондаренко считает, что сетевые сообщества позволили объединить, казалось бы, несовместимое - возрастающую автономию индивидов и увеличивающуюся их зависимость от общественной солидарности [1]. И действительно, с одной стороны, в сетевых сообществах индивид полностью автономен, и даже может играть с собственной идентичностью, однако при этом у него появляется потребность в социальном отклике и социальном одобрении, которые выражаются чем «лайки» и положительные комментарии.

Сетевые сообщества меняют наше представление о разграничении частной жизни и публичной, теперь это зависит от личного желания и саморегулирования, т.е. я хочу или не хочу, чтобы это знали обо мне другие.

По мнению Шахмартовой О.М. и Болтага Е.Ю. [20] сеть Интернет стала посредником между природным миром и человеком, и превратилась в самодостаточную реальность – виртуальную. Под виртуальной реальностью они понимают обусловленную среду жизнедеятельности человека, в которой он принимает и реализует собственные решения, удовлетворяет определенные потребности. Все перечисленные выше функции и свойства сетевых сообществ реализуются в данной виртуальной реальности сети Интернет.

Невесенко Е.Д. [11] считает, что сетевые сообщества вносят изменения в процесс социализации, становления и развития личности молодых людей, из чего мы можем сделать вывод, что они также влияют на формирование ценностей.

Исходя из рассмотренных теоретических подходов, можно определить сетевые сообщества как социальную общность, образованную в результате длительного технико-опосредованного взаимодействия между пользователями, через сеть Интернет [11].

Несенко Е.Д. предлагает несколько классификаций сетевых сообществ. Одной из них выступает классификация Д. Шакулы [12]:

1. Тематические сообщества: возможные тематические направления сообществ - спорт, экономика, политика, культура и т.д.

2. Географические сообщества: это сообщества, отражающие социальные аспекты опреде-

ленной страны, региона, города и т.д. Наглядным примером является форум Санкт-Петербурга.

3. Сообщества потребителей: возможные тематические направления - автомашины, сотовые телефоны, компьютерные инновации и т.д.

4. Профессиональные сообщества: возможные тематические направления - бизнес, дизайн, IT, а также поддержка профессиональных контактов.

5. Сообщества прямого общения: целью таких сообществ является, в первую очередь, общение и установление социальных связей.

6. Гендерные сообщества: к этому виду сообществ относятся мужские и женские форумы.

7. Протестные сообщества: сообщества, специализирующие критическим отношением к людям, событиям, явлениям.

8. Маргинальные сообщества: сообщества, развивающиеся в среде Интернет культуру различных маргинальных групп (панки, готы, гопники и т.д.).

Следующая классификация в зависимости от платформы, на которой они созданы [12]:

- социальные сети - «интерактивный многопользовательский сайт, содержание которого наполняется его посетителями, с возможностью указания какой-либо информации об отдельном человеке, по которой страницу пользователя в данной виртуальной реальности сети Интернет» [3];

- форум – это сайт, на котором ведется обсуждение конкретных тем;

- чаты – это платформа, позволяющая обмениваться виртуальными сообщениями в режиме реального времени.

В совокупности обозначенных подходов представляется возможным охарактеризовать сетевые сообщества как важнейшую форму социального взаимодействия в информационном глобализирующемся обществе, которые определенным образом структурирует коммуникационное пространство и создает новые конфигурации социальных интеракций, недоступные для традиционных институтов. Таким образом, рабочее определение «сетевое сообщество» обозначим как социологическую категорию, характеризующую особый вид социального объединения пользователей коммуникационных сетей, интеграция которых возникает на основе общего дискурса в виртуальном пространстве,

позволяющая зарегистрированным на них пользователям распространять и воспроизводить сообщение неформально распространенное, не имеющее достоверности в ситуации дефицита информации между другими пользователями сети. Таким образом, сетевые сообщества предстают перед нами в форме специфических отношений, технологически опосредованных, которые создаются благодаря наличию у индивидов общих интересов, ценностей, склонностей и проектов, что позволяет сформировать определенную совокупность социальных связей, которые могут быть использованы для решения той или иной задачи.

На сегодняшний день наиболее популярными являются социальные сети «ВКонтакте» [13] и «Instagram». Согласно исследованию информационного агентства REGNUM - статистика присутствия российских пользователей в социальных сетях. Изучали число активных пользователей соцсетей «Facebook», «ВКонтакте», «Twitter», «ЖЖ» и «Instagram». В соответствии с полученной информацией количество пользователей сервиса микроблогов «Twitter» достигает 1,5-2 миллиона, каждый день публикуется 8-12 миллионов твитов. «ВКонтакте» размещают не менее 12 миллионов сообщений, а в «ЖЖ» зарегистрировано 14 миллионов блогов, в «Instagram» публикуют до двух миллионов фотографий ежедневно, в сети Facebook три миллиона популярных аккаунтов, на которых появляется 4-5 млн сообщений в день. Цифры показали, что подавляющее большинство пользователей занимаются только репостами, и лишь 5% из них создают контент. По возрастному составу пользователей «ВКонтакте» оказался самым «молодым» сервисом (18-34 года), самым «взрослым» стал «Одноклассники» [13].

Социальная сеть ВКонтакте (www.vk.com) создана для быстрой и удобной коммуникации между людьми по всему миру, является крупнейшей социальной сетью в России. Она была создана Павлом Дуровым в 2006 году по образу американской сети Facebook. Данная сеть обладает большим функционалом для пользователей: создание собственных страничек, размещение личной информации, поиск интересных людей и сообществ, участие в дискуссиях и так далее. Интерфейс доступен более чем на 70 языках.

Социальная сеть Instagram предназначена для обмена фотографиями и видеозаписями

между пользователями, в широком использовании программа появилась в 2010 году. Она обладает возможностями обработки фотографий, размещение, их оценка, комментирование и т.д. На данный момент программа стала продуктом широкого круга пользования, без каких-либо ограничений по типу техники. Единственное ограничение – возраст, однако этот ценз весьма низок, пользователем может стать любое лицо, достигшее 13 лет. Существуют ограничения по содержанию фотографий: нельзя размещать материалы, пропагандирующие агрессию и насилие, также запрещены снимки с обнаженной личностью. Специфика данной социальной сети сводится к визуальным образам. В марте 2014 года было зафиксировано 200 миллионов пользователей данной сети, при этом на тот момент отмечалось, что ежедневно пользователи публикуют по 60 миллионов фотографий и оставляют 1,6 миллиарда отметок «Мне нравится» (лайки) - полгода назад эта активность оценивалась в 55 миллионов и 1,2 миллиарда «лайков» соответственно [4].

Как видно из сформулированного выше определения, социальные сети предоставляют различные возможности пользователю. Например, для молодежи, которые в основном и являются пользователями этих сетей, важными выступают такие ценности как развлечения и самоутверждения и специфические возможности социальных сетей будет оказывать наибольшее влияние на их формирование. Для пользователей сетей важным представляется возможность продемонстрировать себя. Ученые при анализе личных фотографий из социальных сетей установили, что пользователи пытаются создать некий идеальный образ себя, то есть подчеркивают те признаки, которые являются скорее желаемыми, чем действительными. Именно поэтому фотографии, доступные для просмотра другим членам социальной сети, тщательно отбираются пользователями. Некоторые пользователи, имея желание выдать только лучшие свои качества, приукрашают информацию. Наличие возможности получить свидетельства социального признания – современные социальные сети имеют в своем функционале возможность отклика или обратной связи. Каждый пользователь может «лайкать», комментировать записи других, а также сам получать их. Специалист по психологии медийных коммуникаций

Памела Рутедж утверждает, что социальные сети дарят их пользователям «социальные поглаживания».

Недавно появился новый термин «брэгги», для обозначения вида фотографий, которые предназначены исключительно для того, чтобы показать себя с лучшей стороны или заставить друзей завидовать. Согласно современным исследованиям, один из десяти пользователей выкладывает такие фотографии на свою страницу регулярно: «5,4 миллионов человек делают такие фото в течение десяти минут сразу после того, как приедут на отдых – в гостиничных номерах, барах, ночных клубах и даже собственной кровати. Семь из десяти человек убирают всё неприглядное со снимка, прежде чем загрузить его в социальную сеть, а другие даже вырезают с фото части тела, если не хотят их продемонстрировать <...> Треть пользователей социальных сетей добавляют фотографии только для того, чтобы похвастаться и вызвать зависть» [2].

Важным является и наличие возможности регулирования списка «друзей» - система «друзей» включает себя добавление в друзья или подписка на новости других пользователей, а также возможности отказа в дружбе. Обычно для того типа пользователей, которым крайне важно создать себе «преуспевающий» образ в сети, количество «друзей» является важным показателем «популярности». Такие люди рассуждают по принципу «главное не качество, а количество». Увеличивая число виртуальных «друзей», при этом даже если с большинством они не знакомы в реальной жизни, пользователи пытаются показать, что их жизнь насыщена общением и интересна множеству людей. Подобный «сбор друзей» часто приобретает соревновательный характер, а пользователи, которые «дружат» с парой десятков человек, получают в глазах «популярных» представителей интернет-сообщества статус «неудачников». Не менее важным является и то, что социальные сети предоставляют возможность вступления и активной деятельности в различных группах, создания и управления собственными группами для объединения людей по определенным интересам. Также они имеют в своем функционале возможность «подписки» к новостям определенных сообществ. Группа в социальной сети можно рассматривать как некое «сообщество в сообществе», которое объединяет людей по интересам и целям.

Социальные сети становятся главным ресурсом сети Интернет ввиду своей развлекательной направленности и доступности, а также широкому содержанию. Зачастую отмечается, что индивиды, особенно молодое поколение, проводят слишком много в сетях, при этом цели их посещения могут варьироваться. Большое количество времени, проводимое человеком в сетях, порой в ущерб учебе, работе, здоровью, возможно, объясняется боязнью оказаться в информационном вакууме.

Как мы видим, пространство социальных сетей предоставляет широкие возможности. Однако сама структура таких информационных потоков мало известна. Она имеет сходные характеристики с офлайн-сетевыми моделями взаимодействия, но не может быть сведена к ним. Виртуальное пространство отличается высокой степенью анонимности таких сетей и иному распределению связей между акторами. Сетевые методы помогают лучше понять и описать процессы, причем описать их не только теоретически, а количественно. Социальная сеть как способ организации социального знания требует особого методологического подхода, отличного от традиционных методов анализа социологической информации, а также сетевой подход доказал свою применимость для решения задач, различающихся по области применения (социально-экономических, когнитивных, политических, исторических и т.д.), по виду носителя информации, по типам единиц анализа [5. С. 10]. Но объединяет их сетевой способ решения и, тем самым, дает возможность объединения единиц анализа до разного уровня обобщения. И поэтому важной задачей является дальнейшее рассмотрение и анализ теоретических и методологических подходов, существующих в современной науке к изучению социальных сетей [16. С. 82].

Литература

1. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. – Ростов-на-Дону. – 2004.
2. Брэгги - самоутверждение через соцсети // Профессионалы.ру [Электронный ресурс] URL: http://professionali.ru/Soobschestva/novye_svyazi_i_vozmozhnosti/samoutvrzhdieni-cherez-sotsseti/ (Дата обращения 15.12.2018).

3. Влияние через социальные сети / под ред. Н.В. Крыгиной. М., 2010. С. 10.
4. Глобальная аудитория Instagram превысила 200 миллионов пользователей // РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/technology/20140326/1001109354.html> (Дата обращения 15.12.2018).
5. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие. М., 2004.
6. Исследование TNS. Результаты исследований аудитории Интернета [Электронный ресурс] URL: http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?anFilter_pf%5BYEAR%5D=2016&set_filter=%D0%9F%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y (Дата обращения 10.01.2019).
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. Под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
8. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та). 2004.
9. Князев Е. Сетевая теория в современной социологии / Социология. 2006. № 2. С. 86.
10. Экономическая теория. Макроэкономика-1, 2. Мегазкономика. экономика трансформаций / Журавлева Г.П., Александров Д.Г., Громыко В.В., Забелина М.И., Прохорова М.С., Добрынин А.И., Дубовик М.В., Киселева Т.Ю., Лонская Г.М., Лычковская М.А., Мильчакова Н.Н., Ракута Н.В., Рябова Г.В., Савинова М.В., Сапор А.К., Синев В.М., Смагина В.В., Тихонова О.Б., Чередниченко Л.Г., Чередниченко Т.М. и др. Москва, 2011. (3-е издание)
11. Невесенко Е.Д. Роль виртуальных сетевых сообществ в развитии социальной инициативности молодежи // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. С.106-109.
12. Невесенко Е. Д. Специфика формирования и функционирования Интернет-сообществ: социальный аспект // Молодой ученый. 2011. №5. Т.2. С.88-92.
13. Новости. Обзор СМИ // Исследование информационного агентства REGNUM [Электронный ресурс] URL: http://www.jjapan.p01pred.ru/news/?ns=1&person_id=24783&os%5B15%5D=on&fulltext=on&word=clr&period_count=1&sortby=id&page=1510 (Дата обращения 10.01.2019).
14. Садыгова Т.С. Социально-психологические функции социальных сетей. Вектор науки ТГУ. 2012. №3(10) С. 192-193.
15. Сергодеев В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. №1 (113).
16. Сушко В.А. Социометрия и анализ социальных сетей // Социология. № 2. 2018. С. 78-88.
17. Сушко В.А. Метод социометрии и анализ социальных сетей // Учебное пособие. М., КДУ: Книжный Дом Университет. 2017. 310 с.
18. Тоискин, В. С. Классификация социальных сетей Интернет, как элементов социальных структур / В. С. Тоискин, В. В. Красильников. [Электронный ресурс] URL: <http://econf.rae.ru/article/7041> (Дата обращения: 16.12.2018).
19. Хойслинг Р. Контексты и перспективы сетевой теории / Пер. с нем. М.: Логос-Альтера, 2003.
20. Шахмартова О. М., Болтага Е. Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 1002–1008.
21. Rafaeli S., Ravid G. & Soroka, V. De-lurking in virtual communities: A social communication network approach to measuring the effects of social and cultural capital. // 34th Hawaii international conference on system sciences, Hawaii. Vol.7. 2004. P. 4.
22. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier [Электронный ресурс] // The electronic version of The Virtual Community 1993. URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (Дата обращения: 27.11.2018).
23. Wellman B. Network Analysis: Some Basic Principles / Sociological Theory, 1983. Vol. 1. P. 155-199.
24. Wellman B. Physical and Cyber Place: The rise of personalized Networking / International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 25. 2001. P. 228.

Следует ли социологии использовать данные биологических наук?

Шкурко Ю.С.

В данной статье представлены результаты опроса американских социологов, направленного на выявление их мнений относительно целесообразности использования биологических переменных в социологических исследованиях, готовности это делать, а также на определение уровня знакомства с базовыми положениями биологических наук и представлений о степени значимости биологических факторов в классовом, гендерном, расовом неравенстве, делинквентном поведении, сексуальной ориентации, сексуальном/гендерном ролевом поведении, социальном продвижении родственников или друзей, поведенческой стратегии лидера и ведомого и др. Проведенное исследование выявило, что более половины социологов в разной мере знакомы с тем, что психика человека сформировалась в процессе эволюции и имеет нейрофизиологическую основу, генетические факторы входят в систему детерминант социального поведения человека, существует схожесть в базовых аспектах функционирования мышления и поведения у человека и животных. Одновременно с этим положение о базовой схожести человека и животных получило наибольшее количество ответов с низкой степенью знакомства.

Ключевые слова: биосоциология, эволюционная социология, эволюционная нейросоциология, нейросоциология, биофобия, социальное неравенство

Shkurko Yu.S.

Should Sociology Incorporate Data of the Biological Sciences?

The paper presents the results of a survey of American sociologists which aimed at identifying their opinions on the usefulness of the incorporation of the biological factors into sociological research and willingness to do so. The research also sought to determine their familiarity with basic concepts of biological sciences and view on the casual significance of the biological factors in class, gender, racial inequality, delinquency, sexual orientation, sex/gender role behavior, the practice of favoring relatives or friends, the leading and following behavioral strategies, and some others. The study shows that more than half of sociologists familiar in different degree with the following ideas: (1) the human mind was formed in the process of evolution and has a neurophysiological basis, (2) genetic factors are included within the system of determinants of human mental and behavioral traits, and (3) basic aspects of the mind and behavior of humans and animals are identical.

Keywords: biosociology, evolutionary sociology, evolutionary neurosociology, neurosociology, biophobia, social inequality

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 18-411-730014 п. а / The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of Ulyanovsk region of the Russian Federation, grant № 18-411-730014 p. a.

Введение

В последние годы происходят изменения в ландшафте научного знания, связанные с открытием биологических факторов социального поведения. В рамках социологии данные изменения находят отражение в развиваемых биосоциологических направлениях, претендующих на статус субдисциплин (среди них эволюционная социология, эволюционная нейросоциология, нейросоциология, социальные исследования геномики), представители которых [см., напр.: 2; 6; 12] сфокусированы на изучении роли биологических (генетических, нейронных, гормональных и пр.) факторов в различных аспектах социального поведения, а также эволюционно сформировавшихся биосоциальных механизмах социальных явлений и процессов на микро- и макро- уровнях.

Развитие указанных субдисциплин, начавшееся в 1990-е гг («Декада мозга», Проект «Генома человека»), высветило ряд проблем в эпистемологических предпосылках социологических исследований. Во-первых, социологи оказались не готовыми к оценке релевантности данных о социальном поведении, социальном познании и восприятии человека, полеченных в нейробиологии, культурной и социальной нейронауке, поведенческой генетике, эволюционной психологии. Эта неготовность, в частности, связана с недостатком знаний в области биологии, антропоцентризмом, сфокусированностью на установлении связей исключительно между социальным и социальным, трактуемым в качестве противоположности биологическому [1]. Во-вторых, общественная и политическая повестка дня остается (как это было с противодействием дискуссиям социобиологической направленности во второй половине XX столетия вследствие ложных идеологических коннотаций, ассоциированных с социал-дарвинизмом

Таблица 1
Степень знакомства социологов с базовыми положениями биологических наук (N=41, в процентах)

Базовые положения биологических наук	Знаком			Совсем не знаком
	Очень хорошо	Отчасти	Не очень	
Человеческая психика сформировалась в процессе эволюции и имеет нейрофизиологическую основу	43,9	34,1	17,1	4,9
Базовые аспекты мышления и поведения человека и животных идентичны	31,7	26,8	36,6	4,9
Генетические факторы входят в систему детерминант психических и поведенческих черт человека	56,1	36,6	7,3	-

[4; 11]) достаточно сильным сдерживающим фактором для развития социологии в качестве независимой научной дисциплины.

Указанные особенности современного этапа развития социологии подробно не изучены. Проведенный нами опрос американских социологов был направлен на получение данных относительно как уровня их осведомленности в области последних достижений биологических наук, оценки значимости биологических факторов в социальном поведении, так и определению мнений по поводу перспектив развития социологии в контексте современного развития биологических наук.

Выборка и процедура исследования

Выборочная совокупность была сформирована на основе случайного систематического отбора из членов Американской социологической ассоциации (<http://www.asanet.org/>), старейшего социологического объединения в мире, в которую сегодня включены большинство активно работающих социологов США (в нее также входят в качестве ассоциированных членов социологи из других стран мира). Объем генеральной совокупности на момент составления выборки (ноябрь 2018 г) – 10,443, расчет шага шел для выборки в 500 чел., соответственно равнялся примерно 21. При этом в выборку включались только те, кто имеет статус членов ассоциации (не включались студенты, социологи, находящиеся на пенсии, ассоциированные члены, учителя средней школы), поскольку именно они наиболее активно вовлечены в научную и образовательную деятельность.

Опрос проводился с использованием Google Forms. Анкета рассылалась (ноябрь-декабрь

2018 г) автором по электронной почте каждому попавшему в выборочную совокупность. На опрос отреагировали примерно 8% от общего числа попавших в выборку (изначальные и, как оказалось, завышенные ожидания относительно количества откликов при этом не оправдались). В итоге в опросе приняли участие 41 человек, из них 36,6% мужчин и 63,4% женщин. Возраст участников опроса находится в диапазоне от 1931 до 1987 года рождения, включая 36,5% 60 лет и старше, столько же – 40-59 лет и 22% – 39 лет и моложе (двое участников опроса не пожелали указывать свой возраст).

Уровень знаний в области последних достижений биологических наук

Первый вопрос был посвящен определению степени знакомства социологов с базовыми положениями биологических наук, которые в настоящее время составляют эпистемологический каркас исследований в этой области и многократно подтверждены.

Результаты представлены в таблице 1.

Наибольшее число социологов знакомо с фактом влияния генетического фактора на психические и поведенческие черты человека. Примерно 56% отметили, что очень хорошо знакомы с этой идеей и 36,6% знакомы отчасти. Далее по степени знакомства расположилось представление о том, что психика человека сформировалась в процессе эволюции и имеет нейрофизиологическую основу. 43,9% знают об этом очень хорошо. Примерно каждый третий – 34,1% – в некоторой степени. В наименьшей степени социологам известна идея о схожести базовых аспектов мышления и поведения человека и животных – 36,6% об этом практически не знают.

Таблица 2
Оценка причинной значимости биологических факторов в социальном поведении (N=41, в процентах)

Аспекты/виды социального поведения	Совсем не влияет	Немного влияет	Не знаю	Влияет в некоторой степени	Очень сильно влияет
Классовое неравенство	43,9	31,7	9,8	7,3	7,3
Гендерное неравенство	41,5	31,7	9,8	9,8	7,3
Расовое/этническое неравенство	61,0	12,2	9,8	9,8	7,3
Возрастное неравенство	29,3	31,7	4,9	22,0	12,2
Академические достижения	29,3	36,6	12,2	17,1	4,9
Личный доход	48,8	26,8	12,2	7,3	4,9
Профессиональный статус	46,3	29,3	7,3	12,2	4,9
Лидерская и ведомая поведенческая стратегии	22,0	43,9	12,2	14,6	7,3
Мораль и альтруизм	41,5	19,5	22,0	7,3	9,8
Практика продвижения родственников или друзей	19,5	39,0	19,5	12,2	9,8
Сексуальная ориентация	9,8	24,4	19,5	29,3	17,1
Сексуальное и репродуктивное поведение	14,6	26,8	14,6	24,4	19,5
Сексуальное/гендерное ролевое поведение	34,1	26,8	9,8	22,0	7,3
Делинквентность и мелкие формы преступности	41,5	24,4	24,4	7,3	2,4
Серьезная преступная деятельность	31,7	26,8	22,0	17,1	2,4
Алкоголизм	4,9	36,6	14,6	36,6	7,3

Следует отметить, что перечисленные представления о природе человека уже получили свое развитие в социологическом и социально-психологическом ключе в форме таких исследований как:

– межвидовое сравнение (Дж. Тернер и А. Марьянски [13; 14] сравнивают высших приматов и человека, изучая проблему социальности через призму адаптивной природы сильных социальных связей, ставших возможными благодаря развитию эмоциональной сферы человека и соответствующему изменению мозга человека),

– проверка гипотезы несоответствия (М. Ван Вюгт и др. [9; 17] показали, что важные черты лидера для наших предков, такие как высокий рост, сила, маскулинность и др. не являются сегодня столь же полезными; наряду с этим было продемонстрировано – отсутствие сформированного механизма социальной категоризации по этническому признаку является фактором меньшей удовлетворенности жизнью у

человека, находящегося в расово-этническом меньшинстве [8]),

– формулирование и проверка гипотез о генетических, нейрогормональных и иных механизмах поведения человека по аналогии с аналогичными механизмами, выявленными у животных (примером может служить исследование Р. Удри [15], который показал, что высокий уровень пренатального андрогена создает у дочерей иммунитет против дальнейшей гендерной социализации, независимо от усилий родителей, поскольку мозг организован высоким содержанием тестостерона),

– изучение социальных институтов, норм поведения, гендерных стратегий поведения и пр. в качестве подготовленных биологическими предрасположенностями (так, Р. Хопкрофт [5] выявила, что социальное доминирование мужчин, поддерживаемое сохранившимися во многих обществах нормами патриархальной культуры, регулируется в том числе их биологической предрасположенностью к контролю над

Таблица 3

Средняя оценка согласия с утверждениями о целесообразности использования данных биологии в социологии (оценка давалась по 7-балльной шкале, где 1 – совершенно согласен, 7 – совершенно не согласен)

Утверждения	Средняя оценка	Стд. ошибка	Стд. отклонение
Инкорпорирование биологических переменных в социологические концепции редуцирует социологию к другим дисциплинам	4,951	0,3275	2,0970
Приложение эволюционной теории поощряет расизм, сексизм и/ другие формы дискриминации	3,37	0,323	2,071
Биология не важна для социологического понимания социального поведения	4,80	0,326	2,088
Отсутствие знаний у социологов в области последних биологических исследований является одним из препятствий для развития социологической науки	3,54	0,282	1,804
Развитие биосоциальных подходов в социологии увеличивает респектабельность науки и повышает релевантность текущим проблемам современного общества	4,46	0,254	1,629

поведением женщин репродуктивного возраста и подготовлено эволюционно оправданным желанием обеспечить уверенность в отцовстве (передаче своих генов), свести на нет вероятность инвестиций не в своих детей).

Биологические факторы и социальное поведение

Следующий блок вопросов был посвящен выявлению, в каких аспектах/видах поведения человека социологи видят влияние биологических факторов (Табл.2).

Исследование показало, что социологи признают наименьшее влияние биологии на расовое/этническое неравенство (61% указали, что отсутствует каузальная детерминация биологическими факторами данного типа неравенства), личный доход (48,8%), профессиональный статус (46,3%), классовое неравенство (43,9% не фиксируют такого влияния), гендерное неравенство, мораль и альтруизм, делинквентное поведение и мелкие формы криминальности (примерно 42% опрошенных в последних разновидностях социального поведения не видят присутствия биологии). Одновременно с этим по количеству придерживающих мнения о сильной причинной значимости биологических факторов лидируют сексуальное и репродуктивное поведение (19,5%), сексуальная ориентация (17,1%), возрастное неравенство (12,1%). Примерно каждый десятый (9,8%) считает, что биология оказывает очень сильное влияние на

мораль и альтруизм, практику продвижения родственников и друзей.

Анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена выявил отрицательные статистически значимые связи умеренной силы между уровнем знакомства с идеей о влиянии генов на социальное поведение и признанием роли биологических факторов в первых восьми из перечисленных в табл.2 аспектах/видах социального поведения – это разновидности социального неравенства, а также связанные с ними различия в доходе, академических достижениях, профессиональном статусе, лидерской или ведомой социальной позицией (r_s находится в диапазоне от -0.42 до -0.52 , $p=0.000$), а также в серьезной криминальной деятельности ($r_s = -0.395$, $p=0.011$).

В настоящее время зафиксирована повсеместность иерархических систем отношений в царстве животных (в обществе находит проявление в социальном неравенстве), а также биологическая предзаданность и эволюционная адаптивность ассоциированного с этим поведения. Тем более примечательно, что именно в связанном с неравенством социальном поведении человека, наименьшее число социологов признают влияние биологических факторов одновременно с оценкой своих знаний в области биологии на умеренном уровне.

Перспективы использования данных биологических наук в социологии

Последний основной вопрос анкеты был направлен на выявление мнений социологов по поводу перспектив использования данных биологических наук в социологии. Участники опроса должны были выразить свое согласие или несогласие с рядом утверждений, представленных в табл. 3.

Полученные данные свидетельствуют, что у представителей социологического сообщества нет полной уверенности в том, что инкорпорирование биологических переменных в социологические концепции полезно для социологии и не приведет к ее редуцированию к другим дисциплинам (4,9 балла), а биология важна для социологического понимания социального поведения (4,8 балла).

Отсутствие убежденности в правильности такого шага для социологической науки поддерживает и в разной степени выражаемое ими согласие с тем, что приложение эволюционной теории поощряет расизм, сексизм и/ другие формы дискриминации (3,37 балла, почти каждый четвертый – 26,2% – совершенно с этим согласен). Кроме того, это также подтверждает отсутствие у социологов согласия с утверждением, что развитие биосоциальных подходов в социологии увеличивает респектабельность науки и повышает релевантность текущим проблемам современного общества (4,46), большинство скорее не согласны, чем согласны с этим (35,7% в разной степени с этим не согласны) или же не имеют четкой позиции (38,1% сказали, что не знают).

Однако половина социологов осознают, что отсутствие знаний в области последних достижений биологических наук является одним из препятствий на пути развития социологии. Средний балл по шкале согласия – 3,54, половина с этим в разной мере согласны (11,9% – совершенно согласны, 23,8% – в некоторой степени и 14,3% – согласны с этим неполностью), при этом почти каждый пятый (19%) не имеет четкой позиции по этому вопросу.

Отметим, что значимых различий ни по одному из исследуемых вопросов между мужчинами и женщинами, а также в зависимости от возраста не выявлено.

Полученные данные подтверждают наличие в социологическом сообществе тенденции к биофобии, которой обозначается необоснованное избегание принимать во внимание биоло-

гические переменные в социологических исследованиях, а также нетерпимое отношение к тем, кто это делает [1]. С такой реакцией сталкивались большинство представителей новых биосоциологических направлений, говоря о неприятии своих идей со стороны коллег, трудностями их продвижения и опубликования [напр., 10; 7; 16]. Это во многом обусловлено тем, что эти направления у многих социологов сегодня ассоциированы со старыми расистскими идеологиями, неправильным пониманием последствий включения биологических переменных в социологию (напр., генетический детерминизм). Такие опасения заслуживают внимание – социологическое применение дарвиновских идей должно быть селективным и адаптировано к природе явлений, изучаемым социологами [3].

Ограничения и перспективы исследования

Основное ограничение проведенного исследования связано с небольшим объемом выборочной совокупности, которое оказалось детерминированным изначально завышенными ожиданиями относительно количества откликов и невозможностью в процессе опроса (когда стало ясно, что в среднем реагируют на опросник примерно 10% из выборочной совокупности) заново ее сформировать из-за опасности нарушения процедуры случайного отбора по заранее рассчитанному шагу.

Еще одно ограничение определяется отсутствием конкретизации при выяснении мнений респондентов по поводу причинной значимости биологических факторов в социальном поведении. Последнее было продиктовано желанием вывить общие тенденции во мнениях социологов и опасениями, что разделение на генетические, нейрогормональные, пренатальные несоциальные факторы и др. может привести к непониманию со стороны опрошенных.

Опрос также показал, что необходимо переформулировать вопрос о каузальной значимости биологических факторов, так как в используемом виде частью опрошенных он был воспринят как «несколько туманный» (такой комментарий встретился в одной из анкет). В нем, хоть это и подразумевается, не прописано, что влияние этих факторов на социальное поведение, если оно и имеет место, зависит от конкретной ситуации и контекста (что сегодня является общим местом в биологических науках, где признается вероятностный характер влия-

ния генов на поведенческие и иные черты черты).

Одна из возможностей преодолеть данное ограничение состоит в замене этого вопроса на вопрос о полезности использования знаний биологии в социологических исследованиях социального неравенства, ролевого поведения, морали и альтруизма, девиантного поведения и т.д., а также о пригодности данных биологических наук для рассмотрения проблем, непосредственно составляющих предмет научного интереса опрашиваемого. Помимо этого, целесообразно дополнить опросник вопросами, непосредственно отражающими конкретные результаты исследования биологических наук для определения степени согласия (и одновременно знаний) социологов. Формулировки могут иметь следующий вид:

– Оцените, насколько вы согласны со утверждением: «Способность человека осуществлять навигацию в системе социальных статусов является эволюционно приобретенной адаптацией, способствующей выживанию наших предков»;

– Оцените, насколько вы знакомы со следующей идеей: «Уровень агрессивности мужчин и женщин частично детерминирован гормональными различиями».

Проведенный опрос позволил сформулировать гипотезы для дальнейшего изучения.

Во-первых, мы предполагаем, что уровень научной компетенции социологов в области последних достижений биологических наук определяет их оценки значимости биологических факторов в социальном поведении. Чем выше этот уровень знаний, тем в большей степени социологи склонны инкорпорировать биологические переменные в свои социологические концепции и менее предвзяты в своих оценках по отношению к тем, кто это делает.

Во-вторых, дистанцирование различных форм социального неравенства от любых ассоциаций с биологическими факторами во многом определяется вненаучными факторами, среди которых опасения быть воспринятыми в качестве поддерживающих дискриминирующие идеологии.

Заключение

В результате прогресса в области изучения мозга человека представители нейробио-

логии и родственных дисциплин, прежде всего социальной и культурной нейронауки, зашли в предметную область социологии, начав изучать нейробиологические механизмы социального восприятия, познания и поведения. В поле зрения данных дисциплин попали такие традиционные темы социологической науки как социальное неравенство и социально-экономический статус, гендерные отношения, религиозные установки, мораль, солидарность, расовое и этническое поведение, семейные стратегии поведения и др. Естественной реакцией части социологов была попытка как отстоять дисциплинарные границы, так и понять, что происходит. Это нашло отражение в развитии биосоциологических направлений в рамках социологии.

Сегодня мы располагаем рядом положений, неоспоримых научных фактов, а также верифицированных данных, которые принимаются в качестве таковых научным сообществом и связаны с биологическими механизмами социального поведения. Вопросы, касающиеся уровня знакомства социологов с некоторыми из этих положений, были включены в наше исследование. Опрос показал, что более половины американских социологов в целом в разной степени с ними знакомы. Проведенное исследование также выявило – у социологов нет консенсусальной позиции, нет уверенности в однозначной правильности сближения социологии с биологией, присутствует опасения по поводу возможных моральных, социально-политических последствий привнесения биологических измерений в социологические концепции.

Литература

1. Ellis L. A Discipline in Peril: Sociology's Future Hinges on Curing Its Biophobia//American Sociologist. 1996. Vol. 27. P. 21–41
2. Franks D.D., Turner J.H. (eds.) Handbook of Neurosociology. Springer Science+Business Media B.V., 2013
3. Frost J. Biophobia and the Reluctant Sociologist. Roundtable. September 29, 2014. URL: <https://thesocietypages.org/roundtables/biophobia/> (дата обращения: 31.01.2019)
4. Hodgson G.M. Social Darwinism in Anglophone Academic Journals: A Contribution to the History of the Term/ Journal of Historical Sociology. 2004. Vol. 17 (4). P.428-463

5. Hopcroft R. Gender Inequality in Interaction – An Evolutionary Account//Social Forces. 2009. Vol. 87(4). P. 1–27
6. Hopcroft R. (ed.). The Oxford Handbook of Evolution, Biology, and Society. Oxford University Press, 2018
7. Kalkhoff W., Thye S.R., and Lawler E.J. Preface. In.: Kalkhoff W., Thye S.R., and Lawler E.J. (eds.) Biosociology and Neurosociology. Advances in Group Processes. Vol.29. Emerald Group, 2012
8. Kanazawa S. and Li N.P. Happiness in modern society: why intelligence and ethnic composition matter. Journal of Research in Personality. 2015. Vol. 59. P.111-120
9. Li N.P., van Vught M., and Colarelli S.M. The Evolutionary Mismatch Hypothesis: Implications for Psychological Science. Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 27 (1). P. 38-44
10. Massey D.S. Preface. Handbook of Neurosociology. Franks D.D. and Turner J.H. Springer Science+Business Media B.V., 2013
11. Takács K. Discounting of Evolutionary Explanations in Sociology Textbooks and Curricula//Frontiers in Sociology. 2018. doi: 10.3389/fsoc.2018.00024
12. Turner J. H. and Machalek R.S. The New Evolutionary Sociology Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018
13. Turner J.H. and Maryanski A. The Evolution of the Neurological Basis of Human Sociality. In.: Franks D.D. and Turner J.H. (eds.) Handbook of Neurosociology. Springer Science+Business Media B.V., 2013
14. Turner J.H. The Evolution of Human Emotions. In: Stets J.E., Turner J.H. (eds.) Handbook of the Sociology of Emotions: Volume II. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer Science+Business Media Dordrecht, 2014
15. Udry R.J. Biological Limits of Gender Construction//American Sociological Review. 2000. Vol. 65 (3). P. 443-457
16. Udry R.J. Feminist Critics Uncover Determinism, Positivism, and Antiquated Theory// American Sociological Review. 2001. Vol. 66. No. 4. P.611-618
17. Van Vught M. and Ronay R. The evolutionary psychology of leadership: Theory, review, and roadmap//Organizational Psychology Review. 2013. Vol. 4 (1). P.74-95

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Занятость современного российского бюрократа: социологический анализ

Дзутцев Х.В.

Статья написана на материалах массового опроса жителей г. Владикавказа, проведенного Северо-Осетинским отделом социальных исследований ИСПИ РАН и кафедрой социологии факультета социологии и социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова в апреле 2018 г. В опросе приняли участие 250 респондентов и 12 экспертов: журналисты, архитекторы, чиновники, юристы, преподаватели вузов, строители, работники культуры, предприниматели.

Ключевые слова: современный чиновник, отчеты, квази-чиновничьи места, идеальный тип бюрократа, чиновничий аппарат, карьерный рост, талантливые специалисты, материальные ресурсы, инициатива граждан, должностные оклады госчиновников, неформальные связи, низкая профподготовка, крупный капитал.

Dzutsev Kh.V.

Employment of the modern Russian bureaucrat: a sociological analysis
This article is written on the materials of a mass survey of residents of Vladikavkaz conducted by the North Ossetian Department of Social Research of the ISPI RAS and the Department of Sociology of the Faculty of Sociology and Social Work of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov in April 2018. The survey involved 250 people and 12 experts: journalists, architects, officials, lawyers, university professors, builders, cultural workers, entrepreneurs.

Key words: modern official, reports, quasi-official places, ideal type of bureaucrat, bureaucracy, career growth, talented specialists, material resources, citizens initiative, official salaries of state officials, informal connections, low professional training, large capital.

Современный чиновник, по мнению экспертов, не считается с населением, не выполняет свои основные функции, потому что его пребывание в должности никак не зависит от мнения граждан. Возьмем благоустройство городов и сел. Для примера выберем Беслан, где жители некоторых улиц страдают от некачественного дорожного покрытия. И речь даже не о выбоинах и колдобинах, а о том, что дороги десятилетиями ремонтируются путем накладывания очередного пласта асфальта поверх старого, и в результате дома жильцов оказались ниже дорожного полотна. В те дни, когда идет дождь, затапливаются не только дворы, но и жилые и подсобные помещения. Многочисленные обращения к местной администрации полностью игнорируются.

По мнению респондентов, основную часть своего времени современный чиновник тратит на написание отчетов – 94,1%, их проверку – 70,5%, телефонные разговоры – 58,8%, работу с обращениями граждан – 47,8%. Доля затруднившихся ответить на данный вопрос составила 23,5% (табл. 1).

По мнению экспертов, существующая в России бюрократическая система способна «переломать» даже тех людей, которые с искренним желанием хотят послужить народу, что-то изменить к лучшему. Эффективность работы чиновника очень часто определяется формальными критериями, умением выполнять одновременно противоречащие друг другу предписания.

Эксперты подтверждают, что бумажной волоките и бесконечной разработке новых форм

Таблица 1

На что бюрократический аппарат тратит свое время?*

Примечание: *Учитывая, что каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, сумма составляет более 100%.

Варианты ответа	%
на написание отчетов	94,1
на проверку отчетов	70,5
на телефонные разговоры	58,8
на работу с обращениями граждан	47,8
затрудняюсь ответить	23,5

Таблица 2

По Вашему мнению, для чего пишутся отчеты?*

Примечание: *Учитывая, что каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, сумма составляет более 100%.

Варианты ответа	%
чтобы лучше выполнять задачи, которые стоят перед ведомством	47,0
отчеты пишутся для создания видимости работы	23,5
чтобы показать свою занятость перед вышестоящими органами	48,0
затрудняюсь ответить	16,8

и видов отчетных документов уделяется, безусловно, много времени чиновника, но не в ущерб поиску потенциальных источников дохода и коррупционных схем.

Ведомство любого уровня не может обходиться без отчетов, это необходимое звено для подведения итогов и совершенствования деятельности. В идеальном варианте отчеты должны отражать реальное состояние развития различных сфер деятельности, но в действительности наблюдаются избыточность форм отчетов, дублирование показателей, неоптимальная структура и форма их представления. Создается впечатление, что отчеты нужны для загрузки чиновников работой, а не для решения задач ведомства, т.к. реальная работа обычно трудна и результаты ее плохо видны («пока все дороги починишь и крыши залатаешь, годы пройдут»), а доказывать свою полезность чиновнику нужно каждый день, и в итоге отчетность становится основным показателем его работы.

Чиновники могут создавать проблемы там, где их на самом деле нет, и следят за своими подчиненными, которые тратят уйму времени на написание докладных записок начальству. Эта никому не нужная работа продолжается бесконечно. Известно, что без госаппарата невозможно решать социально-экономические проблемы, но в их работе есть некоторые крупные нарушения, недостатки, оказывающие серьезное влияние на нашу общественно-политическую и экономическую жизнь.

Так, по мнению респондентов (47,0%), отчеты пишутся для того, чтобы лучше выполнять задачи, которые стоят перед ведомством, чтобы показать свою занятость перед вышестоящими органами (48,0%), для создания видимости работы (23,5%). Процент затруднившихся ответить на данный вопрос составил 16,8 (табл. 2).

Эксперты также отмечают, что количество отчетов явно избыточно, перечень отчетности часто противоречит здравому смыслу, и чиновнику приходится заниматься отписками. Кроме того, отчеты часто грешат приписками, из ложных сведений рождаются ложные обобщения и далее - соответствующее планирование, не отражающее положение дел, следовательно, заведомо невыполнимые планы.

За последние десятилетия чиновничий аппарат в РФ вырос в разы. В качестве примера можно привести Дигорский район, где в 60-х гг. XX в. в отделе милиции работали 12 человек, среди них - сторож и техник. В настоящее время, по мнению экспертов, в том же отделе служат 120 человек, т.е. численность личного состава выросла более чем в 10 раз.¹ Но статистика, к примеру, краж скота увеличилась в районе в такой же пропорции. В настоящее время в полиции РСО-А работают около 10 тысяч сотрудников, но это не способствует снижению количества преступлений.

По данным исследования, более трети населения (35,2%) считает рост бюрократического аппарата неизбежным процессом, более по-

Таблица 3

Известно, что происходит постоянный рост численности государственных чиновников РФ. С чем это связано?*

Примечание: *Учитывая, что каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, сумма составляет более 100%.

Варианты ответа	%
рост бюрократического аппарата – это неизбежный процесс в современном мире	35,2
каждый новый руководитель придумывает квазичиновничьи места	52,9
чтобы руководитель ведомства решил свои задачи (прием на работу знакомых, родственников и т.д.)	41,7
затрудняюсь ответить	23,5

ловины (52,9%) отмечает, что каждый новый руководитель создает для себя квазичиновничьи места. По мнению 41,7% респондентов, руководитель ведомства должен решать свои задачи за счет расширения штатов (прием на работу знакомых, родственников и т.д.) Затруднились ответить на данный вопрос 23,5 % (табл. 3).

Эксперты связывают рост числа чиновников с неумением адекватно отвечать на растущие вызовы современности, характерные в целом для российского чиновничества, плюс желание их высшего и среднего звеньев приводить во власть «своих» людей, что ведет к росту аппарата. Согласно закону Паркинсона работа будет заполнять все сроки, на нее отведенные. У этого закона есть две движущие силы:

- чиновники стремятся множить подчиненных, а не соперников;
- чиновники создают друг другу работу.

Паркинсон также заметил, что общее число занятых в английской бюрократии росло на 5–7 % в год безотносительно к каким-либо изменениям в объеме требуемой работы².

На закон Паркинсона накладывается местная специфика создания кланов, что не может не увеличивать штат.

Литература

1. Гидденс Э. Социология. М., Эдиториал УРСС, 1999, 703 с.
2. Дзуцев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Северная

Осетия-Алания Российской Федерации: социологический анализ. Москва-Владикавказ, 2017.- 163 с.

3. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М., РОССПЭН, 2012.- 733 с.

4. Дзуцев В. Н. Владикавказ и его люди. Владикавказ, 2011.- 403 с.

5. Дзуцев Х.В. Коррупция в органах исполнительной власти Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Монография. М.: ИСПИ РАН, 2011.- 141 с.

6. Иконников-Галицкий, Анджей Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия. 1866-1916 / Анджей Иконников-Галицкий. - М.: Современная интеллектуальная книга, 2016. - 368 с.

7. Макаренко, В.П. Бюрократия и сталинизм: моногр. / В.П. Макаренко. - М.: Книга по Требованию, 2012. - 367 с.

8. Попович, А. С. От бюрократизации управления до бюрократизации мысли. Марксистский анализ феномена бюрократии / А.С. Попович, З.А. Попович. - М.: Ленанд, 2015. - 392 с.

Ссылки:

- 1 Численность населения Дигорского района РСО-А на период 2017 г. – 18 365 человек.
- 2 Parkinson's Law: The Pursuit of Progress; Лондон, John Murray, 1958.

Место шариата в жизни населения республик Северо-Кавказского Федерального округа

Дзугцев Х.В., Черемных О.О.

Данная статья написана по материалам этносоциологических исследований, проведенных Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Опрос прошел весной 2018 года в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: в Республике Северная Осетия – Алания, Чеченской Республике, Кара-чаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике. Объем выборки составил 1200 человек, в том числе 50 экспертов (журналисты, ученые, чиновники, члены политических партий, работники культуры).

Ключевые слова: шариат, СМИ, средневековые законы, привольности, ясный путь, светское время, гражданская жизнь, семейно-родственные отношения, правовая система.

Dzutsev Kh.V., Cheremnykh O.O.

Place of Sharia in the life of the population of the republics of the North Caucasus Federal District

This article is based on ethnosociological research conducted by the North Ossetian Social Research Department of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences and the Department of Sociology of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov. The survey was held in the spring of 2018 in the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation: in the Republic of North Ossetia - Alania, the Chechen Republic, the Karachay-Cherkess Republic, the Republic of Ingushetia, the Republic of Dagestan, the Kabardino-Balkarian Republic. The sample size was 1,200 people, including 50 experts (journalists, scientists, officials, members of political parties, cultural workers).

Key words: sharia, media, medieval laws, freedom, a clear path, secular time, civil life, family-kinship relations, legal system.

Сегодня при слове «шариат» содрogaются многие. Но далеко не все имеют четкое представление об этом понятии. Поэтому сегодня существует множество различных гипотез и ошибочных мнений относительно шариата. Из-за искаженной информации, предоставляемой СМИ, некоторые думают, что имеется в виду определенный томик, в котором собраны средневековые законы, рассказывающие о жестоких наказаниях, но это все далеко от четкого определения, что такое шариат. Например, о побитии камнями за небольшие привольности. И это неудивительно, так как в современном мире непродолжительные романчики являются привычным и законным делом. Также имеется мнение, что шариат, который жестоко карает за небольшие шалости, ничего не значит перед серьезными преступлениями, потому что абсолютно любое обвинение строится при наличии не менее четырех свидетелей. Все эти моменты сопровождаются бедными кварталами государств третьего мира, где живут бесправные женщины в парандже и запрещается употребление алкоголя. Что значит понятие «шариат»? Религия ислама имеет множество тонкостей, одной из которых является шариат. Прежде всего, это далеко не Уголовный кодекс. Именно так многие думают, поэтому возникает множество заблуждений относительно этого понятия. Шариат один и не имеет разновидностей по странам. Он представляет собой некоторое божественное установление. Можно сказать, что шариат является Священным Кораном, который прочитан как приказ к действию. Если перевести дословно, это слово трактуется как «ясный путь», который ведет к источнику. Шариатом также считается ориентир, оформляемый жизнь человека и в частном, и в общественном виде. Кроме того, шариат представляет собой путь, который ведет человека к высшей точке

совершенства. Милостивый и милосердный Аллах открывает этот путь, а также предупреждает о тех вещах, которых нужно остерегаться, и куда необходимо приближаться. Также Аллах предостерегает от большого и малого.

Давая оценку места шариата в жизни северокавказского общества, нельзя скидывать со счетов тот факт, что отдельные его элементы всегда присутствовали в повседневной жизни горцев. Так, по данным наших исследований следует, что мусульманами себя назвали до 90% опрошенных «мусульманских» республик Северного Кавказа, а среди молодежи 95%. Причем религиозность молодежи на 10% превышает религиозность старшего поколения, жившего в советское время. С другой стороны, по данным социологов степень доверия женщин-мусульманок к шариату невысока. К примеру, большая доля респондентов женского пола, указали, что больше всего их защищает светский закон (72,3%) и лишь 20% упомянули шариат и адат.

Мы пытались выяснить, как относятся граждане СКФО, исповедующие ислам и немусульмане, к введению некоторых положений шариата в правовое, финансовое и личное пространство.

В среднем каждый пятый житель СКФО считает, что шариат должен стать «основным источником закона». Так считают жители ЧР (29,3%), 18,9% ингушей, 17,4% карачаевцев и черкесов, 13,4% представителей народов Дагестана, 12,6% кабардинцев и балкарцев и только 5,4% русских и русскоязычных и 4,0% осетин.

Совсем немного опрошенных считают, что шариат должен стать единственным источником закона. Так ответили 16,7% чеченцев, 15,9% ингушей, 13,4% респондентов из Дагестана, примерно каждый десятый карачаевец и черкес (11,4%) и совсем немного русских и русскоязычных (1,9%) и осетин (0,8%).

Большая часть респондентов придерживаются мнения, что шариат должен быть одним из многих источников закона. Этот вариант ответа предпочли треть ингушей (35,4%), карачаевцев и черкесов (29,5%), четверть кабардинцев и балкарцев (25,9%), каждый пятый русский и русскоязычный респондент (20,7%), 16,0% осетин, 15,6% респондентов из Дагестана, 14,1% чеченцев.

Более всего голосов (треть) респондентов было отдано в пользу варианта «Шариат дол-

жен быть руководством морального поведения, не регулируемого законом». Так предпочли ответить более трети респондентов Дагестана (35,8%), карачаевцев и черкесов (37,1%), русских и русскоязычных (34,9%) и осетин (34,4%), четверть респондентов из Ингушетии (28,7%) и Чечни (21,2%).

Треть осетин (31,2%) и четверть русских и русскоязычных (24,5%), каждый пятый опрошенный из Дагестана (20,7%), 8,1% чеченцев, 4,5% карачаевцев и черкесов, 1,2% ингушей вообще не разделяют эту точку зрения

Лояльно настроенные к шариату эксперты Чечни и Ингушетии (23,4%), считают, что шариат может занять существенное место в гражданской жизни, так как «светские законы и законы шариата иногда совпадают». «Нормы шариата и российского законодательства согласуются». «... Мы и живем по шариату. Семейно-брачные, семейно-родственные отношения регулируются шариатом, законы кровной мести регулируются шариатом и мы рады, что по шариату запрещается мстить».

В Чечне высказывалось и противоположное мнение (12,8%): «Власть поняла, что чеченское общество не готово к вводу шариата, и сегодня население не за идею шариата в регулировании социально-правовых отношений, решении жизненных вопросов. С другой стороны, шариат нередко применяется на местном, бытовом уровне, скажем, человек сам выбирает для себя как урегулировать ситуацию: идти к мировому судье или же к кадию. В обществах с демократией допускается такого рода локальный правовой плюрализм».

Все эксперты Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, были едины во мнении о том, что граждане их республик не готовы принять шариат, как форму регулирования социально-правовых отношений: «Шариат для населения является загадкой. Основное население живет по российским законам». «На нашу повседневную жизнь прямого влияния шариат не оказывает».

Мнение других 60,0% опрошенных Дагестана отражено в следующем высказывании: «Население республики категорически против шариата. Правда, опрос был несколько лет назад. 75% сказали, что не хотели бы жить в исламском государстве с нормами шариата и только 16% сказали, что хотим.

Каждый десятый эксперт подчеркнул различие взглядов граждан на введение в правовое поле республик СКФО в зависимости от возраста респондента: «Молодёжь считает, что шариат может внести порядок в образ жизни нашего населения, взрослые не приемлют шариат».

Эксперты Северной Осетии высказывались о том, что законы шариата чужды населению их республики: «Дискуссии, наверное, есть, но в нашей республике они не ведутся». Эксперты поведали, что некоторые граждане РСО-А высказывали опасение проникновению шариата в республику.

Результаты опроса показали, что значительная часть жителей СКФО занимает себя мыслями о возможности введения шариата в законодательную базу их республик.

Из материала исследования можно сделать следующее заключение. Шариат может вписываться в правовую систему кавказского и рос-

сийского социума. Большинство респондентов (около трети) выбрали два варианта ответа: «шариат должен быть руководством морального поведения, не регулируемого законом» или «он является одним из многих источников закона». Другая точка зрения о шариате, как о «единственным источником закона», нашла отклик в основном у респондентов Чечни, Ингушетии и Дагестана. При этом опрошенные из Чечни (треть) чаще других высказались в пользу этой версии. Неприятие шариата в обозначенном контексте выражено в ответах русских и русскоязычных респондентов и осетин.

Некоторые респонденты из Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана и Карачаево-Черкесии практически в равных долях (по трети) высказали мнение о том, что присутствие шариата в современной жизни желательно не только для мусульман, но и для представителей других конфессий.

Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний

Дружинин Г.В., Пружинин А.Н., Мамурков Е.В.

В статье проводится сравнительный анализ зарубежных и отечественных нефтяных компаний в сфере социальной ответственности. Рассматриваются стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний, выявляются перспективные направления развития социальной ответственности.

Ключевые слова: социальная ответственность, человеческий капитал, нефтяные компании, стратегии развития

Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N., Mamurkov E.V.

Human Capital Development Strategies for Oil Companies

The article provides a comparative analysis of foreign and domestic oil companies in the field of social responsibility. The development strategies of the human capital of oil companies are considered, promising directions for the development of social responsibility are identified.

Key words: social responsibility, human capital, oil companies, development strategies

Человеческий капитал проверяет рынок. Эффективность инвестиций видно через пророст прибыли бизнеса, качество работы персонала и сэкономленного времени. По этой причине именно бизнес первым начал внедрять в свою практику обучение персонала, введение профессиональных стандартов и улучшения качества жизни и труда своих работников. Иными словами, цель бизнеса в плане воспроизводства потенциала своего персонала – получение прибыли через инвестиции.

В работе П. Дукера «The Next information Revolution» есть положение, в рамках стратегии перехода бизнеса в инновационную экономику, о «золотых воротничках» - специалистах, которые благодаря своему интеллекту создают новые коммерческие идеи, принимают успешные управленческие решения. Подобные специалисты обладают высоким лидерским потенциалом и являются желаемым ресурсом компании [2]. В условиях сильной конкуренции компании испытывают недостаток людей с новыми идеями. Международная практика показывает, что взаимодействие бизнеса и университета - это уже архаика, подобная система подходит для планового получения «заточенных под себя кадров» (эта практика описана в первой главе данной работы), но уже не подходит для прорывных стратегий [7,8]. Тогда компании внедрились практику корпоративных университетов - это помогло частично решить проблему дефицита талантов. Корпоративные университеты стали рациональным и эффективным вложением средств в развитие человеческого капитала, - он стал более производительным.

Методы оценки инвестиций в человеческий капитал, эффективность его воспроизводства уже применяются отечественными нефтяными компаниями, если кратко описывать коэффициент окупаемости инвестиций в человеческий капитал (Human Capital Return on investment),

Таблица 1
 Результаты контент-анализа официальных сайтов отечественных компаний нефтяной промышленности

	Газпром	Газпром нефть	Лукойл	Роснефть	Новатэк	Транснефть
Строительство инфраструктурных объектов	+	+	+	+	+	+
Улучшение жилищных условий	+	+	+	+		+
Экологические программы	+	+	+	+		
Научные исследования, опросы населения	+			+		+
Развитие образования и обучения	+	+	+	+	+	+
Поддержка малочисленных народов	+	+	+	+	+	+
Культурные проекты	+	+	+	+	+	+
Благотворительность	+	+	+	+	+	+
Защита прав человека				+		
Борьба с дискриминацией						
Спортивные программы	+	+	+	+	+	+
Медицинское обслуживание	+	+	+	+		+
Профилактика заболеваний						
Пенсионное обеспечение	+		+	+		+

то формула получается следующая (КОИЧК = (Прибыль – (расходы – (зарплаты + льготы)) / (зарплаты + льготы)). Считается, что инвестиции состоялись хотя бы тогда, когда на 1 руб инвестиций на человека приходится 1 руб дохода. Практика ОАО «Газпром» отработана до лучшей на данный момент в России аналогичных инвестиций: на 1 руб вложений, 4,2 руб прибыли. Подобный опыт ещё раз доказывает результаты исследования всемирного банка: инвестиции в человеческий капитал в 6 раз эффективнее чем инвестиции в традиционные факторы труда: земля, деньги, оборудование и т.д. К подобной практике также прилагается новые системы оценки прибыли компании, включающие активы нематериальные, подобная система есть у «Газпрома» и «Татнефти», другие компании подобных похвастаться не могут. Интересен факт, что весь большая часть инвестиций российских нефтяных компаний уходит на инновации в области промышленного оборудования, что оставляет противоречивые мнения: с одной стороны это оборудование тоже разработки ученых и оно помогает более эффективно использовать природные ресурсы, сохранять экологию. С другой стороны не относится на прямую к интеллектуальному потенциалу компании.

Поскольку социальная ответственность нефтяной отрасли важный элемент в воспроизводстве человеческого капитала, как самой компании, так и общества в целом, изначально мы рассмотрим общие направления КСО компании, в сравнении с иностранными нефтегазовыми предприятиями [5,6]. Конечно вопрос очень спорный: стоит ли сравнивать наш и зарубежный опыт КСО, но сегодня это один из единственных способов оценить ответственность наших нефтяных компаний. Россия берёт очень много подобных моделей из-за рубежа, что на наш взгляд не очень правильно, но РФ ещё не сложила свою систему государственного КСО для компаний, с системой поощрения, уровня выплат и прочих механизмов, адекватных для России [1]. Для более справедливой оценки были взяты иностранные компании, ведущие свою деятельность по добыче углеводородов.

Социальная ответственность нефтяных компаний предполагает реализацию социальных проектов, как для своего персонала, так и для территории присутствия, эти проекты способствуют эффективному решению социальных проблем в регионе присутствия, а также росту качества менеджмента. Как уже было отмечено единые стандарты социальной ответственности

ти нефтянки в России находятся на стадии разработки, что само по себе осложняет механизмы взаимодействия местных властей с руководством компаний, и может порождать некоторые проблемы, например, социальная ответственность может не иметь системного характера или только сглаживать следы своего присутствия на территории заботой о экологии. Для сравнительного анализа будут взяты пять отечественных лидеров социальной ответственности нефтегазовой отрасли: НОВАТЭК, Роснефть, Газпром нефть, Транснефть Газпром. И иностранные компании, добывающие нефть и газ в тех же регионах: Total, Baker Hughes, Weatherford, Halliburton, Schlumberger, Statoil. Важно заметить, что все социальные, экологические отчеты нефтяных компаний пишут маркетологи, и наш анализ основан в первую очередь на публичной информации с официальных сайтов компаний. Во внимание принимался комплекс социальных проектов и сотрудничество с местными властями, общественными некоммерческими организациями (табл. 1).

Самая влиятельная политика социальной ответственности признана у ОАО «Газпром», она включает в себя 81 регион присутствия. Основное внешнее направление социальной ответственности занимает социальная сфера: поддержка малочисленных народов севера, спортивных и культурных мероприятий, среди этих статей расходов преобладает программа «Газпром - детям» основное направление: постройка и реконструкция оздоровительных комплексов, стадионов, игровых площадок. Для развития инфраструктуры муниципалитетов реализуется программа «Глобальная энергия» задача которой проводить газификацию нуждающихся территорий, обеспечения качественного медицинского обслуживания, при этом Газпром ведет политику внедрения социальной ответственности малому и среднему предпринимательству главным образом в области промышленной безопасности, а также помощь в области закупок, за 2016 г. было заключено 1 800 договоров на общую сумму 72,2 млрд руб, за 2015 г. было 1 100 договоров на сумму 12,4 млрд руб.

Отдельным сектором мы выделим направление по минимизации негативного воздействия. За 2012-2016 гг. на приобретение «зеленых» технологий было выделено 91,71 млрд руб. В счет регионов пошло за 2016 г. 22 542

млн. руб. Инвестиции за указанный период выросли на 40%. Охрана водоемов в 2015 г. составляла 8 324, 85 млн руб, а в 2016 г. 11 791,56 млн. Охрана воздуха в 2015 г. 1 553,83 до 7 545,76 млн руб. в 2016 г.).

Газпром - одна из первых компаний, внедривших в свои производственные стандарты европейские экологические нормы, современное оборудование позволило сократить на 13% количество образования отходов. В 2016 г. принята программа по утилизации и обезвреживанию отходов бурения, за последние пять лет компания вышла в лидеры среди нефтегазовой отрасли по сокращению отходов.

Компания Новатэк развивает сильную кадровую политику, которая как ни странно, выгодна регионам. Сегодня очень редко можно сказать, что в основном рабочем регионе компании берут основную часть своих специалистов. Одним из приоритетов ответственности перед обществом для этой компании стала кадровая политика. Большая часть работ ведется в Ямало-Ненецком АО и 76,6% персонала (3131 чел.) проживает в нем же. Компания проводит подготовку управленческих кадров с 2010 года по направлению «Горизонты лидерства» и привлечение молодых специалистов к научным курсам. Социальные программы компании на 2016 г. составили 809,7 млн руб. Одна из основных статей расходов — это помощь малочисленным народам севера, а также развитие инфраструктуры мест пребывания, постройка дороги, создание системы непрерывного образования на местах в основном для молодежи, программы грантов для учителей и школьников, всё это входит в состав КСО компании.

Роснефть вторая после Газпрома по осуществлению социальной ответственности. Охват направлений очень широк; благотворительность и социальные проекты в области безопасных трудовых условий, реализуется система корпоративной пенсии. В 2016 г. все расходы на социальную сферу, как внутри, так и снаружи компании было потрачено 28 961 млн руб. Из этих денег 8 197 млн потрачено на создание оптимальных условий труда, 2 403 млн руб на финансирование социальной сферы в рамках сотрудничества с регионами, 1 897 млн руб, благотворительность и помощь образовательным организациям. 10 141 млн руб. охрана здоровья, 626 тыс. руб. на обеспечение жильем, 5 715

Таблица 2
 Результаты контент-анализа официальных сайтов отечественных компаний нефтяной промышленности

	Baker Hughes	Weatherford	Statoil	Total	Schlumberger	Halliburton
Строительство инфраструктурных объектов			+			
Улучшение жилищных условий						
Экологические программы		+	+	+	+	
Научные исследования, опросы населения	+		+	+		
Развитие образования и обучения	+	+			+	+
Поддержка малочисленных народов	+		+	+	+	+
Культурные проекты						
Благотворительность	+			+		+
Защита прав человека	+	+	+	+		
Борьба с дискриминацией	+			+		+
Спортивные программы						
Медицинское обслуживание	+	+	+	+	+	+
Профилактика заболеваний				+	+	
Пенсионное обеспечение				+		+

млн руб. государственное пенсионное обеспечение. Ведется сотрудничество с научно-исследовательскими лабораториями.

ПАО «Транснефть» в своей социальной политике не имеет существенно преобладающего направления, важно отметить, что большое внимание уделяется поддержке семьи в России, реализуются программы по защите материнства, детства и отцовства. Среди социальных проектов постройка храмов, помощь в строительстве школ, детских садов, поликлиник. Расходы на спонсорскую деятельность ПАО «Транснефть» в 2016 г. составили 14,9 млрд руб.

Как видно, наиболее крупные российские нефтяные компании имеют постоянную внешнюю социальную ответственность, но довольно разную. Нельзя видеть некую сбалансированность направлений и их системное финан-

сирование, наиболее приоритетным направлением благотворительности становится развитие инфраструктуры регионов пребывания. При этом в социальных отчетах российских нефтяных компаний не указано, что инвестиции в образование или здравоохранение являются инвестициями.

В отчетах зарубежных стран социальная ответственность часто рассматривается как инвестиции в ту или иную сферу. КСО в их руках - это инструмент, позволяющий решать глобальные проблемы, повышать капитал своего предприятия и управлять рисками, помогая при этом людям. В отчетах некоторых зарубежных коллег встречается концепция: profit (создание прибыли) people (забота о людях) и planet (защита окружающей среды) три основных направления деятельности (см. табл. 2)

Baker Hughes одна из самых распространенных нефтяных фирм в мире, в России стандарты социальной ответственности касаются равноправия полов, в структуры этой компании существуют женские группы, ведется поддержка местного населения и предпринимательства. При наборе персонала, который частично пополняется за счет местного населения, проводится корпоративное обучение. А также проводятся круглые столы с целью выяснения, чем может помочь компания социальной сфере региона.

В компании Halliburton одна из самых узконаправленных политик КСО, основная ставка делается на подбор местного персонала, обучении, переобучении специалистов, большую роль компания играет в развитии местных школ профессиональных и высших образовательных учреждений. Развиваются разные программы обучения и найма. Политика «доброе соседство» также включает в себя помощь местным социальным проектам.

Подобная ситуация — одна наиболее развитая ветка КСО наблюдается у зарубежной компании Schlumberger. Здесь культивируются самые высокие стандарты безопасности труда и заботы о здоровье сотрудников, данная политика распространяется и на местное население в регионах присутствия. Большая часть семинаров посвящена молодежи на тему борьбы против распространения ВИЧ/СПИД. Также ведется и образовательная деятельность в основном в преподавании 10 иностранных языков, это очень тесно связано с политикой компании, поскольку её филиалы распространены практически по всему миру.

Ведение социальной политики компании Statoil следует принципу «не навреди»: много внимания акцентируется на соблюдении прав человека. А именно на малочисленных народах севера, проводится комплексные исследования и учет местного населения при разработке месторождений, получение обратной связи от людей важно для политики компании. Мнение местного населения учитывается при работе компании и оберегает людей от переселения. В рамках это же политики ведется сокращение вредных выбросов в атмосферу.

С 2011 г. компания Total вышла на рынок России, данная компания носит разностороннюю политику КСО, основное направление для нашей страны — это строительство арктического морского порта. Среди направлений соци-

альной ответственности компании встречается борьба с гендерным неравенством — проводятся курсы помощи женщинам в продвижении по карьерной лестнице, также проводится круглогодичная помощь инвалидам в трудоустройстве. Здесь широко распространена политика сохранения здоровья: мероприятия по помощи бросить курить, или сбросить лишний вес, предотвращения профессиональных заболеваний, и улучшение условий труда. При этом сохраняется политика набора местного персонала и сотрудничество с властью региона.

Ещё одна европейская компания Weatherford делает основной упор на образовательную социальную ответственность. Данная компания имеет богатый опыт в сфере корпоративного образования, а также сотрудничества с образовательными организациями. Для трудоустройства необходимо, либо пройти корпоративное обучение, успешно защитить выпускную работу, либо иметь весомые компетенции после выпуска нужные компании. Компания традиционно периодически обучает весь персонал. Корпоративные университеты помимо решения прямых производственных задач ведут исследовательскую работу в области сокращения вредного влияния на окружающую среду, повышение эффективности используемой энергии и снижении её затрат, а также использовании высокотехнологичных систем для очистки воды и повторного её использования. Weatherford один из международных лидеров по сокращению энергозатрат, в среднем компания экономит 25% электроэнергии. Среди особых мер ярко выражена антикоррупционная политика и прозрачность управления компанией. Отдельной статьей социальной мобильности этой компании служит участие в международной практической студенческой конференции по развитию нефтегазового дела, где лучшие умы со всего мира представляют свои разработки. Это очень хороший пример по развитию своего интеллектуального и структурного капитала. Выход на международные научные сообщества и помощь им в проведении конференции, может стать хорошим началом отношений для обеспечения себя высококвалифицированными кадрами.

В итоге российские нефтяные компании больше инвестируют в социальную сферу регионов, чем иностранные, тем не менее в определённых областях можно взять полезный опыт, напри-

Таблица 3
Корпоративная социальная политика крупнейших западных компаний по направлениям на момент 2015 г.

Компания	Расходы, млн. долл. (% чистой прибыли)	Наличие специальной отчетности	Основные направления КСО
Eni (Италия)	80 (1,7%)	«Eni for» специальный доклад	Поддержка малообеспеченных слоев населения
BP (Великобритания)	100 (2,6%)	Программа устойчивого развития	Накопление структурного капитала, развитие системы внешнего аудита
Total (Франция)	585 (4,6%)	Полноценный отчет о корпоративной социальной ответственности	Поддержка образования и реализация социальных процессов мест. населения
ExxonMobil (США)	279 (0,9%)	Отчет о внутренней социальной ответственности	Помощь местному населению: медицина, образование, поддержка женщин
Royal Dutch Shell (Нидерланды, Великобритания)	160 (1,1%)	Доклад об устойчивом развитии	Повышение безопасности труда: безопасность на дорогах, доступ к энергии, поддержка бизнеса
Chevron (США)	240 (1,3%)	Отчет о корпоративной ответственности	Защита права и свобод человека, поддержка малообеспеченных слоев населения

мер, принципы организации корпоративного обучения, многолетний опыт иностранных компаний может хорошо в этом помочь. К тому же государство могло бы брать налог с зарубежных компаний не в виде денег, а в виде технологий, поскольку на разработку технологий нам нужны те же самые деньги, но ещё и время для создания новшества. Правда в этой ситуации регионы могут остаться не у дел, но это также можно компенсировать с помощью социальной ответственности нефтяных компаний или дотаций государства. Также мог бы быть интересен опыт тех зарубежных компаний, которые распространили свои филиалы далеко не в одной стране - умение выстраивать отношения с новой средой, защищать себя в правовых вопросах также очень дорогой опыт. Тем не менее, несмотря на проведение конференций, зарубежные менеджеры не смогли договориться с местным населением. Социальная политика этих компаний так и осталась на уровне глобальных человеческих вопросов. Нельзя сказать, что социальная ответственность была полностью адекватна для наших регионов. Но в

сравнении с российскими нефтяными компаниями иностранные оппоненты привлекают наших специалистов более разнообразным компенсационным пакетом.

Российские компании опережают иностранные нефтяные компании в гибкости КСО на нашей территории, из преимуществ можно назвать более широкую политику обучения местного населения, эффективное и взаимовыгодное сотрудничество с органами местной власти и развитие инфраструктуры региона. При этом спонсируются культурные, спортивные и образовательные мероприятия. Следовательно, можно сказать, что зарубежные компании могли бы служить поставщиками хорошего опыта в области применения «зеленых» технологий и топу подобных, но российские компании ничем им не уступают. Кроме того, как показывает статистика наши компании тратят примерно столько же средств, в % соотношении от прибыли компании, что и зарубежные оппоненты (см. табл. 3).

Появление социальной ответственности в странах запада, где рыночная экономика и кон-

Таблица 4
Корпоративная социальная политика крупнейших российских компаний по направлениям на момент 2015 г.

Компания	Расходы, млрд. руб., (% чистой прибыли)	Наличие специальной отчетности	Основные направления КСО
«Газпром»	–	Отчет о социальной и экологической деятельности	Помощь народам крайнего севера, образование и спорт, культура, поддержка православия
«Газпром нефть»	4,54 (3,7%)	Отчет об устойчивом развитии	Программа «родные города» городская среда, образование, культура
«Лукойл»	2,67 (1,0%)	Отчет об устойчивом развитии	Помощь народам крайнего севера, сохранение исторического наследия, культура, спорт, образование
«Роснефть»	5,18 (1,5%)	Отчет об устойчивом развитии	Развитие инфраструктуры регионов, развитие спорта, науки, образования
«Татнефть»	2,90 (4,1%)	Отчеты о социальном развитии и устойчивом развитии	Развитие социальной инфраструктуры: дошкольной и школьной образование, культура, спорт
«НОВАТЭК»	0,73 (2,1%)	Отчет об устойчивом развитии	Поддержка коренных народов севера: культура, спорт, образование
«Башнефть»	1,44 (3,3%)	Отчет об устойчивом развитии	Развитие образования, социальной инфраструктуры, творчества.
«Сургут-нефтегаз»	–	Отчет о социальной ответственности	Развитие регионов присутствия: спорт, благотворительность, поддержка пенсионеров

курения, являются традиционными, связано в первую очередь с поиском заинтересованных сторон. Элементы КСО чаще рассматриваются, как инструменты устойчивого развития, приращение социального капитала, например, конструктивный диалог с властью может помочь снизить налоги или обзавестись лоббированием в представительных органах, взамен за прозрачность отчетности или помощи в решении «дорогой» социальной ситуации. Разговор с представителями СМИ помогает создать благоприятный имидж в глазах населения. Более совершенное оборудование «добывает» больше ресурсов, за меньшее время и менее затратно, предотвращает угрозу производственных сбо-

ев и затрат на восстановление после ЧП, убытки от задержек поставок и штрафов за экологическое бедствие. Социальная ответственность перед работниками позволяет «собрать» с рынка труда лучших специалистов, снизить текучку кадров, обучение персонала позволяет сделать свой человеческий капитал более производительным, что в конечном итоге дает максимальный прирост прибыли и покрывает все расходы. Лидерами в признании социальной ответственности, как возможности устойчивого развития и повышении конкурентных преимуществ, стали Shell и BP. В общем процент затрат на социальную политику не поднимается 5% (см. табл. 4). Теперь рассмотрим социальную ответ-

Таблица 5
Расходы российских нефтяных компаний на социальную политику за 2017 г.

	«Башнефть»	«Лукойл»	«НОВАТЭК»	«Роснефть»
Социальная инфраструктура	34%		26%	
Спорт	17%	37%	11%	14%
Здравоохранение	3%	3%	15%	
Образование, наука	20%	6%	18%	19%
Поддержка народов севера	1%	8%		39%
культура	4%	3%	12%	19%
Прочие расходы	21%	42%	19%	9%

ственность российских компаний

Социальную ответственность российских нефтяных компаний принято рассматривать с 2000-х гг., когда началось финансирование крупные программы на улучшение условий жизни своих сотрудников. В это же время, появляется социальная ответственность, как таковая в России. В этом мнения ученых расходятся. Противоположное мнение, о существовании КСО и в Советском союзе подтверждается подобными программами по благоустройству жилищных условий своих сотрудников. В целом современные отечественные компании тратят примерно 5% от своего заработка, как и западные. Принципиальные отличия отечественной социальной ответственности от западной в следующем: российские топ-менеджеры воспринимают КСО часто как благотворительность, соответственно больше меценатства, «свободного альтруизма» шире политика финансирования спортивных или культурных мероприятий, программ поддержки здоровья населения (см. табл. 5). Вдобавок только у российских компаний есть обязательство заботиться о малочисленных народах крайнего севера. Социальная политика западных компаний стремиться к достижению более глобальных целей: защита прав человека, сохранение окружающей среды и развитие гарантий для устойчивого развития, если же встречаются социальные программы, то по одному или двум направлениям.

Лидером социальной ответственности в России среди нефтяных компаний является «Газпром» поскольку у этой компании больше всего дочерних компаний по всей страны, после него идут «Роснефть» и «Лукойл», как и в СССР, большая часть социальной политики этих компаний идет на развитие инфраструктуры региона, поддержка спорта и, здравоохранения, меньше на образование и науку.

Обобщая все выше сказанное: социальная ответственность нефтяных компаний может существенно развивать инфраструктуру территорий присутствия. Большинство компаний имеют устойчивую социальную ответственность, которая чаще носит благотворительные цели, чем инвестиционные.

Приоритетными направлениями поддержки являются спорт и здравоохранение, меньше внимания уделяется науке и образованию, вот здесь нефтяные компании могут преследовать свои собственные интересы, организуя свои юкос- и роснефть-классы, где дети проходят подготовку выгодную компаниям, лучшие отправляются на обучение по целевым программам с дальнейшим трудоустройством. Далее сотрудники проходят адаптационные курсы и в некоторых компаниях к молодым сотрудникам прикрепляют наставника, передающего необходимый опыт работы в компаниях. В этом же направлении применяется практика корпоративного обучения, которая реализуется в нескольких вариантах: сотрудников обучают на внешних образовательных ресурсах, что часто не удовлетворяет интересы компании, сотрудники обучаются во внутренних образовательных центрах компании, или же в корпоративных университетах. Последняя практика ещё широко не распространена в России, но крупнейшие нефтегазовые компании «Газпром», «Роснефть», «НОВАТЭК» уже имеют подобные структуры. Особенность этих университетов в обучении специалистов под заказ компании, нужным компетенциям. Минусы в отсутствии организационных схем университетов и привлечении необходимых преподавателей. Поэтому для организации и полноценной отладки «механизма» у компаний уходит до двух лет. Условия прохождения обучения, как и организация обучения совершенно разные. Для специалистов младшего

звена обучение происходит в свободное от работы время и длится не более 3-х дней. Для начальников отдела и управляющих более крупными структурными подразделениями обучение проходит в рабочее время и занимает, либо меньше рабочего дня, либо до трех рабочих дней. Топ-менеджеры учатся от трех дней до недели, чаще всего с выездом, либо в сам центр, либо другую подобную свободную территорию, либо другую подобную свободную территорию. Обучение в корпоративных университетах хоть и приносит свои плоды и как следствие повышает производительность человеческого капитала компании, повышает прибыль - дорогое удовольствие. Поэтому сотрудники, прошедшие дополнительные курсы, обязаны сдать итоговый экзамен или заплатить за обучение, день обучения стоит от 50 тыс. руб. а также отработать определенное время в компании, как правило, это два года. Нематериальные активы человеческого капитала компании относят не только практику корпоративного обучения, но и социальный пакет: возможность лечиться в больнице компании, отдыхать на курортах или заниматься в организованных спортивных секциях. Всё это безусловно положительно влияет на производительность сотрудников. К материальным сторонам воспроизводства человеческого капитала относятся дополнительные льготы и выплаты, материальное поощрение за успехи в рабочей деятельности и т.п. Больше всего успехов в корпоративном обучении среди российских компаний достиг «Газпром». Например, в этой компании уже не существует увольнения топ-менеджеров или специалистов с лидерским потенциалом, сотрудники посчитали, что подготовка нового управленца, потраченное время обходится дороже, чем если бы увольнения не было. Второе, компания производит собственные подсчеты результативности инвестиций в человеческий капитал, 1 руб. вложений в развитие своего персонала, приносит 4 руб. прибыли. В целом подобная практика помогает компаниям добиться устойчивого развития, положительно го имиджа в глазах населения.

При сравнении отечественных и зарубежных компаний можно сказать, что более глобальный характер КСО западных компаний: защита прав человека, сохранение экологии меньше связан с выгодой компаний, и это неправильно. Необходимо сделать поправку на характер социальных

взаимодействий нефтяных компаний в разных странах, например, в Германии нефтяные компании не имеют развитой сети корпоративного обучения, как компании в России, и это логично, поскольку в Германии 76% учащихся пошли в ВУЗы по целевому обучению, компании заказывают образовательным учреждениям актуальные компетенции. В России отсутствие подобной практики компенсируется корпоративным обучением. В США корпоративное обучение и кадровая политика активно используются в 1960-х годов и поэтому компании не испытывают острой нужды в рядовых кадрах и могут позволить себе создавать бренд через модные социальные проекты, по защите прав меньшинств, природы и т.п. Поэтому мы можем только сравнивать социальную ответственность зарубежных стран на нашей территории с социальной политикой отечественных нефтяных компаний. Последние конечно же выигрывают по ряду направлений: поддержки малых народов севера, развитию спорта и большего количества социальных проектов, а также развития инфраструктуры: ремонт и постройки больниц, детских садов и т.п. Это то, что частично вписывается в общепринятые критерии «справедливости» [3,4].

Развитие инфраструктуры регионов, в которых нефтяные компании осуществляют свою деятельность, хорошо видно на примере Иркутской нефтяной компании. Которая за последний год вложила больше 100 млн. руб. на развитие МО Ангарск. Данная компания создает 6500 тыс. рабочих мест, что существенно снижает уровень безработицы, инвестиции в расширение производства к 2020 г. составят более 120 млрд. руб. это означает, что компания расширит количество рабочих мест, увеличит налоговые отчисления в казну региона и муниципалитета. Осуществляется поддержка развития медицины через покупку больницам необходимого оборудования, поддержка культурных мероприятий, а также реализуются программы по сокращению вредных выбросов в атмосферу. Компания «ЮКОС» за время своего существования приобрела МО Ангарск за 45 тыс. долл. офтальмологическое отделение, создала площадку реализации гражданских инициатив, особенности социальной ответственности этой компании заключались в системности поддержки, все гражданские инициативы доводились до самостоятельности и самообеспечения за счет помощи «ЮКОС». Эта ком-

пания создала ряд образовательных площадок для будущих управленцев. Социально-экономическое благополучие жителей и их социально-экономические притязания тесно переплетены с проектами социальной ответственности нефтяных компаний в регионе присутствия. Это подтверждается исследованиями А.Н. Пружинина [9, 10] и В.А. Скуденкова [11, 12]

Как можно видеть влияние социальной ответственности нефтяных компаний в итоге увеличивает образовательный потенциал населения, развитие медицины способствует увеличению продолжительности жизни, а развитие инфраструктуры снижает отток населения в более благополучные регионы. В целом это содействует в решении важной, уже ранее обозначенной проблемы России: многие регионы не имеют достаточной экономической самостоятельности для саморазвития и самообеспечения, помощь нефтяных компаний в какой-то мере решает эту проблему. А также соответствует моделям, прописанным в современной теории по воспроизводству человеческого капитала: увеличения образовательного потенциала, долголетия и качества жизни, что в конечном итоге повышает доходы, как самого носителя человеческого капитала, так и компании, территории, где реализуется человек.

Литература

1. Дружинин Г.В. Влияние корпоративных общностей на трансформацию социально-правового пространства // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе Материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 57-58.
2. Дружинин Г.В. Этические начала в корпоративных отношениях // Право и этика в глобальном обществе риска Материалы. 2016. С. 94-99.
3. Мамурков Е.В. Справедливость в обществе диссонанса // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Научно-образовательный центр «Социо-Интеграл». 2018. С. 221-224.
4. Мамурков Е.В. Функции справедливости: по материалам исследования в Сибирском федеральном округе // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. М.: МГУ. 2018. С. 216-217.
5. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2013. 146 с.
6. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 103-110.
7. Полюшкевич О.А., Пружинин А.Н. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях иркутской области // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н. Баевой. 2018. С. 341-346.
8. Пружинин А.Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность Материалы конференции. Иркутский государственный университет; Институт социальных наук; Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций; Общественная палата Иркутской области; Комиссия по науке и образованию. 2018. С. 433-436.
9. Пружинин А.Н. Формы социальной ответственности крупных нефтяных компаний региона // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе Материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 51-56.
10. Пружинин А.Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // Социология. 2018. № 4. С. 151-154
11. Скуденков В.А. Влияние экономических санкций на качество жизни россиян (на примере Иркутской области) // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 185-193.
12. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250-255.
13. Халова Г.О., Йорданов С.Г., Полаева Г.Б. Эволюция энергетической политики ЕС // Инновации и инвестиции. 2018. № 5. С. 97-101.
14. Полаева Г.Б., Азатян С.А. Проблемы функционирования рынка труда в Омской области // Российское предпринимательство. 2012. № 9. С. 123.
15. Постуглеводородная экономика: вопросы перехода / Телегина Е.А., Сорокин В.П., Халова Г.О., Мастепанов А.М., Бессель В.В., Полаева Г.Б., Еремин С.В., Студеникина Л.А., Афанасьева М.В., Громов А.И., Иванов Н.А., Йорданов С.Г., Иллерицкий Н.И., Рева А.Р. Москва, 2017.
16. Бабынина Л.С. Компенсационная модель оплаты труда: теория, методология и корпоративный опыт: автореф. дис.... доктора экономических наук / Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова. Москва, 2012

«Умные города»: ожидания и страхи горожан

Журавлева И.А.

В статье приводятся результаты исследования оценки жителями России внедрения новых цифровых технологий в повседневную жизнь, а также в рабочее пространство. Дается оценка перспектив внедрения программы «умных городов» как эффективной и оптимальной технологии современного развития и обывательского восприятия ее полезности. Подчеркивается противоречие между реальным требованием времени и субъективной неготовностью населения адаптироваться к новым условиям. Подчеркивается большая включенность и адаптированность молодого поколения в современные «умные» технологии и достаточная ригидность представителей старшего поколения.

Ключевые слова: умный город, цифровые достижения, виртуализация, глобализация, ожидания, социальные страхи

Zhuravleva I.A.

«Smart cities»: the expectations and fears of citizens

The article presents the results of a study by the residents of Russia on the introduction of new digital technologies in everyday life, as well as in the workspace. An assessment is given of the prospects for the implementation of the "smart cities" program as an effective and optimal technology of modern development and the philistine perception of its utility. The contradiction between the real demand of time and the subjective unwillingness of the population to adapt to new conditions is emphasized. It emphasizes the large inclusion and adaptation of the younger generation to modern "smart" technologies and the sufficient rigidity of the older generation.

Key words: smart city, digital achievements, virtualization, globalization, expectations, social fears

«Умные города» или «интеллектуальные города» становятся все более востребованной темой развития городского пространства. Крупные мегаполисы уже к 2050 году консолидируют в себе от 67 до 80% всего населения мира. А это ведет к увеличению нагрузки на все социально-инфраструктурные и эколого-информационные системы городов.

Умный город (перевод с английского smart city) — это взаимосвязанная система коммуникативных и информационных технологий с интернетом вещей (IoT), благодаря которой упрощается управление внутренними процессами города и улучшается уровень жизни населения. Информационные и коммуникационные технологии могут стать основой выхода городского хозяйства на новый уровень для повышения эффективности и качества, интерактивности и мобильности работы городских служб. Технологическая основа «умного города» основана на том, что бы управлять городской средой в рамках сложных системных задач.

«Умный город» предполагает сочетание работы муниципальных служб, транспортной и информационной систем, здравоохранения и медицины, правоохранительных органов и образования, культурно-досуговой и интеллектуальной среды, уборкой мусора и в целом экологии городов. Он выполняет две основные функции: сбор и передача данных представителям управления; налаживание обратной связи между администрацией и горожанами, благоустройство среды.

Плюсы умного города заключаются в повышении уровня жизни граждан и в уменьшении издержек рабочих процессов благодаря автоматизации деятельности, не требующей применения аналитических навыков. Информационные системы становятся необходимостью для администрации муниципалитетов, чтобы координировать и мобильно реагировать на акту-

альные вопросы городского управления. Это определяет свойства «умного города»: качество жизни, мобильность, урбанизация, социализация, умные технологии, виртуализация, персонализация, модернизация инфраструктуры. В работах автора [1,2] показаны формы и перспективы развития интеллектуального капитала в обществе, поглощающем и продуцирующем множество знаний.

Компоненты системы интеллектуальных городов:

- Видеонаблюдение и фотофиксация;
- Интеллектуальные транспортные системы (ИТС);
- Единая система экстренного вызова (пример – «Система-112» в России);
- Единая диспетчерская служба и ситуационные центры;
- Интернет вещей (IoT);
- Пятое поколение мобильной связи (5G).

Эти инструменты сбора и анализа информации используются для улучшения функционирования транспортной всего городского пространства. В работах С.В. Малых [6,7] показано как один только университет трансформирует пространство города и региона, наполняя его творческими и интеллектуальными ресурсами и продуктами, вырабатываемыми в университетских средах. В исследованиях О.А. Полюшквич [8,9] показано воздействие интеллектуального и социального капитала университета в региональном сообществе. В работах В.А. Скуденкова [10,11,12,13] показывается влияние внешних условий (экономических санкций) и внутренних предпосылок (экономических притязаний) на развитие информационной среды. Те же тенденции видны и в исследованиях Р.В. Иванова [4,5] о воздействии экономизма на повседневное пространство в современных городах.

Вопрос автоматизации городской инфраструктуры и работы городских служб во многих городах становится критичным – чтобы во всех районах города, а не только близлежащих к центру, по крайней мере вовремя убирался мусор, не возникало заторов на дорогах, равномерно поставлялись коммунальные ресурсы и электроэнергия.

Активно развивать концепцию Smart City начала IBM еще в 2008 году в рамках инициативы «Умная планета». Уже в следующем году та-

кой подход к развитию городов покорила воображение разных стран. А сейчас это реальность 2500 городов всего мира.

Изменение климата, глобальная перестройка экономики – все это стало основными предпосылками появления интереса к «умным» городам, хотя первые попытки сдвинуть данное направление начались намного раньше – еще в 1990-х.

По результатам исследования Juniper Research, Барселона вышла на первое место мирового рейтинга «умных» городов в 2015 году. И по сей день остается эталонным примером брендинга территории, а также интеграции множества решений в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для управления активами города.

Барселона оборудована «умными» парковками, системой подземных пунктов сбора мусора, фонарями со светодиодами, оптимизирующими подачу электроэнергии в зависимости от множества параметров. Автобусы Барселоны – одни из самых экологичных во всей Европе. Электронные табло и системы нагрева воды подпитываются энергией солнца – и это при том что в Барселоне в среднем 7 солнечных часов в день. В системах городского отопления используется пар от сжигания отходов, в системах охлаждения – морская вода. Добавьте ко всему этому большое количество «умных» домов, систему сбора показаний со всех датчиков данных о городе: количество жителей в каждом квартале города, налоги, сводки происшествий, дорожная обстановка и пр. Имидж города высоких технологий Барселона оправдывает сполна.

Таким образом, интеллектуальная система управления городами охватывает все сферы: энергоэффективность, оптимизация водных ресурсов и систем, управление системой логистики и трафиком, акцент на IT в госуслугах и государственном управлении, оборудование зданий единой сетью управления через информационные и инженерные системы. Варианты внедрения этих компонентов разнятся от города к городу. Но на самом деле на этом процесс развития территорий с уклоном в smart не останавливается.

На сегодняшний день есть, по крайней мере, шесть инновационных составляющих «умных» городов будущего.

Комплексный подход к оптимизации систем ЖКХ

Датчики, умные электросети и их повсеместное распространение уже сейчас позволяют экономить за счет более рационального потребления городских ресурсов. Но мониторинг и агрегирование полученных данных стало лишь первым шагом. «Умные» дома будущего помимо автоматизации потребления ресурсов с учетом температуры в здании, нахождения в нем людей и прочих показателей будут отличать нулевое потребление энергии и ресурсов.

Помимо очевидных плюсов это позволит снизить тарифы на электроэнергию и управлять ресурсами максимально эффективно.

В Сингапуре взяли курс на активное финансирование разработок технологий, позволяющих сохранять электроэнергию «впрок» – таким решением может стать модернизация литий-ионных аккумуляторов. В Москве запланировано строительство эко-квартала.

Цифровизация культуры и туризма

Важнейшая составляющая туристической привлекательности городов будущего – возможность моментально интегрироваться в незнакомую среду. Персональные рекомендации, синхронный перевод местного диалекта через специальные гаджеты, умная VR-система навигации по городу – все это облегчает жизнь туристов, «развязывая руки» в самостоятельном планировании путешествий и станет дополнительным источником бюджетных поступлений для городов, которые первыми уловят тренд на «внешний магнетизм».

Больше всего проектов, направленных на цифровизацию окружающего пространства, объектов культуры и достопримечательностей через мобильные приложения, представлено в Барселоне, Сингапуре и Шанхае. Следом за ними по степени развития цифровой инфраструктуры города, согласно оценкам PwC, идет Москва. Российскую столицу выигрышно отличают широкая зона покрытия бесплатным Wi-Fi улиц, 100% – зоны метро. Туристическая карта Moscow pass card также заслуживает отдельного внимания, поскольку направлена на доступность городского транспорта, экскурсий и музеев через прозрачную систему скидок.

Беспилотный транспорт

Уже сейчас беспилотники переняли на себя часть нагрузки в сфере транспортных услуг. Это и доставка товаров, и мониторинг пространства с целью коррекции логистики на основе полученных показателей. Поэтому следующий «вызов» для «умных» городов – создание центров исследования и экспертизы для стимулирования дальнейших разработок в данной сфере. Кроме того, рано или поздно остро встанет вопрос автономии передвижения беспилотного транспорта, что потребует частичного обновления дорожных знаков, стандартов и правил.

Израильская компания Flytrex организовала поставку товаров дронами в Рейкьявик, что позволило онлайн-ритейлерам экономить до 60% в сравнении с обычной стоимостью доставки.

Цифровая экономика и «прокачка» виртуальных сервисов

Ставка на экономику совместного пользования через объединение людей с целью задействования недостаточно используемых активов экономики. А также на вовлечение граждан в решение городских проблем.

Внедрение технологий распределенного реестра, позаимствованных у блокчейна, в сферу здравоохранения и сделок с крупными активами повысит их безопасность и прозрачность. Все больше будет создаваться платформ для обмена потребительскими товарами и услугами. Наибольшей активностью в развитии экономики нового типа отличился Лондон – там уже подготовлена и постепенно внедряется регуляторная база.

Кого-то это может удивить, но именно Москва лидирует в разработке решений для вовлечения горожан к решению актуальных для города вопросов. Платформы будут совершенствоваться, охватывая «полный цикл» от выдвижения идеи и выбора проекта-победителя до контроля за ходом реализации. Кроме того, в ближайших планах многих стран внедрение возможности электронного голосования, включая процедуру выбора политических избранников. Например, в Сиднее такая возможность уже есть.

Кроме того, в конце июля в нашей стране утверждена государственная программа «Цифровая экономика», направленная в том числе на

стимулирование создания высокотехнологичных IT-предприятий и цифровизацию платформ основных отраслей экономики.

Важнейшие социальные сферы: здравоохранение, безопасность, образование

Развитие технологий контроля за жизненными показателями организма, персонализированная медицина на основе генома пациента для повышения эффективности лечения. Для России приоритет в этой области вынесен в проекты НТИ и консорциума «Умный город» в частности, который направлен на опережающее развитие 50 городов нашей страны.

Весной 2017 году Сбербанк инвестировал средства в развитие сервиса DocDoc, и уже через полгода партнеры в команде с сетью медицинских центров «Медскан» анонсировали проект, направленный на развитие телемедицины, – мобильный киоск для дистанционных консультаций «Модуль здоровья».

Развитие телемедицинских сервисов, электронных медкарт и доставки лекарств в отдаленные и труднопроходимые населенные пункты – важный шаг в вопросе снижения смертности населения в не густо населенных пунктах и деревнях, где особенно остро стоит проблема самолечения. На сегодняшний день на решение этой проблемы направлены мобильные диагностические комплексы, но их количество исчисляется несколькими тысячами, а сел, где жителей менее 100 человек, – свыше 80 тыс. на территории нашей страны.

В «умных» городах будущего ставка делается на здоровое и успешное население, поэтому на первый план выходят также ранняя профориентация и адаптивное образование, подстраивающееся по уровню сложности и содержанию под каждого конкретного ученика. Кроме того, содержание школьной программы дополнят VR-технологии – дополненной реальности. В этом аспекте крупнейшие мировые столицы, включая Москву, продвигаются примерно на равных, инвестируя в развитие технологий и реализуя пилотные проекты.

Что касается безопасности, безусловно, на нее делается основная ставка в развитии «умных» городов, включая совершенствование системы предсказания преступлений и борьбы с киберугрозами. Так, в Филадельфии после вне-

дрения умных стратегий охраны в городах число убийств стало минимальным за последние 50 лет при меньшей задействованности офицеров, патрулирующих улицы. Мэрия Москвы с сентября 2017 года сотрудничает с компанией – разработчиком сервиса по распознаванию лиц – NtechLab – с целью совершенствования городской системы видеонаблюдения.

Виртуальный город

В ближайшем будущем за счет развития технологий 3D-моделирования городов и контроля за процессом строительства можно будет достичь наиболее эффективной застройки еще на этапе планирования проектов. Множество экспериментов с модульным строительством и 3D-печатью домов уже проводится в Лондоне и Шанхае. Ближе всех к готовой цифровой модели города на данном этапе Сингапур. В Москве также сконцентрировались на применении инновационных технологий в строительстве, постепенно внедряя их в повседневную практику.

В связи с внедрением новых технологий трансформируются ритуалы повседневной и рабочей жизни [3], изменяются условия и формы взаимодействия между различными социальными группами и меняется форма и система коммуникации.

Анализ результатов исследования

Целью нашего исследования выяснение отношения жителей различных городов к внедрению новых информационных технологий способствующих формированию «умных городов». Как говорится, благими намерениями ... дорога может быть вымощена в разные стороны ... Далеко не всегда прогрессивные, полезные и эффективные технологии приживались сразу и безболезненно. Очень многие вещи и процессы встречали противостояние и открытую вражду (распространение автомобиля или железной дороги, автоматизированного производства и мобильных телефонов и т.д.). Страх перед неизвестным заставляет многих бояться и не принимать новые технологии, облегчающие жизнь. Мы пытались выяснить – какие ожидания и страхи имеются у современных горожан перед внедрением новых «умных технологий».

В опросе приняло участие 2500 человек, из них 60% женщин и 40% мужчин в возрасте от

18 до 75 лет, все они занимают разное социально-экономическое, образовательное и профессиональное положение. Выборка двухступенчатая, квотная, по месту жительства и полу респондента. В исследовании приняли участие жители Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов.

Комплексный подход к оптимизации систем ЖКХ одобряют и активно пользуются не все жители России. Только 45% видят положительные эффекты от внедрения датчиков и умных электросетей, 32% говорят о том, что будущий контроль привел к тому, что они «сами ничего не понимают», а их обманывают. То есть они видят угрозу в собственной безопасности и ожидают подвоха. 23% вообще не пользуются счетчиками и датчиками и прочими элементами оптимизации ЖКХ, объясняя это все тем же, что «нет надежды на достоверность счетчиков, которые всегда можно подкрутить».

Цифровизация культуры и туризма – наиболее доступна и вошла в жизнь более молодого поколения. Среди опрошенных молодых людей 85% пользуются теми или иными видами цифровых услуг, чтобы ориентироваться в чужом или своем городе. Но чем старше респонденты, тем меньше они погружены в данную область развития цифровой культуры. Среди лиц среднего возраста таких только 28%, старшего – 7%. Но все же, мобильные приложения к различным гаджетам в ближайшем будущем войдут в жизнь не только молодежи и расширение получаемых услуг в данной сфере станет более масштабным.

Беспилотный транспорт как пример «образа будущего» – более половины респондентов 54% пугает «своей ненадежностью», при том, что «человеческий фактор» в процессе управления транспортными средствами гораздо чаще может стать угрозой для жизни пассажиров. В данном случае, неизвестность, а зачастую непонимание работы беспилотных средств связи пугает большую часть населения России. Необходимо просвещение в данном вопросе.

Цифровая экономика, использование интернета и виртуального пространства для решения рабочих и повседневных вопросов (от оплаты услуг до досуга, от получения образования до работы) все больше внедряется в нашу жизнь. Используют для работы ресурсы цифровой экономики – 42% респондентов; используют для

повседневных нужд – 36% респондентов, опять же их процент увеличивается в более молодом возрасте и уменьшается в более зрелом.

Информатизированные системы контроля в сфере здравоохранения, безопасности, образования – одобряются 65% респондентов. Но все же 35% видят в этих средствах контроля угрозу свободе личности, личной ответственности. Вызывает сомнения доступность виртуальных ресурсов для всех социальных слоев общества, что в будущем может стать основой новой социальной стратификации.

Виртуальный город как элемент моделирования инфраструктуры и строительства городов видится респондентам как наиболее эффективная и полезная сфера примирения цифровых технологий в развитии городского пространства. 95% говорят о том, что это современные и важные технологии, которые изменят жизнь к лучшему.

Таким образом, «умный город» как теоретическая модель далеко не во всех своих сферах может быть принят и освоен в повседневной жизни рядовыми жителями городов. Возможно, это связано с быстрой сменой технологий и необходимостью перестраивать свою жизнь, что достаточно проблематично, особенно для представителей старшего поколения. Но в то же время, имеются социальные страхи, навеянные пост-апокалиптическими фильмами, где цифровые технологии взяли верх над волей и свободой людей. Внедрение технологий «умных городов» потребует особого внимания и информирования для населения достоинств данных технологий, необходима, прежде всего, просветительская работа, чтобы не происходило саботажа введения технологий в повседневную жизнь и рабочее пространство в разных сферах экономики.

Литература

1. Журавлева И.А. Интеллектуальный капитал как объект управления знаниями // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы IV Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск. 2016. С. 52-57.
2. Журавлева И.А., Жгун Л.С. Возрастание роли социального капитала в формирующемся обществе знаний // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск. 2017.

С. 161-167.

3. Завьялов А.В. Ритуалы инициации и их влияние на микросоциум (по материалам статей зарубежных авторов) // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск. 2017. С. 44-56.

4. Иванов Р.В. Влияние экономизма на формирование новых смыслов в процессе восприятия идеологических символов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 405-412.

5. Иванов Р.В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 166-172.

6. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. № 4. С. 129-135.

7. Матюнин Л.В., Александров Д.Г., Белотелова Н.П. Роль государства в регулировании инновационной деятельности в России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 2 (29). С. 91-94.

8. Полюшкевич О.А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.

9. Полюшкевич О.А. Социальный капитал преподавателя университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 5. С. 23-26.

10. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.

11. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250-255.

12. Скуденков В.А. Уровень притязаний жителей городов: справедливые условия и реальные перспективы // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 722-724.

13. Скуденков В.А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 3. С. 93-105.

Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона

Иванов Р.В.

В статье рассматривается проблема экстремистских настроений в молодежной среде в провинциальном регионе. Подчеркивается социальная пассивность молодежи и искусственное нагнетание проблематики экстремизма в отдельных регионах, с целью актуализации и искусственного нагнетания тревожности.

Ключевые слова: экстремистские настроения, молодежь, социальная пассивность, инертность, конструирование проблемы

Ivanov R.V.

Extremist sentiments of youth: myths and realities of the provincial region
The article deals with the problem of extremist attitudes among young people in the provincial region. Emphasizes the social passivity of young people and artificially forcing the problems of extremism in certain regions, with the aim of updating and artificially forcing anxiety.

Key words: extremist sentiment, youth, social passivity, inertia, problem construction

В современном мире, российском обществе, многих субъектах федерации проблема экстремизма стоит достаточно остро. В одних регионах РФ доминирует этнонациональный экстремизм, в других религиозный, в третьих политический. Разобщенность общества, отсутствие четкой идеологической линии, разрушение системы патриотического воспитания, нивелирование заявлений политиков и реальной ситуации в стране, приводит к тому, что наиболее уязвимая и одновременно мобильная социальная группа — молодежь, становится подвержена воздействию крайне радикальных политических, социальных, религиозных и этических идей.

Экстремистские идеи, укореняясь в сознании молодого человека могут способствовать совершению противоправных действий: начиная от расписывания стен домов радикальными лозунгами, заканчивая «акциями» в отношении людей иной веры или этнической принадлежности, начиная от негативного отношения к представителям какой либо социальной группы (инвалиды, ветераны, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией), заканчивая участием в погромах и иных преступлениях против этих групп. Количество подобных групп растет как в реальной среде, так и в виртуальном пространстве.

Современный мир предлагает все новые и новые формы экстремистской деятельности. И недовольство политикой, межэтническими и межконфессиональными отношениями, конкретной группой людей может выливаться в незаконные, противоправные экстремистские формы. Как уже говорилось, из-за мобильности и категоричности молодежи, именно она может быть вовлечена в экстремистскую деятельность различных организаций (активность перед выборами, флеш-мобы и иные акции про-

тив каких-либо решений) и отдельных акций (события в Керчи). Как следствие этого, среди экстремистов преобладает молодёжь.

Начиная с 90-х годов XX века в России стали появляться неформальные молодежные организации, которые выступали как против политического режима, так и против экологических или социальных процессов, экономических реформ и так далее. Вопросы молодежного экстремизма изучались на протяжении этого периода и вплоть до наших дней такими учеными как В.А. Диль [1], А.Д. Петрушенко [8], Н.И. Медведева [6], Р.Б. Маремуков [7], И.А. Савченко [14], В.Н. Томалинцев [18] и др.

Проблемы экстремизма рассматривают не только с точки зрения теории, но и для построения молодежной политики и для социальной работы с молодёжью и для совершенствования блокирующего экстремизм законодательство. Рост протестных настроений будут всё более делать проблематику молодежного экстремизма значимой.

Важно понимать не просто сам экстремизм в молодежной среде, а изучать и регулировать экстремистские настроения и экстремистские действия. Первые являются потенциальной угрозой (т.к. предполагают фиксацию радикальных идей в сознании молодого человека, но не предполагают активных экстремистских действий) и могут быть изменены или локализованы профилактической работой, вторые требуют более радикальных мер и комплексную работу органов власти и правопорядка, так как предполагают реальное действие против кого-либо и могут нанести ущерб человеку или группе людей по различным признакам и причинам (национальности, вере, общественном или политическом участии и т.д.). Это зачастую зависит от уровня экономического благополучия и экономических притязаний (исследования В.А. Скуденкова [15,16,17]), условий социальной солидарности и эмпатии, территориальной идентичности и общественного договора (работы О.А. Полюшкевич [9,10,11,12,13]), чувства патриотизма и социальной включенности в различные сообщества современной молодежи (Р.В. Иванов [2,3,4,5]).

Мы провели фокусированное интервью лидеров общественного мнения среди трех целевых групп: студенческая молодежь, работающая молодежь и школьники.

Выборочная совокупность социологического исследования составила 24 человека (от 14 до 18 лет школьники и студенты техникумов – 8 человек; от 18 до 22 лет студенты вузов – 8 человек и 23 -30 лет – работающая молодежь – 8 человек).

Цель исследования: выявление особенностей восприятия и осмысления различными социальными группами молодежи экстремистских настроений и специфики формирования межэтнической и международной толерантности в Иркутской области в 2018 году и выявление реальных и мнимых мифов.

Результаты исследования

Анализируя результаты фокус-группы можно сказать следующее, что среди молодежи нет четкого понимания, что такое экстремизм. Общее мнение формируется по отрывочным и зачастую шаблонным фразам, которые обсуждаются в СМИ (телевидении и Интернете). Как говорили некоторые участники *«Зачастую мы понимаем, что это экстремизм, потому что нам сказали, что это экстремизм, а не потому что мы это сами знаем и понимаем»* (Андрей, 28 лет) или *«это форма преступления против других людей, которая кем-то называется экстремизмом, но по факту – это преступление. Экстремизмом это называют в политических целях, поэтому экстремизм – это политический инструмент, который реализуется через идеологию и насилие»* (Илья, 25 лет).

В целом, говоря о распределении ответов мы можем выделить наиболее часто встречающиеся трактовки экстремизма, например: «насилие на основе неприязни к другой национальности» - 32%, «нетерпимость во всех её проявлениях» - 16%, «способ восстановить справедливость» - 8%, «пропаганда насилия» - 22%, «готовность применять насилие для достижения целей» - 12%, «допустимость использования крайних мер» - 10%.

Только 20% участников исследования указали, что проблема экстремизма актуальна для современной России, 45% указали что «не актуальна» и 35% затруднились ответить.

Иными словами, это позволяет нам говорить о том, что молодые люди в повседневном своем мире не акцентируют внимания на проблемы экстремизма и не готовы активно вовлекаться в данный контент. Он их не «цепляет»,

хотя общий дискурс формирует определенное отношение. Только 10% молодых людей обсуждали данную проблему в кругу своих знакомых, остальным эта тема либо не интересна, либо не актуальна.

Никто из участников исследования не сталкивался с проявлениями экстремизма за последний год. Только 10% слышали от знакомых или в СМИ, что это происходило.

Основным источником экстремистских материалов выступает Интернет (54%) и телевидение (новостная лента) (41%), общение со знакомыми (5%). Примем, молодые люди специально не ищут данную информацию. В различных СМИ она попутно выходит при поиске учебной или развлекательной информации. То есть если бы данная проблема не обсуждалась в Интернете и телевидении ее распространенность в определенных кругах могла бы быть значительно ниже.

Возможно, искусственное нагнетание количества насилия в различных СМИ повышает панику и негативный настрой среди различных социальных групп, и может повышать потенциальную угрозу создания и вовлечения в экстремистские группы различных групп населения, в том числе и молодежь.

Опрошенные нами молодые люди не считают, что экстремистские настроения в молодежной среде усилились за последнее время (75%), остались такими же полагают 25% молодых людей.

Национальность человека не влияет на отношение к самому человеку для 90% респондентов. «Все люди равны» (Ольга, 23 года), «Национальность не может определять хороший это человек или плохой» (Валерия, 15 лет), «Среди каждой нации есть как хорошие, так и плохие» (Александр, 20 лет). Но при этом, 10% указали на то, что уровень культуры или образования, представителя другой национальности может влиять на отношение к человеку, может формировать негативные установки к нему, если «он занимает экономически невыгодную нишу» (Богдан, 20 лет), «экономически притесняет меня» (Александр, 25 лет).

Молодые люди сошлись на том, что «низкий уровень образования, культуры населения» (33%) и «пренебрежительное отношение к культуре, обычаям других народов» (25%) являются доминирующими факторами роста экстремист-

ских настроений. Иными словами, просветительская работа, публичные лекции о других народах, их культуре и обычаях, особенностях жизни может улучшить положение в обществе.

На третьем месте «высокий уровень криминальности некоторых национальностей» (21%), «пропаганда и насилие в СМИ» - 15%, «большое количество мигрантов, гастарбайтеров» - 6%. Социально-экономические условия указываются нашими респондентами как вторичные факторы, способствующие росту экстремистских настроений в Иркутске и Иркутской области.

Наиболее опасными проявлениями экстремизма молодые люди считают «политические убийства, физические расправы» (32%), «пропаганду фашизма» (25%), «осквернение, разрушение памятников, могил» (20%), «унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей других национальностей, вероисповеданий» (15%), «призывы к запрету существующих партий и движений» (8%).

Хотя в разных возрастных группах оценка наиболее опасных форм проявления экстремизма совпадает, но объяснение причин такого положения несколько отличается. Молодые люди от 23 до 30 лет говорят о том, что «политические убийства и расправы являются основными, благодаря им возможны все остальные формы проявления экстремизма, как следствия политических решений» (Вадим, 29 лет). В 19-21 год молодые люди указывают на наиболее «известные» в историческом плане формы экстремизма (фашизм), ставшие ярким примером негативного общественного воздействия: «Фашизм в мире показал всю пагубность экстремизма и нем нельзя допустить его вновь» (Максим, 19 лет). В самой младшей молодежной группе 14-18 лет указываются на морально-этические формы экстремизма, как недопустимые и нарушающие внутренние правила (мораль) и этические устои общества: «недопустимо осквернение могил или оценка других людей по их происхождению» (Софья, 16 лет).

Никто из опрошенных не сталкивался лично с какой-либо экстремистской группой и об экстремистских организациях в Иркутске или Иркутской области молодые люди не в курсе.

Говоря об эффективных способах борьбы с экстремизмом молодые люди выделили «развитие молодежного движения, спортивной и

культурной работы» (45%), «правовое и духовно-нравственное воспитание» (25%), «работа правоохранительных органов» (10%), и также 10% указали на то, что «нет эффективных форм борьбы с экстремизмом».

Но практически все отмечали необходимость комплексного подхода и сочетания разных форм и направления работы с молодежью. «Без системной работы всех социальных институтов – нельзя получить гарантированный результат» (Сергей, 20 лет). «Только сочетание усилий различных подразделений позволит избежать экстремизма» (Анна, 23 года).

Опрошенные нами молодые люди считают правовую базу недостаточной в 20%, нормальной – 35%, достаточной – 25%, чрезмерной – 10% и 10% затруднились с ответом. Такой разброс мнений говорит о недостаточной информированности молодежи о правовой базе борьбы с экстремизмом. А показательные процессы о «репостах» в социальных сетях уничижают социальную оценку и «вес» справедливого наказания за экстремизм.

«Суды за репосты не могут быть показательными и не могут говорить о работающей справедливой правовой системе, регулирующей экстремистские преступления в России» (Андрей, 28 лет). «Наказание за репосты в социальных сетях – отвлекают внимание, но не решают проблемы экстремизма» (Александр, 25 лет). «В СМИ не обсуждаются приговоры за реальные экстремистские преступления, а только бутафорские процессы о репостах в социальных сетях, поэтому говорить об эффективно работающей правовой основе нельзя» (Арина, 20 лет).

По мнению респондентов, наиболее опасен религиозный экстремизм (55%), так как он наиболее ярко проявляется, его сразу видно, тогда как политический (30%) и национальный (15%) более растянуты во времени и поэтому проследить их воздействие сиюминутно сложнее (с обывательской точки зрения), а мерить большими историческими мерками достаточно трудно. Данное суждение преобладает в основном из-за активного обсуждения в СМИ именно религиозного экстремизма (террористы-смертники и прочие террористические организации), тогда как другие виды экстремизма достаточно редки в общественном дискурсе.

Политический экстремизм обсуждается в рамках очередной годовщины – политических

убийств приведших к мировым войнам или репрессиям (убийство эрц-герцога Фердинанда, приведшее к 1 мировой войне) в каких-то отдельных странах при правлении того или иного диктатора (Муссолини, Салазара и т.д.).

Национальный также редко сам по себе обсуждается, только в рамках криминальных происшествий: «поножовщины среди тувинцев» или «разборки азербайджанцев» (Андрей, 28 лет). «О национальностях мы слышим только тогда, когда убийства или кражи или разбой совершаются» (Мария, 20 лет).

При этом все молодые люди говорят, что ко всем национальностям они относятся одинаково хорошо. И о других культурах, чертах и качествах людей – представителей другой веры или культуры, о представителях и особенностях деятельности общественно-политических организаций они узнают из СМИ (Интернет и телевидение).

С провокационными суждениями о других нациях и национальностях никто не согласен, молодые люди отказывались отвечать на данный вопрос. **«С каким из утверждений вы больше согласны: 1. Представители нашей национальности должны иметь привилегии при поступлении на учебу, при приеме на работу. 2. Представители нашей национальности жили на этой территории всегда, поэтому «чужаки» должны уйти. 3. Мы должны бороться за чистоту нашей крови. 4. Некоторые национальности ненавидят нас и готовы сделать все, чтобы нас не стало».** Это позволяет нам говорить о сложившейся системе ценностей и убеждений, которая относительно стабильно формирует ценности и убеждения молодого поколения, что может препятствовать их вступлению в экстремистские организации и поддержанию и развитию экстремистских идей.

Неприятно к представителям других религий молодые люди также не испытывают. Некоторые указывали на интерес общения с представителями других религий, который строится на расширении кругозора и понимания других людей. Также на провокационные вопросы о том, **с каким из суждений более согласны** мы получили отказы от суждений: 1. *Представители некоторых религий не должны жить в нашем регионе. 2. Представители некоторых религий способны на любое преступление, потому что их религия им это разрешает. 3. Те, кто верят в*

других Богов, глубоко ошибаются, необходимо приложить все силы, чтобы обратить их в свою веру. 4. Представители других религий представляют угрозу для представителей моей религии. Также это позволяет нам говорить об устойчивости религиозных или атеистических взглядов молодежи, которые не влияют на их негативное отношение к представителям других религий.

Отвечая на вопрос о том, какие социальные группы вызывают у вас раздражение или неприязнь мы получили единую оценку во всех возрастных группах молодежи. Наибольшую неприязнь вызывают «наркоманы» (40%), «алкоголики» (35%), «преступники» (20%) и другие (5%). Иные социальные группы не вызывают явной неприязни.

Среди опрошенных нами молодых людей только 30% готовы принять участие в деятельности общественно-политических организаций при условии совпадения интересов и убеждений. Остальные молодые люди достаточно пассивны (70%) и общественно-политическая активность не входит в сферу их интересов. Из всех респондентов только один указал, что состоит в общественной организации.

Из допустимых методов политической борьбы все молодые люди указывали на словесные и легальные методы борьбы. Иные методы для них неприемлемы и обсуждать их никто не пожелал. Это опять же указывает на их сложившуюся систему ценностей и мировоззрения.

Среди причины распространенности экстремизма среди молодежи наши респонденты указывали на отсутствие идеологии (55%), слабую работу молодежных организаций (25%), недостаточную патриотическую подготовку (20%). То есть, все «причины» лежат в недостаточной реализации государством различных направлений работы с детьми и молодежью.

В связи с этим, более эффективные методы борьбы с экстремизмом состоят в комплексе мер. Наши респонденты их условно распределили в следующем порядке: «развитие молодежного движения, работу спортивных, культурных и иных учреждений» - 30%, «выработку новой государственной идеологической политики» - 25%, «беседы, воспитание, защита, положительный пример и др.» - 20%, «активная деятельность администрации города по трудоустройству молодежи, ее социальной защищен-

ности» - 15%, «активная работа правоохранительных и судебных органов» - 10%.

Выводы

Исходя из полученных результатов исследования, проведенного вторичного анализа, следует сделать ряд выводов. Несмотря на некоторый рост экстремистских настроений на страницах СМИ, он по-прежнему остаётся проблемой столичных городов и национальных республик. Для Иркутской области и города Иркутска он не столь актуален.

Наиболее ярко выраженным является религиозный экстремизм. При этом, чем старше молодой человек, тем он становится терпимее.

Очевидно, что школа не справляется с патриотическим воспитанием, а доверие государству невысоко. Большинство молодых людей, не испытывает негативных чувств ни к одной национальности или представителям той или иной религии, а в ряде случаев испытывают безразличие. Но в СМИ активно обсуждаются экстремистские акции, что формирует определенную оценку.

Молодежь черпает информацию об экстремизме из СМИ (Интернет и телевидение). Не все информации она доверяет, но это не означает, что воздействие не происходит. По ее мнению, экстремизм — это явление, формируемое и развиваемое СМИ, нежели чем реальная проблема нашего региона.

Большая часть молодежи достаточно инертна и не готова бороться за свои права в общественно-политических организациях. Они не готовы нарушать закон, но и активно отстаивать его интересы также не рвутся.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что в городе Иркутске и Иркутской области в целом достаточно умеренные взгляды молодежи на экстремизм. Но при этом, стоит усилить работу с детьми и молодежью в сфере патриотического воспитания, культурной, спортивной и общественной занятости молодых людей, чтобы перенести акценты их внимания на позитивные, созидательные сферы деятельности, способные укреплять государство и формировать гражданина и патриота своей страны.

Также искусственное нагнетание негативных процессов в СМИ негативно влияет на настроения и самоидентичность молодежи. Необходи-

мо регулировать формы подачи и контекст информирования населения о происходящих процессах в обществе и возможных перспективах развития ситуации.

Литература

1. Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 314. № 6. С. 167-170.
2. Иванов Р.В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108-112.
3. Иванов Р.В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239-245.
4. Иванов Р.В. Толерантность молодежи - миф или реальность // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 4 (20). С. 32-36.
5. Иванов Р.В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20-22.
6. Маремуков Р.Б. Молодежный экстремизм на современном этапе // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 234-235.
7. Медведева Н.И. Социально-психологические условия противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 262-264.
8. Петрушенко А.Д. Экономические и социальные факторы противодействия экстремизму в молодежной среде // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. 2014. Т. 1. № 1-1 (1). С. 15.
9. Полюшкевич О.А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 217-230.
10. Полюшкевич О.А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 75-80.
11. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113-117.
12. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293-300.
13. Полюшкевич О.А., Антонова Л.Л., Кашаев А.Е. Эмпатия и социокультурная солидарность // Философская мысль. 2016. № 10. С. 71-82.
14. Савченко И.А. Молодежный экстремизм в г. Москве: опыт социологического исследования // Социодинамика. 2018. № 4. С. 21-28.
15. Скуденков В.А. Гендерные особенности социально-экономических притязаний (на примере городских жителей Иркутской области) // Урбанистика. 2018. № 2. С. 50-58.
16. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.
17. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82-84.
18. Томалинцев В.Н. Общественный кризис и экстремизм в молодежной среде // Молодежная Галактика. 2018. № 14. С. 8-11.

Коллективный договор как инструмент защиты интересов наемных работников

Малышев М.А.

На материалах исследования, проведенного в 2018 году кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, анализируются вопросы, касающиеся процедуры разработки, принятия и заключения коллективных договоров и нормативных соглашений. В ходе исследования было установлено, что, несмотря на признание колдоговорной работы важнейшим направлением деятельности профсоюзов, на данный момент отсутствует четкая система работы с коллективными договорами, в областных объединениях отраслевых профсоюзов практически нет специальных планов колдоговорной работы. Обкомы, горкомы, райкомы недостаточно участвуют в переговорных кампаниях, не ведут активной политики по определению перспективы развития организации и повышению реальной заработной платы работникам, по доведению уровня заработной платы до стоимости рабочей силы, ликвидации задолженностей по заработной плате, по вопросам охраны труда, выполнению отраслевых соглашений.

Ключевые слова: профсоюзы, коллективный договор, заработная плата, эффективность, соглашения, эффективность, функции профсоюзов.

Malyshev M.A.
Collective agreement as instrument of protection of interests of employees of the enterprise
On materials of the research conducted in 2018 by department of sociology of management of faculty of public administration Lomonosov Moscow State University it is analyzed the questions concerning the procedure of development, acceptance and the conclusion of collective agreements and standard agreements. During the research it was established that, despite recognition of the collective agreement the most important activity of labor unions, at the moment there is no accurate system of work with collective agreements. Members of labor unions are insufficiently informed on maintenance and implementation of collective agreements, are involved in their development very little.
Key words: trade unions, collective agreement, salary, efficiency, agreements, efficiency, functions of trade unions.

Ожесточённая борьба трудящихся за свои социально-экономические права привела к возникновению коллективных договоров. В Западной Европе коллективные договоры стали заключаться, со второй половины XIX века, несмотря на противодействие власти «во имя поддержания святости индивидуального договора найма» [1. С. 5], в России, коллективные договоры стали заключаться, в начале XX века.

В условиях, когда продолжительность рабочего дня составляла не менее 10-12 часов, труд женщин и детей оплачивался в размере 30-50% от заработка мужчины-рабочего, а оплачиваемый отпуск и второй выходной день в неделю рассматривались как «бредовые мечты», хозяева предприятий наотрез отказывались заключать коллективные договоры [2. С. 8].

Известный правовед В.М. Догадов, отмечал, что: «Сами профсоюзы заинтересованы в том, чтобы коллективные договоры распространялись на всех трудящихся без изъятия. В противном случае наниматель может обойти коллективный договор, вербуй на работу лиц, не подпадающих под действие коллективного договора» [3. С. 30]. В 20-е годы XX века коллективные договоры «заключались, в основном, на частных предприятиях и реально определяли размеры оплаты и условия труда» [4. С. 129]. Л.П. Гурьянова, отмечала, что «В условиях НЭПа, коллективный договор был надёжным средством защиты интересов трудящихся, который использовали как профсоюзы, так и государство» [5. С. 8], А.И. Шебанова, подчеркивает, что уже тогда это был «сложившийся правовой институт» [6. С. 194].

На Западе, этот процесс был начат Датским гражданским кодексом (1907) и Швейцарским кодексом обязанностей (1911) и продолжен принятием специальных актов в Норвегии (1915), Германии (1918), Франции (1919), Нидерландах (1927), США (1935) [7. С. 6].

После окончания, Второй мировой войны, на Западе были законодательно закреплены национальные модели социального партнёрства, как ответ на советскую социалистическую систему, что привело, к новому этапу развития коллективно-договорных отношений. Известный российский исследователь И.Я. Киселёв, отмечал, что в США действует около 150000 коллективных договоров, в Германии - 45000, а во Франции - 2000 [8. С. 261]. В этих странах коллективные договоры, зачастую выступают в качестве главного источника трудового права.

Л.С. Таль называл коллективным или тарифным договором соглашение между группой или союзом рабочих и отдельными работодателями или их союзом, устанавливающее содержание будущих рабочих договоров на случай заключения таковых этими работодателями и членами группы или союза [9. С. 7]. Я.А. Канторович определял коллективный, или иначе называемый тарифный договор в качестве соглашения между профессиональным рабочим союзом (или группой рабочих данного предприятия) и отдельным работодателем или группой работодателей относительно содержания личных (трудовых) договоров, которые имеют быть в будущем заключены между этими работодателями и отдельными членами этого профсоюза или этой группы рабочих [10. С. 17]. А.Ф. Нурдинова предлагает обобщающее понятие коллективно-договорного акта, который представляет собой нормативное соглашение, заключаемое работодателем (работодателями) и представительной организацией (представительными организациями) работников об условиях труда и правилах сотрудничества [11. С. 11]. Г.А. Рогалева определяет нормативное соглашение между работниками и работодателем как особый вид правового акта, принимаемого в договорном порядке. Оно сочетает в себе черты договора и нормативно-правового акта, содержит взаимные обязательства сторон, действует в течение установленного срока (является нормативно-правовым актом временного действия) [12. С. 130]. С.Ю. Чуча относит к числу правовых актов социального партнёрства не только соглашения разного уровня и рода, коллективные договоры, но и иные нормативные акты, регулирующие трудовые отношения, при принятии которых так или иначе учитывается мнение работников или их представителей, в том

числе и в органах социального партнёрства [13. С. 73]. Ст. 40 Трудового кодекса РФ определяет коллективный договор как правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей [14].

Опрос показал, что среди профсоюзных лидеров нередко наблюдается принижение роли этого документа¹. Достаточно часто коллективный договор рассматривается как формальный документ, содержание которого полностью повторяет предшествующие договора и вышестоящие соглашения. Безусловно, такой подход нередко является причиной снижения на ряде предприятий значения коллективного договора, как основной формы социального партнёрства, низкого авторитета профсоюзных организаций среди работников.

Исследование показало, что члены профсоюза недостаточно информированы о содержании и выполнении коллективных договоров, крайне мало привлекаются к их разработке, на местах отсутствует планомерно проводимая процедура выполнения достигнутых соглашений. Поэтому, как считают эксперты, следует наладить постоянный контроль за выполнением коллективных договоров. Данный контроль характеризуется как процесс обеспечения управляемой системой адаптации к рыночным условиям и предупреждения социальных конфликтов.

Результаты экспертного опроса подтверждают, что одним из главных и эффективных инструментов в защите интересов работников предприятия, по мнению экспертов, является коллективный договор. Наличие на предприятиях коллективных договоров позволяет говорить о возможности соблюдения социальной справедливости и интересов работников, при которых профсоюзной организации принадлежит приоритетное место. Коллективный договор рассматривается как инструмент, при помощи которого работники могут требовать для себя от работодателей льготы и компенсации. Заключенный колдоговор позволяет рассматривать предприятие как социально ответственное и ориентированное на трудовой коллектив. Правда, не учитывается тот факт, что коллективный договор является правовым актом, регулирующим социально- трудовые отношения, и в го-

Таблица 1

Как Вы оцениваете степень реализации на вашем предприятии положений соглашений (коллективных договоров)? (Frequency Exp.)

Степень реализации	Генеральное соглашение	Отраслевое соглашение	Региональное соглашение	Коллективный договор
Полностью реализуется	2	3	2	10
Реализуется частично	11	12	8	6
Не реализуется	-	-	-	-
Ничего не знаю	-	1	1	1
Затруднились ответить	3	1	4	1

раздо меньшей степени актом, обязывающим работодателя предоставлять работникам те или иные преференции в социальной сфере (путевки работникам и членам их семей, оздоровительные мероприятия и т.п.) [15. С. 17].

Анализ практики заключения коллективных договоров показывает, что на сегодняшний день для ряда трудовых коллективов газо- и нефтедобывающего комплекса особое звучание приобретает и такая форма коллективного договора как - генеральный коллективный договор (коллективное соглашение). Данный нормативный акт упреждает по ряду позиций общее правовое регулирование социально-трудовых отношений, намечая тем самым ориентиры его необходимого развития. Существенной особенностью соглашения является то, что, оно открыто для присоединения к нему работодателей и работников любых контролируемых компанией организаций. При этом желательно, чтобы в последствии оно приобрело общеобязательный характер.

Следующим по степени значимости по оценкам экспертов являются *процедуры согласования интересов на отраслевом, региональном, общегосударственном уровнях между объединениями работодателей и профсоюзами*. Именно с учетом этого обсуждаются главные вопросы и основные направления социально-экономической политики предприятия, разрабатываются критерии социальной справедливости, меры по защите интересов субъектов трудовых отношений. Вместе с тем, оценка реальной ситуации фиксирует приоритет местного уровня - коллективные договора. Подчеркивается, что генеральное соглашение страдает декларативностью.

Сравнительный анализ степени реализации положений исследуемых соглашений и коллективных договоров позволяет отметить, что большинство экспертов считают, что они ре-

ализуются. Вместе с тем, подчеркивается, что реализация обязательств соглашений зависит от работы на каждом профсоюзном уровне. Распределение оценок «колеблется» вокруг позиций «полностью реализуется» и «реализуется частично». С повышением статуса соглашения возрастает число тех, кто был убежден, что реализация этих документов происходит частично. И, наоборот, на местном уровне трудовые коллективы обладают непосредственными формами контроля, оценки степени реализации положений коллективных договоров, корректировки их с учетом местных особенностей. Установлено, что на «частичную реализацию» соглашений влияет не только территориальная и отраслевая специфика, но и социально-экономическая ситуация в стране.

Первое место среди оценок респондентов и экспертов, основные причины невыполнения соглашений и коллективных договоров, разделили такие позиции как *финансовые, материальные сложности и отсутствие настойчивости со стороны профсоюзов*. Второе место занимает - *нестабильность работы предприятия и отрасли*. Полученное распределение ответов говорит о том, что здесь отражены и субъективные и объективные причины, т.е. непосредственно зависящие от деятельности профсоюзных организаций на местах, и не зависящие от неё.

Особое место здесь, как считают участники опроса, занимает позиция профлидера. Отличительной чертой профессионального профсоюзного лидера в выполнении положений коллективного договора являются настойчивость и активность в достижении намеченных целей. В то же время их отсутствие создает серьезные проблемы для рядовых членов.

Вместе с тем, значительное число ответов, определяют в качестве основной причины невыполнения коллективных договоров и согла-

Таблица 2

Готовы ли Вы прибегнуть к жестким формам давления в поддержку требований о полной реализации работодателем обязательств, соглашений и коллективных договоров?

Варианты ответов	Frequency Exp.	Total, %
Да	14	45
Нет	4	28
Затруднились ответить	-	22

шений финансовые и материальные сложности. Кроме того, значительное число респондентов отмечает в качестве основных другие «внешние» причины, а именно: нестабильности производства, девальвацию национальной валюты. Если принято во внимание, что ответы на вопросы анкеты давали профсоюзные работники, то можно констатировать что основной причиной как раз и является отсутствие настойчивости со стороны профсоюзов, осознанной 50% респондентов, и не осознанной остальными. 21% и 12% респондентов относят к основным причинам невыполнения соглашений и коллективных договоров отсутствие инициативы со стороны администрации и властных структур соответственно.

Одним из главных субъектов партнерских отношений в переговорном процессе выступает работодатель. Социальное партнерство не является необходимым условием достижения им максимально возможной прибыли. Нередко работодатели уклоняются от переговорного процесса, используют различные пробелы в существующем законодательстве. Поэтому побудительным моментом для успешного ведения переговорного процесса является - сильный профсоюз, который использует потенциал солидарности не только на местном уровне, но и на более высоких уровнях социального партнерства. Только совместные согласованные действия с другими профсоюзами, с трудящимися способны заставить работодателей сесть за стол переговоров. Анализ данных о составе трехсторонних комиссий свидетельствует о разнообразии форм представительства, как объединений предпринимателей, так и профсоюзов. В условиях, когда работодатели объединяются на региональном и отраслевом уровнях, профсоюзы не должны быть разобщенными. Сплоченность и солидарность вот те необходимые условия, при которых возможно добиться не только заключения, но и выполнения соглашений и коллективных договоров.

Анализ полученных оценок форм взаимоотношений с работодателями и собственниками показывает, что на местах склонны использовать «мирные» способы взаимодействия с работодателями и собственниками: «конструктивные переговоры на основе взаимных уступок», «конструктивные переговоры, но до известных пределов». По мнению экспертов, такие формы взаимодействия позволяют произвести коренные перемены в организации и увеличить участие трудового коллектива в управлении наиболее разумным и эффективным способом.

В этой связи особую актуальность приобретает использование профсоюзными лидерами потенциала активных действий в защиту интересов трудового коллектива. Так, опрос показал, что значительное большинство респондентов склоняются к использованию активных действий с целью полной реализации обязательств соглашений и коллективных договоров. Значительно меньшая часть респондентов считает эти действия со стороны профлидеров нецелесообразными. Такая позиция на местах, по-видимому, обусловлена низким уровнем активности членов профсоюза.

Среди форм давления приоритетные позиции: *проведение собрания, пикетирование органов государственной власти*. Примечательно, что *проведение забастовок и приостановка работы* занимают последнее место. Это обусловлено тем, что их рассматривают не только, как крайние формы борьбы, но и возможностью использования целого арсенала других альтернативных методов борьбы. Представленный оценочный ряд позволяет говорить о том, что профсоюзные лидеры ориентируются, прежде всего, на действия и формы давления, которые не только имеют право называться легитимными, но и позволяют обеспечить солидарную поддержку большинства трудящихся.

Распределение по экспертным оценкам несколько отличается от распределения ответов респондентов. На местах в большей степени

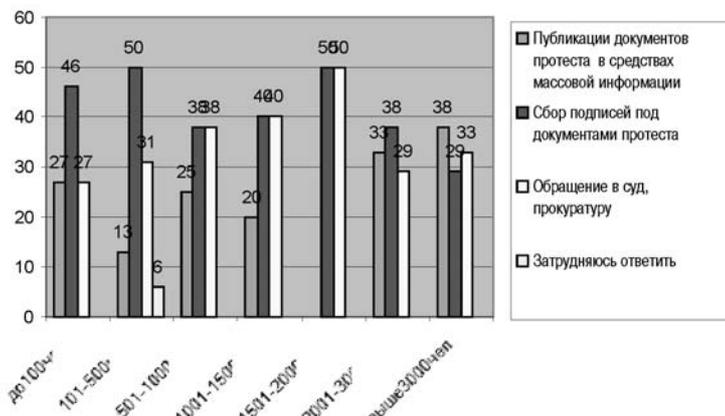

Диаграмма 1. Сравнительное распределение оценок респондентов в зависимости от численности профсоюзной организации

Таблица 3

Имеется ли у руководства вашего предприятия продуманная программа действий в нынешней ситуации?

Варианты ответов	Frequency Exp.	Total, %
Да, имеется продуманная программа	14	44
Нет никакой программы, действует под влиянием обстоятельств	2	20
Имеются только самые общие представления	1	6
Затруднились ответить	2	13

Таблица 4

Как Вы оцениваете исполнение на вашем предприятии законов, регулирующих социально-экономическое положение работников?

Варианты ответов	Frequency Exp.	Total, %
В основном они выполняются	16	83
В основном они не выполняются	1	8
Не знаю	-	0
Затруднились ответить	1	4

склоняются к «мирным» формам борьбы. Приоритет отдается при этом «проведению собраний» и «сбору подписей под документами протеста».

Характерно, что на выбор форм борьбы существенное значение оказывает статус профработников. Так, освобожденные профработники гораздо чаще, чем неосвобожденные, высказывались за использование различных активных форм борьбы, выходящих за рамки конкретной организации: проведение митингов, демонстраций, уличных шествий, публикация документов протеста в СМИ, обращение в суд, прокуратуру и т.д. Анализ оценок респондентов в зависимости от стажа работы в профсоюзной организации существенных изменений не выявил. Вместе с тем, с увеличением материального благо-

состояния возрастает число тех респондентов, которые будут стремиться обратиться за помощью в государственные органы, собирать подписи под документами протеста.

В ходе опроса была выявлена определенная согласованность позиций экспертов и респондентов. Большинство респондентов указали, что у руководства предприятий на местах имеется продуманная программа действий. Исполнение законов, регулирующих социально-экономическое положение работников, оценивается экспертами и респондентами также высоко. Социально-экономическая ситуация по десятибалльной шкале оценивается как позитивная. Однако в ходе опроса экспертами было указано, что нередко планы администрации и планы профсоюзного комитета по социально-эко-

Таблица 5
В какой мере коллективный договор вашего предприятия связан с региональным соглашением?

Варианты ответов	Frequency Exp.	Total, %
Полностью повторяет содержание	-	2
Повторяет некоторые положения	8	37
Улучшает положение работников	6	31
Ухудшает положение работников	-	-
Никак не связан	1	18
Затруднились ответить	1	12

номическому развитию все же расходятся. Перспективное экономическое развитие предприятия часто несогласованно с мероприятиями по социальному развитию трудового коллектива. Присутствующие диспропорции в программах развития предприятий объясняются максимизацией работодателем своего денежного дохода и нежеланием иметь на переговорах альтернативной точки зрения. Задача профлидеров при этом заключается в том, чтобы во время переговорного процесса всеми имеющимися способами убедить работодателя в неизбежности заботы о работниках, как неперемennom условии развития цивилизованных социально-трудовых отношений.

Для работодателя социальная ответственность это не только дополнительные обязанности, гарантирующие защиту организации от забастовок, но и залог его успешного развития. Продуманная программа действий, учитывающая интересы партнеров - это инструмент для реализации перспективных планов организации, защиты ее от социальных рисков. Это является результатом взаимодействия различных интересов, воле, которые либо совпадают, либо уступают друг другу, либо синтезируются в нечто третье [16. С. 13].

Побудительным моментом для успешного проведения переговорного процесса является активная позиция профсоюзов. Одним из направлений такой позиции служит инициативность профсоюза в выдвижении и пролонгации требований работников. Результаты опроса экспертов и респондентов подтверждают активность профкомов в решении вопросов об удовлетворении требований работников. Они выступают с предложениями не только при подготовке колдоговора, но и в других случаях. Это, безусловно, положительно сказывается на имидже и авторитете профсоюзной организации.

В ходе опроса установлено, что ситуация в различных регионах по уровню охвата на местах региональными соглашениями не одинаковая. Опрос показал, что большая часть респондентов склоняется к тому, что коллективный договор повторяет лишь некоторые разделы регионального соглашения, а также улучшает положение работников.

Безусловно, недостаток информации о региональном соглашении не всегда позволяет точно говорить об определенных трудностях, связанных с реализацией его положений на местном уровне, а также его содержательном наполнении.

Следует остановиться и на таком важном «сквозном» показателе, который должен быть отражен в коллективных договорах, как соотношение между минимальной заработной платой и прожиточным минимумом. Несмотря на свою согласованность с требованиями регионального уровня, в коллективных договорах все же наблюдаются некоторые пробелы, как в экономической, так и в правовой сферах.

Состав экспертной группы был разделен примерно поровну на тех, кто принимал участие в разработке и заключении регионального соглашения и тех, кто не принимал участия. Вместе с тем, по отраслевым соглашениям наблюдается смещение распределения в сторону тех, кто не принимал участие в разработке и заключении отраслевого соглашения. Среди респондентов, по обоим видам соглашений чаще всего упоминалась позиция «нет».

Полученная картина свидетельствует о том, что одной из специфических проблем переговорной кампании остается сложности работы среднего звена социального партнерства - регионально-отраслевого уровня. Недостаточная представленность позиции председателей профкомитетов предприятий на регионально-отраслевом уровне является следствием как объ-

ективных, так и субъективных причин. Объективные причины связаны с наличием существенных различий между регионами и в условиях производства и доходах между отраслями и внутри отраслей. Это нередко становится серьезным препятствием на пути комплексной оценки ситуации в целом по отрасли и региону. Объективные причины кроются и в недостаточной работе отраслевых ЦК, председателей региональных объединений по информированию профсоюзных работников и профсоюзного актива на местном уровне о направлениях работы. Субъективные причины связаны с нежеланием профсоюзных лидеров менять что-либо, с потерей имиджа профсоюзных работников в глазах рядовых членов. Недопустимым является то, что ряд профсоюзных организаций не заботится об укреплении своей позиции в коллективах, на переговорах. О позиционировании профсоюзной организации вспоминается лишь в критических случаях, чреватых социальной напряженностью.

Несмотря на то, что в последнее время содержание региональных соглашений становится все более конкретным, профсоюзные объединения и администрация регионов пытаются разрабатывать механизмы их более полной реализации, рассчитанное не на какой-либо индивидуальный случай, а на все подобные случаи или всех лиц, обладающих определенными признаками [17. С. 18]. И, тем не менее, во многих случаях они по-прежнему имеют декларативный характер. Главное место в них отводится вопросам социальной защиты населения. И в большинстве случаев четко не прописываются механизмы их реализации. Однако уже сейчас имеется позитивный опыт заключения таких соглашений, подразумевающий разграничение полномочий и ответственности сторон. Значительное место в таких соглашениях уделяется вопросам тарифного регулирования оплаты труда на региональном уровне.

Региональные (территориальные) соглашения в части регулирования вопросов труда в значительной степени ориентированы на интересы бюджетных отраслей.

Отраслевые соглашения носят более локальный в экономическом плане характер, чем региональные соглашения и затрагивают более узкий круг вопросов. При этом в отраслевых со-

глашениях, как правило, регулирование проблем социальной сферы сведено к минимуму.

Вместе с тем, очевидно, что без взаимной увязки и поддержки, решение как преимущественно отраслевых проблем: зарплата, ее индексация, условия и охрана труда, так и проблем преимущественно региональных, касающихся социальной сферы, проблематично.

Так, зарплата бюджетников, базируется на налоговых поступлениях, прямо связанная с уровнем заработной платы и подоходного налога в коммерческом секторе. Безработица, оказывающая резко отрицательное влияние на состояние социальной сферы региона берет начало в реструктуризации отраслей. Дисбаланс в уровнях оплаты труда в различных отраслях, так же являющийся потенциальным источником напряженности, может быть отрегулирован только на межотраслевом уровне и т.д.

Отдельно необходимо остановиться на предпочтительных формах участия сторон (и, прежде всего, профлидеров) в разработке и заключении соглашений.

Не секрет, что коллективные акции нередко носят ситуативный (спонтанный) характер, требуют особой подготовки и являются крайней мерой, поэтому можно считать положительным тот факт, что профсоюзные лидеры склоняются к использованию в первую очередь возможных легитимных способов не «силового» участия. Показательно и то, что по оценкам экспертов проявляется достаточно высокая готовность к использованию разнообразных форм и методов участия в колдоговорной кампании, то есть способности выступать в качестве субъекта правотворческого процесса, быть субъектом правотворчества [18. С. 362]. По видимому эта форма мало перспективна как самостоятельная, ибо рассматривается в контексте «бюрократической» формы.

Экспертные оценки показывают, что большая часть председателей профсоюзных комитетов не принимала участие в разработке Генерального соглашения. Однако среди тех, кто принимал участие, наиболее часто называется такая форма, как внесение предложений в письменном виде. Низкая степень участия обусловлена тем, что Генеральные соглашения рассматриваются как трехсторонние декларации о намерениях, поэтому стороны социального партнерства не стремятся участвовать в их подго-

товке и не торопятся реализовывать. Некоторые органы власти и местного самоуправления еще не воспринимают достигнутые соглашения как обязательный юридический акт, невыполнение которого чревато применением санкций. Поэтому целесообразным является установление порядка, при котором достигнутые договоренности на федеральном уровне были бы обязательными для исполнения на других уровнях. Этому будет способствовать не только контроль над выполнением достигнутых договоренностей, но и четкое выполнение последовательности работ по подготовке и заключению соглашений и коллективных договоров.

Поддержка вышестоящих профсоюзных органов очень важна в процессе отстаивания выдвигаемых требований. Однако эксперты оценили реальную степень взаимодействия как крайне низкую. Большинство из них склоняются к тому, что председатели профсоюзных комитетов контактов не имеют за исключением ситуативных контактов на региональном уровне.

Примерно так же обстоит ситуация в оценке контактов с властными структурами. Степень взаимодействия председателей профкомов с ними эксперты оценили как *неудовлетворительную*.

Участники опроса так аргументировали свою позицию: «...нередко переговорный процесс начинается и заканчивается на одном уровне - локальном»; «не существует механизмов распространения соглашений»; «принцип равноправного сотрудничества размыт». По оценкам экспертов на местах складывается «патовая» ситуация, когда работодатели для подписания коллективных договоров «ждут», от председателя профкомов соглашения (территориальные, региональные, отраслевые), те же не могут их представить вследствие того, что их пока еще нет. Вместе с тем региональные и отраслевые соглашения не всегда можно взять за основу, т.к. они не всегда жизнеспособны и не учитывают реального положения на местах: «полная безответственность, т.к. нет четких задач на уровне города, района, области и т.д.»

Конкретизация договоренностей по выполнению взятых обязательств на федеральном уровне также оставляет желать лучшего. Проводимая государственными органами реструктуризация негативно сказывается на установившихся контактах.

От государства требуется, прежде всего, законодательное содействие становлению слаженной системы переговорной кампании, формированию правового поля взаимодействия работников и работодателей. Отсутствие на федеральном уровне полноценной законодательной базы, регулирующей переговорный процесс, приводит к тому, что необходимые законодательные акты принимаются на региональном уровне в рамках системы трехстороннего сотрудничества. Характерно, что эти законы носят не только общий характер, но и регламентируют экономическую деятельность региона.

Таким образом, на сегодняшний день согласование действий носит номинальный характер, отсутствует единство трех функциональных элементов: нормативы, контроль, исполнение. Не следует также забывать, что на уровне заключения коллективных договоров большое влияние оказывает заинтересованность администрации, которая может выражаться в инициировании специальных программ поддержки социально-экономического комплекса; проведении совместных конференций с приглашением представителей объединений работодателей, профсоюзов. Причем представители профсоюзной стороны и работодатели могут входить в состав Комиссий по ряду проблем: неплатежеспособности предприятий, сохранения рабочих мест, банкротству, задолженности, использования иностранной рабочей силы, распределения жилья, организации культурного и спортивного досуга, отдыха детей и другие.

Многие территориальные профобъединения и активно взаимодействуют со своими членскими организациями - территориальными организациями отраслевых профсоюзов, проводя обучение по вопросам переговорной кампании, организуя поддержку переговоров, координируя при этом свои действия с Центральными комитетами.

Вместе с тем, результаты экспертного опроса позволяют говорить о том, что оценки экспертов разделились на две группы. С одной стороны, есть мнение о том, что с указанными нормативными соглашениями знакомы на местах (на уровне первичной организации - профсоюзного комитета) и таких большинство. При этом уместно говорить о тех, кто владеет информацией в полном объеме, и тех, кто владеет в общих чертах. С другой стороны, выделяется

группа экспертов, которая считает, что информацией на местах не владеют (ничего не знают, либо затруднились с ответом на вопрос – таких немного). Неудивительно, что среди этой группы были эксперты, которые представляли небольшие по численности профсоюзные организации. По-видимому, нужно не только, чтобы данные нормативные соглашения были на столах у профсоюзных работников более высокого уровня, но и у председателей первичных комитетов.

Вполне понятна конфиденциальность работы в отраслях и субъектах федерации по заключению соглашений. Однако, по нашему мнению, следует вести систематическую работу, о которой следует информировать представителей смежных профсоюзных организаций. К сожалению, такого на практике не происходит. И если это есть, то только в порядке исключения.

Исследование показало, что члены профсоюза недостаточно информированы о содержании и выполнении коллективных договоров, крайне мало привлекаются к их разработке, на местах отсутствует планомерно проводимая процедура контроля выполнения достигнутых соглашений. Поэтому следует наладить постоянный контроль над выполнением коллективных договоров. Контроль над выполнением коллективных договоров характеризуется как процесс обеспечения управляемой системой адаптации к рыночным условиям и предупреждения социальных конфликтов.

Для создания единых рамок проведения переговорной кампании необходимо наладить согласованную структуру - коллективный договор, отраслевое, территориальное и региональное соглашения. Нередко устанавливаемая вышестоящими соглашениями зарплата, не имеет влияния на реально выплачиваемую зарплату работникам предприятия. В этой связи учет территориального и отраслевого аспектов на локальном уровне должен способствовать активизации коллективно-договорного регулирования на уровне каждого предприятия. Исходя из этого, одним из важных разделов в трехстороннем территориальном соглашении должно стать тарифное соглашение, определяющее и гарантирующее обеспечение минимального уровня оплаты труда работников отраслей, находящихся на данной территории. Причем на локальном уровне следует предусмотреть возможность

вести переговоры по различным ставкам оплаты труда, в зависимости от экономической ситуации на предприятии и с усложнением положений тарифного соглашения.

Низкая степень взаимодействия свидетельствует об отсутствии четко спланированных механизмов проведения единой переговорной кампании. Большие упущения имеются как в методологическом, так и в технологическом плане (отсутствуют: систематизация опыта по проведению единой переговорной кампании; четкая стратегия действий на различных уровнях, нет нормативные документы учитывающие территориально-отраслевую специфику и др.).

Результаты коллективных переговоров лишь тогда окажутся действенными, когда они будут вестись с соблюдением сроков инициирования соглашений на всех вышестоящих уровнях социального партнерства. В таком соглашении должны содержаться следующие показатели: минимальная месячная тарифная ставка первого разряда бюджетных и внебюджетных отраслей, межотраслевые соотношения минимальных месячных тарифных ставок работников основных профессий внебюджетной сферы; распределение категорий и должностей работников по квалификационным разрядам, перечень и диапазон разрядовых отраслевых профессий и должностей работников.

Данные исследования позволяют прийти к заключению, что сегодня на представителях сторон коллективных переговоров лежит большая ответственность за качество содержания коллективного договора. Генеральное соглашение на федеральном уровне, отраслевые и региональные соглашения служат в настоящее время политическими и социально-экономическими предпосылками заключения коллективного договора на локальном уровне. Опрос показал, что наибольшее значение для партнеров по переговорам имеет взаимная ответственность сторон по выполнению взятых на себя обязательств.

В этой связи для совершенствования коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, целесообразно проводить анализ и проверку выполнения коллективных договоров (соглашений). Если взаимные обязательства не остаются на бумаге, а реально выполняются, то повышается исполнительская дисциплина, а социальные партнеры становятся более ответ-

ственными. В этой связи для проведения проверки целесообразно в городах и районах создавать территориальные комиссии, к работе которых имеет смысл привлекать представителей: отраслевых администраций, профсоюзов, инспекций по труду, других правовых органов надзора.

Литература

1. Collective Bargaining in industrialized market economies: A reappraisal. Geneva: ILO. 1987. 334 p.
2. Татарникова С.Н. Коллективный договор: разработка, заключение, контроль за выполнением: Учебное пособие. М., УИЦ МФП. 2013. 134 с.
3. Догадов В.М. Очерки трудового права. Л., Прибой. 1927. 163 с.
4. Киселёв В.Н., Смольков В.Г. Социальное партнёрство в России: специфика и основные проблемы становления в период рыночных реформ. М., Луч. 1998. 164 с.
5. Гурьянова Л.П. Теория и практика заключения коллективных договоров. М., АТиСО. 2003. 142 с.
6. Шهبанова А.И. Коллективные договоры как одна из форм социального партнёрства. Договоры о труде в сфере действия трудового права. М., Проспект. 2010. 246 с.
7. Соловьёва А., Ставницкий А. Коллективный договор. Содержание, порядок заключения, выполнение. М., Профиздат, 1992. 64 с.
8. Киселёв И.Я. Сравнительное трудовое право: Учебник. М., ТК Велби. Проспект. 2005. 263 с.
9. Таль Л.С. Тарифный (коллективный) договор как институт гражданского права. СПб.: Тип. т-ва «Общ. польза», 1909. 54 с.
10. Канторович Я.А. Коллективный договор. Л.: Изд-во Ленингр. губерн. совета профсоюзов, 1925. 194 с.
11. Нуртдинова А.Ф. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 41 с.
12. Рогалева Г.А. Локальное регулирование условий труда и система источников трудового права. М.: Интел-синтез АПР, 2003. 152 с.
13. Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 307 с.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 20.12.2018).
15. Рабинович-Захарин С. Русский коллективный и германский тарифный договор // Гюк А. Тарифный (коллективный) договор по германскому праву. М.: Рик, 1924. С. 4-18.
16. Волк Е.А., Костевич К.С., Томашевский К.Л. Коллективные договоры и соглашения как источники современного трудового права (теория и практика). Минск: Амалфея, 2012. 292 с.
17. Антонова Л.И. Локальное правовое регулирование. Л.: Наука, 1985. 151 с.
18. Общая теория государства и права: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Право. М.: Юрид. лит., 2007. С. 816.

Ссылки:

Вид исследования – экспертный и пилотажный опрос, *инструментарий исследования* – анкетирование респондентов. *Состав экспертов*: руководители территориальных организаций объединенных профсоюзов, работники аппарата ЦК профсоюза, председатели профкомов предприятий, их заместители, а также в качестве экспертов выступали специалисты, хорошо владеющие предметом исследования. Респонденты представляли различные субъекты РФ: Республика Башкортостан; Республика Карелия; Республика Саха (Якутия); Республика Татарстан; Республика Хакасия; Брянская область; Вологодская область; Псковская область; Самарская область; Свердловская область; Тульская область; Удмуртская республика; Ульяновская область; Ярославская область. Города федерального значения: Москва; Санкт-Петербург. *Сроки опроса*. Опрос проводился с 27 августа по 29 ноября 2018 года сотрудниками кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. *Цель исследования* - изучение особенностей проведения единой переговорной кампании и влияющих на неё условий для разработки рекомендаций по совершенствованию единой переговорной кампании на уровне первичной профсоюзной организации. *Объект исследования* - единая переговорная кампания и условия её определяющие на уровне первичной профсоюзной организации в различных субъектах РФ. *Предмет исследования* - система механиз-

мов успешного ведения переговоров. *Гипотеза исследования* - успех ведения единой переговорной кампании существенно зависит от степени информированности профсоюзных работников на уровне организации о состоянии складывающихся социально-трудовых отношений. *Основные задачи*: 1. Оценить степень информированности профсоюзных работников о механизмах социального партнерства. 2. Проанализировать субъективные и объективные факторы, препятствующие эффективному проведению переговоров. Определить взаимосвязь между различными уровнями социального партнерства в целях эффективной реализации единой переговорной кампании. *Выборка*: общее число опрошенных составило 216 человек. Respondенты представляли следующие сферы деятельности: авиация; жилищно-коммунальное хозяйство; здравоохранение; культура; металлургия; нефтехимия; оборона; образование; связь; сельское хозяйство; строительство; судостроение; транспорт; угледобыча; химия. При

определении объема выборочной совокупности использовались принципы конструирования малой выборки, а также экономико-статистический экспертный анализ. Эмпирические данные обрабатывались с помощью программ Excel и IBM SPSS Statistics 22, вслед за этим осуществлялся их содержательный анализ. *Метод сбора информации* — сбор первичной информации осуществлялся методом стандартизированного анкетирования по месту работы и учебы респондентов (самостоятельное заполнение анкеты экспертами).

Содержание анкеты можно разбить на такие логические блоки: 1. Вопросы, касающиеся процедуры разработки, принятия и заключения коллективных договоров и нормативных соглашений, а также оценка их содержания. 2. Вопросы, касающиеся действия социальных партнеров в единой переговорной кампании. 3. Технология успешного проведения переговорной кампании. 4. Соотношение и взаимосвязь различных уровней переговорного процесса. 5. Сведения об экспертном составе.

Боль и болезнь как социальные явления

Полушкевич О.А.

В статье рассматривается боль и болезнь как социальные явления. Выявляются индивидуальные и коллективные мотивы, формы и стратегии их проявления, рассматриваются системные модели развития отношения к боли и болезни пациентов хосписа. В работе прослеживается значение социальных смыслов в переживании боли и болезни при коллективной и индивидуальной стратегии. Автор делает акцент на социальные модели оправдания, прощения, вины, отчуждения, которые актуализируются при переживании боли и болезни в современном обществе. Также проявляются такие стратегии восприятия боли и болезни как чужая боль / чужая болезнь, своя боль / своя болезнь, болезнь – проклятье / боль – проклятье, болезнь – дар / боль – дар. Выделяются индивидуальные и коллективные формы их возникновения, проявления и развития. Цель статьи – показать социальные основы боли и болезни, а также формы и способы их социального проявления (помимо личного и коллективного переживания чувства боли и болезни как таковой). В эмпирической части статьи приводятся результаты качественного исследования пациентов хосписа, позволившего очертить основные ориентиры восприятия боли и болезни в современном российском обществе. Ключевые слова: боль, болезнь, социальная оценка, коллективная боль, индивидуальная боль

Polyushkevich O.A.

Pain and illness as social phenomena

The article deals with pain and illness as social phenomena. Individual and collective motives, forms and strategies for their manifestation are revealed, systemic models of the development of attitude to pain and illness of hospice patients are considered. In the work, the significance of social meanings in the experience of pain and illness under collective and individual strategies is traced. The author focuses on social models of justification, forgiveness, guilt, alienation, which are actualized in the experience of pain and illness in modern society. Also such strategies of perception of pain and illness as other people's pain / another's disease, their pain / illness, curse / pain-curse, disease-gift / pain-are manifested. Individual and collective forms of their emergence, manifestation and development are singled out. The purpose of the article is to show the social bases of pain and illness, as well as the forms and ways of their social manifestation (apart from personal and collective experience of the feeling of pain and illness as such). The empirical part of the article presents the results of a qualitative study of hospice patients, which made it possible to outline the main guidelines for the perception of pain and disease in modern Russian society.

Key words: pain, illness, social evaluation, collective pain, individual pain

В обществе неоднозначно оцениваются больные люди. Актуальной проблемой является включение больных людей и целых групп в социальные практики, активное взаимодействие. Личность человека или характеристика группы людей выступает своего рода маркером, по которому мы можем судить о восприятии боли и болезни как социальных категорий (при этом они всегда остаются индивидуально-личностными формами переживания).

Переживание боли и болезни часто зависит от воспитания воли и силы духа человека. Одни не могут не проявлять боль в виде крика, стоны или другой внешней реакции, другие могут молчаливо ее терпеть, погружаясь в себя, третьи прятаться за шутками и смехом.

В данной работе автор попытался показать две стратегии – индивидуальную и коллективную – как способы преодоления боли и переживания болезни. Данное деление условно и требует большей проверки временем и количеством респондентов, но позволяет судить о возможностях развития социологии медицины, социологии здоровья и болезни в научном пространстве.

Методология и методы исследования

В социологии существует расхождение мнений с позиции феноменологических и структурных подходов в отношении и оценке боли и болезни. Они противоположно объясняют условия и факторы проявления боли и болезни, а также дают неоднозначную социально-психологическую оценку ее проявления.

В трудах Т. Парсонса болезнь рассматривается как отклонение от нормы (болезнь – девиация, а терапия – средство социального контроля). В данном взаимодействии и врач и паци-

ент могут идти на разные системы игрового поведения для того, чтобы достигнуть своих целей (для пациента не всегда выздоровления, а для врача не всегда лечения, возможны такие мотивы как самоутверждение, жертвенность и т.д.). Болезнь это то, что не позволяет индивиду активно осуществлять свои функции, требует контроля и внимания [23]. Меняется среда, условия и формы социальной активности больного. Боль в данном случае является инструментом достижения своих целей.

Феноменологический подход предполагает рассмотрение боли и болезней через призму души и тела. Они переплетены в когнитивных и аффективных состояниях восприятия и переоценки прежнего опыта (Г.Р. Хайдарова [20,21], Е.С. Подстрешная [10], О.А. Полюшкевич [11, 12, 13], Ж.В. Савельева [14,15], В.А. Скуденков [16], А.С. Голтиб [4]).

Культурный аспект предполагает анализ того, как люди говорят о боли, какое оправдание находят и как себя ведет человек, испытывающий боль (А.В. Антохина [1], В.В. Козлов, М.В. Кукина [7]).

В рамках конструктивистского подхода выработывается монополия на легитимацию определения боли и болезни и выработку способов и средств ее терапии, также как и получения неких благ через болезнь (социальные и экономические льготы, скидки, пособия) – так называемый «ресурс болезни» (И.Б. Бовина [2], В.Л. Лехциер [8]).

Структурные подходы предполагают, что боль и болезнь появляются в определенное время и в определенном месте – выполняют свои задачи на социальном и личностном уровне. На социальном – уменьшая человеческие популяции (бубонная чума, оспа, холера в Средние века; СПИД в странах центральной Африки в конце XX века; новые вирусы гриппа, возникающие в разных точках мира – в XXI веке). На личном уровне – как реакция на психосоматические состояния или несоблюдение норм социальной безопасности через включение себя в маргинальные группы.

По нашему мнению, стоит соединять в объяснительную модель структурно-эмоциональные и ситуационные факторы, объясняющие мотивы предъявления боли как явления и как процесса в обществе. Данное явление может иметь психодинамическое проявление

«боли как внутреннего переживания» и «боли как внешнего проявления». Также имеет смысл говорить о боли и болезни как о личной форме реакции на внутренние процессы, и коллективной боли, вызванной социальными оценками, мнениями и действиями (социальная стигматизация за то, что ты не такой, каким должен быть – принадлежность к сексуальным меньшинствам, отгороженные от общения с ВИЧ-инфицированными и больными СПИДом, больными шизофренией, эпилепсией и другими психическими расстройствами, инвалидами и т.д.). Данные темы освещены в работах целого ряда авторов: И.Б. Бовина, Б.Г. Бовин [3], А.Н. Елсуков [5], А.К. Мамедов, Т.П. Липай [9], Ю.Л. Сироткин [17] и др.

В российской социальной научной практике данные работы достаточно ограничены. Хотя стоит признать, что имеются исследования, касающиеся социальной сущности болезни (Д.А. Изуткин [6], В.В. Козлов, М.В. Кукина [7], Г. Штайн-камп [22]), изучения «чужого», «другого» больного (Н.Е. Смирнова [18], Н.Д. Субботина [19]).

Данное исследование проходило в 2017-2018 годах, его базой стал Иркутский хоспис. В нем приняли участие 48 пациентов хосписа в возрасте от 18 до 65 лет, 25 женщин и 23 мужчины. На момент исследования в хосписе они находились от 2 до 6 месяцев.

Методом исследования выступило экспертное интервью. Вопросы, касающиеся боли и болезни, являлись лишь частью исследования. В силу ограниченности объема статьи другие данные не вошли в текст работы.

Результаты исследования

В нашем исследовании было выявлено несколько индивидуальных и коллективных стратегий восприятия боли и болезни. Они имеют общие смысловые черты и категории, так же как отличительные формы и символы развития. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Чужая Болезнь / Чужая боль

Болезнь как явление, воспринимаемое со стороны. Явление которое происходит с Другим человеком, не со мной. Когда больной не говорит о своей боли или болезни, а опирается на то, что боль и болезнь есть у других и как им что-то надо сделать, чтобы от ее избавиться, показывает нам желание отгородиться, не включаться в группу больных. Своего рода внутрен-

няя стигматизация. Внешне не признавать себя как такого же больного.

Индивидуальная стратегия: «Конечно, тяжело смотреть на то, как другие страдают, а ты ничем не можешь помочь, но это дает надежду самому себе, что все не так плохо, и у тебя есть надежда на более лучшую и счастливую жизнь» (М.И., 27 лет). «Чужая боль всегда сравнивается со своей. И как бы жестоко это не казалось, но именно это дает силы жить – преодолеть, потерпеть, чтобы можно было показать другому – все проходит, и у тебя пройдет» (А.В., 33 года).

Коллективная стратегия: «Боль всегда выматывает, смотреть за чужой болью бывает невыносимо. Но помочь другому можно не персонально, а вообще – привлечь внимание посторонних к проблеме, показать, что надо нам помочь, вы сами можете тут оказаться» (О.Л., 46 лет). «Наша проблема в том, что все общество нас сторонится, а мы такие же люди, только живущие или доживающие с болью везде. И то, что нас сторонится, это делает еще хуже нам и нашим близким» (Т.Ю., 39 лет). «Когда была здорова – сторонилась больных людей, неважно с каким диагнозом, а сейчас сама очутилась в таком положении. От этого вдвойне тяжелей. Государство ничего не меняет, врачи тоже. СМИ – поддерживают зону молчания. Это прямо разговор против тех, кто на пороге смерти, но все никак не может закончить испытывать боль...» (Л.Л. 54 года).

Моя Болезнь / Моя боль

Признание болезни как личного опыта, личной экзистенции и рефлексии. «Моя болезнь» и «моя боль», как правило, делит жизнь на «До» и «После». Те, кто находится в группе «моя болезнь» и «моя боль», как правило, поддерживаются семьей и имеют внешнюю поддержку.

Индивидуальная стратегия: «Моя болезнь пришла как очищение от прошлого, она нужна была для понимания того, что важно и истинно в моей жизни, а что ложно и мимолетно» (И.Д., 41 год). «Я на многое смотрю другими глазами. Странно, наверное, говорить, что я рада, что прожила эту боль, да и сейчас не избавилась от болезни, но благодаря этому я живу в хосписе и помогаю другим – чем могу. Не знаю, сколько сама проживу, но у меня появился смысл жизни» (А.А., 52 года).

Коллективная стратегия: «Моя болезнь консолидировала моих близких вокруг меня, они едины как никогда, стали больше и лучше общаться. Это меня радует» (Н.Д., 59 лет). «После моей болезни мои родственники наконец-то расставили правильно жизненные приоритеты, то, что по настоящему важно и ценно, а что приходит со временем» (О.К., 48 лет). «После того как заболел – понял, что прежней жизни не будет. Да и вспоминать то не так уж много, о чем есть. И вот это расстраивает. То, зачем гнался – вмиг потеряло ценность после постановки фатального диагноза» (Р.Д., 44 года).

Болезнь-дар / Боль-дар

Болезнь-дар / Боль-дар – формирует систему оправданий почему и зачем это случилось, кому будет хорошо и что нужно еще успеть сделать.

Индивидуальная стратегия: «Моя болезнь – это настоящий дар, только благодаря ей я научилась прощать людей, что меня когда-то обидел, я отпустила многие проблемы, которые мне не давали покоя годами. Сейчас я живу с открытыми глазами, так как понимаю, что каждый день может стать последним» (В.К., 36 лет). «Интересно, но я много общаюсь с сестрой Маргаритой и теперь понимаю, что моя болезнь – это мое благословение на то, что мне наконец-то надо не только о себе, о своем теле думать, но и о душе, о помощи другим, о служении людям» (Г.Е., 45 лет).

Коллективная стратегия: «Моя болезнь и болезнь тех, кто находится в этом хосписе в том, что мы Другие, мы не такие, как все, плохо ли нам или хорошо – для мира это не важно, это важно для нас самих, так как это создает нашу общность. Для большинства тут находящихся больных людей они не нужны ни родственникам, ни соседям. Поэтому мы нужны друг другу, пока живы – чтобы могли держать друг друга за руку и давать свет и надежду на избавление от боли» (О.Д., 37 лет). «О нас знают остальные люди – как получается, я пишу посты в социальных сетях, помогает сестра Маргарита, когда сама не могу себя пересилить» (А.С., 22 года). «Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем. Наша сила в том, что мы являемся опорой друг для друга. Ошибка всех тех, кто находится за стенами, в том, что они думают, что никогда не попадут за эту стену. Они

ошибаются, как и я когда-то. Поэтому я веду живой журнал, когда могу пересилить боль» (Т.Б., 43 года).

Болезнь–проклятье / Боль–проклятье

Данная группа скорее негативно оценивает свой жизненный опыт, ее представители, как правило, покинуты родственниками и переживают свою боль и болезнь самостоятельно, часто негативно-пессимистично настроены.

Индивидуальная стратегия: «*Меня оценивает Бог – как я жила и как умру, кому помогла, от кого отвернулась. Тут тяжело. Боль закрывает весь свет. Но когда есть надежда и вера, все отсыпает. Это мое проклятье за то, что я не верила в Него, когда жила обычной жизнью*» (Т.И., 39 лет). «*Меня проверяет Бог на стойкость и на веру в него. Все к лучшему. Значит, мой урок скоро завершится. Но все же моя боль – это проклятье для моих родственников и для меня*» (С.С., 24 года). «*После заболевания я поняла, что никому не нужна: ни родне, ни государству. Человек рождается один – и умирает также один*» (А.П., 64 года).

Коллективная стратегия: «*Моя болезнь стала проклятьем, я чувствую, что их тяготил своим видом и присутствием. Поэтому я ушел, даже не сказав им, куда. Да меня никто и не искал*» (П.П., 60 лет). «*Болезнь уничтожила мою семью, от меня ушла жена, отвернулись дети, забыли друзья. Им нужны были деньги, а когда источник иссяк – я перестал быть нужным. Печально. Но болезнь стала проверкой на истинность тех, кто рядом со мной. Как выяснилось – таких не много и это совсем не те, кого я раньше считал своей семьей*» (А.Н., 54 года).

Те респонденты, которых мы отнесли к типу коллективных форм проявления боли, чаще указывали внешние причины своих болей и болезней: «*ухудшение экономического положения*», «*социальная нестабильность*», «*общественная несправедливость*» и т.д. Те, кого отнесли к индивидуальной форме – чаще вину за свою боль и болезнь берут на себя: «*безответственное поведение*», «*отсутствии личной ответственности*», «*бесшабашность*» и проч.

Интересна также оценка респондентов о том, на ком лежит ответственность за профилактику, лечение и излечение их самих и тех больных, кто находится рядом с ними. Первое

место занимает «государство» – 29%, «медицина, технологии, врачи» – 25%, «СМИ» – 22%, «сами пациенты» – 20%, другие структуры – 4%. Таким образом, при появлении множества частных клиник ответственность за здоровье людей, излечение от болезней и избавление от боли все еще лежит на государстве. Ответственность самих пациентов только на четвертом месте – нежелание отвечать за себя и свою жизнь даже у пациентов хосписа является калькой со всего общества, которые ищут тех, кто «должен» что-то для них делать. Следствие социально-психологических установок социального развития. Пассивное отношение к здоровью приводит к летальным последствиям в болезнях и тяжелым переживаниям болевых ощущений.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, мы можем видеть, что индивидуальные и коллективные формы проявления боли и болезни могут иметь различные мотивы, формы и способы проявления.

В табл. 1 представлено сравнение полученных данных, где индивидуальные и коллективные формы обладают разным семантическим смыслом.

Безусловно, мотивация, форма, характер и процесс проявления индивидуальной и коллективной боли отличается. В первом случае она строится на индивидуально-личностных и волевых характеристиках, во втором в большей степени опирается на социальные условия и рамки ее проявления. Коллективная боль значительно чаще становится лозунгом для достижения социальных прав и активной работы многих общественных некоммерческих организаций. Коллективная боль становится поводом и целью либо поддержания стигматизации, либо ее разрушения. В первом случае для получения неких благ, во втором – для выравнивания прав и возможностей. Стигматизация формирует либо специфическое социальное взаимодействие, либо социальный контроль.

Тогда как индивидуальная боль является поводом для изучения с позиции психологии или религии. Она выступает поводом для личной рефлексии и принятия того, что происходит с телом или духом человека (говоря о физических и психических болезнях).

Таблица 1
Индивидуальная и коллективная формы проявления боли и болезни

Форма	Индивидуальная	Коллективная
Чужая Болезнь / Чужая боль	Отдает / вдохновляет	Забирает / ограничивает
Моя Болезнь / Моя боль	Очищает / улучшает	Провоцирует / определяет
Болезнь-дар / Боль-дар	Воодушевляет / благословляет	Отличает / помогает
Болезнь-проклятье / Боль-проклятье	Оценивает / проверяет	Развенчивает / уничтожает

Больные часто находятся в ситуации депривации. Попадая под ореол «Другого», «опасного», «чужого» человека, это изменяет их отношение к себе и к миру, к боли и болезни своей и других. Одна или другая стратегия преодоления или привыкания к боли и болезни помогает выявить различные личные и коллективные черты, способствующие коллективной мобилизации и сплоченности.

И при индивидуальной, и при коллективной боли и болезни происходит отчуждение от общества. Но в первом случае это имеет интровертную форму обращения внутрь себя и переживание процесса в самом себе. Во втором – отчуждение может стать поводом для создания групп в социальных сетях, форумов, виртуальных и реальных акций, помощи кому-то в самом хосписе. Т.е. представители данной группы находят дополнительные смыслы в своей боли и болезни: помочь другим, собрав деньги на лекарства, помещения или что-то еще, рассказав о проблемах данной группы в СМИ, обозначив проблемное поле.

Вопросы стигматизации пациентов хосписа являются актуальными. Чтобы уменьшить данный социальный процесс, введения законодательных нормативов недостаточно, необходимо большее социально-психологическое просвещение, социальная реклама.

Дестигматизация – сложный процесс. Особенно из-за того, что желание отгородиться от стигматизированного индивида заложено бессознательно, но без целенаправленной государственной работы этот процесс не изменить. Необходимо формирование нового видения больных, развитие новых стратегий социальной коммуникации. При чем презентация данного дискурса должна происходить на разных уровнях и пространствах: от политичес-

кого обсуждения, до личного опыта, отраженного в СМИ.

Выводы

Таким образом, боль и болезнь имеют социальные корни. Индивидуальное переживание, восприятие, преодоление имеет свои стратегии и формы. Оно обеспечивает поиск внутренних мотивов и переживания того, почему, для чего и зачем это случилось. Боль и болезнь выступают поводом к рефлексии.

Коллективные переживания и восприятие боли и болезни на современном этапе общественного развития являются поводом для повышения социальной активности и возможностью заявить о себе как о таком же, как все, а не как о Другом.

Отношение к боли и больным людям должно измениться, так как это часть нашей жизни, часть общества, мы не можем просто игнорировать ее – от этого она не исчезнет. Поэтому необходимо трансформировать оценку, роль и значение больных людей, живущих в хосписах, дать им право на включение в общественные процессы, а не прятаться за стенами заведений, ставшими им последним пристанищем.

Литература

1. Антюхина А.В. Боль и страдание: философское осмысление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (30). С. 25-28.
2. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект-пресс, 2008, 256 с.
3. Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть 1) // Психология и право. 2013. № 3. С. 11-21.

4. Готлиб А.С. Нарративная медицина глазами российских врачей: попытка эмпирического анализа // Вестник Самарского государственного университета, 2010, №5(79), С. 64–70.
5. Елсуков А.Н. Стигматизация как средство омассовления информации // Социологические исследования. 2014. № 2 (358). С. 3-10.
6. Изуткин Д.А. Болезнь как форма отчуждения биологической природы индивида от его социальной сущности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия. Культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 62-67.
7. Козлов В.В., Кукина М.В. Психология смерти. М.: Институт консультирования и системных решений. 2016. 392 с.
8. Лехциер В.Л. Субъективные смыслы болезни: основные методологические различия и подходы к исследованию // Социологический журнал, №4, С. 22–40.
9. Мамедов А.К., Липай Т.П. Социальная стигматизация: генезис и детерминанты становления // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 128-137
10. Подстрешная Е.С. Боль в повседневности травматологического отделения: на материалах интервью с медицинским персоналом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 1 (72). С. 70-83.
11. Полюшкевич О.А. Боль как форма и способ жизни // Социальная динамика населения и устойчивое развитие Сборник тезисов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, социологический факультет. 2018. С. 240-242.
12. Полюшкевич О.А. Ритуал перехода: задачи реализации при неизлечимых болезнях // Философия здоровья: интегральный подход Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2018. С. 12-20.
13. Полюшкевич О.А. Индивидуальная и коллективная стратегии восприятия боли и болезни // Философия здоровья: интегральный подход Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 5-16.
14. Савельева Ж.В. Здоровье и болезнь в контексте социологической теории: специфика интерпретаций // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 22. С. 202-206.
15. Савельева Ж.В. Кому принадлежит здоровье? Социологические дискуссии и массмедийные интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2 (67). С. 131-141.
16. Сироткин Ю.Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 100-106.
17. Скуденков В.А. Психология (не)болезней // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 273-278.
18. Смирнова Н.Е. Этнос отчужденности больного в социальном пространстве: игра в дефиниции «Другой» и «Чужой» // Гуманитарный вектор. Серия: Философия. Культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 75-82.
19. Субботина Н. Д. Диалектика естественных и социальных предпосылок и последствий здоровья и болезни // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. №8. С. 66-82.
20. Хайдарова Г. Функции боли в культуре и боль как функциональное расстройство // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / Под ред. В.Л. Лехциера. Самара: Самарский университет, 2012, С. 85–93.
21. Хайдарова Г.Р. Феномен боли в европейской и русской философии // Омский научный вестник. 2011. № 4 (99). С. 88-91.
22. Штайнкамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 1. С. 115–154.
23. Timmermans S., Haas S. Towards a sociology of disease // Sociology of health & illness. Oxford, 2008. VOL. 30, N 5. P. 659-676.

Привлекательность сельских территорий для современной молодежи

Попова М.В.

В статье анализируются условия формирования привлекательности сельских территорий для молодежи. На основе проведенного исследования прослеживаются такие критерии социального самочувствия как индекс удовлетворенности местом проживания и комфортностью жизни, индекс удовлетворенности профессиональной и социальной реализацией, индекс материального положения и на основе этого выявляются основные приоритеты формирования привлекательности сельских территорий.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная идентичность, сельская молодежь, перспективы развития

Popova M.V.

The attractiveness of rural areas for modern youth

The article analyzes the conditions for the formation of attractiveness of rural areas for young people. On the basis of the conducted research, such criteria of social well-being as the index of satisfaction with the place of residence and comfort of life, the index of satisfaction with professional and social realization, the index of material condition are traced and on this basis, the main priorities for the formation of attractiveness of rural areas are identified.

Key words: social well-being, social identity, rural youth, development prospects

Учитывая поручения Президента и Правительства РФ по выработке нового подхода к решению вопросов комплексного развития сельских территорий, в Иркутской области определена система дальнейшей работы по реализации программных мероприятий. Все эти составляющие станут залогом успешной реализации поручений Президента РФ и создания благоприятных условий для проживания на селе — создания сельских поселений нового формата, населенных пунктов с развитой инфраструктурой, активно работающим производственным и социальным потенциалом.

Уже несколько лет идет работа над выстраиванием системы. Создано региональное Агентство по развитию сельских территорий, учрежден институт сельских старост, сформированы планы развития сельских населенных пунктов до 2020 года. Учитывая поручения Президента и Правительства РФ по выработке нового подхода к решению вопросов комплексного развития сельских территорий, в Иркутской области определена система дальнейшей работы по реализации программных мероприятий. Все эти составляющие станут залогом успешной реализации поручений Президента РФ и создания благоприятных условий для проживания на селе — создания сельских поселений нового формата, населенных пунктов с развитой инфраструктурой, активно работающим производственным и социальным потенциалом.

Также для разработки молодежной и социальной политики для жителей села необходимо изучать их социальное самочувствие. Особенно остро это касается молодежи, которая далеко не всегда может и хочет оставаться в сельской местности. Уже более тридцати лет мы наблюдаем отток молодежи из сел и деревень, это приводит к социально-демографичес-

кому и экономическому перекоосу в обществе в целом. Чтобы данная тенденция начала меняться, необходимы реальные меры по изменению социального самочувствия и социальной идентичности сельской молодежи.

В самом общем виде, социально самочувствие — это эмоционально-оценочное отношение человека к той социальной реальности, к тому миру, в котором он живет, месту проживания (территориальной идентичности), людям, которые его окружают (восприятие «своих» и «чужих»). В более узком смысле, социальное самочувствие — это субъективная оценка своей жизни. Такие широкие параметры и трактовки социального самочувствия позволяют говорить о множестве социальных индикаторов, которые позволяют судить о том или ином аспекте социального самочувствия различных социальных групп.

Например, в целом аспекты социального самочувствия россиян прослеживаются в работах Л.И. Михайловой [9], Г.Л. Воронина [1]; М.М. Красильниковой [8] и других; вопросы территориальной идентичности и социального самочувствия жителей определенной территории представлены в работах автора и О.А. Полюшкевич; темы идентификации «своих» и «чужих» и связанные с этим внутренние и внешние условия социального благополучия прослеживаются в работах А.В. Завьялова [2,3,4], Р.В. Иванова [5,6,7], О.А. Полюшкевич [11,12,13]; перспективы экономических притязаний и социального самочувствия отражены в исследованиях В.А. Скуденкова [14,15,16]; вопросы адаптации и социальной реализации сельской молодежи затронуты в ряде работ А.А. Пашкова [10], Ш.Ф. Фарахутдинова [17, 19, 20] и др.

Несмотря на обилие индикаторов социального самочувствия, подавляющее большинство российских исследовательских компаний (например, ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ) проводят социологические измерения социального самочувствия населения России, применяя упрощенные методики, включающие оценку материального положения семьи на момент исследования, оценку уровня жизни семьи через один-два года, уровень адаптированности к происходящим в стране переменам. Применить подобные методики к измерению социального самочувствия сельской молодежи не представляется возможным, поскольку перечисленные индикаторы затрагивают только степень доступности

тех или иных социальных благ, но не профессиональные характеристики, цели и достижения проживания и социальной и профессиональной реализации в современном российском селе. Для преодоления этих несоответствий предложена авторская методика.

Несмотря на обилие индикаторов социального самочувствия, подавляющее большинство российских исследовательских компаний (например, ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ) проводят социологические измерения социального самочувствия населения России, применяя упрощенные методики, включающие оценку материального положения семьи на момент исследования, оценку уровня жизни семьи через один-два года, уровень адаптированности к происходящим в стране переменам. Применить подобные методики к измерению социального самочувствия сельской молодежи не представляется возможным, поскольку перечисленные индикаторы затрагивают только степень доступности тех или иных социальных благ, но не профессиональные характеристики, цели и достижения проживания и социальной и профессиональной реализации в современном российском селе. Для преодоления этих несоответствий предложена авторская методика.

Мы предлагаем изучать социальное самочувствие сельской молодежи через следующие индексы: удовлетворенностью местом проживания; комфортностью жизни; удовлетворенность профессиональной и социальной реализацией; материальное положение.

Индекс удовлетворенности местом проживания и комфортностью жизни раскрывается через перечень вопросов о том, насколько удовлетворены молодые люди тем как, где и с кем они живут.

Индекс удовлетворенности профессиональной и социальной реализацией раскрывается через возможности профессионального признания и карьерного роста, перспективы создания семьи и получения социального уважения.

Индекс материального положения раскрывается через уровень удовлетворенности имеющимися материальными благами и оценкой своих возможностей на приращение материального ресурса, экономических притязаний и представлений.

Указанные индексы позволяют выявить общие критерии социального самочувствия сель-

Таблица 1
Оценка престижа и комфортности места проживания среди сельской молодежи (в %)

	Девушки	Юноши
<i>Престиж</i>		
Высокая	18	10
Средняя	30	33
Низкая	52	57
<i>Комфортность</i>		
Высокая	60	65
Средняя	30	30
Низкая	10	5

Таблица 2
Социальная и территориальная идентичность сельской молодежи (в %)

	Девушки	Юноши
<i>Социальная идентичность</i>		
Человек	30	20
Мужчина / женщина	25	40
Профессиональная идентичность	25	25
Семейный статус (замужем/женат, не замужем/ холост)	10	10
Другое	10	5
<i>Территориальная идентичность</i>		
Россиянин / ка	20	55
Житель своего региона / области	30	25
Житель своего села	60	20

ской молодежи, выявить основные проблемы и обозначить специфику социального положения сельской молодежи.

Данная методика была апробирована зимой 2019 года, в выборке приняли участие 450 жителей сел Иркутской области в возрасте от 18 до 30 лет.

Составляющей привлекательности территории является комфортность жизни, которая отражает степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека. Комфортность можно измерять, используя набор объективных показателей, с учетом особенностей собственного городского образа жизни. В целом потребителя интересует не сама территория, а ее ценность, которая определяется основными характеристиками [12]:

1) набором материальных благ, которые может приобрести потребитель, получая определенный размер дохода. По сути это стоимость условий жизнедеятельности в данном городе. Для жителя города важными экономическими показателями будут уровень доходов и расходов, которые определяются средней заработ-

ной платой и средней стоимостью основных товаров и услуг для населения, включая налоги. Расходы жителей определяют стоимость товара. Следовательно, в первую очередь, города конкурируют в области стоимости жизни (расходов на проживание). Для населения важны также доступность медицинских, образовательных, юридических, транспортных, развлекательных и других видов услуг, и их качество;

2) набором нематериальных характеристик, которые связаны с возможностью получения профессиональных услуг во всех сферах жизнедеятельности человека, комфортом проживания, возможностью профессионального и личностного роста. Кроме этого для потребителя важны: атмосфера города его, исторические традиции, культура, веротерпимость, социальное настроение в городе, уровень социальной напряженности, связанный с дифференциацией доходов населения;

3) уникальностью территории, которая определяется местоположением города, его ландшафтом, а также особенностями налогообложения, привлекательностью территории с точ-

Таблица 3
Оценка профессиональной и социальной реализацией в сельской местности (в%)

	Девушки	Юноши
<i>Профессиональная реализация</i>		
Высокая	5	10
Средняя	15	10
Низкая	80	80
<i>Социальная реализация</i>		
Высокая	50	30
Средняя	40	45
Низкая	10	25

Таблица 4
Оценка имеющихся материальных и социальных благ и экономических притязаний в сельской местности (в%)

	Девушки	Юноши
<i>Имеющиеся материальные и социальные блага</i>		
Высокая	10	10
Средняя	25	35
Низкая	65	55
<i>Экономические притязания</i>		
Высокая	15	15
Средняя	55	60
Низкая	30	25

ки зрения ведения бизнеса, наличием уникальных учебных заведений или особенностей архитектуры. Экология территории может также рассматриваться как ее уникальность;

4) адаптивностью территории - это ее способность к изменениям для удовлетворения меняющихся требований потребителя. Она может выражаться в гибкости реагирования местной администрации на требования населения или предпринимательства в обеспечении гражданских прав и инициатив жителей, в улучшении условий жизнедеятельности или ведения бизнеса, в учете интересов различных групп населения.

Оценка престижа места проживания показала интересную картину. Около половины 52% девушек считают, что они живут не престижно, но при этом достаточно комфортно (60%), те же тенденции и у молодых людей 57% и 65% - соответственно. Средняя оценка престижу у 30% девушек и 33: юношей. Высокая у 18% девушек и 10% юношей (см. табл. 1).

Критерии социальной и территориальной идентичности с тем местом, где проживают молодые юноши и девушки также неоднородны. Социальная идентичность у девушек в 30%, а юношей 20% связана с категорией – человек

(в самом широком смысле от контекста космополит до биологического вида). Гендерная принадлежность более важна для юношей – 40%, для девушек в два раза меньше – 25%. Профессиональная идентичность одинакова и для девушек и для юношей и составляет 25%, также как и равнозначим семейный статус – по 10%.

Для девушек в большей степени важна локальная идентичность (60%), для юношей общегосударственная (55%). Житель своего региона примерно одинаково важно: для 30% девушек и 25% юношей (см. табл. 2).

Достаточно удручающая картина в оценке профессиональной и социальной реализацией в сельской местности. У 80% молодых людей профессиональная реализация на низком уровне. Социальная реализация более положительно оценивается девушками (50%), в силу высокой оценки значимости создания семьи, рождения ребенка, тогда как для юношей эти показатели в меньшей степени выступают социально значимыми (30%), хотя также имеют высокую важность. Низкая оценка возможностей социальной реализации прослеживается у 10% девушек и 25% юношей (см. табл. 3).

Материальные и социальные блага показывают уровень и положение социальной удов-

летворенности молодежи. Чем больше недовольства, тем больше тяга к изменению места жительства, социального статуса, недовольства властью и обществом, соседями и собой. Тем самым это один из самых ключевых показателей, который может стать либо консолидирующим, либо разрушающим обществом.

Оценка имеющихся материальных и социальных благ, а также экономических притязаний в целом также достаточно печальна. Высокий уровень притязаний у 10% молодых людей, средний у 25% девушек и 35% юношей, низкий у 65% девушек и 55% юношей. Высокие экономические притязания имеют 15% сельской молодежи, средние – 55% девушек и 60% юношей, низкие – 30 и 25% соответственно (см. табл. 4).

Таким образом, показатели социального самочувствия сельской молодежи показывает неоднозначную картину. С одной стороны, молодые люди ценят и свою малую родину и Россию в целом, но с другой стороны комфорт жизни и оценка своих социальных и профессиональных перспектив далека от идеала. Именно это может стать преградой для того, чтобы остаться в селе.

Социальная идентичность становится все больше подчиненной внешним социальным процессам, где теряется значимость локальных условий и задач жизни. Социальное самочувствие определяется все большими надеждами и мечтами *о другой жизни*, а не о том, что сделать сегодня и сейчас, чтобы изменить свою жизнь здесь – в конкретном селе.

Социальная привлекательность сельских территорий – это символический образ стабильности развития страны. Пока данные тенденции не изменятся – трудно говорить о социальной солидарности населения России. Социальная идентичность и социальное самочувствие молодежи – это как лакмусовый показатель – тех социальных процессов, что проходят в обществе в любом регионе. Создавая условия для того, что бы молодежь оставалась в сельской местности – мы создаем опоры для социальной консолидации страны в будущем.

Современный мир строится на множестве переменчивых условий и форм, но только желание остаться на малой Родине – может служить основанием стабильного развития страны в целом. Село – это основа социального и цен-

ностно-мировоззренческого возрождения России.

Литература

1. Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994-1996-1998 гг.). «Мерцающая» стратификация // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 53-66
2. Завьялов А.В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // Урбанистика. 2018. № 3. С. 1-11.
3. Завьялов А.В. Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области // Социология. 2018. № 2. С. 104-107.
4. Завьялов А.В. Сочетание естественного и социального в адаптации мигрантов // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 129-135.
5. Иванов Р.В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239-245.
6. Иванов Р.В. Толерантность молодежи - миф или реальность // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 4 (20). С.32-36
7. Иванов Р.В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20-22.
8. Красильникова М.М. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107). С. 109-117.
9. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45-50
10. Пашков А.А., Фарахутдинов Ш.Ф. Актуальные проблемы современной сельской молодежи // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55). С. 149-151.
11. Полюшкевич О.А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. 2011. № 5. С. 84-89.
12. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293-300.

13. Полюшкевич О.А., Попова М.В. Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 86-97.
14. Скуденков В.А. Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи / Общество и социология в современной России материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вологда. 2015. С. 81-83.
15. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82-84.
16. Скуденков В.А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 48-53.
17. Фарахутдинов Ш.Ф. Исследование готовности к инновациям сельских территорий Тюменской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 357-365.
18. Фарахутдинов Ш.Ф. Коммуникационное пространство сельских территорий как фактор attractiveness экономически активной молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 10-17.
19. Фарахутдинов Ш.Ф. Сельская миграция: состояние и особенности // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55). С. 159-162.
20. Фарахутдинов Ш.Ф. Современная сельская молодежь: в поисках исследовательских подходов // Биосферное хозяйство и устойчивое развитие сельских территорий Сборник материалов VI международной научно-практической конференции. 2016. С. 38-42.

О дополнительном профессиональном образовании: иностранный язык для научных целей

Салынская Т.В., Ясницкая А.А.

В статье представлен анализ дополнительной профессиональной программы повышения квалификации для аспирантов. Основной целью программы является совершенствование знаний, навыков и умений, полученных в высшей школе, обеспечивающих возможность для обучающихся вести научную, экспертно-аналитическую, профессиональную деятельность.

Ключевые слова: студент, проект, научная деятельность, навыки, образование.

Salynskaya T.V., Yasnitskaya A.A.

About additional professional education: foreign language for scientific purposes

The article presents an analysis of the additional professional training program for graduate students. The main objective of the program is to improve the knowledge, skills and abilities obtained in higher education, providing an opportunity for students to conduct scientific, expert-analytical, professional activities.

Key words: student, project, scientific activity, skills, education.

В настоящее время актуальность дополнительного профессионального образования и востребованность соответствующих программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки не вызывает никаких сомнений и объясняется многочисленными процессами, происходящими в отдельном обществе и в мире в целом, и более того, необходимостью подготовки выпускников высших учебных заведений, не просто обладающих определенным объемом знаний, владеющих требуемыми навыками и умениями, но и действительно подготовленных к реальной профессиональной деятельности, а во многих случаях и научной.

Однако, следует отметить, что на низкое или полное отсутствие научного самоопределения студентов в формате выбранной специальности, как бакалавров, так и магистров, по мнению авторов данной работы может оказывать влияние ряд отдельных факторов, среди которых такие как:

- недостаточное количество проектов и мероприятий в университете, направленных на вовлеченность студентов в профессиональную и научную работу в рамках образовательной деятельности (студенческие международные научные конференции, круглые столы, исследовательские проекты, гранты и др.);
- низкий уровень владения иностранным языком, препятствующий участию в указанных мероприятиях в пределах университетской образовательной среды;
- сотрудничество вуза с российскими и зарубежными производственными компаниями, а также научными организациями осуществляется не в полной мере и не является достаточно эффективным и привлекательным для многих студентов;
- ценностное отношение к научному определению в своей будущей профессии не счита-

ются студентами ключевым при построении будущей карьеры.

В данную статью авторы посчитали необходимым включить некоторые результаты опросов студентов различных направлений подготовки (более 200 человек), проведенных на базе Государственного университета управления (далее – ГУУ) и целью которых являлось определение основных мотивов и причин, влияющих на их выбор в пользу участия в международных студенческих конференциях, семинарах и других научных мероприятиях, рабочими языками которых выступали не только русский, но и другие языки.

В список респондентов вошли студенты-бакалавры первых – четвертых курсов очной формы обучения и студенты-магистры первых-вторых курсов. В процессе анализа рассматривались вопросы, которые касались учебных планов, учебных программ, статистики участия в студенческих научных проектах на иностранных языках.

Полученные в ходе исследования результаты подтвердили актуальность и возможность реализации программ дополнительного профессионального образования, в нашем случае программы повышения квалификации для аспирантов «Аспирант (английский язык)» (далее – Программа), разработанной авторами данной статьи.

Учитывая тот факт, что Учебный план является основным документом любой Программы, в нем были отражены логическая последовательность освоения учебных дисциплин и разделов курса, общая трудоемкость Программы и отдельных дисциплин (модулей), показано соотношение аудиторной и самостоятельной работы, а также предусмотрены формы контроля освоения дисциплин (модулей) и всего курса в целом [2].

При разработке Учебного плана была учтена основная цель Программы, которой является совершенствование знаний, навыков и умений, полученных в высшей школе, обеспечивающих возможность для обучающихся вести научную, экспертно-аналитическую, профессиональную деятельность; знать орфографические, лексические, грамматические и стилистические нормы научного жанра изучаемого языка; владеть коммуникативной, интерактивной и межкультурной компетенциями; уметь свободно читать

оригинальную литературу на иностранном языке соответствующей отрасли знаний; оформлять извлеченную из иностранных источников информацию в виде перевода; делать сообщения и доклады на иностранном языке на темы, связанные с научной работой аспиранта (соискателя); вести беседу по специальности.

Более того, Программа предполагает дальнейшее совершенствование знаний и умений слушателей за счет формирования и совершенствования коммуникативной компетенции (речевой, языковой, межкультурной и социокультурной, интерактивной, профессионально-деловой, стратегической, компенсаторной, познавательной), а именно:

- владение культурой мышления; способность к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;
 - стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства;
 - умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально значимые проблемы и процессы;
 - способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях;
 - владение основными методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке;
 - владение навыками подготовки научных обзоров, аннотаций, составления рефератов и библиографий по тематике проводимых исследований, приемами библиографического описания; знание основных библиографических источников и поисковых систем;
 - владение навыками перевода различных типов текстов (научных и публицистических);
 - аннотирование и реферирование документов, научных трудов на иностранном языке [4].
- Достижение данной цели обучения может осуществляться посредством решения таких задач как:
- повышение общего уровня владения иностранным языком;
 - выработка, развитие и совершенствование навыков профессионального пользования словарями (двуязычными и одноязычными), базами данных, интернет-ресурсами и информационными технологиями;

- формирование навыка работы с литературой по специальности / направлению подготовки, со специальной терминологией и расширение терминологического аппарата в профессиональной области [3].

Программа рассчитана на обучение следующей категории слушателей: лиц, имеющих среднее профессиональное и (или) высшее образование, лиц, получающих среднее профессиональное, (или) высшее образование, специалистов, руководящих работников, лиц, поступающих и / или обучающихся в аспирантуре со знанием английского языка уровня А2-В1.

Трудоемкость программы составляет 46 час (6 недель) аудиторных занятий (36 часов) и самостоятельной работы (10 часов) с промежуточным и итоговым контролем. Режим занятий может зависеть от уровня владения иностранным языком слушателей, в расписании можно предусматривать до 6 учебных часов в неделю при очно-заочной (вечерней) форме обучения.

В реализации содержательной части программы предусмотрен модульный подход, ориентированный на основные виды научной деятельности и знаний: аннотирование и реферирование научных текстов; написание эссе и докладов; презентация докладов; основы научного перевода; стиль научной речи.

Краткий обзор модулей можно представить следующим образом:

Содержание модуля 1 - Аннотирование и реферирование научных текстов. Практические занятия проходят в форме выполнения заданий в малых группах (по 2-3 человека) с последующей презентацией результатов в общей группе, в виде групповых дискуссий, поиска необходимой информации в аутентичных текстах, в диалоговом режиме по теме.

Содержание модуля 2 - Написание эссе и докладов. Презентация докладов. Практические занятия проходят в форме выполнения заданий в малых группах. Слушатели объединяются в группы по 3-4 человека и готовят презентацию в форме доклада). Каждая группа защищает свой доклад.

Содержание модуля 3 - Основы научного перевода. Стиль научной речи. На практических занятиях предполагается устная переводческая практика.

Важной составляющей в процессе реализации Программы является самостоятельная вне-

аудиторная работа, направленная на составление и усвоение лексического минимума, примерно 750-800 терминов по профилирующей специальности; подготовка к аудиторным занятиям и текущему контролю успеваемости; подготовку письменной и устной презентации докладов по теме с использованием лексики научного речевого этикета; практику перевода.

Учебно-методическое обеспечение Программы предполагает использование комплекса учебных пособий библиотечного фонда ГУУ, современные аутентичные учебные пособия зарубежных издательств. В методическом обеспечении существенное место занимают учебные пособия, практикумы, сборники тестов и методические рекомендации, авторами которых являются преподаватели кафедры английского языка ГУУ. Ряд пособий доступен в электронном виде на едином электронном ресурсе библиотеки ГУУ. В учебном процессе предусмотрено использование современных одноязычных и двуязычных словарей с доступом к дополнительным электронным ресурсам [5].

При планировании самостоятельной работы были приняты во внимание уровни осуществления самостоятельной работы: репродуктивный, познавательный-поисковый и творческий, что позволило при реализации Программы использовать следующие виды самостоятельной работы: чтение, просмотр, конспектирование учебной литературы, прослушивание лекций, аудио/видео записей, заучивание, пересказ, запоминание, Интернет-ресурсы, повторение учебного материала и др.; подготовку сообщений, докладов, выступлений на практических занятиях, подбор литературы по дисциплинарным проблемам, написание рефератов, контрольных, выполнение кейсов, подготовка к ролевым играм и др.; а также написание рефератов, научных статей, участие в научно-исследовательской работе; выполнение специальных заданий творческого характера; участие в студенческой научной конференции, олимпиаде и др. [1]

Немаловажным при реализации любой программы является не только качество организации учебного процесса, в котором учитывается связь с некоторыми дисциплинами (модулями), относящимися к основной образовательной программе, доступ к техническим ресурсам и наличие оборудованных учебных аудиторий,

отвечающим современным запросам и требованиям; существенное значение имеет достаточно высокий лингвистический уровень подготовки студенческого контингента и участие в учебном процессе квалифицированного и мобильного профессорско-преподавательского состава [6].

При подборе педагогического состава считаем, что уместно привлекать и внешних, и штатных преподавателей ГУУ с высшим профессиональным образованием, ученой степенью, с теоретическим и практическим опытом преподавания иностранных языков для специальных целей, занимающихся совершенствованием практических навыков преподавания иностранного языка и межкультурной коммуникации, повышением педагогической квалификации и научно-теоретического уровня; а также лиц, занимающихся научными исследованиями, связанными с решением организационных и методических проблем в области преподавания иностранного языка в неязыковом вузе; вопросами межкультурного профессионального взаимодействия и взаимопонимания; спецификой профессионального языкового сознания, психолингвистическими аспектами перевода, а также специалистов-практиков, занятых в производственной сфере.

Выдаваемый при успешном освоении Программы и сдаче итогового тестирования документ: удостоверение о повышении квалификации установленного образца, существенно повысит профессиональную значимость любого молодого специалиста, будет демонстрировать возможности и личный потенциал выпускника.

Можно утверждать, что только в процессе непрерывного освоения иностранного языка на протяжении всего срока обучения студентов-бакалавров (4 года) и студентов-магистров (2 года) и соответствующей такой задаче учебной нагрузке по дисциплинам «Иностранный язык для профессиональных целей», «Иностранный язык для научных целей» и др. иностранный язык можно рассматривать в качестве важного

инструмента профессионально-ориентированной и научной подготовки будущих специалистов. В этом случае при обучении иностранному языку на разных этапах у студентов появляется возможность не только подготовиться к иноязычной профессиональной деятельности, но и наиболее успешно реализовать себя в будущей международной научной работе.

Литература

1. Салынская Т.В. Организация самостоятельной работы студентов в неязыковом вузе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2 (52). С. 141-143.
2. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 32 с.
3. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка / Московский государственный лингвистический университет (русская версия) - 2005. – 247 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент. http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Bak3++/380302_B_3plus_23112017.pdf
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика. http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Bak3++/380301_B_3plus_23112017.pdf
6. Ясницкая А.А. О реализации некоторых компетенций в формате межкультурного профессионального общения. Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки бакалавров и магистров: коллективная монография / кол. авторов / под ред. Т.В. Салынской, Т.И. Голубевой. – Москва: РУСАЙНС, 2018. – сс. 61-63.

Уровень доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций

Трескин П. А.

В статье анализируются результаты исследования, посвященного оценке уровня доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций. Обозначаются сильные и слабые стороны работы общественных организаций и их восприятия в общественном мнении жителей всех субъектов рассматриваемого региона. Выявляются факторы способствующие повышению уровня доверия и понижению уровня доверия среди жителей Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Ключевые слова: уровень доверия, социальное самочувствие, общественные организации, население, Байкальский регион

Treskin P. A.

The level of public confidence in the Baikal region in the activities of public organizations

The article analyzes the results of a study on assessing the level of public confidence in the Baikal region in the activities of public organizations. It identifies the strengths and weaknesses of the work of public organizations and their perception in the public opinion of residents of all subjects of the region in question. The factors that contribute to raising the level of trust and lowering the level of trust among residents of the Irkutsk Region, the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory are identified.

Key words: level of trust, social well-being, public organizations, population, Baikal region

Общественные объединения в той или иной степени осуществляют свою деятельность в большинстве субъектов Российской Федерации, являясь значимым ресурсом для социальной активности населения, в том числе для решения проблем регионов и муниципальных образований, развития социального взаимодействия. Развитие общественных организаций позволяет формироваться гражданскому обществу, но без активной поддержки и участия граждан, этот процесс будет достаточно инертным и длительным. Без некоммерческого сектора гражданское общество формально. А без участия граждан – существует лишь на бумаге. Чтобы можно было говорить о социальной поддержке – необходима полная включенность различных социальных групп.

Будучи некоммерческими, негосударственными, самодельными, они представляют собой сферу проявления и реализации индивидуальных, групповых и региональных интересов. Позволяют людям удовлетворять социальные потребности в консолидации, самореализации, защите, в обеспечении возможности творческой деятельности. Общественные организации образуются в том сегменте общества, где государство не в силах решить существующие насущные, подчас весьма острые социальные проблемы. По мере развития этих организаций, все более значимыми становятся горизонтальные, координационные связи, отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными, равноправными партнерами, то есть то, в чем выражается сущность гражданского общества.

Уровень развития некоммерческого сектора отражает степень самоорганизации, саморегуляции и самоуправляемости социума, который в результате их деятельности имеет возмож-

ность оказывать влияние на социально-экономические, политические и духовные процессы и обеспечивать возможность проявления активности населения.

За последние годы усилилась динамика роста некоммерческих организаций, несмотря на то, что после введения закона об иностранных агентах в 2012 году, их количество сократилось на треть. Да и на сегодняшний день, специфика их деятельности существенно ограничена. Но при этом динамика участников составляет 3,9% в год. При этом, в некоммерческих организациях Байкальского региона занято 47%, а участников волонтерского или добровольческого движения, старше 18 лет – 62% [7].

Одним из факторов малой активности населения в реализации программ некоммерческих общественных организаций является отсутствие уровня доверия к ним, вызванное малой информированностью о деятельности общественных организаций, механизмах и инструментах их работы, а с другой – широким освещением в СМИ негативных примеров их работы. Среди отечественных ученых сложились устойчивые стратегии интерпретации деятельности общественных организаций и оценки населения к их эффективности (И.В. Мерсиянова, В.Б. Беневоленский [6], А.В. Завьялов [1,2,3], А.С. Ким [4], О.А. Полюшкевич [8], П.А. Трескин [11,12,13]) и других.

Поэтому, целью нашего исследования было выявление уровня доверия населения деятельности общественных организаций в Байкальском регионе. Мы попытались провести сравнительный анализ между тремя регионами (Иркутской областью, Республикой Бурятия и Забайкальским краем), объединенных географически и социально-экономически в один Байкальский регион. В 2018 году было всего опрошено по 1600 человек в каждом регионе (всего 4800 человек), в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, разных социальных, профессиональных и образовательных когорт. Ошибка выборки составила 2%, при уровне значимости 0,95.

В Иркутской области население больше доверяет некоммерческим общественным организациям – 63%, в Республике Бурятия – 51%, в Забайкальском крае – 37%. Вероятно, на такое распределение влияет количество общественных организаций и их качество работы в

отдельном регионе. При этом, жители крупных городов больше доверяют общественным организациям (Иркутск, Ангарск, Братск, Улан-Уде, Чита), чем жители малых городов области (Зима, Тайшет, Тулун, Байкальск, Шелехов, Селенгинск).

На открытый вопрос о причинах доверия или недоверия респонденты отвечали следующие положительные комментарии: «*общественные организации повышают уровень патриотизма и гордости за свою страну*», «*некоммерческие организации объединяют небезразличных людей готовых помогать другу, они делают нашу жизнь лучше*»; отрицательные комментарии: «*неясно чем занимаются общественные организации, кому помогают, больше себе денег собирают*», «*лично мне никто и никак из общественных организаций не помогал, почему я должен им верить?*» и т.д. Иными словами в оценке деятельности общественных и некоммерческих организаций срабатывают с одной стороны общественные стереотипы, а с другой – личная включенность в те или иные процессы, которая либо помогала, либо мешала оценке работы рассматриваемых организаций, что и позволило сформировать положительный или отрицательный стереотип восприятия.

На вопрос о том, каким организациям вы доверяете больше всего, жители Иркутской области называли «ветеранские организации» (35%), «патриотические организации» (31%), «культурно-просветительские» (24%). Жители Республики Бурятия больше доверяют «экологическим и природоохранным организациям» (33%), «объединениям инвалидов» (29%), «профсоюзам» (14%). Жители Забайкальского края больше доверяют «культурно-просветительским организациям» (24%), «профсоюзам» (16%), «ветеранским организациям» (12%). Остальные типы НКО указывались менее 10% случаев во всех регионах.

На вопрос о том, каким общественным организациям вы точно не доверяете, мы также получили отличающиеся ответы среди жителей разных субъектов Байкальского региона, кроме «религиозных общин и организаций», которым по 35% не доверяют во всех регионах. В Иркутской области не доверяют «национально-этническим организациям» (25%) и «агрессивным молодежным субкультурным организациям» (18%). В Республике Бурятия не доверяют «не-

формальным политическим молодежным организациям» (26%) и «благотворительным фондам» (16%). В Забайкальском крае не доверяют «благотворительным фондам» (22%), «национально-этническим организациям» (18%), «агрессивным молодежным субкультурным организациям» (16%). Около 14% во всех субъектах байкальского региона затруднились с ответом на данный вопрос.

Респонденты давали следующие комментарии при выборе того или иного вида организации: «я доверяю только тем о ком хоть что-то слышал», «я знаю людей, работающих в этих организациях – поэтому им доверяю, а тем же организациям в других регионах – не доверяю, я там никого не знаю», «я не доверяю организациям просто так решившим кому-то помочь, у всех есть выгода, мы простые смертные о ней просто не знаем»... Иными словами на уровень доверия влияет личный фактор известности участников того или иного общественного объединения, если люди неизвестны, то и доверия им нет. Данная тенденция больше выражена в Забайкальском крае и Республике Бурятия, где проявляется в большей степени провинциальная жизнь.

Таким образом, уровень доверия к общественным организациям Байкальского регионе неоднороден и зависит от сферы деятельности и особенностей распространения информации о себе конкретной общественной организацией.

Как показано в исследовании И.В. Мерсеяновой для информированной группы респондентов, осведомленных о существовании и деятельности НКО, основными факторами доверия выступают надежность, единство, предсказуемость, устойчивое позитивное отношение и эффективное взаимодействие. Недоверие формируется на основе предубеждений, стереотипов, недоступности и непонятности информации о деятельности негосударственных НКО [5]. Более того, в работах В.А. Скуденкова прослеживается уровень экономического благосостояния и экономических притязаний и возможности их реализации в своей жизни и степени активности населения в общественной деятельности [9, 10].

Как свидетельствуют результаты опроса, уровень информированности напрямую влияет на отношения населения к деятельности НКО, среди респондентов знакомых с деятельностью или слышавших что-либо о работе общественной организации, уровень доверия в Иркутской

области составляет 70%, среди респондентов, не знакомых с деятельностью общественной организации – лишь 30%, в Республике Бурятия – 65% и 35% и в Забайкальском крае 56% и 44% соответственно.

Личный опыт взаимодействия граждан с общественной организацией напрямую коррелирует с уровнем доверия. Среди лиц, обратившихся за помощью в общественные, некоммерческие организации, уровень доверия в Иркутской области составил 80 %, а среди лиц, принимавших участие в деятельности НКО в течение последних трех лет, уровень доверия составил 79%; в Республике Бурятия составил 66 %, а среди лиц, принимавших участие в деятельности НКО в течение последних трех лет, уровень доверия составил 70%; в Забайкальском Крае составил 51 %, а среди лиц, принимавших участие в деятельности НКО в течение последних трех лет, уровень доверия составил 55%. Это значительно превышает средний уровень доверия по Иркутской области (63 %), по Республике Бурятия – 51%, в Забайкальском крае – 37%.

Таким образом, среди трех рассматриваемых субъектов Байкальского региона – наименьший уровень доверия к общественным организациям у жителей Забайкальского края, чуть выше в Республике Бурятия и самый высокий среди жителей Иркутской области. Хотя и эти данные достаточно не высокие и свидетельствуют о том, что население мало вовлечено, не осведомлено и соответственно не доверяет деятельности общественных организаций.

В результате анализа нами были обозначены несколько факторов, определяющих уровень доверия населения.

«Известности-неизвестности». Чем выше уровень информированности населения о деятельности общественной организации (в СМИ, интернет-площадки, социальные сети и т.д.), тем больше вероятности получить доверие жителей Байкальского региона.

«Открытости-закрытости». Прозрачность отчетности, участие в грантовой деятельности, участие в конкурсах позволяет общественным организациям набирать социальный капитал в области и тем самым повышать уровень доверия населения.

«Личный опыт взаимодействия граждан с общественными организациями». Если населе-

ние лично сталкивается с работой общественной организации, то уровень доверия к ней значительно выше, следовательно, стоит расширить сферу деятельности общественной организации, охватывающей большее количество социальных групп населения.

Помимо этого, стоит продуманно заниматься рекламной деятельностью и социальным продвижением общественной организации в регионе и в стране в целом; активизировать публичную работу руководителей общественных организаций (проведение открытых мастер-классов и круглых столов, выступление на телевидении и в университетах, дискуссионных площадках и лекториях), это все может сформировать устойчивые положения организации и повысить уровень доверия населения области к ее деятельности.

Байкальский регион является показательным примером несоответствия работы таких институтов гражданского общества как общественные организации и ожиданиям и вовлеченности в социальные процессы населения рассматриваемых субъектов. Важно понимать в чем слабые стороны каждого из регионов, чтобы локально трансформировать условия развития и функционирования общественных организаций и системно формировать общественное мнение. Это, безусловно, задача не одного года многоуровневой работы, но ее необходимо активизировать с целью формирования открытого общества, солидарного внутри себя и способного формировать позитивные социальные настроения, патриотизм к тому региону, где проживают и стране в целом, повышения уровня гражданственности и социальной активности.

Литература

1. Завьялов А.В. Вклад этнокультурных организации в развитие малых городов России (на примере малых городов Иркутской области) // Студенческие исследования - 2010 межвузовская научно-практическая конференция. Ивентевка, 2010. С. 158-162.
2. Завьялов А.В. Национально-культурные организации в пространстве региона // Модернизация социальных систем в современном российском обществе: потенциал и практика повседневности (STUDIUM-XII) : доклады Ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2011. С. 37-41.
3. Завьялов А.В. Социокультурные проекты национально-культурных организаций Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск. 2017. С. 28-32.
4. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Консолидация и дезорганизация национальных некоммерческих организаций в регионах России // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 86-91
5. Мерсеянова И.В. Доверие населения к НКО // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2014. № 4. С. 15-19.
6. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83-104.
7. НКО и государство: поле социального взаимодействия [электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/news/recent/26513222.html> (дата доступа 21.12.2018).
8. Полюшкевич О.А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №70. С. 260-280.
9. Скуденков В.А. Гендерные особенности социально-экономических притязаний (на примере городских жителей Иркутской области) // Урбанистика. 2018. № 2. С. 50-58.
10. Скуденков В.А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 3. С. 93-105.
11. Трескин П.А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона // Вестник ТОГУ. 2017. №4. С. 345-354.
12. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64. С. 263-277.
13. Трескин П.А., Полюшкевич О.А., Кобжицкий А.В. Бизнес и власть: основы гражданской консолидации // Дискуссия. 2012. № 6. С. 94-100.

ГОРОД И ТЕРРИТОРИЯ

Историко–правовые аспекты развития академической мобильности России и Китая

Беляева Е.А.

В статье рассматриваются основные правовые документы, которые определяют специфику социально-культурного взаимодействия России и Китая в сфере высшего образования и академической мобильности студентов двух стран, приводится типология академической мобильности китайских и российских студентов. В конце статьи анализируются выводы самостоятельно проведенного исследования среди китайских и русских студентов г. Екатеринбурга (УрГУПС, УГТУ, УрФУ). На основе проведенного исследования были выделены ключевые проблемы академической мобильности: высокий уровень преступности на расовой и межэтнической почве, низкое качество социальной инфраструктуры вузов, трудность освоения русского языка как иностранного, суровый климат, требующий дополнительных затрат на приобретение теплой одежды и обуви, отсутствие адаптированных программ курсов под иностранных граждан.

Ключевые слова: академическая мобильность, взаимодействие, социально-культурное взаимодействие России и Китая, правовые взаимоотношения, система образования.

Belyaeva E.A.

Historical and legal aspects of the development of academic mobility of Russia and China

The article discusses the main legal documents that determine the specifics of socio-cultural interaction between Russia and China in the field of higher education and academic mobility of students of the two countries, provides a typology of academic mobility of Chinese and Russian students. At the end of the article the conclusions of self-conducted research among Chinese and Russian students of Yekaterinburg (USGS, ugsu, Urfu) are analyzed. On the basis of the study, the key problems of academic mobility were identified: a high level of crime on racial and ethnic grounds, low quality of social infrastructure of universities, the difficulty of mastering the Russian language as a foreign language, the harsh climate that requires additional costs for the purchase of warm clothes and shoes, the lack of adapted programs of courses for foreign citizens.

Key words: academic mobility, interaction, social and cultural interaction of Russia and China, legal relations, education system.

Социально-культурное взаимодействие России и Китая в области образования находится в непосредственной зависимости от ведущего геополитического фактора. Отношения России и Китая претерпевают в последнее время значительные трансформации, поэтому все более очевидной и актуальной становится необходимость формулирования новых теоретических и практических подходов к изучению и поиску наиболее оптимальной модели для российско-китайского взаимодействия и сотрудничества в области образования.

По мнению Китайского политолога Фэн Юйцзюнь, несмотря на то, что Россия в последние три столетия играла серьезную роль в китайской внешней политике и оказывала большое влияние на сферу безопасности, обеспечения стабильности и поступательного развития китайского общества, Китай практически никогда не оценивал адекватно значимость своего статуса и не придавал особого значения реализации китайских национальных интересов в отношениях обеих сторон, в которых присутствовала либо братская дружба, либо вражда. По мнению ученого, Китай в отношениях с Россией должен прежде всего учитывать свои национальные интересы, которые включают вопросы национальной безопасности, реализацию политических и экономических интересов китайского государства. Его мнение также разделяют многие его ученые соотечественники [1,2]. По нашему мнению, подобный подход не раскрывает все многообразие взаимодействия двух стран, сводя его лишь к политическим и экономическим факторам, оставляя за пределами со-

циальную и культурную области. Тем не менее, нам представляется значимым изучение процесса академической мобильности студентов из России и Китая и юридических возможностей для ее осуществления.

В данном ракурсе интересным представляется исследование Цинь Мина, который формулирует основные типы социокультурного обмена между Китаем и Россией. Во-первых, неправительственные социокультурные обмены и сотрудничество под эгидой государства служат основной моделью. Во-вторых, сфера обмена постоянно расширяется и проекты становятся все более разнообразными. В-третьих, число участников увеличивается с каждым годом с тенденцией к социализации и омоложению [3]. Эти три типа находят свое отражение в ряде нормативных документов, подписанных между Россией и Китаем за последние тридцать лет.

В декабре 1992 г. было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве», в котором определены многие направления взаимодействия в сфере высшего образования. Соглашение открывает возможности для командирования ученых, преподавателей и специалистов для обмена опытом, проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности, взаимное предоставление стипендий, поощрение обмена между органами образования двух стран программами, методической литературой, учебниками, делегациями учебных заведений и опытом работы. К новым путям, намеченным в документе, мы отнесем возможность подписания соглашения об эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий, выдаваемых и присваиваемых соответствующими учреждениями обеих стран. По нашему мнению, ключевая роль данного Соглашения заключается в том, что оно заложило основу для дальнейшего обмена между Китаем и Россией в сфере высшего образования.

Середина 90-х годов стала началом принципиально нового этапа развития образовательного сотрудничества. Его характерной особенностью стало то, что распределение кандидатов, получивших квоту на обучение, утверждалось министерствами образования КНР и РФ. Таким образом, ключевыми были соглашения и

протоколы о межгосударственном обмене студентами по государственной линии. Однако к началу XX века в обеих странах стали осознавать, что страны КНР и РФ нуждаются в новых формах взаимодействия в области образовательного сотрудничества. В первую очередь, это было связано с различием самих систем образования двух стран-партнеров.

Китайская образовательная система основана на обязательном дошкольном образовании (3-6 лет), начальной школе (6-12 лет), далее разделение учеников: на неполную среднюю школу с последующим переходом в полную среднюю школу (до 18) лет и поступление в вузы; или переход в профессиональную начальную школу, переходящую в среднюю и высшую профессиональную школу. Данная система имеет различные уровни, поэтому это создавало трудности при нострификации присваиваемых квалификаций и дипломов об образовании, которые выдают образовательные учреждения обеих стран. Например, для облегчения процедуры взаимного признания дипломов, выданных вузами других стран, в том числе и вузами КНР, в феврале 2008 г. Постановлением Правительства РФ было утверждено «Типовое положение образовательного учреждения высшего профессионального образования» [4], где имеются статьи, прямо указывающие на необходимые мероприятия по нострификации документов об образовании.

Для России 90-ые годы, из-за сложных социально-экономических процессов, стали временем, когда были утрачены многие возможности на образовательном рынке Китая. Наличие давних связей с китайскими вузами не смогло предотвратить падения интереса китайских студентов к российским высшим школам, отсутствие интересных проектов расширения обменов, создания совместных проектов стало одной из причин превалирования интересов западных стран, таких как США, Великобритании, Германии и других на рынке высшего образования в Китае.

В связи с этим, развитие взаимных российско-китайских связей в области образования происходило крайне неравномерно. В 90-е годы резко упал объем студентов (особенно с российской стороны), которые проходили полный срок обучения в образовательных учреждениях страны-партнера, однако на уровне регионов

мы можем отметить сохранение объемов межвузовского обмена. Центральные регионы России и вузы Дальнего Востока продолжали развивать образовательные связи с китайской стороной. Совместные усилия двух государств – России и Китая, после смены высшего руководства РФ, привели к подписанию 16 июля 2001 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ. Этот Договор, в долгосрочной перспективе, приобрел важнейшее значение для развития взаимного социокультурного взаимодействия России и Китая. Достижения, достигнутые Россией и Китаем в этой области с 1992 г. (за десять лет) были обобщены и развиты в тексте Договора. В этом тексте, в частности, были закреплены основы и статус взаимных двухсторонних социокультурных взаимодействий, как «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования» [5].

В Договоре предусматривается ответственность за сотрудничество с КНР в сфере образования различных государственных организаций и учреждений. К ним относятся: Совет при Правительстве РФ по повышению конкурентоспособности ведущих университетов РФ среди ведущих мировых научно-образовательных центров; МИД России; Министерство образования и науки Российской Федерации; Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Подтверждением тенденции интернационализации отечественного образования могут служить многие российские правительственные документы и положения: приоритетный национальный проект «Образование», Закон РФ «Об образовании», который предоставил право ведения внешнеэкономической деятельности образовательным учреждениям. В Китае это – «Закон об образовании Китайской Народной Республики», в котором сказано: «Государство поощряет развертывание внешних обменов и сотрудничества в сфере образования», «Закон о высшем образо-

вании Китайской Народной Республики» устанавливает: «Государство поощряет и поддерживает международные обмены и сотрудничество в области высшего образования» [6]. Кроме того, сюда же относятся следующие документы: «Руководящие положения о посреднических услугах для выезжающих на обучение за рубеж за свой счет» Министерства образования КНР, создание «Организации по контролю за обучением за рубежом», подписание соглашения с ЮНЕСКО, создание «Центра Министерства образования по оказанию услуг выезжающим на учебу за рубежом», учреждение «Государственного стипендиального фонда для лучших студентов, выезжающих на учебу за рубеж за свой счет», программы «Фонд стартового капитала для проведения научных исследований по возвращению на родину обучившихся за рубежом» и ряд других программ.

В 2006 году в Шанхае было подписано Соглашение правительств государств – членов ШОС «О сотрудничестве в области образования» [7]. Оно вступило в силу через два года, в 2008 году. Концепция данного документа состоит в том, чтобы создать евразийское образовательное поле как составную часть мирового образовательного пространства, что имеет особую актуальность в геополитическом, социальном и академическом плане.

В поддержку социокультурного взаимодействия России и Китая в последнее время были подписаны важные документы, которые свидетельствуют о дальнейшей положительной динамике развития гуманитарной сферы взаимоотношений обеих стран, а именно: Меморандум взаимопонимания между Минобрнауки России и Министерством образования КНР о сотрудничестве в реализации приоритетных направлений в области образования (2012 г.).

План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 года был подготовлен в рамках Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в гуманитарной сфере, являющейся одним из эффективных инструментов развития двусторонних гуманитарных связей. Данный план отражает намерение двух государств развивать долгосрочные отношения с помощью динамичного расширения обменов и сотрудничества между Россией и Китаем в гуманитарной области.

Анализируя нормативно-правовые основы сотрудничества китайской и российской сторон в сфере образования, мы приходим к выводу, что за последние два десятилетия сложилась обширная нормативно-правовая база образовательного сотрудничества. После распада СССР на протяжении 90-ых годов Россия подписала ряд соглашений с китайской стороной в сфере гуманитарного сотрудничества, тем самым заложив основу образовательных связей. Ключевым документом, обеспечившим качественное изменение российско-китайских отношений и ставшим стимулом для дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества, стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ, подписанный в 2001 году. В настоящее время складывается основа для многостороннего образовательного сотрудничества в рамках ШОС, БРИКС, что в перспективе позволяет говорить о создании новых форматов взаимодействия высших школ России и Китая.

В последние годы Китай ведет активную политику экспорта образовательных услуг. За счет стимуляции процесса привлечения иностранных обучающихся, а также в целях распространения китайского языка и культуры, правительство КНР получило только за период 2007-2008 учебных годов 880 млн.долл. (для справки – один год средней стоимости обучения в китайских вузах в 20000 юаней – около 3000 долларов США). 132 милл. долл. было заработано на преподавании китайского языка иностранцам [8]. Лучшие иностранные студенты, обучающиеся в Китае, в соответствии с программой поощрения, открытой в 2006 г. Китайским банком развития и Государственным стипендиальным советом, а также «Планом обучения иностранцев в Китае» по таким специальностям, как экономика, финансы и менеджмент, получили стипендии и возможность бесплатно обучаться в КНР.

Ежегодно количество мест для бесплатного обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях Китая возрастает в среднем на 1000 человек, из них 53,7% в магистратуре и аспирантуре. Из 1000 человек, обучающихся, стажирующихся и работающих специалистов в китайских университетах, НИИ и прочих образовательных учреждениях, количество иностранцев составило более 30%, причем общее коли-

чество подобных образовательных учреждений с 2012 году возросло до шестисот [8].

К сожалению, в России на протяжении последних пяти лет, наблюдается снижение доли дохода на рынке мировых образовательных услуг. Центр по вопросам исследований и инноваций ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) неизменно отмечает снижение уровня ежегодного дохода РФ за счет экспорта образовательных услуг. Для сравнения, аналогичный показатель в США составил 10,3 млрд. долл., в Австралии - 2,2 млрд.долл., в Китае – 0,9 млрд.долл., тогда, как в России этот показатель не достигал в максимуме 200 - 500 млн.долл. в год (0,5% от мирового рынка образовательных услуг) [8].

По статистическим данным исследования, проведенного ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет» в 2016-2018 г. среди китайцев, обучающихся в вузах Екатеринбургa (было опрошено 390 китайских студентов в УрГУПС, УрФУ, УГТУ), отмечается снижение интереса китайских студентов к обучению в российских вузах, что обуславливается следующими причинами: высокий уровень преступности на расовой и межэтнической почве, низкое качество социальной инфраструктуры вузов, трудность освоения русского языка как иностранного, суровый климат, требующий дополнительных затрат на приобретение теплой одежды и обуви, отсутствие адаптированных программ курсов под иностранных граждан.

Таким образом, процесс развития академической мобильности, который был воспринят, в свое время, как шаг вперед в плане всеобщего повышения интеллектуализации мирового общества, многих руководителей российских вузов заставил ориентироваться не на качество обучения иностранных студентов, а на количество (доля иностранных граждан к приведенному контингенту входит в отчетные показатели эффективности деятельности вузов, поэтому иностранные граждане, являясь необходимым ресурсом существования российских вузов, зачастую мотивируются не на получение профессиональных знаний и навыков, а лишь на численное присутствие в вузе). Кроме того, говоря о вопросах развития академического сотрудничества в области образования, необходимо отметить недостаточное количество квалифицированных специалистов и преподавателей (воп-

росы языковой подготовки преподавателей) в Российских вузах.

У России для укрепления собственных позиций на образовательном рынке КНР есть уникальные преимущества. Это не только географическая близость двух стран, но и значительный образовательный и научный потенциал в ряде областей, а также сходство направлений модернизации систем образования в России и Китае. На современном этапе необходимо более активное подключение государства к выработке стратегии укрепления позиций России на образовательном рынке Азиатско-Тихоокеанского региона, и Китая в частности, определения потенциала нашей страны как поставщика образовательных услуг, разработки программы приоритетов. Согласно Концепции экспорта образовательных услуг РФ на период 2011–2020 гг., разработка стратегии поручена Министерству образования и науки, а координацию работы осуществляет единый межведомственный орган – специально созданная для этого правительственная комиссия. Именно она должна восстановить макрорегулирующие функции государства в процессе международного сотрудничества университетов, объединить усилия государства, университетов, научных учреждений и общественных организаций. Ее задача заключается в том, чтобы провести системный анализ имеющейся информации, получаемой от вузов, работников органов образования, и, самое главное, ученых из разных областей науки. Необходимо учитывать, что грамотное освоение образовательного рынка Китая невозможно без тщательного анализа не только тенденций развития его системы образования, но и общего социально-политического, экономического и культурного контекста.

Литература

1. Фэн Юйцзюнь. Китайские государственные интересы в отношениях между Китаем и Россией. / Исследования по России. 2007 г. №2. С. 41.
2. Цзян Вэйсин. Внешняя политика при президенте Д. Медведеве и ее влияние на китайско-российские отношения. Диссертация. Хэйбэйский Педагогический университет, 2014. С. 19–20.
3. Цинь Мин. Исследования по вопросам китайско-российской культурной дипломатии в рамках стратегического партнёрства. Диссертация. Институт северо-восточной Азии, 2014 г.
4. <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/554843>
5. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Официальный сайт Президента РФ // URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2004/10/78193.shtml>
6. г. Хабаровск Сборник докладов 9-го форума ректоров университетов Дальнего Востока, Сибири РФ и Северо-Восточных провинций КНР, 12-14 октября 2010 г.
7. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования Режим доступа: <http://www.mid.ru/VDOMP/sprmd.nsf/0/F818B7600E68231643257DEB0026A23E>
8. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях РФЖ статистический сборник. Вып.9. / Авт.-сост. А. Л. Арефьев, Ф. Э. Шереги. М.: РУДН, 2012. С. 124. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/stat9.pdf>

Социальные механизмы в управлении мегаполисом

Мозолевский В. Б.

В данной статье автор детально рассматривает понятие «социальные механизмы» и определяет их место в жизни людей. Проводится анализ социальных механизмов, связанных с управленческой деятельностью. Отдельное внимание уделяется использованию социальных механизмов в рамках мегаполиса и их роли в его жизнедеятельности. Рассмотрен вопрос внедрения новых социальных механизмов, обусловленный развитием технологий и последними тенденциями, как на старом базисе, так и с привлечением новых инструментов. Автором проводится оценка устоявшихся социальных механизмов и рассматривается перспективность внедрения качественно новых механизмов, сопряжённых с развитием общества. Особо выделены социальные механизмы управления и их применение в рамках мегаполиса.

Ключевые слова: Социальное взаимодействие, управление мегаполисом, социальные механизмы управления, агломерация.

Mozolevskii V. B.

Social mechanisms in metropolis management

This article is devoted to the concept of social mechanisms and their role for the society and individuals. The author analyses the types of social mechanisms of management. The key factor described in the article is the implementation of social mechanisms within a metropolis and the way these mechanisms influence the life and functioning of a metropolis. Another vital issue is the integration of new social mechanisms which is tightly connected with the technological development and the latest trends both within the old and the new paradigm and techniques.

The author evaluates the accepted social mechanisms and tries to estimate whether it is beneficial to implement new mechanisms. Also author is attended to social managing mechanisms and its using in the metropolis life.

Key words: Social interactions, metropolis management, social management mechanisms, agglomeration.

На протяжении всей своей истории человечество неразрывно связано с тем, чтобы выстраивать отношения с окружающим их миром. Понимание правил такого сосуществования необходимо в первую очередь для выживания в условиях агрессивной внешней среды. Со временем были выведены определённые правила поведения по отношению к этому самому миру, которые и обеспечивают, до настоящего момента, человечеству возможность не только для выживания, но и для развития. Однако, если с одной стороны, для внешней среды можно вывести определённые правила, которым можно следовать для благополучного взаимодействия, то с другой стороны есть ничуть не менее серьёзный и значимый пласт отношений — это отношения внутренние.

По мере развития организации пространства жизнедеятельности, начиная поселениями и заканчивая государствами, возникала необходимость создания условий для стабильного взаимодействия государства и населения, при этом роль социальных механизмов оказывается всё более значимой. Сам термин «социальный механизм» прочно вошёл в социологический обиход. Социологический энциклопедический словарь С. А. Кравченко описывает социальный механизм как способ упорядочения социального процесса, форму организации; взаимодействие общественных структур, посредством которого обеспечивается функционирование системы в целом [3]. В то же время, согласно Р. Мертону социальный механизм зависит от своей качественной специфики, которая выражается посредством способа, которым осуществляются социальные функции [10].

Иными словами, мы должны рассматривать социальный механизм как способ организации и осуществления социального взаимодействия,

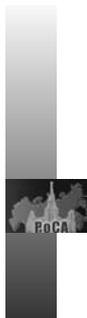

Рис. 1. Структурно-функциональная характеристика категории «социальный механизм» в современной практике управления

но в то же время, для каждого социального механизма характерна своя специфика. Для нас принципиальным является раскрытие социальных механизмов в современной практике социального управления.

По сути, социальный механизм сам по себе может отождествляться с определённым управленческим механизмом, в силу своих особенностей, вытекающих из определения. Кроме того, сами по себе социальные механизмы, образующиеся в силу объективных или субъективных причин естественным или искусственным путём (или же на их перекрестье), регламентируют и упорядочивают процесс взаимодействия между субъектами.

Для понимания сути социальных механизмов, стоит привести некоторые примеры, в которых такие механизмы наиболее ярко выражены. Это тоже является значимым критерием, поскольку зачастую бывает так, что при всей очевидности, социальный механизм оказывается латентным. В качестве примера базового естественного социального механизма можно

привести семью. Примечательно, что в случае с семьёй социальный механизм совпадает с самой условной организацией. В качестве иллюстративного примера масштабных социальных механизмов можно привести государственный механизм. Такой пример, не смотря на то, что нельзя напрямую отождествлять механизм государственный с механизмом социальным, так как государство лишь представляет его легитимную часть, наглядно демонстрирует то, каким образом существуют и функционируют социальные механизмы.

При всей сложности такого термина как «социальный механизм», О.Ю. Максимова и В.А. Масликов в своей статье «Структурно-функциональный анализ категории «Социальный механизм» в современной практике управления» демонстрируют блок-схему, которая полномерно иллюстрирует то, как устроен, на что нацелен и как регулируется социальный механизм в целом [9].

Исходя из представленной схемы, можно предположить, что структура социального ме-

ханизма в действительности во многом зависит от сферы, в которой тот или иной социальный механизм применяется. То есть в каждой отдельной организации социальные механизмы будут отличаться, однако, если они изначально обладают схожей характеристикой то и социальные механизмы, зачастую, будут применяться схожие. Причём это может касаться как внутриорганизационных взаимодействий, так и взаимодействий, направленных на получателя вне неё. Чаще всего, при использовании термина «социальный механизм», имеется ввиду последнее взаимодействие.

Однако не стоит забывать, что если мы рассматриваем любую иерархическую организационную систему, то социальные механизмы с этой системой будут как совпадать с номинальной структурой, так и различаться. Это связано с тем, что люди, стоящие иерархически на одном уровне стратегически могут обладать одними целями, но профильно быть заинтересованы в других.

Место человека в социальных механизмах обусловлено изначально, так как сами эти механизмы встроены в социальные системы, институты, нормы, ценности и пр. То есть человек, будучи социальным субъектом, по умолчанию является причастным к социальным механизмам. В зависимости от того, что это за социальная система, зависит и то, какую роль в механизме играет сам человек. Кроме того, один и тот же человек чаще всего является частью сразу нескольких социальных механизмов. По сути, чем больше людей локально проживает и чем большую мобильность они показывают, тем больше социальных взаимодействий они осуществляют, тем больше появляется социальных структур и, как следствие, увеличивается вариативность социальных механизмов.

Самой высокой плотностью населения в современном мире обладают мегаполисы. В то же самое время мегаполис, согласно Г. М. Лаппо, является сложной системой, которая состоит из предельного числа динамических составляющих. При этом физическое пространство существования мегаполиса выходит за административные рамки города [7]. Данное определение полностью соответствует обозначенному ранее представлению о социальных механизмах. Точно так же, как внутри организации могут просматриваться механизмы, не соответ-

ствующие административному разграничению, так же и мегаполис, как социальное явление, не укладывается в административные границы. Определение Г.М. Лаппо описывает структуру мегаполиса, в то время как И. В. Федякин раскрывает мегаполис со стороны социальной, наделяя его возможностью являться самостоятельным субъектом глобальной и национальной политики [14]. Здесь имеется ввиду политика не в узком политологическом смысле, а в широком социологическом. То есть мегаполис по факту проявляет себя как полноправного участника в экономическом, социально-культурном и даже образовательно-научном плане независимо от того, оказывает он эффект как локальный или же как глобальный субъект отношений.

В данном свете представляется очевидным объём принципиально нового труда, заложенного в создание социальных механизмов управления мегаполисом. Проблематика управления мегаполисом столько нова, сколько многогранна. Одним из самых известных российских учёных, который посвятил свою жизнь изучению мегаполисов, был В. Л. Глазычев [4]. В его работах раскрывается вся многослойность мегаполисов и, как следствие, сложности в их управлении. Устоявшиеся ранее модели городского поведения меняются с совершенствованием и появлением принципиально новых методов организации городского пространства. Если говорить о Москве, то этот мегаполис, изначально оказавшись в самом сердце изменения государственного строя, в дальнейшем оказался заложником необходимости высокотехнологичного развития.

При перманентном увеличении числа жителей создаются разноплановые проблемы, от перенаселения и транспортных коллапсов, до межкультурного и этнонационального влияния на городскую социальную среду. Последний пласт проблем зачастую связан с локальным проживанием в рамках мегаполиса групп людей, обладающих общими культурными и этническими характеристиками. Как следствие, в городе образуются обособленные культурные ячейки, а территории, на которых проживают обособленные таким образом группы лиц, трансформируются в условные культурные автономии. Классическим примером такой условной автономии можно назвать Чайна-Таун на

Манхэттене в Нью-Йорке (США). Как результат, устоявшиеся социальные механизмы деформируются под влиянием внешних факторов [12].

Наряду с проблематикой социальных механизмов управления на уровне обще-социальном, нельзя забывать и об институциональном факторе. В данном случае мы подробнее остановимся на институте городской власти, ведь именно этот институт отвечает за обустройство городского пространства и качество жизни населения в нём. Здесь будет уместно вспомнить упомянутые ранее обстоятельства становления Москвы как мегаполиса, прошедшего через смену государственного строя и технологический рывок. В первом случае развитие тогда ещё городского пространства прошло через потрясения управленческого характера. В советское время управление городом происходило через исполнительный орган того времени – исполком Моссовета. Де факто московский исполком выполнял решения Городского Комитета [3]. Однако данная система была кардинальным образом изменена в 1991 году. Тогда Москва впервые получила собственного мэра и правительство. Интересный факт заключается в том, что до сентября 1991 года было два органа городского управления – только что созданное правительство и Московский городской исполнительный комитет [1].

Старые социальные механизмы управления были упразднены, на их место пришли качественно новые. При изменении системы невозможно полностью обновить кадровый состав. В противном случае это может привести к тому, что система управления на какое-то время вовсе перестанет работать, так как опыт в управлении городом – это серьёзный массив данных. Однако, бывают случаи куда более радикальные, чем описанный нами выше. В истории такого мегаполиса как Лондон зафиксирован случай, когда Маргарет Тэтчер лично ликвидировала совет Большого Лондона, так как он оказался рудиментарным. По факту это оказалось правильным решением, так как не смотря на административные аспекты, некоторые фрагменты городской среды переходили на уровень самоуправляемых территорий. Вся инфраструктура оставалась при этом в ведении города, но сами жители могут непосредственно участвовать в жизни города на муниципальном уровне [5]. Управление десяти-

лионным городом по факту перестаёт быть городским управлением и превращается в управление государственное, сопоставимое с управлением десятиллионным государством. А такого рода управление физически невозможно осуществлять из единого центра. Стоит также обратить внимание, что терминологически органы управления Москвы не называются «органами управления», а представляют собой непосредственно «органы власти», что также подчёркивается на официальном портале Правительства Москвы [11].

В настоящее время мы являемся свидетелями второго ключевого момента в развитии московского мегаполиса – технологического. Несправедливо выделять исключительно технологический фактор, ведь по факту имеет место кумулятивный эффект их совокупности, однако значение технологий в современном развитии Москвы сложно переоценить. Технологизация общества и Москвы в частности, является неким отправным маркером, который можно поставить на форвардную позицию в развитии.

Благодаря упомянутому выше комплексу факторов, в настоящее время Москва является не просто столицей России, она является экономическим сердцем страны и одной из главных экономических артерий Таможенного Союза. Экономическая значимость влияет на социальную значимость, благодаря чему мегаполис обогащается как высококвалифицированными человеческими ресурсами, так и неквалифицированной рабочей силой.

Ещё одним важным критерием становления Москвы как мегаполиса является мировая значимость города. Москва является крупнейшим Российским транспортным узлом, а глобальная транспортная инфраструктура насчитывает одиннадцать железнодорожных лучей, пять газопроводов, три нефтепровода и пятнадцать автомагистралей. Кроме того, московская собственная транспортная инфраструктура насчитывает три крупных международных аэропорта, два аэропорта регионального значения, три речных порта и девять вокзалов [13]. Благодаря этому Москва играет важную роль, как в мировой товарной логистике, так и в социальных транспортных путях. Для того, чтобы управлять такой многоуровневой системой, необходимо детальное понимание внутренних механизмов социального взаимодействия.

Московский мегаполис – это сердце московской агломерации, а значит, при создании механизмов управления данным мегаполисом, отдельно стоит выделять аспекты, касающиеся и агломерации. Кроме того, что мегаполис стремится к поглощению близлежащих территорий, население всей агломерации стремится к тому, чтобы вести социальную и экономическую часть своей жизни в самом мегаполисе. Это обеспечено многими факторами, главными из которых можно выделить, более высокую финансовую отдачу и более статусное рабочее место. Кроме того, человек склонен выбирать для проживания места с более благоприятными и удовлетворяющими его условиями [8].

Можно сделать вывод, что на первый взгляд социальные механизмы управления, формирующиеся самостоятельно или искусственно создаваемые в мегаполисе, ничем не отличаются от обычных городских социальных механизмов. Но это утверждение справедливо лишь отчасти, ведь различия значительны и следуют они из самой разницы между мегаполисом и обычным городом, даже если население последнего зашло за отметку в один миллион человек. Кроме этого, нельзя забывать, что социальные механизмы, используемые в управлении мегаполисом, обладают своей спецификой.

Жизнедеятельность мегаполиса как таковая обладает сложной экономико-социальной структурой. Процессы подвержены влиянию как внешних, так и внутренних факторов, что способствует усложнению построения работающих механизмов социального управления. Само становление мегаполиса обладает собственной историей, которая накладывает свой отпечаток и значительно обуславливает вектор дальнейшего развития. Для того, чтобы создать чёткие рабочие механизмы социального управления, необходимо понимать природу тех процессов, на которые создаваемый механизм должен влиять, а также предусматривать последствия и общее значение влияния данных механизмов.

Литература

1. Агафонкин Демид Борисович. «Система органов законодательной и исполнительной

власти в городе Москве»: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 : Москва, 2002 267 с.

2. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: Более 10 000 единиц. М., 2004, 511 с.

3. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / Предисл. М. Джиласа. – М.: МП «Октябрь», «Советская Россия», 1991. – 624 с.

4. Глазычев В. Л. «Урбанистика.» - «Европа», 2008. – 220 с.

5. Глазычев В.Л. Культурный потенциал городской среды. М., 2011. С. 50

6. Иванов, В. Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев – М. : Экономика, 2001. – 620с. – (Энциклопедия управленческих знаний).

7. Лаппо Г.М. География городов. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 72 с.

8. М.Г. Анохин, Д.С. Чумаков. Московский Мегаполис в современном российском политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов – 2014. (5 – 12с.)

9. Максимова О. Ю., Масликов В. А. Структурно-функциональный анализ категории «Социальный механизм» в современной практике управления // Вестник ГУУ. 2016. №3

10. Мертон Р. Социальная структура и anomia // Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Издательство «Прогресс». С. 299-313

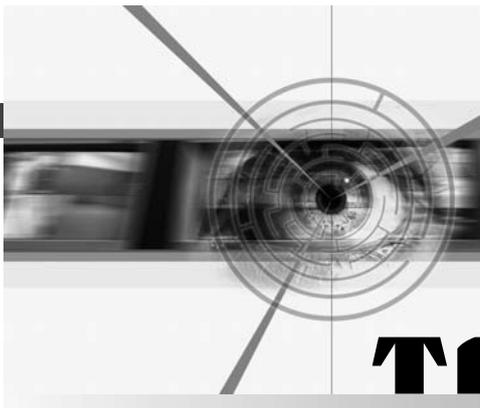
11. Официальный сайт правительства Москвы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/list/> (дата обращения 11.03.2019).

12. Политическая экспертная сеть «Кремль.ORG» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kreml.org/interview/65657837/> (дата обращения 29.02.2019).

13. Трофименко Ю.В., Якимов М.Р. Транспортное планирование : формирование эффективных транспортных систем крупных городов. – Москва: Логос, 2013. – С. 16. – 464 с.

14. Федякин И.В. Мегаполисы как субъекты политики: история и современность // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2013. – №8 (283). – С. 48-56

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Японская модель ротации государственных служащих

Белевич А.А.

Статья посвящена проблеме ротации кадров государственной службы Японии. В исследовании использованы методы исторического анализа, социокультурный подход, элементы статистического анализа и контент-анализ нормативно-правовых актов. Автор статьи приходит к выводу о том, что уникальность модели ротации государственных служащих в Японии заключается в наличии в ней традиционных элементов, однако в эффективности реализации данной модели существует ряд нерешенных проблем, что говорит о несовершенстве данной модели с точки зрения социологии управления. Ключевые слова: ротация кадров, кадровый резерв, вторичное трудоустройство, японская модель ротации государственных служащих.

Belevich A.A.

Japanese rotation model of public employees

The article is devoted to the problem of personnel rotation in the public service of Japan. The study used the methods of historical analysis, socio-cultural approach, elements of statistical analysis and content analysis of legal acts. The author concludes that the uniqueness of the rotation model of civil servants in Japan lies in the presence of traditional elements in it, but there are a number of unresolved problems in the effectiveness of the implementation of this model, which indicates the imperfection of this model from the sociology management point of view.

Key words: personnel rotation, personnel reserve, secondary employment, the Japanese model of rotation of civil servants.

Актуальность темы исследования связана с тем, что повышение эффективности функционирования институтов государственной власти является одной из приоритетных задач государственного управления любой страны. Решить такую задачу можно только при наличии квалифицированного кадрового резерва и при минимальном уровне коррумпированности государственных служащих. Наиболее эффективным методом решения проблем эффективности бюрократического аппарата, по мнению большинства исследователей, является система ротации кадров. Более того, на уровне международного права ротация кадров признана эффективным методом борьбы с коррупцией. В частности, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года содержит положение о том, что каждое государство-участник должно стремиться к созданию максимально прозрачных и демократичных систем приема на работу и резерва кадров, основываясь на системе ротации по объективным критериям (безупречность работы, способности и квалификация, включая надлежащие процедуры отбора и подготовки кадров для занятия публичных должностей)[1].

Тем не менее, как зарубежные, так и отечественные исследователи отмечают негативные проявления системы ротации (падение производительности труда в периоды адаптации служащих к новым должностям; значительные материальные затраты на обеспечение системы ротации, особенно в случае с переселением служащего с семьей в другой регион; снижение общего уровня компетентности служащих) [2].

В отечественной историографии также встречается мнение о том, что система ротации

показывает свою наибольшую эффективность в странах с низким уровнем коррупции, к числу которых относится Япония [3]. Модель ротации кадров, которая существует в Японии, часто приводится в пример как система перемещений госслужащих, имеющая наиболее мощный антикоррупционный потенциал. На наш взгляд, система ротации кадров японской модели заслуживает более пристального внимания не только с позиций эффективности борьбы с коррупцией, но и с точки зрения управленческих преимуществ и недостатков.

Истоки формирования современной системы ротации кадров восходят к серии послевоенных реформ в Японии, которые были направлены на оптимизацию и повышение эффективности работы бюрократического аппарата государственной службы. Для координации проведения и реализации реформы в декабре 1948 года в соответствии с «Законом о государственной службе (NPSL)» в Японии было создано Национальное кадровое управление (NPA в буквальном переводе – Национальное кадровое агентство) [4]. Формально данная структура подчинена кабинету министров, но фактически Управление действует как независимый орган. Управление как центральный элемент системы ротации кадров для государственной службы призвано сохранять нейтралитет в отношениях между государственными служащими и политическими деятелями, защищать благосостояние работников бюрократического аппарата и их интересы в отношении компенсации определенных ограничений их трудовых прав, которые возникают в связи с системой ротации.

С точки зрения специализации, Национальное кадровое управление является центральным кадровым агентством правительства Японии. Возглавляют данный орган три комиссара. Уполномоченные комиссары назначаются Кабинетом министров с согласия главы государства сроком на четыре года. Один из трех уполномоченных комиссаров имеет полномочия, равные полномочиям министра. Секретариат Управления возглавляется Генеральным секретарем, полномочия которого аналогичны полномочиям заместителя министра. Секретариат состоит из четырех бюро, Национального совета по этике государственной службы, Национального института государственного управления и региональных отделений, местных отделений отделения.

В системе ротации кадров Национальное кадровое управление выполняет следующие функции:

1. определение правил, касающихся назначения, продвижения по службе и выхода на пенсию;
2. проводит приемные экзамены на ротированные должности;
3. рекомендует пересмотр заработной платы и планирует альтернативные системы оплаты труда;
4. координирует и проводит учебные программы;
5. отвечает за условия труда и благосостояние государственных служащих;
6. контролировать дисциплину и этику (на основе системы Кайдзен);
7. рассматривает негативные действия, предпринятые министерствами и ведомствами в сфере борьбы с коррупцией.

В системе ротации кадров государственной службы Японии огромное значение придается конкурсным экзаменам при первичном трудоустройстве и подборе государственных служащих для ротированных должностей (вторичное трудоустройство). Любой японский гражданин, достигший совершеннолетия, имеет право сдать конкурсные экзамены, которые обычно состоят из тестов на общие знания, тестов на специальные знания и итогового собеседования [4].

Что касается проверки знаний специалиста, экзамены делятся на отдельные подразделы, такие как право, экономика, физика и т.д., которые каждый кандидат может выбрать в соответствии со своей специализацией. Успешно сдавшие конкурсные экзамены граждане заносятся в список приемлемых кандидатов. Список действителен в течение определенного периода – 1,5 месяца), в течение которого каждое министерство и ведомство отбирают кандидатов из списка для собеседования и определяют окончательным выбором, кого из кандидатов они будут набирать на вакантные или ротированные должности [4].

Следует отметить, что вопрос о продвижении и ротации государственных служащих решаются руководством в одностороннем порядке, то есть руководство не обязано распространять объявления о вакансиях и не должно ждать заявлений от сотрудников. В этом плане система ротации значительно выигрывает по време-

Рис. 1. Основные элементы японской модели ротации государственных служащих.

ни по сравнению с набором кадров путем согласования вакантных позиций. Высокая оперативность замещения вакантных должностей достигается в японской системе ротации в результате того, что каждый отдел кадров конкретного министерства и ведомства составляют план движения персонала. Такие планы подлежат обязательному окончательному утверждению высокопоставленным должностным лицом, имеющим полномочия в сфере назначения на должности, например, министром или Генеральным секретарем Национального кадрового управления. Как правило, государственные служащие ротируются на новые должности каждые несколько лет. При этом ротируемые должности не обязательно являются должностями в тех же организациях, а иногда - в других министерствах и ведомствах. Государственные служащие, переведенные в другие организации, как правило, возвращаются в министерства или ведомства, в которых первоначально получил назначение, на более позднем этапе их карьеры [2].

Перемещение государственных служащих на новые должности в японской системе ротации кадров происходит не спонтанно, а на основе анализа заслуг каждого государственного служащего. Решение о ротации принимает начальство, причем такие решения не требуют экспертизы. Основными факторами при принятии решения о повышении являются такие критерии, как первоначальный уровень квалификации при приеме на работу, стаж и эффективность работы сотрудника. Высшие должностные лица, занимающие карьерный пост, могут

быть назначены на должность вице-министра по административным вопросам (Генеральным секретарем Национального кадрового управления) [4]. Такие прозрачные критерии, в частности, приняты в японской модели не только для ускорения процесса замещения должностей, но и с целью минимизации коррупции в самой системе ротации, когда высшее руководство без оснований могло бы повысить или понизить социальный статус чиновника при переводе на новую должность. Меры, которые обеспечивают минимизацию коррупции в самой системе ротации, прописаны в Законе об этике государственной службы, вступившем в силу в апреле 2000 года [5], причем злоупотребления властью государственными служащими при ротировании кадров считается недопустимым. Данный закон, на наш взгляд, призван обеспечивать также высокий уровень общественного доверия к государственному управлению, сдерживая любую деятельность, которая порождает недоверие к справедливости исполнения обязанностей, путем введения мер, способствующих сохранению этики, связанной с обязанностями должностных лиц государственного аппарата. В частности, на основании данного закона был создан Национальный совет по этике государственной службы при Национальном кадровом управлении, ответственный за проведение исследований, касающихся соблюдения этики государственными служащими, а также за разработку стандарта дисциплинарных мер в качестве наказания работников, нарушающих этот закон. С точки зрения сравнения системы

контроля над этической стороной работы государственных служащих, особенно по сравнению с российскими условиями, интересен тот факт, что возможные негативные действия государственных служащих четко определены в законодательстве Японии, в частности Закон об этике государственной службы содержит обязательные к исполнению шаги руководящих лиц в отношении попыток взяточничества:

1) обязанность помощника главы ведомства или вышестоящих должностных лиц сообщать о подарках, услугах и т. д. стоимостью более 5000 иен полученные от предприятий или организаций;

2) обязанность заместителей генерального директора или высших должностных лиц раскрывать информацию о своих торгах на фондовой бирже и доходах;

3) назначение сотрудников по надзору за соблюдением этических норм в каждом ведомстве и министерстве, в том числе – должностными лицами государственной службы [5].

Отметим также, что за нарушение Закона об этике в Японии предусмотрена не уголовная, а административная ответственность, из чего можно заключить, что в японской модели ротации кадров меньше внимания уделяется легалистическим стилям администрирования, более того, японская модель включает определенные элементы, которые соответствуют культуре и традиционной институциональной структуре Японии. В результате в системе ротации кадров можно выявить некоторые уникальные японские обычаи, такие как амакудари (дословно переводится как «спуск с небес»). Данная традиция заключается в том, что высокопоставленные чиновники перемещаются на очень скромные должности по достижении предпенсионного возраста (60 лет, согласно реформе японской пенсионной системы 2011 года) [6]. В самом общем виде суть амакудари сводится к тому, что вознаграждение «сошедших с небес» чиновников отражается в системе ротации кадров. За повышение в должности в министерствах и ведомствах существует постоянная и довольно жесткая конкуренция при общей «пропускной способности» ротирования в 20 карьерных чиновников ежегодно. По окончании «карьерной гонки» победителей ожидает награда – переход на должность регионального уровня. Например, чиновники-амакудари из Мини-

стерства финансов считают престижным переход в конце министерской карьеры на должность руководителя регионального банка, пост в центральном управлении Банка Японии или Токийской фондовой биржи. В итоге чиновники – амакудари, которым удалось заполучить два или три руководящих поста, получали возможность сформировать свой совокупный доход за трудовую карьеру в несколько сотен миллионов йен исключительно за счет пенсионных выплат. Еще одна традиция в системе ротации кадров – ватари – заключается в том, что чиновники высокого ранга перемещаются («перелетают» в буквальном переводе с японского) с одного высокого поста на другой в разных по специализации министерствах и ведомствах, также обеспечивая себе солидный доход после выхода на пенсию. Тем не менее, такая практика стала восприниматься как социальная проблема, приводящая к расслоению населения по критерию доходов и в итоге амакудари было ограничено целым рядом исключительных мер, когда в 2008 году в Закон о государственных служащих были внесены соответствующие поправки. Новая редакция закона содержит разного рода ограничения в части прошений вторичного найма и требует предоставление сведений о работе в других ведомствах, а на перевод чиновника на иной пост влияет теперь только критерий результатов его работы на нынешнем посту, все остальные заслуги на прежних постах не являются критерием для ротации. Отметим, что до внесения поправок в законодательство единственным ограничением для чиновников – ватари и амакудари была необходимость в течение двух лет после ухода с бюрократической должности получить разрешение Национального кадрового управления при поступлении на работу в организацию, чья деятельность тесно связана с соответствующим министерством или ведомством [4].

Еще одним уникальным элементом в системе ротации кадров государственной службы Японии является стремление к повышению эффективности работы государственного бюрократического аппарата. При этом в системе ротации кадров необходимо сохранять определенный баланс между эффективностью и демократическими нормами. Более того, именно в Японии, где так прочно сохраняются традиционные элементы, необходимость достижения гар-

монии эффективности и демократии еще более актуальна, чем в некоторых западных странах. При существующей и описанной выше модели ротации кадров процесс гармонизации политики и администрирования идет не только на основе административного контроля за деятельностью чиновников, но и на основании этических принципов Кайдзен – практической философии, которая включает 5 основных принципов:

1. Аккуратность («seiri») – любая задача должна выполняться максимально внимательно с учетом каждой детали и мельчайших нюансов.

2. Порядок («seiton») – необходимость все расставлять своим местам, не только в работе, но и в жизни.

3. Чистота («seiso») – соблюдение чистоты не только на рабочем месте, но и во внешнем виде, в мыслях и намерениях.

4. Стандартизация («seiketsu») – тщательно продумывать собственную стратегию, ведущую к успеху.

5. Дисциплина («shitsuke») – выполняемые задачи должны четко соответствовать разработанному плану без отклонений от графика [4].

Таким образом, модель ротации кадров в Японии с точки зрения социологии управления можно считать уникальной среди стран региона. Несмотря на это, в реализации данной модели на практике можно отметить несколько проблем в администрировании, которые связаны с самой системой ротации государственных служащих. В частности, в Министерстве финансов, Министерстве экономики, торговли и промышленности и других ведомствах многие чиновники в должности начальников департаментов, перед выходом на пенсию, получают перевод на должности в автономных административных учреждениях по линии соответствующего ведомства. После внесения поправок в законодательство для ротации на новую должность необходимо сдать аттестационный экзамен первой категории для замещения новой руководящей должности.

Множество автономных организаций при министерствах создавалось именно с необходимостью обеспечения вторичного трудоустройства «не карьерных» государственных служащих. Для карьерных служащих после поправки в законодательстве началась негласная прак-

тика создания специальных рабочих мест, которые не столь необходимы обществу, не имеют прямой связи с повышением эффективности экономики и т.п. Такое вторичное трудоустройство чиновников высших рангов приводит к массовому возникновению административного «балласта» вместо создания эффективного кадрового резерва. В итоге эффективность управленческого персонала государственной сферы демонстрирует тенденцию к снижению, поскольку карьерные чиновники на специально созданных для них должностях зачастую некомпетентны в самой сфере новой деятельности или боятся самостоятельно принимать решения в оперативном порядке. Ярким примером такого кадрового «застоя» в прослойке вторично трудоустроенных карьерных чиновников являются проблемы администрирования, которые вскрылись в марте 2011 года, когда разрушительное землетрясение, вызвавшее цунами, обрушилось на восточное побережье Японии на префектуру Фукусима. Катастрофа сразу же привела к гибели тысяч людей, поглотила целые города, повредила атомные электростанции, оставила огромное количество людей без крова. В такой экстренной ситуации японская бюрократия высших чинов из числа карьерных чиновников вторичного трудоустройства показала свою неэффективность: в то время как жертвы катастрофы ждали помощи, а международные спасательные команды спешили в наиболее пострадавшие районы, японская бюрократия только замедляла доставку помощи. В частности, основываясь на строгих таможенных правилах Японии, касающихся импорта животных, чиновники таможенной службы (из числа вторично трудоустроенных) задержали швейцарскую поисково-спасательную команду, когда та пыталась доставить своих девять высококвалифицированных поисковых собак в зону землетрясения. Внутреннее волонтерское движение также не смогло преодолеть бюрократические препоны из-за плохой координации местных органов власти. Далее выяснилось, что беженцы из пострадавших районов не могут доставить продукты питания по причине нехватки топлива в то время, как руководство префектуры не смогло вовремя распределить стратегический запас топлива в зону стихийного бедствия. По причине неэффективности бюрократического аппарата префектуры были также от-

клонены пожертвования на лекарства из-за рубежа. При этом по данным Специальной комиссии, созданной в 2012 году для расследования бюрократической волокиты в ситуации катастрофы в префектуре Фукусима, выяснилось, что 67% чиновников высшего ранга на ответственных постах получили свои должности в результате вторичного трудоустройства, согласно системе ротации кадров [7].

Вторая проблема – постоянное давление чиновников на принимаемые политические решения по сравнению с выборными должностями. В то же время между выборными политиками и большинством ротированных национальных бюрократов существуют тесные связи – личные, организационные и идеологические. Вхождение в мир выборной политики – это только один из многих способов, которыми администратор или целый орган может влиять на политические решения. Конечно, сегодня нет современной бюрократии, которая была бы оторвана от политики. Одним из наиболее важных средств бюрократического влияния на политику в Японии является ее влияние на формирование, принятие и реализацию политических решений.

Один из опросов бюрократов национального уровня показал, что все 80% считают, что именно они, а не избранные политики, решают проблемы общей национальной политики Японии. Данный показатель, по сравнению только с 25% британских и 15% опрошенных немецких государственных служащих, является очень высоким [8].

Карьерные чиновники Японии, несомненно, считают себя активными участниками политического процесса, а не пассивно реагирующими на политические меры. Фактически, большая часть фактического законодательства в Японии состоит не просто из законов, но именно из внепарламентских постановлений, изданных на основании только полномочий чиновников высшего ранга. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при всей уникальности японской модели ротации кадров государственной службы, обусловленной включениями в нее традиционных японских культурных и этических элементов, данная модель отнюдь не совершенна.

С одной стороны, преимуществами данной модели является оперативность принятия решений о ротировании должностей, поскольку такие решения не требуют публичного дискур-

са (согласований, размещений вакансий и т.п.); относительно низкий показатель коррумпированности государственного бюрократического аппарата за счет своевременного перемещения чиновников как по горизонтали, так и по вертикали внутри и между министерствами и ведомствами.

С другой, в системе ротации кадров государственной службы отмечаются недостатки: низкая «пропускная» способность на высоких должностях приводит к специальному созданию рабочих мест под конкретных карьерных чиновников, формируя бюрократический «балласт» вместо кадрового резерва; сохранение традиционных элементов (ватари, акамулари) приводит к ограничению прав на трудоустройство молодых кадров, к дискриминации по традиционному признаку.

В японской модели ротация государственных служащих по горизонтали и вертикали происходит через каждые 2 – 3 года, при этом на уровне местных властей существуют должности, назначение на которые происходит на определенное время, по истечении срока работы на таких должностях служащие перемещаются на свои прежние должности. При этом с таких «проходных» должностей возможен возврат только на прежнюю должность, но не более высокий пост. В результате служащие в местных администрациях не получают возможности карьерного роста, хотя в Японии система ротации кадров государственной службы считается гарантией всестороннего развития госслужащих и их успешной карьеры. Все это в совокупности приводит к тому, что бюрократический аппарат не в состоянии оперативно реагировать на проблемы, возникающие в экстренных ситуациях, создавая лишние административные барьеры и не позволяя адекватно решать насущные вопросы.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. ООН. Конвенции и соглашения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. Hiroaki Inatsugu. Personnel Systems in Japanese Local Governments. The International Bank

for Reconstruction and Development/The World Bank Institute. Washington. 2001. 29 p.

3. Сафронов А. Д., Галанин О. А. Проблемы и перспективы ротации государственных служащих Российской Федерации. // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 14. – С. 16-22.

4. Национальное кадровое агентство Японии. Официальный сайт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://jinjibu.jp/>

5. National Public Service Ethics Act. Japanese Law Translation. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&re=01&id=104>

6. Горшков Н.Н. Ротация руководящих кадров в зарубежных странах. // Вестник Москов-

ского университета МВД России. 2013. №8. – С.161-164.

7. Расследование причин задержки помощи в районы Фукусима. Отчет Специальной комиссии при Правительстве Японии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.iwanami.co.jp/kagaku/Kagaku_201411_Baverstock_r.pdf

8. Stockwin A. Political transformation in Japan as a source of insight. Journal Japan Forum. Volume 30, 2018 - Issue 1: Kawabata Yasunari in the Twenty-First Century. P. 132-147.

9. Хлынов В. Н. Японские «секреты» управления персоналом / В. Н. Хлынов; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. - М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. – 107 с.

10. National Personal Authority of Japan. URL: <http://www.jinji.go.jp/en/>

Корпоративная социальная ответственность в Китае, России и США: результаты экспертного опроса

Ли Мяо

Современная концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) характеризуется недостаточной исследованностью влияния межкультурных различий на цели и практики КСО, а также новых, информационных аспектов ответственности компаний перед обществом. В статье приводятся результаты экспертного опроса представителей компаний из КНР, РФ и США, отчасти восполняющие эти пробелы. В ходе исследования выявлено, что различия в целях и практиках между компаниями из трех стран объясняются не только различиями экономической и институциональной среды, но и ценностно-нормативными моделями. В частности, подтверждено влияние институционального коллективизма и дистанции до власти в КНР, семейного коллективизма и дистанции до власти в РФ, индивидуализма — в США. Исследование также показало, что компании признают наличие особой информационной ответственности в структуре КСО. Полученные результаты позволяют предположить, что в информационном обществе социокультурная основа КСО образована взаимодействием характерной для него информационной культуры и ценностно-нормативных моделей национальных культур.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, КСО, устойчивое развитие, устойчивое информационное общество, деловая культура

Li Miao

Corporate Social Responsibility in China, Russia and USA: results of an expert survey

Contemporary theory of Corporate Social Responsibility (CSR) is characterized by the lack of attention to cross-cultural differences in CSR goals and practices as well as to some new aspects of responsibility, which came on stage due to the emergence of the new information society. The current study addresses these issues by conducting expert survey among representatives of Chinese, Russian and American companies. The study shows that the differences in CSR goals and practices between the companies from these countries should be explained not only by the differences in economic and institutional settings but also by culture. In particular, it confirms the influence of institutional collectivism and power distance in China, family collectivism and power distance in Russia, individualism in USA. The study also shows that companies recognize specific informational aspects of CSR. It is hypothesized that in the information society sociocultural basis of CSR is determined by the interaction between its specific information culture and normative models of national cultures.

Keywords: corporate social responsibility, CSR, sustainable development, sustainable information society, business culture

Введение

Современные представления о регулировании взаимоотношений между обществом и бизнесом, выходящем за рамки простого соблюдения законов, основаны на концепции корпоративной социальной ответственности (КСО) и ее различных вариантах: корпоративной устойчивости, корпоративного гражданства, разделяемых ценностей, социальной отчетности и др. Базовая идея КСО заключается в том, что компания в своей деятельности должна ориентироваться не только на задачу максимизации ценности для собственников, но и способствовать социальному и экономическому развитию всего общества, учитывать интересы различных социальных групп (работников и их семей, местных жителей), государства, заботиться о сохранении природы.

Представления о социальной ответственности бизнеса, сформулированные в середине XX века как сугубо нормативная, этическая концепция, к концу столетия, благодаря теории стейкхолдеров, превратилась в гораздо более прагматическую модель, исходящую из идеи стратегической полезности КСО для долгосрочной устойчивости фирмы. Как следствие, в современной экономике КСО из абстрактной концепции превратилась в действующий элемент корпоративного управления и самостоятельный институт, закрепленный в международных стандартах, кодексах, внутренних документах и регламентах компаний, деятельности международных организаций.

Учитывая все возрастающую значимость, которую играют корпорации в определении направления социально-экономического развития и общественного благополучия, актуальность новой парадигмы сложно переоценить. Однако реализация на практике принципов КСО регулярно сталкивается со многими проблема-

ми во всем мире. Их главным источником считается то обстоятельство, что компании стремятся сводить свою социальную ответственность прежде всего к экономической ответственности, то есть, насыщению рынка товарами и услугами, созданию рабочих мест, уплате налогов [1, с.9]. Однако еще в 1970-х годах А.Кэрролл обосновал более сложную структуру социальной ответственности, включающей не только экономические, но также социальные, политико-правовые, экологические компоненты [2]. Развитие информационного общества привело к появлению новых сфер ответственности компании, связанными с информационной безопасностью, доступностью информационных ресурсов и сервисов, надежностью и достоверностью публичной информации. Стандартная концепция КСО практически никак не отражает этот аспект социальной ответственности, а представление об устойчивом информационном обществе только начинает формироваться [3; 4].

То, в какой мере компании реализуют различные аспекты КСО, может определяться не только институциональными, но и культурными факторами. В настоящее время различия в национальных деловых культурах, прежде всего, ценностных ориентациях, признаются как значимый фактор в деятельности организаций [5; 6]. Однако роль межкультурных различий в формировании целей и практик именно в области КСО остается в значительной степени не изученной. Сама концепция КСО, закреплённая в международных стандартах, исходит из представления об универсальности принципов социальной ответственности бизнеса. Однако существуют теоретические основания полагать, что различия в ценностных моделях могут оказывать существенное влияние на политику компаний [7]. Например, для китайской культуры, основанной на принципах конфуцианской этики, идея общественного блага и уважение к государству определяют большую естественность самой идеи социальной ответственности бизнеса, чем в индивидуалистических культурах, таких как США [8]. Аналогично, характерный для российской культуры патернализм в трудовых отношениях может выражаться в более высокой значимости отношений между компанией и работниками в структуре КСО [9].

Таким образом, современные исследования и практика в области КСО характеризуются дву-

мя главными недостатками. Во-первых, они практически никак не отражают появление новых сфер ответственности компаний, связанных с развитием технологий и институтов информационного общества. Во-вторых, влияние социокультурных факторов, в частности, ценностно-нормативных моделей национальных деловых культур, на цели и практики компаний в области КСО, остается практически не исследованным. Для устранения этих недостатков, нами было проведено сравнительное социологическое исследование.

Метод

Для решения поставленных задач был проведен экспертный опрос среди представителей крупных компаний из КНР, РФ и США, ответственных за деятельность в области КСО. Для решения поставленных задач эксперты квотировались по двум признакам. Национальная принадлежность позволила сравнить деятельность в области КСО компаний из трех существенно различающихся культурных регионов. Квотирование по отраслевому признаку было призвано выявить отдельные аспекты влияния информатизации на представления о социальной ответственности. Более конкретно, все эксперты были разделены на две категории: представляющие ИТ-сектор и работающие в более традиционных отраслях, прежде всего, добывающих и перерабатывающих. При этом мы исходили из того, что компании ИТ-сектора играют ключевую роль в становлении инфраструктуры информационного общества, а потому могут быть более восприимчивыми к новым, информационным аспектам социальной ответственности.

Экспертный опрос был проведен в онлайн-формате, с использованием сервиса Google Forms. Для респондентов из трех стран были разработаны три анкеты, на китайском, русском и английском языке. Приглашения к участию в опросе были разосланы на основе имеющихся баз данных компаний из трех стран. При этом рассылки осуществлялись среди крупных компаний, поделенных на две категории по отраслевому признаку, до тех пор, пока не был достигнут установленный целевой показатель в соответствии с принятыми квотами (10 экспертов для каждой отраслевой группы из каждой страны). Таким образом, общее число опрошен-

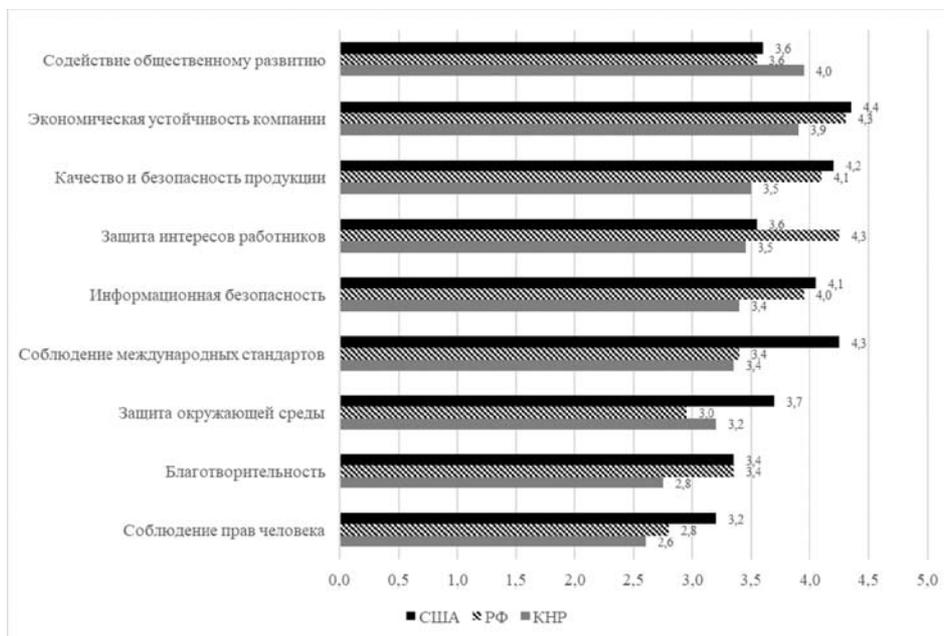

Рисунок 1. Выраженность различных аспектов КСО в КНР, РФ и США, средняя оценка экспертов по 5-балльной шкале

ных экспертов составило 60 чел., по 20 из каждой страны. Рассылка приглашений и сбор данных проходили в сентябре-октябре 2018 г.

Межкультурные различия в целях и практиках КСО

Сопоставление ответов экспертов из разных стран позволило выявить как общие черты в развитии отдельных аспектов КСО, так и заметные различия (рис. 1).

Как можно видеть, компании из разных стран в равной степени высоко оценивают экономическую составляющую социальной ответственности, и в равной степени низко – политическую. Это соответствует указанному выше представлению о том, что, независимо от культурного контекста, компании – прежде всего, экономические субъекты, и их объективные интересы в получении прибыли и обеспечении финансовой устойчивости играют ключевую роль в корпоративной политике, а потому должны учитываться в любой жизнеспособной модели КСО.

Несмотря на эти общие черты, между компаниями из разных стран имеются и важные различия.

Китайская модель КСО, как можно видеть,

отличается заметно более высокой ролью заботы об обществе в целом, однако меньшей заботой о качестве продукции. Как ни странно, но благотворительная деятельность также была оценена экспертами сравнительно низко, равно как и защита окружающей среды и соблюдение политических прав. Выраженная ориентация на общественные интересы полностью соответствует конфуцианской этике и китайскому коллективизму. Низкое значение защиты политических прав легко объясняется доминирующей ролью государства в китайской культуре. Недостаточное внимание к качеству продукции, благотворительности и экологической проблематике может показывать не столько нормативную ориентацию, сколько объективные институциональные ограничения и место в мировой экономике. Хотя китайские компании уже давно перестали быть «потогонными фабриками», производящими исключительно дешевый ширпотреб, поддержание низкой себестоимости продукции по-прежнему остается одним из главных конкурентных преимуществ китайской экономики. Это заставляет ограничивать деятельность в тех областях, которые могут подорвать экономическое положение компаний.

Рисунок 2. Относительная важность различных групп, интересы которых учитываются при решениях компаний в области КСО

Наиболее выраженной особенностью российской модели КСО является очень высокая роль ответственности перед работниками. Это соответствует другим исследованиям, показывающим, что именно этот аспект КСО является наиболее развитым в российских компаниях и считается приоритетным [1; 10]. С культурной точки зрения, важность социальной политики, направленной на работников, отражает патриархальную модель трудовых отношений, выстроенную по принципу «лояльность в обмен на социальные гарантии». С точки зрения модели национальных культур Г.Хофштеде, такой паттерн объясняется сочетанием высокой дистанции до власти, коллективизма и избегания неопределенности.

Для американских компаний гораздо большее значение имеют международные стандарты и экологические аспекты КСО. В объяснении этой особенности необходимо учитывать развитую институциональную среду, в частности, жесткое экологическое законодательство, конкурентный рынок и расплывчатый акционерный капитал, способствующий утверждению формальных правил. Однако не меньшее значение могут иметь и культурные факторы, такие как

индивидуализм и преимущественно контрактные деловые отношения, основанные на соблюдении правил, высокая гражданская активность и ценность здорового образа жизни, которые заставляют потребителей и общество требовать инвестиций в экологическую устойчивость.

Концепция КСО, сформулированная в контексте теории стратегического управления, предполагает, что долгосрочная устойчивость компании определяется ее способностью учитывать интересы всех основных групп заинтересованных лиц (стейкхолдеров). Однако конкретная роль этих групп в разных социокультурных контекстах может заметно различаться. Как показано на рисунке 2, состав стейкхолдеров, интересы которых наиболее влияют на политику компаний в области КСО, заметно различаются в трех странах.

Оценка значимости интересов отдельных групп влияния во многом подтверждает сделанные ранее выводы. Интересы собственников имеют в равной мере высокое значение во всех странах, что естественно для любой экономической модели. Также в равной мере высоко оценивается роль интересов поставщиков и других деловых партнеров. Однако в остальном

Таблица 1
Иерархия главных факторов, влияющих на КСО в КНР, РФ и США, средний балл (М)

Ранг	КНР		РФ		США	
	Фактор	М	Фактор	М	Фактор	М
1	Ожидания государства	4,6	Ожидания государства	4,7	Требования законодательства	4,3
2	Требования законодательства	4,0	Требования законодательства	4,5	Ожидания потребителей	4,3
3	Ожидания потребителей	3,7	Ценности собственников	4,3	Ожидания поставщиков	4,1
4	Ожидания поставщиков	3,7	Ценности топ-менеджеров	4,3	Ценности топ-менеджеров	4,0
5	Ценности собственников	3,7	Ожидания потребителей	4,0	Ценности собственников	3,9

наблюдаются различия. Прежде всего, обращает на себя внимание исключительно высокая роль, которую играет государство в формировании политики компаний в области КСО в КНР и РФ. С одной стороны, такой результат отражает высокую роль государства в экономике обеих стран. Однако сама эта высокая роль является следствием определенных культурных ценностей. Этатизм, уважение к государству и признание его высокой ответственности за все, происходящее в обществе, характерно для культурных моделей Китая и России и отражает общие для них ценности коллективизма и дистанции до власти.

Для Китая также характерно признание высокой роли общественных интересов, что, как уже было отмечено, отражает ценности конфуцианской культуры. Для России, напротив, высокая роль интересов работников, тогда как интересы общества и локальных сообществ склонны игнорироваться. На наш взгляд, эти данные отражают разницу между двумя типами коллективизма, которые выделяют исследователи. Если для Китая характерен, прежде всего, институциональный коллективизм, который как раз ориентирован на общественные интересы, то в России доминирует семейный, или ингрупповой коллективизм, который распространяется прежде всего на ближний круг человека [6]. Высокая роль интересов работников при этом может обеспечиваться за счет социального контракта «лояльность в обмен на социальные гарантии», отражающего логику патриархальных отношений. Иными словами, если в России патриархальные отношения ограничиваются конкретной компанией, то в КНР они склонны рас-

пространяться на всю государственную систему.

Особенности американской модели заключаются в относительно низком значении государственных интересов и относительно высоком – интересов СМИ и местных сообществ. В целом, в американском корпоративном секторе в большей мере выражена ключевая идея стратегической КСО – необходимость баланса интересов разных групп. Это способствует тому, что в той или иной мере корпорации стремятся учитывать интересы разных акторов. С культурной точки зрения, это, а также развитые институты гражданского общества, способные оказывать влияние на компании, отражают ценности индивидуализма, согласно которым независимые и самостоятельные индивиды готовы активно защищать свои права и интересы, требуя соблюдения установленных правил игры.

Наконец, культурные различия стали очевидны и при прямой оценке конкретных факторов, которые, по мнению экспертов, оказывают наибольшее влияние на политику компаний в области КСО. Экспертам было предложено оценить по 5-бальной шкале роль 11 различных факторов. Согласно полученным нами результатам, иерархия пяти важнейших для каждой страны выглядит следующим образом (табл. 1).

Подтверждая сделанные ранее выводы, можно отметить исключительно высокую роль, которую играют ожидания со стороны государства в Китае и России, даже если они не связаны непосредственно с требованиями закона. Тот факт, что личные ценности руководства входят в число приоритетных факторов во всех трех странах, напрямую показывает, что не только

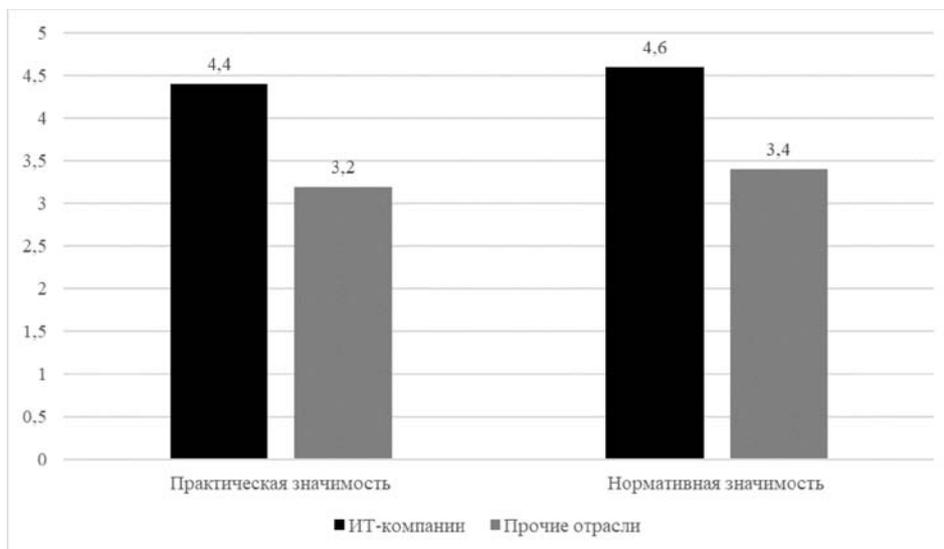

Рисунок 3. Оценка практической и нормативной значимости информационной ответственности компаний, средняя экспертная оценка

особенности экономической и институциональной среды влияют на КСО, но и собственно ценностно-нормативные ориентации. При этом более высокое значение личных ценностей руководства, характерное для российских компаний, подтверждается и другими исследованиями [11]. На наш взгляд, это прямое следствие высокой роли иерархических отношений в российской культуре. Именно руководители в логике патриархальной модели трудовых отношений считаются носителями не только власти, но и ответственности, а следовательно, именно от их установок и представлений во многом и будет зависеть политика компании в области КСО.

Само содержание личных ценностей руководителей из трех стран также довольно существенно различаются. Это показали результаты ответов на вопрос, полностью повторяющий исследование Г.Хофштеде [12]. Перечень из 15 различных ценностей предлагалось оценить с точки зрения их выраженности и типичности для руководителей компаний. Полученные результаты, в целом, соответствовали данным Г.Хофштеде для КНР и США. Характеризуя российские компании, следует особо отметить, что в России, в отличие от КНР и США, в число приоритетных вошли семейные ценности. Это соответствует культуре «семейного коллективизма», характерного для России [6]. В отличие от

институционального коллективизма, он не ориентирован на общественное благо и, как было показано ранее, не способствует социальной ответственности [13].

Информационная ответственность современных компаний

Второй задачей, решаемой в ходе исследования, стало выяснение того, осознают ли компании новые формы социальной ответственности, возникающие по мере развития информационного общества, и того, в какой мере эта ответственность реализуется в компаниях в зависимости от вовлеченности в информационный сектор экономики. Результаты исследования полностью подтвердили обоснованность выделения особого информационного аспекта социальной ответственности. Специалисты из всех стран признали ее значимость. Предсказуемо, особенно высоко роль информационной ответственности оценили представители ИТ-сектора, однако и для промышленных компаний она оказалась понятной и признаваемой, в особенности в США. При этом важно отметить, что оценки *нормативной* значимости информационной ответственности оказались несколько выше оценок ее практической выраженности в деятельности компаний (рис. 3).

Это может свидетельствовать о том, что даже по мнению экспертов, представляющих корпоративный сектор, существует необходимость в усилении информационной ответственности компаний. Можно предположить, что, если бы опрос проводился среди независимых экспертов, например, представляющих академический сектор или общественные организации, различия между нормативными и практическими аспектами информационной ответственности были бы более выраженными.

Более высокие оценки нормативной значимости информационного аспекта КСО, а также выраженное различие между компаниями ИТ-сектора и остальными, характерны для всех трех стран. При этом относительно более высокой общей значимостью этого компонента КСО является в США, тогда как в Китае ее оценка оказалась достаточно низкой. Тот факт, что ИТ-компании гораздо более высоко оценивают важность информационной ответственности, выглядит естественным следствием того факта, что их бизнес непосредственно связан с созданием, поддержанием и развитием информационной инфраструктуры современной экономики. Информационная ответственность для них — часть общей ответственности за качество продукции и соблюдение законодательства. Тем не менее, само выделение этого аспекта КСО признается всеми компаниями без исключения.

Сопоставление ответов экспертов из разных стран и отраслей показывает, что в отношении информационных аспектов КСО межотраслевые различия, в целом, более существенны чем межкультурные. Что касается других аспектов, то результаты скорее говорят о более сложных эффектах взаимодействия различных факторов. Так, российские ИТ-компании оценивают значимость ответственности перед работниками так же высоко, как и компании из других отраслей, и гораздо выше, чем компании из Китая и США. Аналогично, в Китае и России роль государства в равной мере считается исключительно важной во всех отраслях.

Проводя дальнейший анализ межотраслевых различий, было выявлено, что в целом максимальными они являются среди российских компаний, а минимальными — среди американских. Например, российские ИТ-компании склонны, в отличие от промышленных, практически полностью игнорировать экологические аспек-

ты КСО. Для США и, в меньшей степени КНР, такой разрыв в оценках не характерен. Возможное объяснение заключается в том, что в США, с одной стороны, в целом, уделяется более пристальное внимание к проблемам экологии, а, с другой стороны, американские ИТ-компании являются глобальными и оказывают гораздо большее воздействие в том числе на природу.

Полученные данные представляет интерес в свете представления о том, что становление информационного общества закладывает основы новой культуры, в которой доминирующую роль играют горизонтальные связи и индивидуализм [14]. Исходя из этого, можно предположить, что поскольку для американской культуры подобные черты информационной культуры более близки модели национальной культуры, именно в США информационные аспекты будут выражены в большей мере. Данные нашего исследования, в целом, подтверждают этот вывод, однако и российские эксперты оценили этот компонент достаточно высоко, несмотря на совершенно иную культурную модель.

Становление информационного общества увеличивает значимость и корпоративной информационной культуры как фактора устойчивого развития. Так, в исследовании Е.Зиембы было показано, что информационная культура организаций, включающая такие черты как креативность, стремление к развитию, культурная и ИКТ-компетентность, готовность к обмену знаниями являются важными детерминантами устойчивого информационного общества [15]. Результаты нашего опроса показали, что почти все эти компоненты в большей степени выражены в ИТ-компаниях, а межотраслевые различия оказались важнее межнациональных.

В совокупности с данными о важности межотраслевых различий в оценке информационной ответственности, можно с осторожностью утверждать, что социокультурный базис ответственности бизнеса в информационном обществе является результатом сложного взаимодействия между ценностно-нормативной моделью национальной культуры и особой информационной культурой, становление которой является трансграничным феноменом и следствием развития технологий, институтов и практик информационного общества. Важно подчеркнуть, что становление информационного общества и развитие информационной культуры (носитель-

лями которой на корпоративном уровне являются, прежде всего, ИТ-компании) приводит к усилению внимания именно к информационным аспектам социальной ответственности. Однако зачастую это сопровождается ослаблением воспринимаемой значимости других аспектов КСО, в частности, экологических. Иными словами, становление информационного общества не приводит к безусловному развитию и реализации концепции КСО как таковой; скорее, оно приводит к изменению конфигурации социальной ответственности бизнеса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, различия в национальных ценностно-нормативных моделях разных стран являются важным самостоятельным фактором, влияющим на цели и практики в области КСО. Особенности национальной деловой культуры определяют относительную значимость различных аспектов КСО и факторов, влияющих на принятие ключевых решений. Во-вторых, становление современного информационного общества привело к необходимости выделения особого информационного аспекта в структуре КСО, а социокультурный базис социальной ответственности бизнеса образован сложным взаимодействием национальной деловой культуры и культуры информационного общества. Результаты исследования подтверждают целесообразность дальнейшего развития концепции устойчивого информационного общества.

Литература

1. Российский бизнес и цели устойчивого развития. – М.: РСПП, 2018.
2. Carroll A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate social performance // *Academy of Management Review*. – 1979. – Vol.4. – P.497-505.
3. Fuchs C. Theoretical foundations of defining the participatory, co-operative, sustainable information society // *Information, Communication & Society*. – 2010. – Vol.13. – P.23-47.
4. Ziemba E. The holistic and systems approach to the sustainable information society // *Journal of Computer Information Systems*. 2013. – Vol.54. – P.106-116.
5. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
6. House R.J. et al. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 cultures*. – San Francisco: Sage, 2004.
7. Мяо Л. Влияние национальной деловой культуры на цели и практики в области корпоративной социальной ответственности // *Социология*. – 2018. – №2. – С.190-194/
8. Zhang D. *Corporate Social Responsibility in China: Cultural and Ownership Influences on Perceptions and Practices*. – Singapore: Springer, 2017.
9. Свердликова Е.А. Традиции российского бизнеса и корпоративный патриотизм // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. – 2017. – №23. – С.95-115.
10. Исследование практики корпоративного управления в России: сравнительный анализ по итогам 2004-2014 гг. – М.: Российский институт директоров, 2015.
11. Аналитический обзор по результатам исследования «Ценностные основы социальной деятельности российского предпринимательства». – М.: Норад, 2015.
12. Hofstede G. et al. What goals do business leaders pursue? A study in fifteen countries // *Journal of International Business Studies*. – 2002. – Vol.33. – P.785-803.
13. Waldman D.A. Cultural and leadership predictors of corporate social responsibility values of top management: A GLOBE study of 15 countries // *Journal of International Business Studies*. – 2006. – Vol.37. – P.823-837.
14. Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
15. Ziemba E. The ICT adoption in enterprises in the context of the sustainable information society // *Proceedings of the Federal Conference on Computer Science and Information Systems*. – ACSIS. – 2017. – Vol.11. – P.1031-1038.

Применение геймификации в моральном стимулировании труда молодых преподавателей вузов

Мельничук Ю.А.

Сегодня руководству вузов приходится искать наиболее эффективные технологии стимулирования труда молодых преподавателей, с целью удержания, закрепления и вовлечения их в работу учебного заведения. Одним из трендов, используемых с аналогичными целями в бизнесе, выступает внедрение в систему морального стимулирования персонала игровых механик.

Более восприимчивым к применению инновационных технологий, не редко является именно молодое поколение. При этом исследование данной проблематики позволило определить, что современные педагоги разных возрастов поддерживают применение геймификации в системе стимулирования их труда. Несмотря на положительное отношение большинства преподавателей к применению геймификации, на данный момент в системе стимулирования оно носит фрагментарный характер.

В процессе исследования использовались методы обобщения и сравнения, системного социологического и статистического анализа. На основе результатов исследования и проведенного анализа выявлены проблемы и разработаны рекомендации по внедрения модели геймифицированной системы морального стимулирования труда преподавателей вуза.

Ключевые слова: стимулирование, моральное стимулирование, мотивация преподавателей вуза, геймификация, молодые преподаватели.

Melnichuk Yu.A.

The use of gamification to improve motivation of young teachers of higher education institutions

Today, the leadership of universities has to look for the most effective technologies to stimulate the work of young teachers, in order to retain, consolidate and involve them in the work of the school. One of the trends used with similar goals in business is the introduction of game mechanics into the system of moral incentives.

More susceptible to the use of innovative technologies, it is not rare that the younger generation is. At the same time, the study of this problem allowed to determine that modern teachers of different ages support the use of gamification in the system of stimulating their work. Despite the positive attitude of the majority of teachers to the use of gamification, at the moment in the incentive system it is fragmentary.

In the process of research, the methods of generalization and comparison, system sociological and statistical analysis were used. Based on the results of the research and the analysis, problems were identified and recommendations were developed for the implementation of a model of a gamified moral incentive system for university teachers.

Key words: stimulation, moral stimulation, motivation of university teachers, gamification, young teachers.

1. Введение

Модернизация российской высшей школы, сопровождаемая динамичным развитием рынка образовательных услуг и, как следствие, усилением конкурентной борьбы образовательных организаций, требует от руководителей любого уровня применения наиболее эффективных форм и способов раскрытия потенциала профессорско-преподавательского состава через современные HR технологии.

Конкурентоспособность учебного заведения определяется кадровыми характеристиками, прежде всего, заинтересованностью и способностью преподавателя высшей школы к поддержанию активных темпов своей научно-исследовательской деятельности [9]. Важное значение в этом контексте имеют ценностно-нормативные (формирование и легитимация норм, образцов ролевых ожиданий, ценностей научно-исследовательской деятельности) и мотивационные аспекты (формирование условий и конкретных стимулов, способствующих эффективному построению карьеры преподавателей, обеспечивая удовлетворительное соотношение между издержками и вознаграждением работников) [9].

Однако целенаправленным действиям руководства высшего учебного заведения (вуза), ориентированным на вовлечение молодых преподавателей в применение современных технологий, удержанию наиболее талантливых из них, все еще уделяется недостаточное внимание [2, 12]. По данным современных исследований, в инновационных процессах участвует не более трети преподавателей вузов [10]. А как показывают исследования компании HeadHunter, в десятилетней перспективе важность привлечения талантов будет только расти.

Положение усугубляется и тем обстоятельством, что сегодня приоритет отдается вузам, ко-

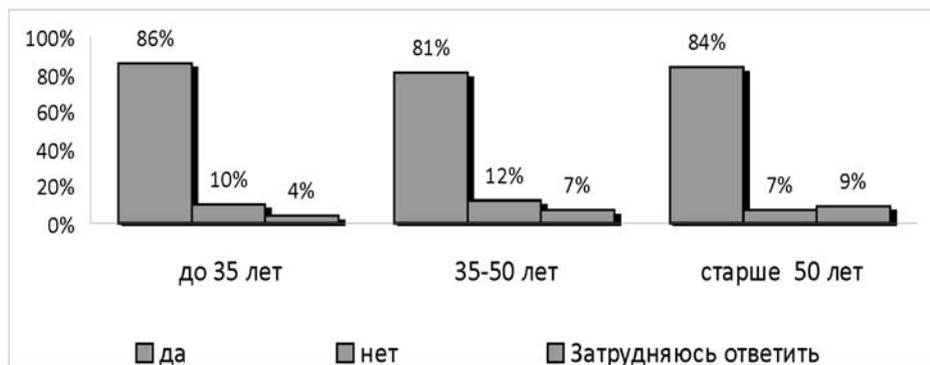

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Важна ли для Вас моральная мотивация труда при высокой зарплате» (в % от числа опрошенных преподавателей)

которые можно охарактеризовать в таких категориях, как: инновационный, первый, ведущий, передовой, имеющий международный «вес» и пр. Одновременно меняется социальный статус преподавателей и не всегда в лучшую сторону [8]. Без целенаправленной работы руководящего состава вуза по обеспечению мотивации научно-педагогических работников добиться таких результатов не представляется возможным. Особенно это актуально в условиях непрерывной реорганизации системы подготовки кадров [11].

Не вызывает сомнения, что исключительно внешние, материальные вознаграждения не способны обеспечить достаточную эффективность стимулирования и удерживать персонал в современной экономике, характеризующейся высокой конкуренцией за рабочую силу и потребностью в инновационности. При этом для молодежи значительно большее значение имеют внутренние мотивы, связанные с содержанием труда, самореализацией и удовлетворением от собственных достижений [1]. Геймификация, то есть применение игровых механик в неигровых процессах [5], считается одной из инновационных управленческих технологий задействования механизмов внутренней мотивации. Воздействие на внутренние механизмы мотивации за счет использования игровых механик, в свою очередь, может стать важным фактором удержания ценных сотрудников, повышения их лояльности и поможет им чувствовать себя особенными [7].

Стоит отметить, что сама идея не нова: еще в Советском Союзе активно использовались такие мотивационные инструменты, как социалистические соревнования, переходящие знаки

отличия. Большой опыт в этом вопросе накоплен и за рубежом, в том числе и университетской наукой. В частности, в университете Пенсильвании (США) сформировалась серьезная научная школа Геймификация в управлении персоналом [4].

Современный инструментальный геймификации претерпевает значительные изменения в результате совершенствования управленческих и бурного развития информационных технологий [6]. В системе геймификации выделяют три основные группы игровых механик: соревновательные механики; Win-Win, направленные на обеспечение всех сотрудников оперативной обратной связью по результатам деятельности и стимулирование их развитие; механики, направленные на визуализацию [3].

Одной из самых распространенных мотивационных технологий геймификации является триада PBL (points, badges, leaderboards). Следует отметить, что в 2012-2015 гг. использованию этих инструментов в ВУЗах РФ уделялось немало внимания, однако в настоящее время наблюдается спад в их использовании. Разобраться в причинах этого спада, в возможности и целесообразности расширения использования геймифицированных механик в стимулировании молодых преподавателей и ставил себе целью автор настоящей статьи.

Для выявления характера взглядов на создание благоприятных условий повышения мотивации молодых преподавателей путем применения геймификации была разработана методология социологического исследования, опирающаяся на общенаучные методы, иссле-

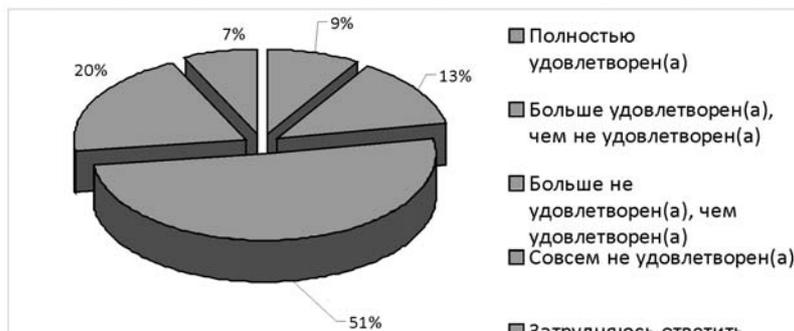

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы моральным стимулированием преподавателей, применяющимся в вашем вузе» (в % от числа опрошенных преподавателей)

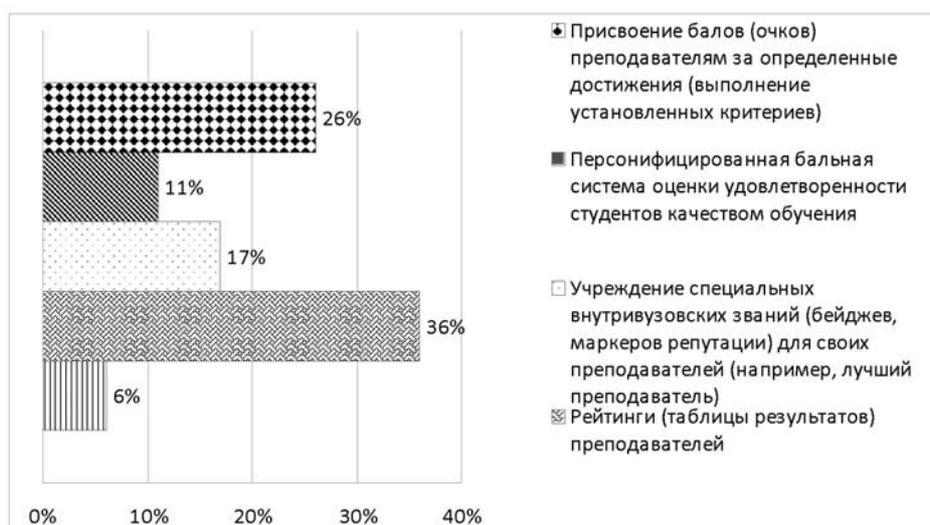

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Какие механики геймификации (игровые приемы) в интересах повышения мотивации труда, применяются в вашем вузе?» (в % от числа опрошенных)

довательские и экспериментальные мероприятия. Активно применялись социологические методы (включенное наблюдение, опросные: интервьюирование, анкетирование), статистические методы, методы сопоставления, сравнения, контент-анализа, визуального и системного анализа. В ходе исследования проводился массовый анкетный опрос ППС по репрезентативной выборке, фокус-группы в основных социально-профессиональных группах преподавателей, опрос экспертов методом очных полуструктурированных интервью.

Геймифицированные технологии как инструменты морального стимулирования труда

Как показало проведенное исследование, для подавляющего большинства преподавателей вузов моральное стимулирование труда существенно мотивирует их даже при высокой заработной плате (рисунок 1). Это связано, как представляется, не только с потребностью поколения Y в признании своих заслуг и регулярной обратной связи, а также с их любовью к частым, пусть даже условным вознаграждениям, но и с тем, что поколение X, к которому относятся ветераны, пришло в профессию и осталось там по призванию.

При высокой потребности в моральном стимулировании труда больше половины опрошенных молодых преподавателей не довольны ею (рисунок 2). Полную удовлетворенность моральным стимулированием высказывали только 9% респондентов.

При высокой потребности в моральном стимулировании труда больше половины опрошенных молодых преподавателей не довольны ею (рисунок 2). Полную удовлетворенность моральным стимулированием высказывали только 9% респондентов.

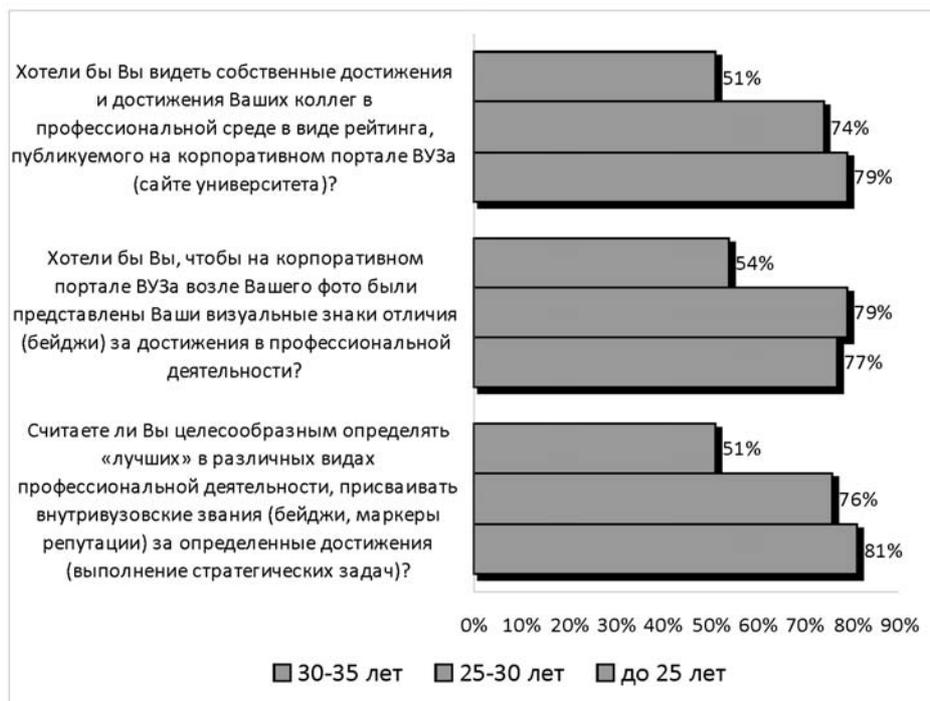

Рисунок 4. Доля утвердительных ответов на вопросы применение системы PBL в вузах (в % от числа опрошенных молодых преподавателей)

По вопросу о причинах неэффективности систем морального стимулирования, применяемых в вузах, чаще других респонденты называли: отсутствие учета регулярной добросовестной работы преподавателя при моральном поощрении; приурочивание морального стимулирования к юбилейным датам, итогам года и т.д. (большой разрыв между достижением и поощрением); ограниченный выбор и шаблонный набор видов морального стимулирования, а также зависимость поощрения от отношений с руководством, т.е. его субъективизм. Нельзя оставить без внимания и претензии преподавателей к обратной связи по линиям руководство – преподаватель и студент - преподаватель, а ведь именно она закрепляет у молодого преподавателя требуемую модель организационного поведения и стимулирует его к качественному выполнению своих обязанностей.

Таким образом, на сегодняшний день в высших учебных заведениях наблюдается довольно формальный подход в вопросе морального стимулирования молодых преподавателей. Решением данной проблемы, как представляется,

может стать применение геймификации (или игрофикации).

Из полученных в ходе исследования данных следует, что механики геймификации (игровые приемы) в интересах повышения мотивации труда, применяются в российских вузах очень ограниченно (рисунок 3).

В тоже время большинство опрошенных молодых преподавателей поддерживают применение системы PBL в вузах в интересах мотивации научно-педагогических работников (рисунок 4).

Нельзя оставить без внимания то, что ответивших утвердительно на вопросы о применении системы PBL в вузах, среди молодых преподавателей в возрасте до 25 лет около 50%, что значительно меньше количества аналогично ответивших в двух других возрастных когортах. Это связано, как представляется, с довольно маленьким уровнем оплаты труда, как показало проведенное исследование, у более 70 % представителей возрастной когорты до 25 лет заработная плата не достигает 30000 рублей. При слабо удовлетворенных базовых потребностях,

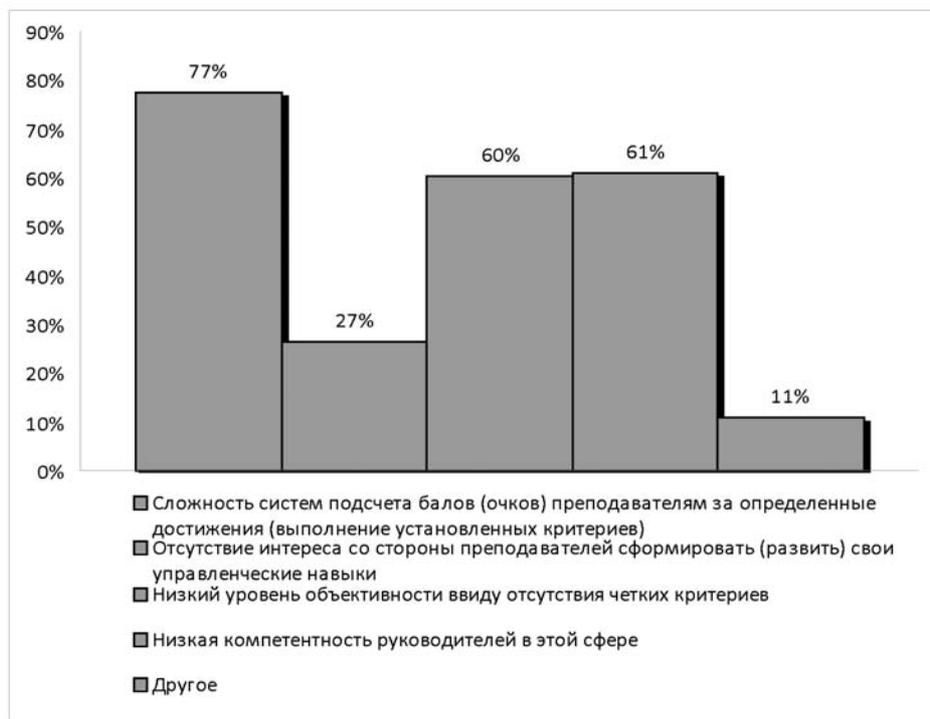

Рисунок 5 - Распределение ответов на вопрос «Что, прежде всего, мешает расширению применения геймификации для стимулирования труда преподавателей?» (в % от числа опрошенных молодых преподавателей)

вероятнее всего, молодые преподаватели в данной возрастной когорте просто пока не задумываются об удовлетворении потребностей более высокого уровня.

Пути расширения применения геймификации для стимулирования труда преподавателей

Основной причиной, мешающей расширению применения геймификации для стимулирования труда преподавателей, как видно из Рисунка 5, респонденты назвали сложность систем подсчета баллов (очков) преподавателям за определенные достижения (выполнение установленных критериев). Также, довольно часто, отмечался низкий уровень объективности ввиду отсутствия четких критериев и низкая компетентность руководителей в этой сфере. В тоже время, большинство респондентов не согласны с отсутствием интереса к этому вопросу со стороны преподавателей.

При выделении основополагающих принципов, которые следует положить в основу применения геймификации для стимулирования труда преподавателей, респонденты на первое

место поставили принципы простоты и обратной связи, также довольно часто назывался принцип верифицируемости (рисунок 6).

Исследование показало, что чем младше группа респондентов, тем реже они считали, что принцип верификации следует положить в основу применения геймификации для стимулирования труда преподавателей (рис. 7).

Эта тенденция, скорее всего, связана не только и не столько с тем, что старшее поколение знакомо с принципом верификации на личном опыте, сколько с тем, что молодое поколение боится, что система показателей и критериев забюрократизирует игровые механики.

В целом, представляется, что первоочередное следование объективным принципам простоты, верифицируемости и обратной связи могут дать положительный эффект от применения геймификации, в интересах повышения мотивации молодых преподавателей. Причем принципы нельзя заменять лозунгами, общими положениями, показателями и невразумительными рекомендациями.

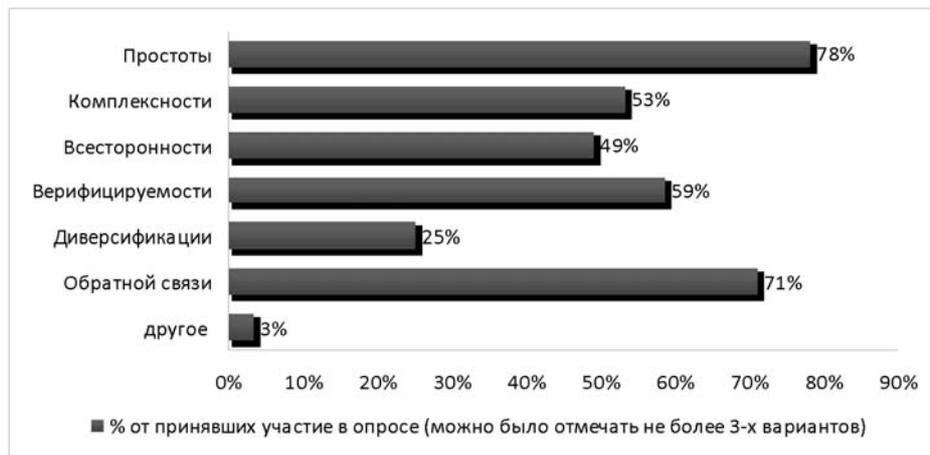

Рисунок 6. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие принципы следует положить в основу применения геймификации для стимулирования труда преподавателей?» (в % от числа респондентов)

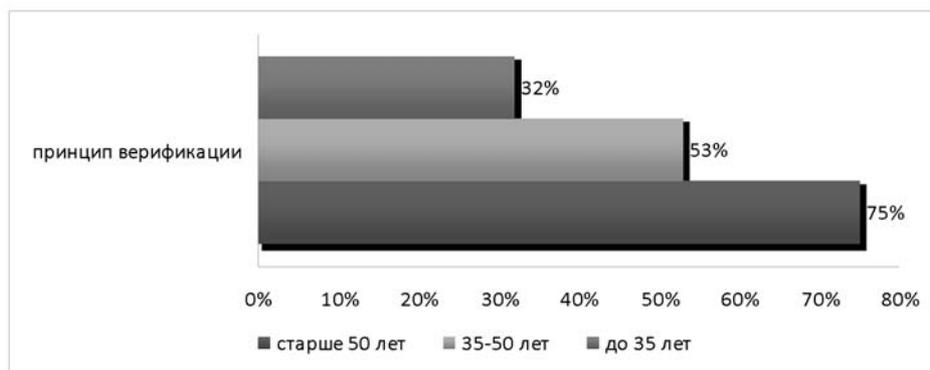

Рисунок 7. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие принципы следует положить в основу применения геймификации для стимулирования труда преподавателей?» Ответ – «принцип верификации» (в % от числа опрошенных по группам)

Подводя итог, необходимо отметить, что большинство преподавателей уверено, что применение геймификации может способствовать повышению мотивации молодых преподавателей. Причем, несмотря на различия между возрастными когортами, современные педагоги в одинаковой мере демонстрируют позитивное отношение к игровым технологиям. В тоже время они отмечают недостаточное внимание к этому вопросу в вузах России.

На основе результатов проведенного исследования были разработаны рекомендации по внедрения модели геймифицированной системы морального стимулирования труда преподавателей вуза, которая предполагает:

- использование знаков симпатии (например, игровую валюту), как способа проявления благодарности от коллег и руководства за хорошую работу;
- использование знаков симпатии (например, «лайки»), как способа выражения одобрения студентами;
- присваивание бейджей по результатам набора знаков симпатии от студентов; от коллег и руководства; а также за особые достижения в профессиональной деятельности;
- выстраивание рейтинга на основании количества знаков симпатии, полученных от коллег и руководства;
- организацию выполнения краткосрочных задач и проектов в виде игровых миссий с со-

ставлением рейтингов и награждением бейджами лучших;

- отражение в личном кабинете и частично на корпоративном портале достижений преподавателя;

- предоставление возможности обмена знаками симпатии на призы связанные с ценностями учебного заведения или призы с логотипом вуза, а также представление лучших молодых преподавателей к вузовским и ведомственным наградам.

Таким образом, использование игрофикации как инновационной технологии повышения эффективности морального стимулирования труда молодых преподавателей ВУЗов представляется оправданным. Так, у молодых преподавателей появится возможность удовлетворить свою потребность в регулярной обратной связи от руководства, утолить жажду сиюминутного вознаграждения, у них появится ощущение, что выполненная ими работа нужна и важна, что она оценивается руководством и это будет способствовать их дальнейшему развитию. У руководителей вуза в свою очередь, появится интерактивный инструмент работы с персоналом, который позволит отслеживать «лучших» и «аутсайдеров» по каждому направлению деятельности. Это даст возможность грамотно распределять все виды ресурсов, упростить процесс выбора преподавателей для решения той или иной задачи, упростить процедуру определения кандидатур на замещение должностей, определить путь совершенствования профессиональной подготовки каждого преподавателя. Используя разные приемы геймификации руководство вузов будет способно удержать интерес преподавателей, повысить их внутреннюю мотивацию, вовремя получить обратную связь и достичь глобальной поставленной цели.

Литература

1. Диева А. А. Игровые методы в современном hr-менеджменте. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 246-250. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-246-250.

2. Мельничук А.В. Геймификация как инструмент повышения уровня мотивации персона-

ла современной организации. В книге: Стратегии социального развития современного общества: российские и мировые тренды Сборник материалов XIV Международного социального конгресса. 2015. С. 318-320.

3. Валеев Э.Р., Камашева А.В. Использование теории геймификации в повышении мотивации работников. 2016. № 10 (82). С. 60-66.

4. Вербх К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса М.: Манн, Иванов и Фербер. 2015. - 160 с.

5. Зикерманн Г., Линдер Дж. Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. - 272 с.

6. Федорищева Т. А. Геймификация в мотивации персонала: принципы, методы и формы. Проблемы развития современной экономики. 2016. № 7. С. 12-15.

7. Burke B. Gamify: How Gamification Motivates People to Do Extraordinary Things. – Brookline: Bibliomotion, 2014. - 162 p.

8. Ilna I.Y., Oseev A.A., Vinichenko M.V., Kirillov A.V., Kaurova O.V., Nakhratova E.E. (2018). Transformation Of Social Status Of Teachers Of Russian Universities. Modern Journal of Language Teaching Methods. 8(3), 381-392.

9. Rogach, Olga V.; Ryabova, Tatyana M.; Frolova, Elena V. Social Factors of Mental Well-Being Violation Among High School Teachers/ European Journal of Contemporary Education, 2017 Volume: 6 Issue: 4 Pages: 787-796

10. Sheregi, F. E.; Kirillov, A., V. (2017). Higher education teacher's labor: creativity or «survival»? Source: Sotsiologicheskie Issledovaniya № 11. p. 87-98.

11. Vinichenko M.V., Kirillov A.V., Maloletko A.N., Frolova E.V., Vinogradova M.N. (2018). Motivation of university authorities aimed at creating favorable learning environment in the course of restructuring higher education institutions. EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 14(5), 1899–1910.

12. Vinichenko M.V., Taridi Kasbi Ridho, Kirillov A.V., Makushkin S.A., Melnichuk A.V. (2017). Development Of Skills Management In The System Management Of Talents. Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). 7(9), 50-57.

Трудовая миграция в современном Китае

Ван Лили

Статья посвящена проблеме трудовой миграции населения в современном Китае. Раскрыты содержание понятий миграция, международная трудовая миграция и ее отличия от внутренней миграции населения. Описаны этапы процесса китайской трудовой миграции. Определены социально-демографические факторы, обуславливающие внешнюю и внутреннюю трудовую миграцию в Китае: демографическая нагрузка, урбанизация, неравномерное распределение человеческих ресурсов, рост числа безработных в сельской местности. Наиболее остро стоит проблема перенаселенности территории в условиях ограниченной сырьевой базы и недостатка природных ресурсов. Привлечение дешевой рабочей силы является фактором трудовых миграционных потоков из Китая в современных условиях добровольной глобальной миграции китайцев во все основные регионы мира. Показаны социально-экономические проблемы внутренних мигрантов, связанные с неопределенным социально-правовым статусом. Сделан вывод о тенденции к интенсификации процесса внутренней и внешней трудовой миграции населения Китая на современном этапе.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, трудовая миграция, демографическая нагрузка.

Wang Lili

Labor migration in modern China

Annotations. The article is devoted to the problem of labor migration in modern China. The content of the concepts of migration, international labor migration and its differences from the internal migration of the population are disclosed. The stages of the Chinese labor migration process are described. The socio-demographic factors causing the external and internal labor migration in China are determined: demographic load, urbanization, uneven distribution of human resources, increase in the number of unemployed in rural areas. The most acute problem is the overpopulation of the territory under conditions of a limited resource base and a lack of natural resources. Attracting cheap labor is a factor in labor migration flows from China in the modern conditions of voluntary global migration of Chinese to all major regions of the world. The socio-economic problems of internal migrants associated with an uncertain socio-legal status are shown. It is concluded that the trend towards the intensification of the process of internal and external labor migration of the Chinese population at the present stage.

Key words: migration, migration flows, labor migration, demographic load.

Трудовая миграция в современном Китае является одной из сложных социально-демографических явлений. На современном этапе социально-экономического развития Китая трудовая миграция стала важным фактором преобразования и развития общества, поскольку под воздействием миграционных процессов меняются социальная структура, этнический состав, размещение и расселение населения.

К изучению миграции как социально-демографического явления ученые используют широкий спектр теоретических подходов. Миграция (migration) в переводе с латинского языка означает перемещение, переселение. Понятие «миграция населения», характеризующая территориальную мобильность населения, приобретает обобщенный характер и отождествляется с понятием «миграционное движение» [4, с. 26-30.]. Рассматривая миграцию в двух аспектах, Л.Л. Рыбаковский определяет миграцию, с одной стороны, как «переселение, то есть законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства; с другой ? как любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [6, с. 12].

Отдельного рассмотрения требует анализ особенностей трудовой миграции из Китая в условиях образования глобального рынка труда. В связи с этим актуальным становится понятие международной трудовой миграции населения. В исследовании Гун Ляньхуа «главными отличительными признаками международной трудовой миграции населения по сравнению с внутренней миграцией являются: государственная граница, ее пересечение и соответствующий

государственный контроль за фактом самого передвижения через границу, так и за последующим пребыванием в стране въезда, особенно в связи с трудоустройством и поступлением на учебу и стажировку» [2].

Условно весь «процесс китайской трудовой миграции можно разделить на четыре этапа. Первый этап охватывает промежуток с древнейших времен до первой половины XIX века и характеризуется преимущественно торговой миграцией в страны Юго-Восточной Азии. Вторым этапом продолжался с середины XIX века до 1949 года, который сопровождался в основном насильственным характером миграционных потоков из Китая дешевой рабочей силы. Третий этап, для которого характерна активизация вторичной миграции китайцев, живших до того в странах Юго-Восточной Азии, и при этом почти полное отсутствие перемещений с материкового Китая, длился с 1949 по 1978 год. С 1978 года по сей день является периодом добровольной глобальной миграции китайцев во все основные регионы мира» [3, с. 17].

Причины роста трудовых мигрантов Китая следует искать, прежде всего, в области демографии и экономики страны. В современном мире «Китай – самая населенная страна. Население Китая, несмотря на усилия китайского правительства, направленные на сокращение рождаемости, продолжает расти: за 10 лет – с момента проведения предыдущей переписи – численность жителей Китая выросла еще на 5,84%, или на 74 млн. человек, то есть почти на 7,5 млн. человек в год» [7]. В Китае трудоустройство огромных масс населения всегда было проблемой в стране. «Экономическая реформа усилила подвижность населения и привела к тому, что внешняя миграция населения Китая в настоящее время является беспрецедентной в истории страны. По масштабам и географии она значительно превышает миграционные потоки в связи с образованием КНР, создавшей за рубежами страны многочисленную эмигрантскую общину, которая насчитывает от 30 до 50 млн. человек, проживающих в 164 странах мира. При этом только за последние годы КНР покинуло около 10 млн. человек» [2].

Перед Китаем в условиях ограниченной сырьевой базы и недостатка природных ресурсов остро встает проблема перенаселенности территории. «Нехватка пригодных для земледелия

территорий ведет к тому, что в сельской местности значительная доля трудоспособного населения либо остается безработной, либо не имеет постоянного заработка. При этом сельские жители составляют около половины всего населения страны, поэтому перед Китаем остро встает вопрос трудоустройства излишней рабочей силы. По разным оценкам, от 150 до 275 миллионов людей, живущих в деревне, нуждаются в трудоустройстве» [8, с. 7].

Привлечение дешевой рабочей силы является фактором трудовых миграционных потоков из Китая. Так, например, «экономическая структура китайских мигрантов в Российской Федерации характеризуется сравнительно высокой долей занятых на работах с применением тяжелого физического труда. По данным социологического исследования, работники из Китая привлекаются главным образом на работы с ручным или машинным трудом. Ручной или машинно-ручной труд с технологическими особенностями производства в строительстве, сельском хозяйстве воспринимается трудящимися-мигрантами как естественно-необходимый. Поэтому свои условия труда они оценивают в основном как нормальные» [2].

Изучая специфику внутренней миграции Китая, дадим определение внутренним мигрантов как китайских граждан, которые приезжают из других провинций в города. То есть в Китае «внутренние мигранты являются гражданами Китая, владеют общим языком, обладают общей культурой» [1]. Фактором внутренней миграции сельского населения в города современного Китая, помимо безработицы в сельской местности, являются неравномерность распределения человеческих ресурсов. Так, «в западной половине государства, которая занимает 72% территории страны, редкая заселенность территории, в которой проживает 29% населения страны. В центральных и восточных районах на 31% территории страны проживает 71% населения. В восточной половине страны около 1 млрд. человек проживают в условиях высокой и очень высокой плотности населения» [5]. Поэтому потоки внутренних трудовых мигрантов Китая перемещаются в крупные города и новые регионы, охваченные процессом урбанизации. «В настоящее время существенный удельный вес сельских жителей. Так, например, в Пе-

кине число внутренних мигрантов составляет 7 776 000 чел.» [1].

На сегодняшний день социально-экономическое положение внутренних трудовых мигрантов в Китае имеет ряд проблем. К ним относятся «неопределенный социально-правовой статус, недостаточная трудовая квалификация для работы на производстве и других сферах деятельности, нуждающихся в специалистах, поскольку большинство рабочих-мигрантов трудоспособного возраста не проходили профессиональную подготовку. Другой проблемой внутренних мигрантов является недостаточная социальная поддержка в вопросах трудоустройства в условиях отсутствия рабочих мест в городах. В сфере оказания медицинской помощи мигранты могут ее получать в чрезвычайных ситуациях на платных условиях. На получение пенсии мигранты могут рассчитывать в том случае, если были включены в программу накопительного страхования. Таким образом, внутренние мигранты в Китае испытывают ряд трудностей, связанных с их социально-правовым положением» [1].

Итак, демографические и профессионально-квалификационные проблемы населения Китая актуализируют миграцию рабочей силы, как внутри страны, так и за ее пределы. Значительное демографическое давление, избыточность рынка труда, высокий уровень безработицы в Китае обуславливают дальнейший рост миграционных трудовых потоков.

Литература

1. Га Жида, Ли Чженфен, Ключев А.В. Структура и тенденции внутренней и внешней миграции в Китае и России (на примере Пекина и Санкт-Петербурга) // Управленческое консультирование. - 2014. - № 4. - С. 23-33.
2. Гун Ляньхуа. Международная трудовая миграция в условиях глобализации: на примере России и Китая: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.03. - М., 2008. - 22 с.
3. Калмыков П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07. - Москва, 2013. - 177 с.
4. Миграция населения. Выпуск 1. Теория и практика исследования; под общей ред. О. Д. Воробьевой. - М., 2001. - 176 с.
5. Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. - М.: ИДВ РАН, 2003. - 456 с.
6. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. - М.: Наука, 1987. - 200 с.
7. Di liu ci quan guo renkou pucha zhuyao shuju fabu (Публикация основных данных VI Все-китайской переписи населения). [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t20110428_402722521.htm
8. Rochon C., Verdier G., Lipschitz L. A Real Model of Transitional Growth and Competitiveness in China. International Monetary Fund. - Washington, 2008. - 34 p.
9. Бабынина Л.С. Компенсационная модель оплаты труда: теория, методология и корпоративный опыт: автореф. дис.... доктора экономических наук / Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова. Москва, 2012

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Реформа управления: от модели по поручениям к проектному подходу

Горькая О.О.

Статья посвящена реформе управления в государственном секторе Российской Федерации. Раскрыта суть новых для государственной сферы понятий – проект, проектный офис, проектное управление. Представлено видение перехода от управления по поручениям к проектному подходу, а также представлено различие между проектом и госпрограммой. Отмечаются важные и приоритетные для государства направления, на которые направлено основное внимание и силы государственного аппарата.

Ключевые слова: проект, проектное управление, проектный офис, нацпроект, госпрограмма, приоритетное направление.

Horkaya O.O.

Management reform: from model of instructions to project approach
The article is devoted to the management reform in the public sector of the Russian Federation. The essence of new concepts for the state sphere is disclosed: project, project office, project management. The vision of the transition from the management on behalf of the project approach to the project approach is presented, as well as the difference between the project and the state program. There are important and priority areas for the state, which are focused on and the strength of the state apparatus.
Key words: project, project management, project office, national project, state program, priority direction.

Можно ли успешно проводить преобразования в России?
«Любуясь, как реформа преобразила русскую старину,
не доглядели, как русская старина преобразила реформу»
Василий Ключевский

Трансформация государственного сектора Российской Федерации, второй президентский срок Владимира Владимировича Путина, 2016 год: что послужило толчком, что стало движущей силой перемен и реформ в управлении государственного сектора современной России?

Начнем сначала и постараемся хронологически показать события, которые предшествовали реформе.

Презентацию для правительства об изменениях государственного управления подготовила команда президента Сбербанка Германа Грефа совместно с чиновниками.

Именно Герман Греф запустил обсуждение реформ. Весной 2016 года он представил президенту В.В. Путину доклад о неэффективном государственном управлении и предложил создать обособленный от правительства центр реформ при президенте. В мае 2016 года на корпоративном университете Сбербанка Герман Греф собрал правительство на трёхдневный семинар, где и родилась идея реформ. Корпоративный университет Сбербанка – это центр развития лидеров мирового уровня, автономная некоммерческая организация (АНО), учреждённая в марте 2012 года в статусе 100% дочерней организации ПАО Сбербанк. Позднее, в декабре 2016 года в своем послании к Федеральному

собранию Путин В.В. дал указание премьер-министру Медведеву Д.С. создать проектный офис – «механизм сопутствования самых значимых проектов Российской Федерации».

Предполагалось, что будет создан центр управления реформами и реализации ключевых проектов. Это должна была быть комиссия, возглавляемая президентом. Его заместителем будет премьер, а вести и курировать все будет вице-премьер. Главная цель – повышать эффективность министерств по 5-7 ключевым показателям эффективности (KPI) и координировать небольшое число приоритетных проектов. Утверждать KPI предполагалось премьеру. Основная задача – учить министерства реализовывать проекты.

Чиновнический аппарат утопает в поручениях президента, механизмы связи «сверху вниз» и «снизу-вверх» не отлажены и работают плохо, нацпроекты не выполняются и тормозятся, сроки реализации так же не выдерживаются, существует огромная бумажная волокита.

«В период 2010–2014 гг. число поручений президентаросло на 33?37%, менее 60% выполняется высококачественно, часто в формате «закрыть поручение». На 1000 распоряжений российского президента в год приходится 32 распоряжения американского. «Мы изобрели уникальную систему управления», – иронизирует высокопоставленный чиновник. Члены правительства сами недовольны своей работой»¹.

«Власти РФ уйдут от модели управления «по поручениям» в пользу проектной работы для повышения эффективности», – заявил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев. «Порученческая» модель в большей степени вертикальная, а проектный подход – развитие горизонтальных связей. Результат этой деятельности и станет проверкой нашей способности обеспечить новое качество государственного управления», – сказал Медведев, выступая на Международном инвест-форуме².

Итак, с одной стороны – Герман Греф с его современным взглядом и передовой идеей внедрения «проектного подхода» в государственном секторе. Эту идею очень критиковали: «По этому поводу есть известный скепсис, когда говорят: «Вот что они это проектное управление, этот проектный офис, тащат на государственную службу? Это не органично для государственной службы. В бизнесе все очень просто:

дано поручение – исполняйте, не исполнил – пошел вон. А другие методы, присущие бизнесу, здесь работать не будут». Но опыт государственного управления других стран недвусмысленно свидетельствует, что может работать проектный метод и в государственном управлении, только нужно грамотным образом наложить его на существующую систему государственного управления»³.

С другой стороны – слабая реализация «Стратегии 2020», которая писалась в 2011 году. Стратегия 2020 – это концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. Концепция обозначала общие цели, которые предполагалось достичь правительству Российской Федерации до 2020 года. Концепция была подготовлена по заказу правительства в 2011 году. Разработчиком этой стратегии была школа экономики (ВШЭ) и Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). На формальном уровне документ не был закреплен, что в свою очередь могло послужить, а по мнению Алексея Кудрина (экс-главы российского Минфина и заместителя председателя правительства РФ) и послужило, причиной низкого уровня выполнения мер, описанных в стратегии.

«В целом эксперты достаточно сдержанно оценили степень реализации положений «Стратегии 2020». Средний уровень выполнения мер – 29,5%. Другими словами, в среднем каждая из предложенных мер была выполнена лишь на треть («Выполнение в незначительной мере»), что говорит о формальности отношения органов исполнительной власти к предложениям «Стратегии 2020»»⁴.

По мнению А. Прохорова в его книге «Русская модель управления» в России наблюдается парадокс управления: неэффективность и результативность. С одной стороны, государственное управление не эффективно, т.к. изначально не нацелено на эффективность, на минимизацию затрат для достижения максимального результата. Оно нацелено на освоение бюджетов и озадачено бюджетами следующих лет. Все это приводит к принятию неверных управленческих решений, а также к неоптимальному выполнению работ. Это в свою очередь должно бы приводить к не результативности деятельности. Но, если мы посмотрим на достигнутые ре-

зультаты, то увидим, что конечные цели, которые ставит перед собой государство в целом, как правило, достигаются.

«Неразумное государственное устройство? Конечно, неразумное, это уже несколько столетий все знают, и множество примеров у всех на слуху. Тем не менее общественное мнение на протяжении тех же самых нескольких веков воспринимало как само собой разумеющееся тот факт, что это неразумное государственное устройство обеспечивает неуклонное территориальное расширение России и усиление ее влияния в мире.»⁵

Неэффективность государственного управления рассматривается как барьер, препятствующий росту экономики. Как следствие, целью грядущих реформ является ускорение темпов экономического роста. На данный момент в качестве рационального пути к повышению эффективности государственного управления начинают применяться методы и модели бизнес-менеджмента, что ведет к поиску управленческих подходов, которые позволят обеспечить подъем экономики.

Наиболее заметные изменения государственного управления включают:

- Внедрение принципов проектного управления с целью повышения результативности деятельности;
- Последовательное внедрение принципов процессного управления.

Отступление от традиционных принципов линейно-функциональной вертикали позволяет заложить основы матричного управления, структура которого является широко распространенной разновидностью проектных организаций. В рамках данных организаций члены команды находятся не только в прямом подчинении руководителя проекта, но и под управлением руководителей функциональных подразделений, в составе которых они работают.

Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 №1288 «Об организации проектной деятельности» в Правительстве Российской Федерации предполагает автономию системы управления проектами (проектных офисов, проектных комитетов и проектных команд) от линейно-функциональной иерархии, а так же закладывает предпосылки для наделения органов проектного управления необходимыми кадровыми, финансовыми и

иными ресурсами.

В июле 2016 года В.В. Путин провел первое заседание Совета по стратегическому развитию страны и приоритетным проектам. Этот новый орган был призван стать центром поиска решений по структурным преобразованиям в экономике и социальной сфере. «Президиум Совета», который президент назвал «штабом проектной работы, возглавил премьер-министр Дмитрий Медведев.

«По каждому направлению развития следует сформулировать и запустить приоритетные проекты. Предстоящая работа должна носить общенациональный характер. Совет начинает работать не с чистого листа: ранее государство успешно реализовывало немало нацпроектов и может использовать этот опыт в дальнейшем» – сказал Путин⁶.

Есть несколько сфер, которые были названы Путиным В.В. определяющими качество жизни российского населения, влияющие на демографическую ситуацию и требующие внимания со стороны государства. Это – здравоохранение, жилье, образование и сельское хозяйство. Цель нацпроектов – сконцентрировать административные и бюджетные ресурсы, направив их на улучшение качества жизни населения. По каждому из четырех направлений были определены задачи, которые предстояло решать государству.

1. Нацпроект «Здоровье» включал в себя:

- полная укомплектованность медицинским персоналом;
- рост качества, доступность и увеличение объемов оказываемой медпомощи;
- обследование новорожденных;
- профилактика заболеваний, вакцинация;
- рост выплат работникам здравоохранения;
- переподготовка медицинских работников;

Отдельным проектом в рамках нацпроекта «Здоровье» является проект «Родовые сертификаты». Цель проекта – улучшение качества обслуживания в женских консультациях и роддомах. Для реализации данного проекта было принято решение выдавать родовые сертификаты, средства от которых направляются в медицинские учреждения (консультации, родильные дома, поликлиники)

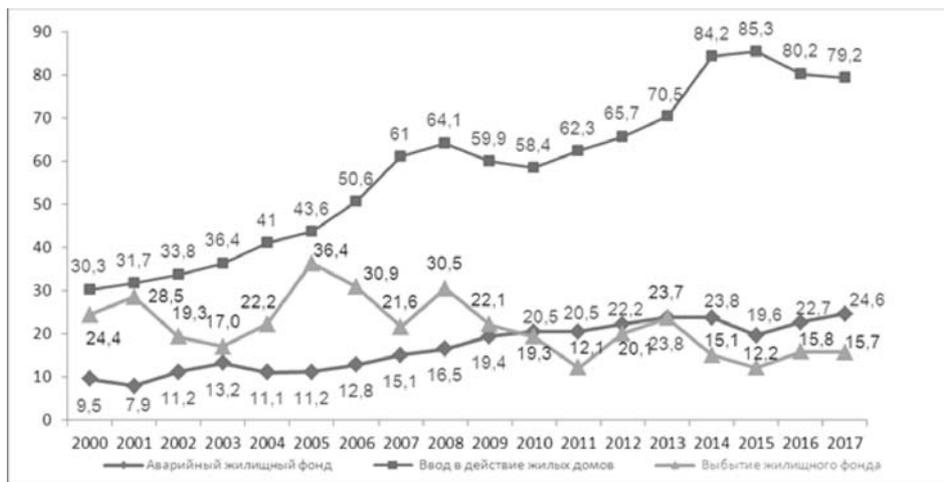
2. Нацпроект «Образование» включал в себя:

- подключение максимального количества школ к интернету;

Рис.1

Рис. 2. Движение жилищного фонда млн. кв. м. общей площади⁷

- основание национальных университетов;
- гранты лучшим учителям, ученикам, преподавателям ВУЗов, ученым;
- профобразование военнослужащих;
- выделение для сельских школ транспорта.

3. Нацпроект «Жилье» включал в себя:

- доступность жилья;
- массовое строительство жилья (новые микрорайоны);
- рост объемов ипотечного жилищного кредитования;

- расселение ветхих домов, капитальный ремонт аварийного жилья;
- адресная поддержка молодых специалистов из деревень;
- предоставление субсидий на покупку жилья – реализация программы государственных жилищных сертификатов.

4. Нацпроект «Развитие агропромышленного комплекса» включал в себя:

- развитие агробизнеса (особенно – малых форм);

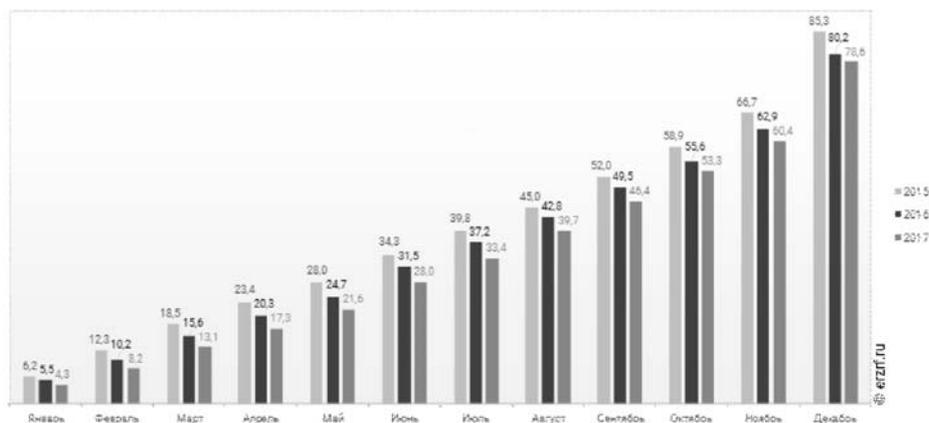

Рис. 3. Динамика ввода жилья накопленным итогом в РФ, млн. кв. м8

- развитие земледелия, животноводства путем строительства и обновления сельскохозяйственных, животноводческих комплексов;
- развитие производства в фермерских хозяйствах.

Изначально нацпроекты задумывались Путиным В.В. не как разовые мероприятия, а как долгосрочные программы, поэтому итоги можно подвести только промежуточные. Преобразования, масштабные проекты, запущенные еще в 2005 году, делятся до сих пор. Произошедшие изменения – это появление проектных офисов, проектного управления, которое связано, скорее всего, с развитием и совершенствованием самой структуры государственного управления. Нацпроекты как были, так и остались, при этом изменился подход к реализации. Т.е. проектное управление – это механизм. И это важно понимать, потому что хорошее управление, хороший менеджмент, грамотное распределение ресурсов, ответственность руководителя проекта за результат – это составляющие успеха проекта.

Если подвести промежуточные итоги, то можно сказать, что в России наблюдается рост рождаемости с 2000-х и снижение смертности с 2006-го года.

Появились и развиваются ипотечные программы для молодых семей (программа «молодая семья», программа «ипотека для молодых ученых») детская ипотека, социальная ипотека – субсидии от государства, предоставление муниципального жилья, уменьшение ставки по ипотеке за счет ее частичной компенсации госу-

дарством), наблюдается рост объема вводимого в эксплуатацию жилья.

На графике виден устойчивый рост с 2010 по 2015 год. После 2015 года наблюдается небольшой спад. Он связан с насыщением рынка жилья. До конца 2018 года так же наблюдается спад вводимого в эксплуатацию жилья.

Открыты новые перинатальные центры. «Мы эту программу осуществляем в течение нескольких лет: в 2016 году 32 перинатальных центра в 30 субъектах Российской Федерации – это действительно прорыв в медицине», - сказал Путин В.В. Выросли зарплаты у работников системы образования и здравоохранения.

«Последовательное повышение заработной платы бюджетных отраслей планируется провести в два этапа. Первый этап охватил период с 2012 по 2014 годы, а второй – с 2015 по 2018 год. На первый взгляд может показаться, что эта процедура чрезмерно растянута, она составляет 6 лет. Но это можно объяснить масштабностью проекта – он охватывает пятую часть работающего населения. В начале 2012 года было насчитано 14,4 млн. бюджетников, в том числе работников здравоохранения – 3,93 млн. человек, работников образования – 5,23 млн. человек»¹⁰

Нацпроекты обозначены, роль проектного управления, как механизма, ясна. Но, существует так же государственная программа. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 №1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ», – «проект – это комплекс взаимосвязан-

ных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений»¹¹. Выделяют национальный проект, федеральный проект, ведомственный проект, региональный проект. Согласно Федеральному закону: «Госпрограмма – это документ стратегического направления, содержащий комплекс планируемых мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития»¹². Получается, что госпрограмма – это документ, в котором описана задача, а проект – это комплекс мероприятий по решению задач и осуществлению целей.

В сфере проектного управления на федеральном уровне в настоящий момент принят ряд документов, а именно:

- Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 N 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ».

- Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 2165-р (утверждает План первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности).

- Распоряжение Минэкономразвития России от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти».

- Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом».

Все эти распоряжения и стандарты призваны урегулировать проектную деятельность, максимально ее упорядочить и сделать прозрачной и понятной как для самого государственного аппарата, так и для граждан Российской Федерации.

Проектное управление – это новый механизм работы над нацпроектами и госпрограммами. Этот новый метод, механизм призван в максимально короткие сроки, максимально оперативно и гибко подходить к задачам, которые стоят на пути реализации проекта.

По каждому из приоритетных направлений есть результаты: жилье, демография, образование, агропромышленный комплекс.

На данный момент проектные офисы создаются во многих областях Российской Федера-

ции и все они призваны служить одной цели – реализации задач и планов, поставленных государством. Т.е. сутью административно-командной модели управления является установление целей и контроль достижения результатов.

Современная реформа системы государственного управления имеет три основных направления:

- внедрение концепции проектного менеджмента в систему стратегического управления;
- совершенствование принципов и механизмов кадровой политики госведомств;
- цифровизация процессов для скорости реагирования, прозрачности работы системы, более точного, четкого и понятного принципа работы управлений и ведомств, а также для контроля достигнутых результатов.

В этих направлениях прослеживается ориентация на философию нового менеджмента – менеджмента качества: создание системы управления изменениями, кадровая реформа, оптимизация процессов. Данная философия предполагает переход от бюрократической модели к сервисному государству, с переносом принципов управления фирмой на государственные учреждения, ориентацией на эффективность, результативность и достижимость конечных результатов.

Итак, перед Россией сегодня стоит ряд вызовов. Из них – демографический, технологическое отставание, изоляция от внешних рынков, враждебность бизнес-среды и на первом месте – неэффективность государственного управления. Неэффективность управления в первую очередь связана с технологическим отставанием работы системы. Необходима цифровизация всех процессов и внедрение новых моделей управления для более эффективной, качественной и результативной работы госорганов. И в первую очередь нужно усовершенствовать взаимодействие информационных систем внутри государства, которых порядка четырехсот. «У нас 390 информационных систем в органах власти, потрачено на это сотни миллиардов рублей за последние годы. Но не создана эффективная система обмена данными даже между министерствами и ведомствами»¹³. На сегодняшний день состояние государственных институтов и государственного управления на том уровне, который не позволяет государству решать стоящие перед ним задачи. Поэто-

му на вопрос «с чего начать?» есть только один ответ – начать нужно с реформы государства и прежде всего – с реформы государственного управления. «Нам нужна, во-первых, современная система управления изменениями. Мир меняется, и мы должны меняться так же быстро. Мы не можем рассматривать предложения по улучшению работы в исполнительной или законодательной власти месяцами, годами. Процесс должен сжаться до месяцев, недель, часов. Я не оговорился, часов. Изменения должны проводиться намного быстрее, их должно быть в десятки раз больше»¹⁴.

Государство Российской Федерации – огромная трудно-поворотливая бюрократическая машина, которой, как всему большому, нужно время на принятие, разработку, реализацию работы по-новому в условиях жесткого сопротивления со стороны всех госучреждений, ведомств, институтов. И может быть перемены в государственном секторе сейчас не так заметны, но, что очевидно, они начались и они будут продолжаться.

Литература

1. Никонов В.А. *Лидерство по-русски*. – Эксмо, 2017.
2. Белановский С., Дмитриев М., Комаров В., Комин М., Коцюбинский В., Никольская А. *Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня/Под научной редакцией Дмитриева М.* СПб.; Центр Стратегических разработок, 2016.
3. Полякова Н.Л. Место современных обществ в общей системе обществ модерна – Журнал: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология Выпуск № 2 / 2006.
4. Полякова Н.Л. *XX век в социологических теориях общества*. – М., 2004.
5. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. *Основы менеджмента: Пер. с англ.* – 2-е изд. – М: Дело, 2001.
6. Полякова Н.Л. *От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда*. – М.: Наука, 1990.
7. Прохоров А. *Русская модель управления*. / М.: Издательство Студии Артемия Лебедева., 2014.
8. Клементьев Д.С. *Социология управления. Учебное пособие*. – 3-е издание, переработано и дополнено. М.: – Издательство МГУ, 2010.
9. Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы// Материалы 14-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке: [Сборник] / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017.
10. Устойчивый экономический рост: модель для России – выступление на Гайдаровском форуме 13.01.2017// Алексей Кудрин. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016> (дата обращения 29.01.2019).
11. Правительство готовится к переходу на проектное управление// Проектные сервисы [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmservices.ru/project-management-news/pravitelstvo-gotovitsya-k-masshtabnoj-reforme-sistemy-upravleniya/> (дата обращения 12.01.2019)
12. Медведев заявил, что власти уйдут от модели управления «по поручениям»// РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/economy/20160930/1478218827.html> (дата обращения 24.01.2019)
13. Цель проектов – лучше жить// Российская Газета RG.RU [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2016/07/13/putin-prizval-primeniat-proektnyj-podhod-dlia-resheniia-vazhnejshih-zadach.html> (дата обращения 12.01.2019)
14. Строительство// Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/stroit/stroi_graf.htm (дата обращения 24.01.2019)
15. Росстат опубликовал данные по вводу жилья в декабре и в целом за 2017 год (графики)// Единый Реестр Застройщиков [Электронный ресурс] URL: <https://erzrf.ru/news/rosstat-opublikoval-dannyye-po-vvodu-zhilya-v-dekatre-i-v-tselom-za-2017-god-grafiki> (дата обращения 24.01.2019)
16. В 2016 году в России было открыто более 30 перинатальных центров// Единая Россия [Электронный ресурс] URL: <http://er.ru/news/145691/> (дата обращения 24.01.2019)
17. Увеличение, индексация заработной платы учителей, врачей, бюджетников 2017-2018// Assessor.ru Библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://www.assessor.ru/notebook/>

oplata_truda/povyshenie_zarplaty_byudjetnikam/#2 (дата обращения 24.01.2019)

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 №1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»// Нормативно-правовые акты [Электронный ресурс] URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n1288-ot31102018-h4204422/> (дата обращения 25.01.2019)

19. Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»// Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения 25.01.2019).

Ссылки:

1 Правительство готовится к переходу на проектное управление// Проектные сервисы [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmservices.ru/project-management-news/pravitelstvo-gotovitsya-k-masshtabnoj-reforme-sistemy-upravleniya/> (дата обращения 12.01.2019)

2 Медведев заявил, что власти уйдут от модели управления «по поручениям»// РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/есопому/20160930/1478218827.html> (дата обращения 24.01.2019)

3 Медведев заявил, что власти уйдут от модели управления «по поручениям»// РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/есопому/20160930/1478218827.html> (дата обращения 24.01.2019)

4 Белановский С., Дмитриев М., Комаров В., Комин М., Коцюбинский В., Никольская А. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня/Под научной редакцией Дмитриева М. СПб.; Центр Стратегических разработок, 2016. С. 12

5 Прохоров А. Русская модель управления. / М.: Издательство Студии Артемия Лебедева, 2014. С. 10

6 Цель проектов – лучше жить// Российская Газета RG.RU [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2016/07/13/putin-prizval-primeniat-proektnyj-podhod-dlia-resheniia-vazhnejshih-zadach.html> (дата обращения 12.01.2019)

7 Строительство// Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]

URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/stroit/stroi_graf.htm (дата обращения 24.01.2019)

8 Росстат опубликовал данные по вводу жилья в декабре и в целом за 2017 год (графики)// Единый Реестр Застройщиков [Электронный ресурс] URL: <https://erzrf.ru/news/rosstat-opublikoval-dannyye-po-wvodu-zhilya-v-dekatre-i-v-tselom-za-2017-god-grafiki> (дата обращения 24.01.2019)

9 В 2016 году в России было открыто более 30 перинатальных центров// Единая Россия [Электронный ресурс] URL: <http://er.ru/news/145691/> (дата обращения 24.01.2019)

10 Увеличение, индексация заработной платы учителей, врачей, бюджетников 2017-2018// Assessor.ru Библиотека [Электронный ресурс] URL: https://www.assessor.ru/notebook/oplata_truda/povyshenie_zarplaty_byudjetnikam/#2 (дата обращения 24.01.2019)

11 Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 №1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»// Нормативно-правовые акты [Электронный ресурс] URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n1288-ot31102018-h4204422/> (дата обращения 25.01.2019)

12 Кукушкина В.В. Общая экономическая стратегия предприятия // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 1999. № 4 (8). С. 91-96.

13. Матюнин Л.В., Александров Д.Г., Белотелова Н.П. Роль государства в регулировании инновационной деятельности в России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 2 (29). С. 91-94.

14 Устойчивый экономический рост: модель для России – выступление на Гайдаровском форуме 13.01.2017// Алексей Кудрин. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskij-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016> (дата обращения 29.01.2019)

Организационные практики внедрения инклюзивной формы обучения в системе высшего профессионального образования: опыт регионального вуза

Дегтярева В. В., Дружинина Ю. В.

Опираясь на результаты глубинных интервью с представителями администрации Института социальных технологий и реабилитации Новосибирского государственного технического университета, преподавателями и студентами, обучающимися как в интегрированной форме, так и в традиционной, анализируются организационные возможности и условия внедрения инклюзивной формы обучения в системе высшего профессионального образования, на примере регионального вуза.

Ключевые слова: высшее образование, инклюзивная форма обучения, студенты с ограниченными возможностями здоровья, участники образовательного процесса.

Degtyareva V.V., Druzhinina Yu.V.

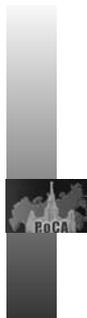
Organizational practices of implement inclusive forms of education in the system of higher education: regional high school's experience

This article is based on the results of in-depth interviews with the administration representatives of the Social Technologies and Rehabilitation Institute of Novosibirsk State Technical University. Interviews were conducted with teachers and students studying in both integrated and traditional form. The article analyzes the organizational possibilities and conditions for the introduction of an inclusive form of education in the system of higher professional education on the example of a regional university.

Keywords: higher education, inclusive form of education, students with disabilities, members of the educational process

С явлением нетипичности мы сталкиваемся с момента рождения. К сожалению, наше общество не готово к восприятию непохожих и отличных от нас людей. Проявление нетипичности мы встречаем также в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья. Данный аспект рассмотрения этого социального явления актуализирует проблему полноценного участия человека с ограниченными возможностями здоровья в различных сферах социальной жизнедеятельности, в том числе в реализации их права на образование. Кроме этого, встает вопрос о возможности для такой категории людей стать активными участниками образовательного процесса. В логике анализа В. А. Петровского [6], это означает быть субъектом своего жизненного пространства, реализовывать свое право на удовлетворение витальных потребностей, быть субъектом предметной деятельности и общения. Данные идеи нашли свое подтверждение и в исследованиях А. В. Мудрика [4], который указывает, что характер социализации личности зависит от удовлетворения естественно-культурных, социокультурных и социально-психологических задач социализации, которые подразумевают под собой формирование, в том числе, социальных компетенций, а также способности к самосознанию, самоопределению, самоутверждению и самореализации.

В этой связи институты профессионального образования пересматривают стратегии и модели образовательных программ, в том числе – удовлетворяющих образовательные потребности людей с ограниченными возможностями здоровья. Это выражается в разработке теоретико-методологических схем построения

инклюзивного, интегрированного образовательного пространства, опирающихся на принципы доступности образовательной среды. Идеи включенного инклюзивного, интегрированного обучения актуализированы философско-антропологической проблематикой, выражающейся в проблеме взаимодействия человека и общества [1], определяют субъектное начало человеческой индивидуальности. Кроме того, современная социокультурная политика в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья выдвигает принципы равенства прав и свобод такой категории.

При этом на наш взгляд центральной встает проблема отличия инклюзивной и интегративной образовательной практики. Необходимо различать интегрированность и инклюзивность как принцип организации образования для инвалидов. Так, интегрированность предполагает некий отбор участников образовательного процесса с ограниченными возможностями здоровья, тогда как инклюзивность, означает достижение высокого уровня условий успешного освоения стандартов профессионального образования.

По мнению некоторых специалистов В.А. Дзос, С.И. Трифанова, Г.С. Чесноковой, инклюзия в образовательной сфере рассматривается «как динамический метод позитивного реагирования на отношение к индивидуальным особенностям учащихся не как к проблеме, а как к возможностям для обеспечения учебного процесса» [2, с. 234]. В нашем случае это означает, что вуз обеспечивает право на образование индивида с различными образовательными потребностями. Субъект образовательного пространства, человек с ограниченными возможностями здоровья, признается как равноправный субъект. Этот тезис указывает на социокультурное измерение нетипичности, и связывает задачи развития инклюзивного образования с необходимостью формирования, прежде всего, толерантной среды профессионального обучения. Создание особых условий реализации основных образовательных программ одно из приоритетных направлений внедрения инклюзивной образовательной практики. Эти тенденции отчасти отражены в обсуждаемых в настоящем проблемах инклюзивного образования на уровне дефицита институциональных и организационных механизмов внедрения данной

формы обучения в системе высшего профессионального образования.

Сегодня «инклюзивное образование» применяется в отношении групп учащихся, имеющих ограниченные возможности здоровья, и представляет собой процесс и результат реализации организационных практик, предполагающих, как саму передачу знаний, умений и навыков, так и включение данной категории обучающихся в образовательную среду вуза, с целью формирования их адаптационного потенциала.

Поиск методологических оснований анализа организационных практик внедрения инклюзивного обучения в систему высшего профессионального образования сформировал необходимость нашего обращения к теории социального действия Т. Парсонса [5]. В рамках, которой в качестве основной функции общества он выделял интеграцию социальных субъектов, способных к «социальной солидарности», и достаточной степени обладающих социальными компетентностями, эмоциональной интегрированностью и пр. В этой связи, ситуация включения может интерпретироваться как ситуация принуждения социальных субъектов, что потенциально может составить проблему стабильности социальных сообществ. Это касается, прежде всего, вопроса границ интеграции.

Экстраполируя эти идеи в образовательное пространство высшей школы, становится очевидным, что образовательный процесс представляет собой специально организованное взаимодействие преподавателей и студентов по поводу содержания образовательных программ, средств обучения и формирования профессиональных компетенций. То есть, необходимо говорить о задачах профессионального образования, связанных с удовлетворением образовательных потребностей лиц с ограниченными возможностями здоровья, о формировании их социальных и профессиональных компетенций. При этом особое внимание должно уделяться условиям реализации образовательных программ, связанных, прежде всего, с целеполаганием и методическим содержанием.

Опираясь на выше изложенное, необходимо заметить, что возникает противоречие между современными национальными идеями развития высшего образования, заключающимися в необходимости создания единой образова-

тельной среды, в подготовке высококвалифицированных, мобильных кадров, с одной стороны. С другой – неготовностью этой системы в полной мере реализовывать поставленные задачи, особенно в отношении человека с ограниченными возможностями здоровья.

Институты и субъекты образования условно определили содержание и характер нормы и отклонения, закрепив эти образы на уровне ментально-знаковых схем. Реальный пересмотр содержания нормы приведет к размыванию представлений об инклюзии инвалидов. Необходимость поиска иного понимания доступности высшего образования для людей с ограниченными возможностями здоровья заставляет пересмотреть социокультурную функцию образовательных систем в отношении данной категории, которая определяет социальный и символический характер взаимодействия такого человека в обществе. При этом, образовательные системы, в том числе высшая школа, должны представлять собой образовательно-адаптивное пространство, в котором ведущими задачами участников этого процесса должна быть полноправная интеграция в социальную реальность такого человека посредством освоения профессиональных навыков и формирования толерантного, межличностного и функционально-ролевого взаимодействия студентов в целом. Полагаем, что такое адаптивное пространство образовательной среды высшей школы должно быть направлено на преобразование установок социального окружения, субъективного образа мира человека с ограниченными возможностями здоровья.

С нашей точки зрения, образовательное пространство, в котором находится индивид с ограниченными возможностями здоровья, само по себе не является фактором обеспечения той самой долгожданной интеграции такого человека в социум, обретением им различного социального опыта, социальных связей и ролей. Но может стать таковым, когда этим пространством моделируются различные социальные роли, делегируемые человеку с ограниченными возможностями здоровья, тем самым, обогащая его опыт взаимодействия с окружающими его индивидами, а так же опыт восприятия себя в новых обстоятельствах, развивая при этом адаптивный потенциал. Так, на пути реализации потребностей индивида, а именно той, которая

является высшей в иерархии потребностей, образовательное пространство становится местом инклюзивной практики, фактором интеграции и социальной адаптации тогда, когда оно способствует этой реализации.

Отметим, что социальная адаптация человека с ограниченными возможностями здоровья может рассматриваться как процесс, детерминированный дисфункцией личности или значимыми для нее изменениями социальных условий (на микро- и макроуровнях), ведущих к дестабилизации сложившихся стереотипов взаимодействия личности в социуме. При этом образование играет в процессе социальной адаптации важнейшую роль. Оно способствует становлению личности, «формированию систем ценностей и идеалов, коррекции потребностей, обеспечивает более успешную динамику притязаний, позволяет расширить образовательное и социокультурное пространство» [3, с. 53].

Анализ существующих организационных практик внедрения инклюзивной формы обучения в системе высшего профессионального образования проводился с использованием метода неформализованного интервью. Эмпирическим объектом исследования были выбраны различные субъекты образовательного процесса, к числу которых мы отнесли представителей администрации Института социальных технологий и реабилитации Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), преподавателей и студентов, обучающихся, как в интегрированных группах, так и в обычных группах (без студентов с ограниченными возможностями здоровья).

Основной круг исследовательских вопросов, касался с одной стороны, оценки внедрения инклюзивной формы обучения, как на уровне системы высшего профессионального образования, так и на уровне данного вуза. С другой стороны, в исследовании поднимались вопросы относительно существующих проблем на основе опыта внедрения данной формы обучения в НГТУ, а также условий, при которых возможна эффективная реализация инклюзивной формы обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Так, в ходе анализа проведенных глубинных интервью, обозначенными субъектами были выделены следующие проблемы внедрения данной формы обучения. Ряд экспертов отмечали

наличие достаточно завышенных требований и высокой оценки возможностей получения высшего профессионального образования с позиции родителей студентов с ограниченными возможностями здоровья, имеется в виду невозможность современной системы образования реализовать многие убеждения и социальные установки родителей таких студентов. Эта ситуация, зачастую, приводит к снижению требований и качества подготовки студентов в интегрированных группах, поскольку преподаватель ориентируется, прежде всего, на возможности и особенности восприятия информации студентами с ограниченными возможностями здоровья. Следует отметить, что профессорско-преподавательский состав, реализующий основные образовательные программы в интегрированных группах студентов рассматривают ограниченные возможности здоровья как своего рода преимущественное право на получение образовательной услуги, тем самым формируя конфликтную среду как внутри самой студенческой группы, так и вне ее. И в этом смысле, совершенно оправдано, на сегодняшний день говорить о социальной инклюзии, которая создает условия эксклюзии студентов, не имеющих ограничения здоровья. Происходит замена социальной инклюзии – номинальной. В результате чего, мы, по сути, формально готовим, и формально выпускаем специалистов.

Кроме всего, возникает проблема релевантности способа преподавания, которая не может быть сведена только к ограничению коммуникативных возможностей инвалида, но также и студента, не имеющего ограничений по здоровью. Нередко преподаватели не могут разграничить реальные и мнимые трудности, возникающие у инвалидов в процессе освоения учебного материала. Это усугубляется еще и тем, что, преподаватели не готовы искать способы и формы подачи учебного материала с учетом особенностей аудитории, поскольку это требует дополнительных временных и интеллектуальных усилий. В этой связи, достаточно много в учебном процессе необходимо визуализировать, либо создавать какие-то варианты памяток, краткого изложения, например, лекционного материала.

Также, следует отметить сопутствующую проблему рассогласованности между методологическим принятием инклюзии в системе выс-

шего профессионального образования и организационной практикой ее внедрения в российских вузах. В этом случае следует говорить о двух векторах данного противоречия. С одной стороны, вуз почти полностью подменяет образовательную функцию – реабилитационной. Отсюда и субъекты, реализующие основные образовательные программы, исходят из установки не на получение образования в качестве дальнейшего инструмента, а из позиции простого вовлечения в образовательную деятельность, посредством множества имитативных форм. В тоже время, сами студенты инвалиды не воспринимают вуз как средство реализации своей профессиональной траектории. Образовательное пространство вуза выступает для них как организация ситуации знакомства и дальнейшего построения собственной семьи. В этом смысле, можно найти некое объяснение другой распространенной проблемы: трудности освоения образовательной программы, которая кроется в отсутствии мотивации к дальнейшему трудоустройству, а также отсутствию в ценностном наборе получаемого образования, даже с точки зрения его инструментального характера.

В ходе анализа интервью со студентами как субъектами образовательного процесса были выделены, прежде всего, коммуникативные проблемы, что связано с отсутствием опыта взаимодействия и практикой принятия отклонений от нормы. Присутствовала позиция в пользу выбора сегрегационной формы со стороны здоровых студентов, не обучающихся в интегрированных группах. Но при этом, нельзя однозначно зафиксировать выбор в пользу инклюзивной формы обучения в оценках студентов, как с ограниченными возможностями здоровья, так и в оценках здоровых студентов, обучающихся в интегрированной форме. К этому, как правило, добавляются эмоциональные проблемы. Прослеживается, достаточно четко тенденция к принятию инклюзивной формы обучения среди студентов, которые либо сами, имея ограничения, обучались в обычных школах, либо среди здоровых студентов, которые в школьный период проходили обучение в образовательных учреждениях, где совместно учились дети с ограниченными возможностями здоровья. В этом случае и у тех, и у других субъектов в практике обучения в вузе не возникает, как правило, ни-

каких проблем с адаптацией к образовательному пространству и друг другу.

Представителями администрации вуза особо отмечались проблемы внедрения инклюзивной формы обучения институционального характера, связанные с отсутствием системной проработки социальной практики включения инвалидов в систему высшего профессионального образования. Это можно зафиксировать в отсутствии потребности обсуждать как проблемы инвалидов в системе высшего профессионального образования, так и проблемы внедрения данной формы обучения в вузе в целом. Сюда же, добавляется достаточно традиционный для любой российской практики внедрения – недостаток финансовых ресурсов, который приобретает форму, сводимую к принципу «за меньшее, мы хотим большее». Финансовые трудности тесно связаны с проблемой педагогических кадров, реализующих основные образовательные программы. Здесь можно говорить о не реализуемой преемственности в подготовке самих педагогических кадров, работающих с данной категорией студентов. Кроме того, здесь же возникает сопутствующая проблема качества подготовки инвалидов в условиях системного принуждения, и зачастую, невозможности осуществить процесс отбора и эффективного обучения инвалидов в системе высшего профессионального образования.

Сегодня совершенно точно можно утверждать, что студенты с ограниченными возможностями здоровья выступают в качестве ресурса для вуза, следовательно, любой ресурс – это капитал в условиях рыночных отношений. Реализация инклюзивной формы обучения, это процесс капитализации имеющихся ресурсов, т.е. ситуация при которой прошедшие подготовку студенты с ограниченными возможностями здоровья смогут заниматься профессиональной деятельностью в каком-либо качестве, и это качество достигается инклюзией. Возникает почти риторический вопрос, относительно необходимости или безусловности реализации профессиональной траектории для данной категории студентов в условиях существующей институциональной практики внедрения инклюзии.

Следует отметить, что в настоящем инклюзивное образование внедряется в особых условиях принятия Федерального закона «О рати-

фикации Конвенции ООН о правах инвалидов» принятого 25 апреля 2012 года Государственной Думой РФ. В этой связи, становится очевидной необходимость решения вопросов внедрения инклюзивной практики не только в средние общеобразовательные учреждения, но также и в систему среднего и высшего профессионального образования.

Кроме того, норма закона в целом не препятствует возможности получения человеком с ограниченными возможностями здоровья профессионального образования. Тем не менее, на практике получается, что создать полноценную инклюзивную среду не так просто, поскольку создание безбарьерной среды не сводимо к архитектурным особенностям того или иного вуза, а, скорее, связано с ценностно-смысловым наполнением.

В современных условиях до вузовской и вузовской подготовки достаточно очевидным остается сочетание сегрегационных и интегрированных форм обучения в связи с психофизиологическими особенностями студентов, а также необходимостью организации учебного процесса, удовлетворяющего интересы особой категории студентов. Реализация этого условия возможна посредством формирования безбарьерного образовательного пространства, где среда обеспечивает возможность постепенного включения в процесс профессиональной подготовки на уровне высшего профессионального образования, с позиции всех субъектов образовательного пространства. Это означает, что современные условия таковы, что при неспособности освоить основную образовательную программу высшего профессионального образования, студентам предлагаются программы среднего профессионального образования, а также предлагаются различные формы обучения (совместные со студентами нормы здоровья в том числе).

Практика инклюзивного образования сталкивается с проблемой изменения требований, предъявляемых в отношении студентов с ограниченными возможностями здоровья, с другой стороны, - неизбежно прибегает к стратегии исключения их из системы высшего образования. Это позволяет фиксировать лишь номинальное наличие безбарьерной среды.

Полученные в исследовании результаты позволили сформулировать тезис о том, что

условия внедрения практики инклюзивного обучения ограничивают различные категории студентов инвалидов. Это связано, прежде всего, с освоением профессиональных компетенций, ориентирующих профессиональную деятельность на сферу коммуникации. Экспертами признается проблема формирования коммуникативных умений обучающейся категории студентов. В этой связи одним из условий выступает наличие системы, обеспечивающей профессионально-релевантный способ коммуникации в ситуации подготовки специалиста, его дальнейшей профессиональной деятельности в системе «человек-человек».

Важно отметить, что инклюзия сегодня внедряется в размытых условиях целеполагания. Мы должны понимать, кого мы включаем, на каких основаниях, и для чего. Ведь задачей высшего профессионального образования является, прежде всего, достижение определенного набора профессиональных компетенций, позволяющих в дальнейшем обрести профессиональный статус. Зачастую эксперты сходятся во мнении, что сегодня вообще не ясно, какие задачи решает профессиональное образование для инвалидов в системе высшего профессионального образования. И возникает вопрос о целесообразности реализации инклюзивных форм обучения. Это приводит нас к выводу о смещении акцентов по основным функциям профессионального образования в сторону оказания некой формы социальной помощи. В условиях, когда студенты с ограничениями зачастую сами не понимают, зачем им нужна та или иная профессия, поскольку не видят возможности трудоустройства, образование как социальный институт искусственно и номинально решает задачи передачи социокультурного опыта и формирования профессиональных умений и навыков.

В условиях современной системы образования в России, следует рассматривать реализацию инклюзивной формы обучения не с системных позиций, а, скорее, как набор мероприятий, направленных на сопровождение студентов с ограниченными возможностями здоровья и попытку включить в эти мероприятия студентов с нормой здоровья. Кроме того, данная практика разворачивается в отсутствие какой-либо стратегии внедрения такой формы. Необходимо также отметить, что эксперты указывают на

объективные условия, в которых внедряется практика инклюзивного обучения. Она выражается в том, что современные требования к эффективной деятельности профессорско-преподавательского состава (механизм эффективного контракта) формируют эксклюзивную стратегию преподавателя в отношении взаимодействия со студентами с ограниченными возможностями здоровья. А также, эксперты указывают на то, что для преподавания при индивидуальных психофизиологических особенностях студентов необходима особая организация процесса передачи знаний, чтобы удовлетворить потребности студентов с различными психофизиологическими особенностями. Из этого процесса зачастую исключаются образовательные претензии студентов с нормой здоровья. Все это реализуется на фоне отсутствия организационных ресурсов стимулирования и поддержки профессорско-преподавательского состава в модернизации учебных курсов и учебных программ. Здесь задействуется индивидуальная ответственность и индивидуальные ресурсы, которые связана с личностью преподавателя. То есть сложившиеся условия распределения учебной нагрузки на преподавателя, не соответствуют возможностям профессорско-преподавательского состава выстраивать учебные программы и реализовывать индивидуальный подход к каждому студенту с ограниченными возможностями здоровья. По сути, можно говорить о том, что преподаватель при организации учебного процесса по конкретной образовательной программе остается «один на один» с проблемами выстраивания единого коммуникативного пространства в учебной группе.

Особенно остро возникают вопросы интолерантной образовательной среды, поскольку инклюзия реализуется в условиях исторически и ментально закрепленной практики коррекционного, специального образования, а также в связи с отсутствием многообразных инклюзивных практик. Все это лишний раз указывает на номинальность и формальность такого подхода.

Таким образом, можно заключить, что развитие системы инклюзивного образования напрямую связана с осознанием института власти, зачем и для чего обществу инклюзивная система образования на разных ступенях реализации, в том числе и на ступени высшего про-

фессионального образования. Кроме того, ее развитие возможно при осознании необходимости не только государства, но и общества обучать в инклюзивных практиках людей с ограниченными возможностями здоровья, а также со стороны самих людей с ограниченными возможностями здоровья должна осознаваться такая потребность. А это означает, что необходимым условием эффективного внедрения инклюзивной формы обучения в вузе становится согласование целей и установок всех субъектов, участвующих в реализации и потреблении программ высшего профессионального образования.

Литература

1. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
2. Дзоз В.А., Трифанов С.И., Чеснокова Г.С. Организация инклюзии в системе непрерывного образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. №2. – С. 233-237.
3. Лебедева С.С. Образование инвалидов: практика и теоретико-прогностическая модель. СПб.: Омега, 2001. – 222 с.
4. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 200 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
6. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов – н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.

Особенности социальной рекламы и ее воздействия на поведенческие установки

Жило А.А.

В данной статье раскрыты особенности воздействия социальной рекламы на поведенческие установки человека. Раскрыты представления разных исследователей о социальной рекламе и ее влиянии на население. Подчеркивается важность особого внимания к рассмотрению вопросов социального регулирования сферы рекламных коммуникаций.

Ключевые слова: социальная реклама, поведение, поведенческие установки.

Zhilo A.A.

Features of social advertising and its impact on behavior

In this article the features of influence of social advertising on the behavior of the person. Different researchers' ideas about social advertising and its influence are revealed. The importance of special attention to the issues of social regulation of advertising communications is emphasized.

Key words: social advertising, behavior, behavioral attitudes.

За счет того, что рекламная коммуникация встраивается в каждодневную жизнь молодого поколения, ее влияние во многих случаях выступает как незаметное и завуалированное.

Реклама – полноценный общественный институт, который выполняет определенные функции в социуме, и влияет на ценности, нормы и традиции, а также на поведение молодых людей [1]. Рекламные ролики могут формировать определенный информационный фон, к содержательной стороне которого становится возможным обращаться в разные моменты или, напротив, скорее игнорировать его. Так может быть создана иллюзия, связанная со свободой выбора и личностного самостоятельного принятия решения, что позволяет увеличить возможности, связанные с влиянием рекламной продукции на личность и поведение подрастающего поколения [7]. Реклама также может оказывать влияние на человека, отражаясь в его потребностях, нормах, целях, представлениях о стиле жизни. С.В. Толмачева говорила о том, что, являясь одной из сторон массовой культуры, реклама может определять обыденное мировоззрение человека [8].

Особое значение в развитии мировоззрения, поведенческих установок личности принадлежит так называемой «социальной рекламе».

В литературных источниках приводятся разные определения понятия «социальная реклама». Обобщение их позволяет заключить, что общим в данных трактовках всегда является следующее – это особый вид коммуникации при помощи средств массовой информации (телевидение, журналы, радио, плакаты и баннеры и пр.), которая призвана воздействовать на поведение и установки людей, особенно подрастающего поколения, в отношении разнообразных проблем социума (употребление алкоголя, наркотических веществ, сохранение укрепление

здоровья, экологическая безопасность жизни и пр.).

Изначально появление самого понятия «социальная реклама» связывается с деятельностью общественной организации «Американская гражданская ассоциация», создавшей еще в первом десятилетии прошлого века первую рекламу социальной направленности. Данная реклама содержала в себе призыв к защите Ниагарского водопада от вреда, наносимого ему энергетическими компаниями. Чуть позднее, когда началась Первая мировая война появился рекрутинговый плакат Джеймса Монтгомери Флегга «Ты нужен американской армии».

С этого момента образцы социальной рекламы начали все плотнее входить в жизнь людей в разных странах. Например, в нашей стране в военные годы выпускались многим известные плакаты Дмитрия Моора «Ты записался добровольцем?» и Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!». Данные плакаты популяризировали службу в Красной армии и правое дело большевиков. Позднее социальная реклама стала поддерживать сталинский режим, антифашистские установки и т.д. С середины прошлого века она стала менее политизированной и более направленной на прочие социальные проблемы человека. В последние годы довольно популярными роликами социальной рекламы являются выпущенные в рамках «Русского проекта».

Н.Г. Зеркалий приводит следующее определение современной социальной рекламы: это рекламные тексты, которые содержат в себе популяризацию ведущих общественных ценностей. Это также еще и вид коммуникации, который ориентирован на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям [2].

Статья 18 ФЗ «О рекламе» гласит, что социальная реклама призвана представлять социальные и государственные интересы и направляется на достижение благотворительных целей.

С точки зрения Н. Н. Грибок, социальная реклама старается призывать к разрешению разнообразных социальных проблем, поэтому она обращается к людям как к гражданам своей страны, к представителям определенного социума. Она предназначена привлечь не к покупкам, а к поступкам [2]. То есть, основная цель социальной рекламы – воздействие именно на по-

ведение, поведенческие установки.

Рассмотрим тематические направления социальной рекламы с опорой на исследования Е. В. Степанова, которые влияют на разные поведенческие установки адресатов данного продукта [4]:

- развитие поведенческих установок, относящихся к пропаганде определенного образа жизни (профилактика употребления алкоголя и табакокурения, вред наркомании, профилактика заболеваний, передающихся половым путем, позитивные моменты занятий спортом и пр.);

- идея распространения гражданско-патриотических идей, важность соблюдения гражданских прав и обязанностей, следования нормам законам (любовь к малой и большой родине, почитание ветеранов, соблюдение сроков законоисполнения и пр.);

- сопротивление распространению разных пороков и социальных угроз (повышение качества жизни разных слоев населения, профилактика беспризорности детей и подростков, важность сокращения детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях и пр.);

- профилактика проблем, связанных с личной безопасностью (правила дорожного движения и пр.);

- привлечение внимания к проблемам окружающей среды (защита экологии, охрана растений, животных, природных заповедников и пр.).

Если проанализировать данную тематику социальной рекламы, то явно прослеживается ее отличие от рекламы коммерческого плана. Социальная реклама имеет целью формирование или изменение определенного поведения и в целом служит идеям развития, оздоровления, улучшения общества и социальной ситуации.

Л.А. Андросова, И.Г. Кондратьева говорят о том, что реклама способна оказать влияние на интересы, потребности молодых людей, их включенность в социальные отношения [1]. В.И. Рерке в своем исследовании доказывает, что под влиянием социальной рекламы происходят выраженные изменения установок юношей и девушек (по отношению к употреблению алкоголя и табака, в отношении к будущей семейной жизни, во взаимодействии с окружающими), а также идет возрастание приоритетной значимости таких качеств поведения, как исполнительность, ответственность, самоконтроль [2].

М.А. Евневич и Д.В. Ябурова отмечают, что воздействие социальной рекламы на потребителя в большой степени зависит от способа подачи материала. К примеру, ироничная реклама может являться более популярной среди населения, однако окажется в итоге менее эффективной. В противовес ей, шокирующая социальная реклама будет менее популярной, но обладает большим потенциалом изменить поведение людей, в том числе молодежи [3].

Н.В. Розенберг, И.А. Рудакова в числе значимых характеристик современной рекламы обозначают такие из них, как массовость, авторитетность, привлекательность и непреднамеренный характер воздействия. Исследователи описали ключевые механизмы, находящиеся в основании влияния рекламной продукции как одного из современных агентов социализации подрастающего поколения. В том числе, это следующие механизмы, в числе которых: формирование и поддержание системы ценностей, транслирование и распространение определенной информации, развитие и осмысление новых потребностей и установок, проектирование социальных ориентиров, реализация моделирования реальности, реализация процесса социального контроля [7].

Механизм, за счет которого обеспечивается воздействие социальной рекламы на потребителя, включает три взаимосвязанных фактора: когнитивный (сообщается определенная информация), эмоциональный (ориентирован на то, чтобы вызвать определенное, желательно яркое, эмоциональное отношение) и поведенческий (установка вести или не вести себя определенным образом в зависимости от желаемых последствий [9]). Каждый из обозначенных факторов предполагает собственные методы и инструменты по воздействию на дальнейшие установки и действия людей через рекламу.

Е.Г. Копалкина отмечает также эффективность воздействия социальной рекламы на поведенческие установки в связи со следующими ее особенностями:

- социальная реклама отвергает негативность, отрицание, ей присущ принцип альтернативы и конструктивного сотрудничества;
- социальная реклама обычно основана на достоверности информации, она всегда ориентирована на обратную связь, не строится на давлении и навязывании каких-либо идеалов;

- целью социальной рекламы является формирование общественного мнения на свободной основе и с учетом этических принципов [5].

Е.В. Степанов отмечает, что социальная реклама способна привлекать внимание людей к разным социальным и государственным проблемам. При этом, если реклама сделана хорошо и с учетом понимания запросов, проблем и потребностей, то она не только привлечет внимание, но и осядет «в голове» потребителя, повлияет на его дальнейшие цели, социальные установки и действия. Автор также подчеркивает, что разные виды социальной рекламы могут быть ориентированы как в целом на социум, так и на отдельные группы (например, на молодежь). А самое важное – эффект от социальной рекламы, может быть довольно долгосрочный и проявиться не сразу [8], что говорит о важности разработки социальной рекламы с перспективой на дальнейшее развитие общества и социальное взаимодействие людей. Именно поэтому также важна социальная реклама в работе с детьми, подростками, молодежью.

В этой связи важно сделать так, чтобы социальная реклама доходила до своего адресата, проходила по подходящим информационным каналам и действительно могла влиять на поведенческие установки. Социальная реклама только тогда будет эффективной, если будет учитывать реальные проблемы и потребности населения, а также будет качественно выполнена в технических и творческих планах.

По итогам проведенного анализа целесообразной является разработка вопросов специальной политики социального регулирования в сфере рекламных коммуникаций, которая отвечает особенностям современной жизни, за счет которой будут развиваться позитивные социальные проявления рекламы и сокращаться ее негативные последствия.

Литература

1. Андросова Л.А., Кондратьева И.Г. Социокультурное измерение ценностей молодежи, пропагандируемых рекламой: социологический опрос специалистов // Наука. Общество. Государство. – 2014 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-izmerenie-tsennostey-molodezhi-propagandiruemyh-reklamoy-sotsiologicheskii-opros-spetsialistov>

2. Грибок И. Н. Социальная реклама. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 76 с.
3. Евневич М.А., Ябурова Д.В. Влияние социальной рекламы на поведение человека в зависимости от содержания сообщения // Российское предпринимательство. – 2015. - № 16 (22). – С.4169-4182.
4. Зеркалий Н.Г. Особенности социальной рекламы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnoy-reklamy>
5. Копалкина Е. Г. Социальная реклама как новый взгляд на проблемы современного общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 981–985.
6. Рерке В.И. Влияние социальной рекламы на ценностные ориентации современной молодежи // Вестник Иркутского государственного университета. – 2013. - № 9 (80). – С. 321-328.
7. Розенберг Н.В., Рудакова И.А. Механизмы социализирующего воздействия современной рекламы на молодое поколение // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 5. – Том 11. – С.86-92.
8. Степанов Е.В. Социальная реклама в России: функциональные и жанрово-стилистические особенности: дисс. канд. филол. наук : 10.01.10. – М., 2007. – 192 с.
9. Титова Ю. М. Особенности психологического воздействия рекламы и PR на поведение потребителей // Молодой ученый. – 2018. – №4. – С. 119-122.
10. Толмачева С.В. Реклама глазами молодежи / С.В. Толмачева, Л.В. Генин // Социологические исследования. - 2007. - № 4. - С. 56-60.

Проблема инновационной и научной деятельности студентов учреждения высшего образования

Кузьмичева А.А.

В статье приводятся результаты исследования проблем, затрудняющих активное участие студентов в инновационной и научно-исследовательской деятельности, освещены формы работы в данной сфере, наиболее привлекательные для студентов, которые могут послужить стартапами для последующих научных изысканий в университете. Ключевые слова: студенчество, научно-исследовательская деятельность, работающее и неработающие студенты, условия научно-исследовательской работы, научно-исследовательский университет.

Kuzmicheva A.A.

Problem of innovative and scientific activity of students in higher education institution

The article presents the results of the study of the problems, complicating the active participation of students in innovation and research activities. The forms of work in this sphere are highlighted, the most attractive for students, which can serve as startups for further research at the University. Key-words: students, innovation and research activities, working and non-working students, conditions of research work, National research University

Современный курс развития РФ базируется на идее создания инновационной экономики, которую невозможно развивать без нововведений во всех областях общественной жизни, в том числе и образовании. Научно-исследовательская работа студентов (далее - НИРС) в этом контексте является промежуточным звеном в создании инновационных продуктов. Экономические достижения невозможны без создания уникальных продуктов, которые разрабатываются и проектируются высокообразованными людьми. Данные сотрудники должны обладать профессиональными компетенциями, в области научного поиска и коммерциализации открытий [1]. Разработка новых технологий требуют нестандартного мышления разработчиков. Одним из методов воспитания такого мышления является участие студентов в научно-исследовательской деятельности в процессе обучения в вузах.

В начале XXI века в нашей стране стал осуществляться переход на Болонскую систему образования, предполагающий двухступенчатую систему: бакалавриат и магистратуру. В соответствии с новой системой образования начали проводиться реформы системы высшего образования, которое нашло отражение в редакции нового «Закона об образовании» (редакции от 07.03.2018)[2]. Одним из элементов данной реформы было введение системы оценивания эффективности вузов и предоставления эффективным вузам право вести образовательную деятельность. В систему оценки вузов были включены ряд критериев, касающихся уровня участия студентов в научно-исследовательской деятельности. В частности в рейтинге компании «Интерфакс» присутствует критерий «научная деятельность университетов», оценивающий результативность работы аспирантуры, оценки

образовательных программ на предмет включенности в нее научной деятельности студентов, оценки уровня организации научно-исследовательского процесса в вузах [3].

Во многих статьях ведущих российских ученых обсуждаются перечисленные проблемы. Вопросам повышения конкурентоспособности университетской системы целого вуза и отдельных структур посвящены работы М.В. Корчагиной [4]. Активность университетов по прорывным междисциплинарным направлениям рассмотрены в работах (И. В. Аржанова, В. М. Жураковского, А. Б. Ворова, А.А. Почестнева) [5].

Качество абитуриентов существенно различается в пределах сети национальных исследовательских университетов: средний балл ЕГЭ по сети НИУ – 73,9; МФТИ – 93,2; НИУ ВШЭ – 89,0; менее 70 – СГУ (68,5), КГТУ-КАИ, КНИТУ, МАИ, ПНИПУ, ИргТУ (61,6). Недостаточна активность университетов в подготовке научно-педагогических кадров: в среднем 28 аспирантов на 100 научно-педагогических работников, доля принятых в аспирантуру из сторонних организаций не превышает 26%. Наблюдается слабая публикационная активность в изданиях, индексированных зарубежными организациями: доля НИУ в российских публикациях, индексированных в WoS – 12,7%, в совокупных публикациях национальных исследовательских университетов индексированные в WoS работы составляют около 20%. Недостаточна активность межвузовского взаимодействия и эффективность организационной и информационной поддержки сетевого взаимодействия национальных исследовательских университетов, как между собой, так и с кластерами родственных вузов с целью распространения лучших практик. [6] Руководство университета понимает важность развития НИРС и концентрирует внимание на преобразовании и изменении учебной деятельности таким образом, чтобы повышалось его качество. К сожалению данная работа недостаточно эффективна, а настоящие показатели не позволяют МАИ (НИУ) занимать такие же позиции в рейтингах как его конкуренты. [7]

На данный момент НИРС в МАИ организован таким образом, что студенты могут принимать участие в различных направлениях и различных формах. Существуют кластерные структуры, различные типы взаимодействия студентов с предприятиями, где они могут заниматься

исследовательской деятельностью, функционируют технопарки по шести направлениям, созданы бизнес-инкубаторы. Недостаточно массово представлена классическая форма организации НИРС - индивидуальная работа с преподавателем. Работа по НИРС в университете ведётся, но существуют сложности с организацией данного процесса. Большая ответственность за научную работу возложена на преподавателей, которые заняты в других видах деятельности. Также данная деятельность несогласована с образовательной деятельностью студентов, которая является приоритетной для дальнейшей жизненной карьеры. Все эти аспекты требуют рассмотрения и анализа в связи, с чем тема данной статьи является актуальной.

Постановка задачи:

Ввиду того, что организация научно-исследовательской деятельности студентов не способствует повышению качества этой деятельности, было проведено социологическое исследование на базе высшего учебного заведения. Т.к. основой исследования являлась низкая вовлеченность студентов в НИРС, то были исследованы внутренние документы, регламентирующие работу данного направления. Было проведено анкетирование студентов авиационных специальностей, занимающихся НИРС (выборка составила 120 человек, методом доступных случаев).

Исследование состояния научной деятельности студентов авиационных специальностей:

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) – ведущий высокотехнологичный вуз России, обеспечивающий подготовку инженерных кадров и проведения передовых научных исследований мирового уровня. На базе университета создаются новые технологии в авиа- и двигателестроении, запускаются малые космические аппараты, ведутся исследования в области систем управления, IT, новых материалов, радиотехнических систем и других. Приоритетные направления развития научной деятельности университета: авиационные системы, ракетно-космические системы, энергетические системы, IT и информационно-телекоммуникационные системы, новые материалы и производственные технологии. [8]

Как в процессе предоставления образовательных услуг, а также в процессе ведения НИРС

Таблица 1
100 лучших вузов России (Порядковое место университетов сохранено в последовательности авторов).

Место	Название учебного заведения	Рейтинговый функционал	Условия для получения качественного образования, ранг	Уровень востребованности выпускников работодателями, ранг	Уровень научно-исследовательской деятельности, ранг
2	Московский физико-технический институт (государственный университет)	4,46	3	3	3
3	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	4,235	7	6	2
4	Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана	4,076	10	1	14
8	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	4,003	4	20	4
11	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	3,821	14	10	8
20	Национальный исследовательский университет «МЭИ»	3,403	18	18	23
24	Новосибирский государственный технический университет	3,164	29	19	19
26	Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П.	2,945	41	15	18
35	Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)	2,639	42	22	45

у университета существуют конкуренты и партнеры в авиа космической отрасли такие, как: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана - ведущий технический вуз России, который находится в первой пятёрке, как специализированных, так и общих рейтингов университетов. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева ведет подготовку специалистов для ракетно-космической, авиационной, радиоэлектронной, металлургической, автомобильной, коммуникационной и других отраслей промышленности. Казанский национальный исследовательский технический уни-

верситет им. А.Н. Туполева-КАИ - крупнейший технологический вуз Казани и один из самых крупных и престижных в России. Студенты научно-исследовательских университетов активно общаются со своими коллегами, выясняя и возможности работы в НИРС.

Рейтинг российских вузов приведен в таблице (размещённым журналом «Эксперт» «100 лучших вузов России»). МАИ (НИУ) занимает 35 место. [7]

Все ведущие научно-исследовательские университеты РФ представлены не в последовательности. Указаны только ближайшие партнеры вуза. Внимания заслуживает последний

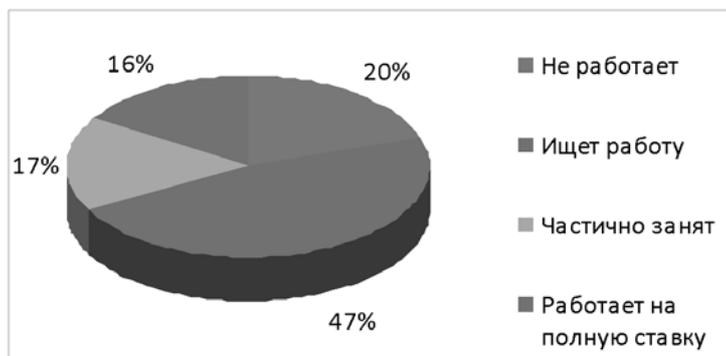

Рисунок 1. Заинтересованность студентов в НИРС среди различных категорий студентов.

Таблица 2

Характер участия студентов разных категорий в научно исследовательской деятельности

?	?	Участие студента в научных кружках	Участие студента в научно-исследовательских группах в лабораториях и конструкторских бюро	Участие студента в научно-практических конференциях, семинарах	Индивидуальная работа студентов с преподавателем	Проведение научных поисков в процессе различных видов учебной практики	Всего в группе
Не работает	Кол-во ответов «Да, участвую» %	10 66,70%	5 33,30%	5 33,30%	15 100,00%	7 46,70%	15
Ищет работу	Кол-во ответов «Да, участвую» %	11 31,40%	3 8,60%	8 22,90%	35 100,00%	4 11,40%	35
Частично занят	Кол-во ответов «Да, участвую» %	8 61,50%	4 30,80%	6 46,20%	13 100,00%	5 38,50%	13
Работает на полную ставку	Кол-во ответов «Да, участвую» %	1 8,30%	1 8,30%	0 0,00%	12 100,00%	1 8,30%	12

столбец, указывающий на состояние НИРС. Из него следует, что МАИ по НИРС идет на 45 месте.

При проведении анкетирования сначала был произведен анализ по мнения студентов об эффективности НИРС. Положительное или отрицательное мнение студентов существенно влияет на вовлеченность в данную работу. Была проверена гипотеза о том, что - низкая вовлеченность студентов в НИРС МАИ связана с тем, что они ориентированы на дополнительный заработок в сторонних организациях, а не на занятия исследовательской деятельностью.

Представляется необходимым сначала провести сегментацию студентов по критерию ра-

боты. Были выделены 4 группы студентов: постоянно работающих, временно работающих, ищущих работу и не планирующих работать.

Исследуемые респонденты распределились по этим группам следующим образом:

Далее этот сегментационный признак будет основой для сравнения ответов респондентов относительно их участия в НИРС.

Следующий вопрос анкеты касался формы участия и причины занятий НИРС. Выборка составила 75 студентов, которые определили для себя такие важные критерии, как участие в различных формах аудиторной работы, индивидуальная работа преподавателя со студентом по НИРС и др.

Таблица 3
Мотивы студентов занятием НИРС

	Не работает		Ищет работу		Частично занят		Работает на полную ставку	
	Кол-во ответов «да»	%	Кол-во ответов «да»	%	Кол-во ответов «да»	%	Кол-во ответов «да»	%
Углубления знаний по изучаемой вами проблеме	12	80,00%	30	85,70%	12	92,30%	10	13,30%
Увеличение шанса получить хорошую оценку по дисциплине	8	53,30%	16	45,70%	5	38,50%	9	12,00%
Развитие аналитического мышления	12	80,00%	24	68,60%	12	92,30%	8	10,70%
Развитие культуры ученого (интересу к решению задач)	10	66,70%	10	28,60%	3	23,10%	6	8,00%
Общественная похвала и уважение	8	53,30%	11	31,40%	5	38,50%	4	5,30%
Создание преимуществ при трудоустройстве	5	33,30%	19	54,30%	8	61,50%	9	12,00%
Создание условий для поступления в научные институты (аспирантура)	10	66,70%	25	71,40%	8	61,50%	7	9,30%
Всего по группе	15	100%	35	100%	13	100%	12	100%

Среди частично занятых и работающих на полную ставку 25 человек участвуют в какой либо научной деятельности. Эта группа составляет 33,3% от всего числа опрошенных, но среди них только 6 человек (24%) заняты участием в практических семинарах и конференциях. Между тем данный вид деятельности в рамках НИРС составляем важную часть внешнего имиджа университета.

На первом месте среди всех групп студентов относительно выбранных параметров находится индивидуальная работа с преподавателем (75 студентов или 100%). Возможно, здесь просматривается некий инфантилизм обучающихся, их желание, чтобы кто-то другой выполнил научную работу. Однако на психологическом уровне НИРС должен развивать активность и умение свободно мыслить самому студенту. Второе место - участие студентов в научных кружках - составляет студента (30 человек, 40%) из всех опрошенных. При существующей системе оценивания данный вид работы приносит студенту бонусы при сдаче экзаменов и зачетов. На третьем месте находится параметр - участие студента в научно-практических конферен-

циях, чтениях семинарах его выбрали (19 человек, 25%). На четвертом месте был параметр участие студента в научно-исследовательских группах в лабораториях и конструкторских бюро (17 человек 22%). Последнее место занял параметр участие студентов в НИРС на различных видах практики (13 человек, 17%) из числа всех опрошенных.

Перед респондентами был поставлен вопрос о понимании ими важности вовлеченности в НИРС и положительной оценкой данного вида деятельности работодателями. Студенты стремятся всячески произвести на будущих работодателей положительное впечатление с тем, чтобы устроиться на престижную работу. Ответы распределились таким образом: «затрудняюсь ответить» (31 человек.41%); на втором месте «Признаётся некоторыми работодателями» (19 человек. 25%); третий вариант был - «Признаётся большинством работодателей» (14 человек. 18%); на последнем же месте вариант «в основном не признаётся работодателями» (11 человек. 14%). Таким образом, большинство респондентов затрудняются ответить на этот вопрос, так как, не сталкивались с таким вопро-

Таблица 4
Престижность и влияние НИРС на учебный процесс.

		Престижно ли заниматься НИРС среди студентов				Какое влияние оказывает НИРС на учебный процесс			
		Да	Нет	Не знаю	Всего	Улучшает	Ухудшает	Никак не влияет	?Всего
Не работает	Кол-во	3	3	9	15	8	2	5	15
	%	20,00%	20,00%	60,00%	100,00%	53,30%	13,30%	33,30%	100,00%
Ищет работу	Кол-во	13	5	17	35	24	4	7	35
	%	37,10%	14,30%	48,60%	100,00%	68,60%	11,40%	20,00%	100,00%
Частично занят	Кол-во	7	0	6	13	8	1	4	13
	%	53,80%	0,00%	46,20%	100,00%	61,50%	7,70%	30,80%	100,00%
Работает на полную ставку	Кол-во	2	2	8	12	7	0	5	12
	%	16,70%	16,70%	66,70%	100,00%	58,30%	0,00%	41,70%	100,00%
Всего	Кол-во	25	10	40	75	47	7	21	75
	%	33,3	13,3	53,3	100%	62,7	9,3	28,0	100%

сом у работодателей при устройстве на работу. На практике работодатели положительно реагируют на склонность соискателя к НИРС, т.к. данная активность не только повышает уровень профессиональной грамотности, но и свидетельствует об активной жизненной позиции студента.

Выводы по данной гипотезе говорят о том, что работающие частично или на полную ставку достаточно активно участвуют в НИРС, несмотря на свою занятость. Это определяется их индивидуальными психологическими характеристиками. Среди всех видов активности в рамках НИРС на первом месте находится индивидуальная работа с преподавателем, ведущим такую деятельность. И наконец, большинство студентов не связывают напрямую свою активность в НИРС и успешное устройство на работу.

Следующим блоком вопросов в рамках проверки поставленной гипотезы было изучение мнения опрошенных об их мотивации заниматься деятельностью в НИРС.

При проведении анкетирования учитывалось, что особенностью определения мотивационных ценностей являются их множественность. Поэтому предлагалось несколько вариантов ответов. По итогам оказалось, что два параметра были выбраны абсолютным большинством студентов - развитие аналитического мышления и углубления знаний по изучаемой специальности (по 80%). На втором месте следовало - развитие культуры ученого (интересу к решению технических задач) и создание усло-

вий для поступления в научные институты (аспирантура) – 66%. На третьем месте стоял параметр - общественная похвала и уважение (55%). Таким образом, студенты четко представляют себе реальную выгоду занятия НИРС. Видимо, проблема сложная и многогранная, и какие -то другие причины социального порядка, недоработка всей системы высшей школы и т.п., ведут к низкой активности НИРС. Гипотеза о том, что низкая вовлеченность студентов в НИРС связана с тем, что они ориентированы на дополнительный заработок в сторонних организациях, а не на занятия исследовательской деятельностью была опровергнута.

На втором этапе исследования проверялась гипотеза – в студенческой среде занятия НИРС не входят в группу престижных видов деятельности. Для исследования данной гипотезы были опрошены респонденты на предмет изучения: престижности НИРС среди студентов и заинтересованности студентов в материальной награде.

Представляется плодотворным разделить респондентов на две группы – не работающие и ищущие работу. Данные студенты по определению имеют больше свободного времени. И вторая группа – частично работают или работают на полную ставку. Было проведено сравнение данных групп по всем параметрам. На первый вопрос о престиже занятий НИРС в студенческой среде первая группа ответила - да 16 человек (21% от общего числа опрошенных), нет -8 человек (10%), не знаю 10 человек -

Таблица 5
Заинтересованность студентов в вознаграждении

		Хотели бы Вы получать денежное вознаграждение за участие в НИРС?	Какой вид вознаграждения Вы предпочли бы?			Всего
		Да	Получение стипендии	Получение грантов	Получение оплаты за исследования	
Не работает	Кол-во	15	8	4	3	15
	%	100,00%	53,30%	26,70%	20,00%	100,00%
Ищет работу	Кол-во	35	15	14	6	35
	%	100,00%	42,90%	40,00%	17,10%	100,00%
Частично занят	Кол-во	13	9	1	3	13
	%	100,00%	69,20%	7,70%	23,10%	100,00%
Работает на полную ставку	Кол-во	12	8	0	4	12
	%	100,00%	66,70%	0,00%	33,30%	100,00%
Всего	Кол-во	75	40	19	16	75
Q13. Занятость	?	100,00%	53,30%	25,30%	21,30%	?

13%. Таким образом, среди не работающей молодежи вопрос о престижности занятий НИРС решался положительно. Вторая группа молодежи – работающая молодежь положительно ответили 9 человек (12% из всех опрошенных), отрицательно – 2 человека (2%), и не определились с ответом 25 человек, т.е. 33% опрошенных. Просматривается тенденция, что неработающая молодежь подсознательно ищет дополнительные сферы деятельности для дальнейшего жизненного устройства. Работающая молодежь, хоть и представляет большинство из активно работающих в НИРС (см. анализ предыдущей гипотезы), но около трети не знает, что такое престижность работы в НИРС, или не связывает свои планы с этим видом деятельности. Чтобы разобраться в данном парадоксе, требуется дополнительное углубленное исследование с привлечением психологических тестов. Для неработающих студентов занятия НИРС – престижные, а для работающих – нет.

В социологическом исследовании была проведена попытка оценки серьезности намерений студентов к занятию НИРС через вопрос о материальном стимулировании студентов.

Первая группа студентов – не работающая молодежь составляет 50 человек или 66%. Они считают, что получение стипендии (в положительном решении деканата играет роль участие студента в НИРС) является причиной. Так ответили 23 человека (30%). Получение грантов на

исследование как материальное стимулирование рассматривали 18 человек из неработающей группы (24%). Получение оплаты за конкретную работу по НИРС рассматривали 9 человек, или 12% от общего числа опрошенных. Среди работающей молодежи получение стипендии как фактор, привлекающий к работе в НИРС, рассматривали 25 человек, или 33%. Данная молодежь, хоть и имеет собственный заработок, но является нуждающейся в стипендии. Очевидно, что это студенты, живущие отдельно от родителей. К получению грантов положительно относится один человек. Получение денег за выполненную работу приветствуют 7 человек (9%) от числа всех опрошенных. Гипотеза о том, что в студенческой среде занятия НИРС не входят в группу престижных видов деятельности была доказана частично.

Выводы: В условиях активного развития молодежного движения в сторону повышения её инновационности и научной ориентированности существует ряд проблем. Современные вузы, хоть и являются научно-исследовательскими университетами, существенно не дорабатывают в данном виде работы. Несомненно, в средних школах педагоги активно работают с учениками старших и средних классов. Но при поступлении в вуз научная активность студентов снижается. Несомненно, этому предшествуют множество причин, часто связанных с личным обустройством молодежи и желанием ре-

шать их семейные вопросы. Огромные усилия, которые прикладывает Правительство РФ, местные органы власти в направлении всех сфер научного развития молодежи, серьезные средства, которые вкладываются в научное и инновационное развитие студенчества, должны дать положительные изменения.

Литература

1. Речь В.В. Путина об «инновационной экономике». [Электронный ресурс] URL:<https://pravda.ru/politics> (дата обращения 15.03.2019)
2. Закон об образовании РФ [Электронный ресурс]: URL:<https://zakonobrazovani.ru> (дата обращения 25.02.2019)
3. Национальный рейтинг университетов 2018. [Электронный ресурс]: URL:<https://academia.interfax.ru>
4. Корчагин М.В. Анализ организации научно-исследовательской деятельности студентов в России и за рубежом. /М.В. Корчагин // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 13, вып. 1. – Новосибирск : НГУ, 2012. – С. 67 – 73
5. Аржанова И.В, Жураковский В. М, Воров А.Б. Формирование сети национальных исследовательских университетов как масштабная институциональная инновация в структуре высшей школы России // Перспективы Науки и Образования в 2014;
6. Демченко З.А. Научно-исследовательская деятельность студентов современного вуза, как системообразующая ценность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012 №4 (14)
7. [Электронный ресурс]: URL:[https://raexpert.ru/table/RAEX\(Эксперт РА\).Таблица 4. Лучшие Вузы по уровню научно-исследовательской деятельности](https://raexpert.ru/table/RAEX(Эксперт%20РА).Таблица%204.Лучшие%20Вузы%20по%20уровню%20научно-исследовательской%20деятельности).
8. [Электронный ресурс]: URL:<https://mai.ru/science/> (дата обращения 19.12.2018)

Специфика управленческой политики и стареющего общества современного Китая

Ли Чжунюань

Статья посвящена проблеме управленческой политики современного Китая. Представлена динамика принципов системы управления от периода правления Мао Цзэдуна до настоящее время. Показано, что формирование новой управленческой модели основано на взаимодействии принципов партийного руководства и предпринимательского менеджмента, на принципах «управления на основе закона», «управления на основе морали». Раскрыты основные трансформационные процессы китайского общества, которые отразились на структуре собственности, на социальной структуре общества, на росте индустриализации и урбанизации страны. Появилась проблема старения населения Китая. Обозначена перспектива дальнейшего старения китайского населения, что приводит к увеличению пенсионной нагрузки трудящихся. Раскрыта социальная дифференциация китайского общества, формирование новой структуры социальных интересов, сопровождающееся появлением новых социальных противоречий. Обозначены проблемы китайского общества: рост безработицы, дисбаланс в развитии города и деревни, проблемы социального обеспечения, здравоохранения и образования, система хукоу. Ключевые слова: управленческая политика, конфуцианство, проблема старения населения Китая, социальная политика, система хукоу.

Li Zhongyuan

The specifics of the management policy and the aging society of modern China

The article is devoted to the problem of the management policy of modern China. The dynamics of the principles of the management system from the period of Mao Zedong's rule to the present are presented. It is shown that the formation of a new management model is based on the interaction of the principles of party leadership and entrepreneurial management, on the principles of «management based on the law», «management based on morality». The main transformation processes of Chinese society are revealed, which are reflected in the ownership structure, the social structure of society, the growth of industrialization and urbanization of the country. There was a problem of aging of the population of China. The prospect of further aging of the Chinese population is indicated, which leads to an increase in the retirement burden of workers. The social differentiation of Chinese society is revealed, the formation of a new structure of social interests, accompanied by the emergence of new social contradictions. The problems of the Chinese society are indicated: the growth of unemployment, the imbalance in the development of the city and the village, the problems of social security, health care and education, the hukou system.

Key words: management policy, Confucianism, the problem of China's aging population, social policy, hukou system.

Специфика управленческой политики Китая связана с идеологией современного социокультурного пространства Китая, которая опирается на «фундаментальные идеи традиционной китайской культуры, основополагающими из которых являются идеи конфуцианства, востребованные в современном обществе» [6. с.6].

Специфика управления страной, сложившаяся за годы правления Мао Цзэдуна (1949 – 1976 гг.), «отличалась территориально-отраслевым и территориально-производственным принципами, в основе которых лежали иерархическая административная партийная система. Чрезмерное огосударствление собственности, концентрация экономической и политической власти в руках центральных партийных и государственных органов предопределяли и характер деятельности управленческого аппарата, в функции которого вменялось формирование и организация исполнения принятых решений, жесткий контроль деятельности партийных и государственных органов» [3]. Этот принцип, фактически, формировал структуру «общества сверху донизу, образуя основу административно-командной системы, породившей отчуждение человека от собственности, от власти, от активного участия в политической и экономической жизни» [3].

Весной 1978 года в Китае был объявлен курс на модернизацию народного хозяйства страны к концу XX столетия. Новое китайское руководство во главе с Дэн Сяопином обозначило основные этапы модернизации Китая, в том числе и ее управленческой политики. Формирование новой управленческой модели, суть которой состоит во взаимодействии принципов партийного руководства и предпринимательского менеджмента, привело к трансформации китайского общества. В основе управленческой политики современного Китая лежит стратегия построения к 2020 году «Общества малого благо-

состояния», которое утверждено в 2002 году XVI съездом КПК.

С началом эры реформ в Китае начал происходить «переход от стратегии классовой борьбы к экономической модернизации. Четвертое поколение лидеров в лице Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао выстроило свой курс вокруг лозунга «ставить человека во главу угла» («и жэнь вэй бэнь») и концепции строительства гармоничного общества. Политические лозунги Ху Цзиньтао сближаются с традиционной конфуцианской идеологией отношения к народу как к «основе» (Г±s«миньбэнь»), требовавшей от правителя неустанной заботы о материальной стороне жизни подданных, чтобы получить «сердце народа» и стабильность и гармонию государства» [2]. Общественно-политические процессы в китайском обществе регулируются Компартией, которая «проявляет заинтересованность в консолидации всего китайского общества, что ведет к поиску новых, более гибких методов и форм руководства на основе традиционных ценностей и норм политической культуры при сохранении без изменений саму основу современного политического режима» [1, с. 115]. Управление в современном Китае основывается на принципе «управления на основе закона», который является «основным, что не исключает другой традиционной для Китая принцип «управления на основе морали» [1, с. 127].

Для оценки влияния «новой управленческой политики на китайское общество» [3], необходимо подробно проанализировать социальную сферу, экономические аспекты деятельности предпринимателей, уровень благосостояния населения. «Изменения в системе государственного управления привели к трансформации в социальной структуре общества. Изменения социально-экономических основ общества привели к изменению в демографической структуре, в городской и сельской жизни, структуре занятости, семейно-брачных отношений, структуре распределения доходов населения и образа жизни» [3].

Следует отметить, что управленческая политика Китая привела к «следующим изменениям в социальной структуре современного китайского общества, которые затронули следующие аспекты:

- структуру собственности, которая выразилась в допущении в экономику Китая частной

собственности, что привело к росту всех видов негосударственной собственности и частного предпринимательства. В результате возникли новые слои частных предпринимателей, страты высшего руководства и технического персонала иностранных и частных предприятий;

- рост индустриализации и урбанизации страны;

- рост социальной мобильности, который связан с процессом формирования современной экономики и среднего класса» [3].

В связи с развитием «социализма с китайской спецификой» и рыночной экономики изменилось отношение к институту частной собственности, которое в дореформенный период было резко отрицательным, а в период реформ все больше людей вовлекается в рыночные отношения, что влияет на социальную структуру в целом.

Наряду с этим появилась новая для Китая «проблема старения населения, которая заставляет строить прогнозы относительно сложности решения задач социального обеспечения населения» [4]. Индустриализация общества, которая сопровождалась урбанизацией, привела к потере крестьянами земельной собственности и ослаблению функции семьи при обеспечении старости, превратив традиционную семейную взаимопомощь в коммерческое и государственное пенсионное обеспечение. Прогноз численности населения Китая, проведенный и опубликованный Отделом населения Департамента экономики и социального развития ООН в 2003 году показал, что «численность населения Китая к 2050 году вырастет по сравнению с 2005 годом на 76 млн. человек и составит 1,39 млрд. человек. Вне зависимости от сценариев динамики населения, перспектива дальнейшего старения китайского населения неизбежна. Различаются лишь темпы старения. В связи с этим, образовавшаяся демографическая ситуация в Китае, увеличит пенсионную нагрузку трудящихся» [7].

В современных условиях увеличивающаяся социальная дифференциация китайского общества, формирование новой структуры социальных интересов, сопровождающееся появлением новых социальных противоречий и конфликтов, неизбежно оказывают глубокое воздействие на доминирующую идеологию. В последние годы усугубились «социальные проблемы,

к которым относятся рост безработицы? около 30 млн. безработных в городах и 150-200 млн. – в деревне; дисбаланс в развитии города и деревни; существенный разрыв в развитии восточных и западных регионов; социальная и имущественная поляризация общества; серьезные проблемы в создании общегосударственных систем социального обеспечения, здравоохранения и образования» [1, с. 246]. Основой социально-пространственной стратификации в КНР является «система хукоу, которая означает различия в постоянной прописке для города и деревни, что резко разделяет город и деревню и не дает крестьянам права получить постоянную прописку в городе и соответственно получения социальных льгот» [5].

Таким образом, главными задачами управленческой политики современного Китая являются полная занятость, справедливая система распределения, ликвидация нищеты, экономия ресурсов, охрана окружающей среды, устойчивое развитие общества. В настоящее время сформировалась новая структура власти, стержнем которой является Компартия Китая, ориентированная на эффективную реализацию планов модернизации страны.

Литература

1. Бальчиндоржиева О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский

анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Улан-Удэ, 2015. - 376 с.

2. Борох О., Ломанов А.. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et contra. – 2005, № 3 [Электронный ресурс] // Наименование ресурса polit.ru Режим доступа: <http://polit.ru/article/2006/04/20/boroh/>

3. Ван Сяоди. Эволюция системы управления и динамика изменения социальной структуры в КНР в конце XX - начале XXI в.: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.08. - Москва, 2012. - 154 с.

4. Джан Хэлань. Рост численности населения – фактор давления в Китае // Социологические исследования. – 2000 – № 1. – С.75-80.

5. Кондратенко Г.В. 30-летие социальных реформ в КНР (1978-2008): реформирование системы занятости и системы социального обеспечения // Ойкумена. – 2009. – №3. – С. 30-39.

6. Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Ци Минянь. - Чита, 2011. - 140 с.

7. Чжао Сянцзе. Реформирование пенсионной системы в Китае: дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. - Москва, 2006. - 312 с., 2006. - 312 р.

Роль государства в процессе созидания общества «сяокан»

Лян Цзянь

В статье изложены основные положения государственной политики Китая в процессе созидания общества сяокан. Раскрыто содержание понятия сяокан, которое трактуется как общество малого достатка, общество скромного благополучия. Изложены основные этапы развития идеи сяокан в государственном управлении. Показано, что к настоящему времени Китай завершил первый этап социально-экономического развития «вэньбао», основной задачей которого являлось отсутствие голода и нищеты, а в стратегии общественного развития Китая приоритет был отдан экономической сфере. Благодаря переходу к рыночной экономике, взвешенному государственному регулированию и другим конкурентным преимуществам были достигнуты высокие темпы экономического роста. Показано, что в настоящее время происходит смена системы ценностных приоритетов в стратегии развития от приоритета развития экономики к построению гармоничного общества. Описаны принципы построения «гармоничного общества»: «человек - превыше всего», «научная концепция развития», проведение политики реформ и открытости, развитие демократии и законности.

Ключевые слова: сяокан, общество среднего достатка, вэньбао, гармоничное общество.

Liang Jian

The role of the state in the process of building society «xiaokan»

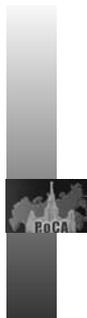
The article outlines the main provisions of the state policy of China in the process of building society xiaokang. The content of the concept of xiaokan, which is treated as a society of small affluence, a society of modest well-being, is revealed. The main stages of the development of the idea of xiaokan in public administration are outlined. It is shown that by now China has completed the first stage of Wenbao's socio-economic development, the main task of which was the absence of hunger and poverty, while in the social development strategy of China, priority was given to the economic sphere. Due to the transition to a market economy, balanced government regulation and other competitive advantages, high rates of economic growth were achieved. It is shown that at present there is a change in the system of value priorities in the development strategy from the priority of economic development to building a harmonious society. The principles of building a «harmonious society» are described: «man is above all», «scientific concept of development», pursuing a policy of reforms and openness, developing democracy and the rule of law.

Key words: xiaokang, middle-income society, wenbao, harmonious society.

Приоритетной задачей государственной политики в Китае на предстоящие 20 лет является становление общества средней зажиточности (сяокан). Данная задача была выдвинута в докладе председателя КНР Цзян Цзэминя на 16 съезде Коммунистической партии Китая (КПК) [2]. В современном китайском языке сяокан означает «средний достаток», переводится на русский язык как общество малого достатка, общество скромного благополучия, общество малого процветания, общество приемлемого состояния, общество умеренного благосостояния, сяокан называют «социализмом с китайской спецификой» [8].

Интерпретируя идеи сяокан, Сун Ятсен, писал: «Прежде всего, необходимо позаботиться о том, чтобы весь народ был обеспечен питанием, одеждой, жильем, для этого обеспечить развитие сельского хозяйства, легкой промышленности и строительство жилых помещений» [7, с. 8]. Нравственное содержание концепции сяокан содержит идеи Конфуция: утверждение принципов справедливого управления, призыв к солидарности и взаимопомощи в повседневной жизни. Основой нравственности, согласно Конфуцию, было следование ритуалу и исполнение долга [1, с. 227]. Таким образом, концепция сяокан отражает стремление китайского народа к построению справедливого общества.

Обозначая роль государства в процессе созидания общества «сяокан», обратимся к теории Дэн Сяопина, в которой можно выделить несколько этапов. С 1979 года по март 1983 года – период первоначального формирования концепции сяокан. В 1982 году на XII съезде Компартии Китая он поставил задачу «к концу XX века увеличить ВВП страны в два раза... А материальные условия жизни народа должны достичь уровня сяокан» [6, с. 237]. С 1983 года по октябрь 1984 года являлся периодом совер-

шенствования концепции сяокан. Дэн Сяопин отмечает, что «конечной целью четырех модернизаций является достижение к концу века уровня сяокан... Согласно принципу социалистического распределения, достижение уровня сяокан должно стать всеобщим» [6, с. 416-417]. После октября 1984 года – период дальнейшего совершенствования концепции сяокан. К 1990 году в большинстве районов Китая был достигнут уровень вэньбао. Во время 7-го пленума ЦК Компартии XIII созыва главной задачей экономического строительства 90-х годов стало достижение уровня сяокан.

К настоящему времени Китай успешно завершил первый этап социально-экономического развития, называемый «вэньбао», основной задачей которого являлось отсутствие голода и нищеты. В настоящее время страна строит общество «среднего достатка» («сяокан»). Задачей третьего этапа становится построение идеального общества «великой гармонии» – датун.

Однако в новом тысячелетии было признано, что социально-экономическое развитие идет неравномерно и что достигнутый уровень сяокан все еще недостаточно высок. Поэтому построение общества средней зажиточности (сяокан) в современном Китае является приоритетным направлением социально-экономического развития страны. Это отражено в ряде партийных документов. На XVI съезде КПК в 2002 году Цзянь Цзэминь заявил, что в первое двадцатилетие нынешнего века китайцы должны заняться строительством среднезажиточного общества, которое отличается развитой экономикой, передовой наукой и просвещением, процветающей культурой, глубокой гармонией и обеспеченной жизнью народа, живущего в условиях совершенной демократии [4]. В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты», которая отражала мечту о создании процветающего и могущественного государства, национального возрождения и достижения народного благоденствия. Одним из этапов достижения данной цели является построение общества сяокан [5].

Приход к власти четвертого поколения руководства ознаменовался новым этапом развития идеи сяокан. Основой целью развития становится построение гармоничного общества. Цель – во многом соответствующая принципам конфуцианства. В начале XXI века все более яв-

ными становятся дисбаланс и разрозненность процессов модернизации в различных сферах общества: неравномерное развитие города и деревни, западных и восточных регионов, более быстрое продвижение экономической модернизации в противовес политическим реформам. В предыдущие десятилетия в стратегии общественного развития Китая приоритет был отдан экономической сфере, поставлена задача первоочередного развития производительных сил, повышения уровня ВВП. Благодаря переходу к рыночной экономике, взвешенному государственному регулированию и другим конкурентным преимуществам были достигнуты высокие темпы экономического роста, сложилась сравнительно развитая промышленность, активно продвигается процесс информатизации в сочетании с индустриализацией [1, с. 233].

Приоритетные задачи построения «гармоничного общества» включают:

- совершенствование социалистической демократии и реализацию установки на «управление государством на основе закона» в целях обеспечения прав и интересов народа;
- преодоление тенденции к нарастанию разрыва в развитии города и деревни, формирование рациональной и упорядоченной системы распределения доходов;
- расширение общественной занятости и создание системы социального страхования, охватывающей все города и деревни;
- повышение уровня и совершенствование общественного и административного управления;
- повышение идейно-нравственного, научного и культурного уровня нации, последовательное улучшение морального состояния общества;
- повышение творческого потенциала общества и формирование государства инновационного типа.

Основными принципами построения гармоничного общества являются: «человек - превыше всего», «научная концепция развития», проведение политики реформ и открытости, развитие демократии и законности, соблюдение правильных взаимоотношений между реформой, развитием и стабильностью, участие всего народа в строительстве гармоничного общества под руководством Коммунистической партии Китая [3, с. 49].

Итак, в настоящее время в новом тысячелетии актуальной становится проблема смены системы ценностных приоритетов в стратегии развития от приоритета развитие экономики к постановке цели построения гармоничного общества, которая подразумевает гармонию между обществом и природой, человеком и обществом. Реализуя идеи сяокан, китайское руководство выступает за разумное сочетание государственного управления на основе закона и морали, укрепления социалистического правопорядка, достижения гармонии между человеком и обществом, человеком и природой.

Литература

1. Бальчиндоржиева О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Улан-Удэ, 2015. - 376 с.
2. Доклад Цзян Цзэмина на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс] // Сайт государственного информационного сервера Китая. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm>
3. Кондратенко Г.В. Продолжение реформ в Китае: от общества средней зажиточности к гармоничному обществу //Россия и АТР. – 2009. - № 3. – С. 46-51.
4. Путь современного Китая к обществу «сяокан» [Электронный ресурс]. // Сайт государственного информационного сервера Китая. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/49591.htm>
5. Слово товарища Си. Из интервью Председателя КНР российскому телевидению [Электронный ресурс] // Завтра. - 2014 - № 7. - Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/slovo-tovarischa-si/>
6. Собрание сочинений Дэн Сяопина. – Пекин: Издательство Жэньминь, 1994. – Т. 2.
7. Сунь Ятсен. Полное собрание сочинений. – Пекин: Чжунхуа, 1981. – Т. 1. – С. 8.
8. Цзян Хонбо, Чжен Юнкуй. Менталитет китайцев и реформы Дэн Сяопина //Философские науки. - 2015. - № 1. – С. 86-99.

Особенности потребительского поведения населения с разным уровнем дохода в сети Instagram

Матюшина Ю.Б., Петров Д.С.

В статье рассматривается сеть Instagram как площадка для продвижения товаров и услуг, а также особенности потребительского поведения в зависимости от уровня дохода. Материальная обеспеченность рассматривается как фактор, оказывающий непосредственное влияние на потребительскую активность. Данные получены на основе исследования потребительского поведения жителей г. Воронежа, в результате которых были выдвинуты рекомендации, способствующие успешному продвижению товаров и услуг в сети Instagram.

Ключевые слова: Instagram, интернет-реклама, онлайн-магазин, доход, бренд, потребители, массовое потребление, покупка, массовая культура, продвижение, услуги.

Matushina J.B., Petrov D.S.

Features of consumer behavior of the population with different income levels on the Instagram network

The article considers the Instagram network as a platform for the promotion of goods and services, as well as features of consumer behavior on this network, depending on their income level. Material security is considered as a factor that has a direct impact on consumer activity. And after that recommendations, based on the results of the study of consumer behavior of the residents of Voronezh, will be represented.

Key words: Instagram, online advertising, online store, income, brand, consumers, mass consumption, popular culture, promotion, services.

На данный момент среди рекламных и маркетинговых услуг активно растет сегмент Интернет-рекламы. Во время российского экономического кризиса 2014-2015 годов, интернет-реклама являлась единственным сегментом рекламного рынка, который показал положительную динамику. По объемам размещенной рекламы интернет находится на втором месте после телевидения и продолжает демонстрировать опережающие темпы роста. Среди ключевых игроков мирового рынка социальных сетей Instagram является самой молодой и приятной самой быстрорастущей платформой.¹ Всего спустя год после запуска Instagram, 37% молодежи по всему миру являлись пользователями ресурса, в следующем году этот процент вырос до 53% и до сих пор продолжает расти. Важно отметить, что именно Россия занимает первое место в Европе по количеству уникальных пользователей Instagram - в 2015 году ежедневная аудитория ресурса в России превзошла аудиторию Twitter, составила 5,5 млн. пользователей и продолжает бурный рост.² На 2018 год число зарегистрированных пользователей составляет 1,1 млрд человек в мире

По данным опроса ВЦИОМ «Каждому возрасту - свои сети», проведенного в декабре 2017 г., 14% российских интернет-пользователей пользуются аккаунтом в Instagram каждый день/почти каждый день.

Благодаря быстрым темпам роста аудитории и высокой степени вовлеченности пользователей, Instagram превосходит своих конкурентов Pinterest и Flickr и является наиболее эффективным маркетинговым каналом среди аналогичных платформ.³ Для привлечения аудитории и стимулирования ее активности на личных страницах брендов в данном ресурсе проводятся успешные конкурсы, устраиваются квесты, раз-

мещается актуальная информация в присутствии только данной сети визуальном формате, осуществляется коммуникация с определенными целевыми группами и т.д. То есть Instagram представляет собой площадку, на которой возможно осуществление полноценной SMM-кампании. SMM Лаборатория выделяет такие положительные характеристики Instagram для ведения бизнеса, как: узнаваемость (возможность необычного и красивого оформления профиля позволяет не только привлечь клиентов, но и узнавать профиль среди тысячи других), лояльность (с помощью простых фотографий можно заставить пользователей полюбить какой-либо бренд), продажи (продавать через Instagram сложно, так как в аккаунте нет кнопки призыва к действию, ссылки в постах неактивны, но качественные фото и оформление ленты позволяет набирать клиентскую базу достаточно быстро).⁴

За последнее время возросла популярной официальной рекламы: бренды всех размеров и категорий начали размещать рекламный контент на ресурсе. Данный формат рекламы органично встроено в Ленту новостей пользователя и является «нативным».⁵ Артем Радкевич, который является экспертом крупнейшего в России оператора медиарекламного рынка Vi, заявляет, что нативная реклама эффективнее в мобильном формате, так как именно этот вид рекламы органично встраивается в общий информативный поток.⁶ Также, Алексей Милехин, руководитель отдела по мобильной разработке компании InteractiveServices, считает, что после появления в Instagram видео-рекламы и кнопок с призывом к действию (таргетированной рекламы) потенциал данного ресурса как маркетингового канала значительно вырос.⁷ Более того на базе платформы Instagram было проведено собственное исследование, доказывающее, что в случае добавления к кампании в Facebook Instagram-рекламы показатели эффективности маркетинговых усилий увеличиваются на 30%.⁸

Так как Instagram рассматривается в качестве площадки для продаж и продвижения услуг, то немаловажным является фактор материальной обеспеченности пользователей данной сети. Следует отметить, что имеет место предположение о том, что люди, имеющие различную степень дохода, будут проявлять различное потребительское поведение. Большое количество товаров, продвижение которых осу-

ществляется через Instagram нацелены на покупателя со средним или выше среднего доходом. Часто люди, имеющие более низкий доход, увидев какой-либо заинтересовавший их продукт в Instagram, следом пытаются найти ему более дешевую альтернативу на других интернет ресурсах. Именно поэтому следует уделить внимание материальному фактору и его влиянию на потребительское поведение в Instagram различных групп населения.

Важно рассматривать феномен потребления в сети Instagram в контексте общества потребления, понятие которого ввел в широкий оборот Жан Борийяр⁹ в своей работе «Общество потребления», где рассматривал именно знаковое потребление, которое является неким своеобразным языком общения между людьми. Индивидуальность и живую культуру сменяет ритуализация бессмысленных знаков, за которой теряется содержание, таким образом формируется минимум знаков, необходимых для каждого «культурного» человека. СМИ, по мнению Бодрийяра, представляют не «образ» действительности, а ее «знак», таким образом чередование информации о событиях и рекламы ведет к уравниванию между собой их значимости.¹⁰

Компания ResearchMe, которая является партнером Mail.RuGroup по проведению маркетинговых исследований, выяснила, как Instagram влияет на жизнь и самочувствие россиян. В ходе исследования было выяснено, что на многих пользователей данной социальной сети она действует положительно, а некоторых даже вдохновляет на карьерные подвиги и творчество.¹¹ В 2015 году в журнале «Наша психология», было опубликовано исследование, посвященное качественным пристрастиям селферов. Было проанализировано 123 аккаунта блогеров, которых дополнительно попросили заполнить опросники, чтобы выявить их личностные качества. В итоге выяснилось, что обладатели мягкого характера чаще предпочитают располагать камеру чуть снизу, анонимность чаще всего присуща добросовестным людям, они стараются защищать свои личные границы и сохранять приватность.¹² Значительным вкладом в изучение данной тематики является книга «Instagram: продвижение от А до Я», выпущенная в 2014 году российским digital-агентством Ingate, которая является универсальным посо-

Таблица 1
 Ответы респондентов на вопрос: «Совершаете ли Вы покупки в онлайн-магазинах сети Instagram?»

	Состоятельные	Обеспеченные	Со средним достатком	Малоимущие	Неимущие
да	64	58	63	41	29
нет	36	42	37	58	71

Таблица 2
 Ответы респондентов на вопрос: «Подписаны ли Вы на онлайн-магазины в сети Instagram?», в %.

	Состоятельные	Обеспеченные	Со средним достатком	Малоимущие	Неимущие
да	60	55	63	22	14
нет	40	45	37	78	86

Таблица 3
 Ответы респондентов на вопрос: «Какое количество онлайн-магазинов находится в Ваших подписках в сети Instagram?», в %.

	Состоятельные	Обеспеченные	Со средним достатком	Малоимущие	Неимущие
1-5	52	63	78	67	100
6-15	36	30	17	33	0
16-25	6	9	2	0	0
26 и более	6	2	3	0	0

бием для компаний по самопрезентации на платформе.

В рамках изучаемой темы было проведено исследование влияния Instagram на потребительское поведение жителей г. Воронежа. Всего было опрошено 400 человек. Одной из приоритетных задач являлось изучение особенностей потребительского поведения различных групп населения в сети Instagram в зависимости от их материального положения. Была выдвинута гипотеза о том, что пользователи Instagram, обладающие средним и выше среднего достатком, соответственно покупают товаров на большее количество денег, чем те пользователи, которые имеют низкий доход.

Всего среди опрошенных можно условно выделить пять категорий материальной обеспеченности:

1. денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать – состоятельные.
2. покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей – обеспеченные.
3. денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать – со средним достатком.
4. денег хватает только на приобретение продуктов питания - малоимущие.

5. денег не хватает даже на приобретение продуктов питания – неимущие.

В опросе приняло участие 143 мужчины и 257 женщин различных возрастов от 13 до 55 лет и старше. Больше всего (64%) подписок на онлайн магазины сети Instagram оказывается у респондентов, которые с легкостью покупают еду и одежду, также опрошенные со средним достатком проявляют не меньший интерес к онлайн-магазинам (63%). В данном случае ярко прослеживается связь между потребительской активностью респондентов и их материальным благополучием. Корреляция с уровнем доходов показывает, что респонденты, которые не могут позволить себе еду, не имеют свыше 6 подписок. Проведенное исследование также показало, что на онлайн-магазины в сети Instagram подписаны 48% женщин и 63% мужчин. Отвечая на вопрос о количестве подписок на онлайн-магазины сети Instagram, 70% респондентов выбрали вариант 1-5 подписок, 23% – 6-15, и только у 3% – более 26. При этом в категории 1-5 подписок на 12% больше женщин (74% к 62%), в категории 6-15 их, наоборот, на 12% меньше (19% к 31%). В возрастных категориях примерно одинаковые ответы. Можно сделать вывод, что в первую очередь покупки в онлайн-магазинах в сети Instagram являются «привилегией» наиболее обеспеченных слоев

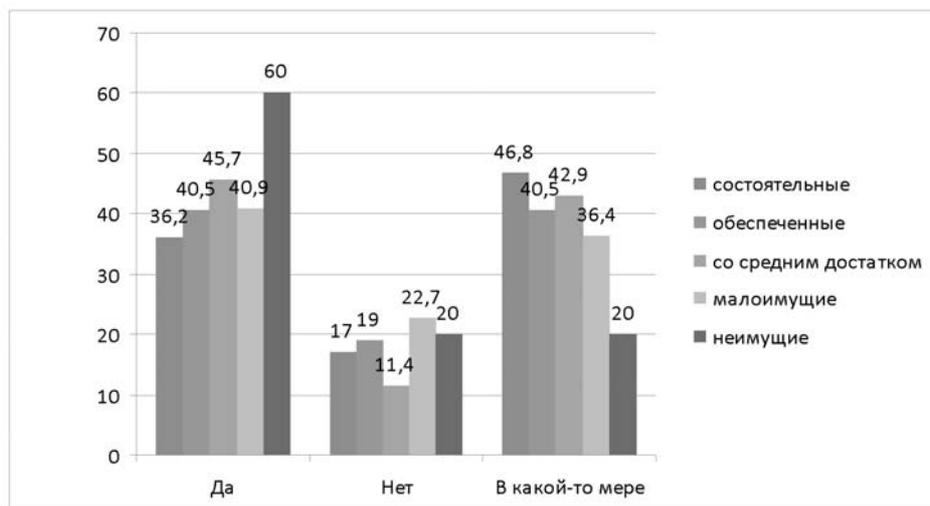

Рис. 1. Возможность изменения решения о заказе товара/услуги при изменении цены, %.

населения. Те, кто с трудом может себе позволить еду, либо ищут более дешевые аналоги на других онлайн ресурсах, либо вовсе не прибегают к покупкам через интернет.

Затрагивая вопрос наличия подписки на онлайн-магазины сети Instagram, можно сделать вывод, что более половины респондентов (58%) ее имеют. Подписка в среднем есть у 60% респондентов в 3 верхних категориях обеспеченности и только у 14% респондентов из категории неимущих. При этом подписок среди женщин на 15% больше. Наибольшее количество подписок (63%) наблюдается среди молодежи 13-17 лет, наименьшее (42%) – среди респондентов 35-44 лет, что можно объяснить отсутствием стремления быть «в ногу со временем» и «в ладах с новыми технологиями» у старшего поколения. Необходимо отметить, что уровень дохода значительно влияет на наличие подписки.

Отвечая на вопрос о количестве подписок на онлайн-магазины сети Instagram, 70% респондентов выбрали вариант 1-5 подписок, 23% – 6-15, и только у 3% – более 26. Респонденты, которые не могут позволить себе еду, не имеют свыше 6 подписок. Больше всего (63%) подписок оказывается у респондентов, которые с легкостью покупают еду и одежду. При этом в категории 1-5 подписок на 12% больше женщин (74% к 62%), в категории 6-15 их, наобо-

рот, на 12% меньше (19% к 31%). В возрастных категориях примерно одинаковые ответы.

Говоря о частоте совершения покупок в онлайн-магазинах сети Instagram, мы получили данные о существовании прямой зависимости между материальным положением респондентов и частотой совершения покупок в онлайн-магазинах сети Instagram. Респонденты женского пола, в частности, работающие и живущие в городе, предпочитают совершать покупки 2-3 раза в год (59%), а респонденты мужского пола, склонны заказывать в онлайн-магазинах чаще, раз в месяц, но при их меньшем количестве (40%). Чаще всего респонденты, проживающие в городе, приобретают в онлайн-магазинах билеты на поезд и самолет (54%), билеты на мероприятия (48%). В обычных магазинах женщины предпочитают покупать косметику и средства по уходу (88%), аксессуары и бижутерию (76%), одежду и обувь (61%). Мужчины чаще всего отдают предпочтение покупкам электроники (45%) и товарам для дома (45%). Среди возрастов прослеживается тенденция выбора книг и музыкальной продукции, особенно в городе. А большинство опрошенных, живущих в селе, покупают как канцелярию (3%), так и игрушки (5%) в обычных магазинах. Высокая тенденция покупок в городе прослеживается по всем товарам. Меньше всего в различных деревнях и селах. На сегодняшний день респонденты предпочитают

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос: «Следите ли Вы за рекламой онлайн-магазинов сети Instagram, на которые Вы подписаны?», в %.

	Состоятельные	обеспеченные	со средним достатком	малоимущие	неимущие
да, постоянно	22	24	11	8	0
да, редко	42	48	44	33	50
нет	31	20	37	33	50
затрудняюсь ответить	6	8	9	25	0

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос: «Подписываясь на какой-либо онлайн-магазин, Instagram автоматически предлагает Вам список рекомендуемых магазинов на схожую тематику. Просматриваете ли Вы товары онлайн-магазинов из списка рекомендаций?», в %.

	Состоятельные	Обеспеченные	Со средним достатком	Малоимущие	Неимущие
да, я всегда ищу новое и лучшее	32	26	20	17	0
редко обращаюсь к рекомендуемым магазинам, просматриваю одну-две ссылки	32	64	51	50	100
никогда не смотрю рекомендации	35	10	30	33	0

покупать в Instagram, в основном, одежду и аксессуары (66%). В меньшей степени приобретают канцелярию (6%). Наиболее популярными товарами среди незамужних женщин 18-24 лет является косметика (57%) и украшения (58%). Детские товары распространены среди женатых (замужних) респондентов 25-34 лет (62%). Билеты на мероприятия, в кино (60%), а также различные путевки (39%) опрошенные приобретают в Instagram. Заказ автозапчастей (53%) и электроники (28%) распространен среди мужчин 25-34 лет, проживающих в городе. К респондентам, предпочитающие покупать данные категории товаров, в основном, относятся те, у которых денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать.

Отвечая на вопрос, какую сумму респонденты тратят в среднем в месяц на приобретение покупок через Instagram, мы получили следующие данные. Женщины во всех возрастных категориях тратят на покупку в Instagram большую сумму денег (69%), нежели чем мужчины. И мужчины, и женщины наиболее часто указывали, что готовы потратить до 500 рублей на покупку в сети Instagram. При этом наибольший показате

ль материальных затрат на покупку в Instagram встречается в возрастной категории 18-24 года, с неполным средним или с неоконченным высшим образованием, проживающие в городе и холостые. Их основным источником доходов является заработная плата (56%). Следовательно, основными потребителями товаров и услуг на данной площадке является городская молодежь именно данная категория населения готова потратить на покупки в сети Instagram наибольшую сумму.

Рассматривая связь потребительского поведения с материальным положением респондентов был задан вопрос о том, станут ли они заказывать товар или услугу при увеличении цены. Так, большинство респондентов (60%) ответили, что не станут заказывать товар или услугу при увеличении цены и попытаются найти более выгодное предложение. Меньшее число респондентов при увеличении цены товара закажет более дешевый аналог (20%). При этом нашлись респонденты, которые все равно закажут товар, даже если цена на него повысится (20%). Некоторые опрошенные готовы совсем отказаться от покупки при увеличении цены товара (12%). Таким образом, можно сделать вывод, что увеличение цены на товар или услугу

оказывает непосредственное влияние на спрос. При увеличении цены респонденты всех групп материальной обеспеченности либо откажутся от товара/услуги, либо попытаются найти более выгодное предложение. Лишь небольшая часть опрошенных все равно закажет этот товар.

Данные отслеживания респондентами рекламы в онлайн-магазинах сети Instagram показывают, что редко или совсем не отслеживают рекламу респонденты из категории неимущих, по сравнению с четвертью регулярно отслеживающих и менее половины редко отслеживающих рекламу среди 3 верхних категорий, схожая тенденция сохраняется и с просмотрами товаров онлайн-магазинов через рекомендации. Имеет место предположение, что респонденты, у которых денег не хватает даже на продукты питания не заинтересованы в товарах и услугах, рекламируемых в сети Instagram, как так данная продукция и услуги нацелены на более обеспеченные слои населения, а для нижних категорий обеспеченности цена слишком завышена.

Респондентам был задан вопрос о том, просматривают ли они список рекомендаций онлайн-магазинов в сети Instagram. Ответы опрошенных показали, что чаще всего рекомендации просматривают обеспеченные (64%) и респонденты со средним уровнем достатка (51%). Схожая тенденция отмечается у малоимущих и неимущих. Среди состоятельных респондентов ответы распределились в равных пропорциях.

Отзывы других покупателей также являются важным фактором, оказывающим влияние на потребительское поведение. Данный фактор аналогично связан с критерием материальной обеспеченности. Основным источником доходов респондентов во всех возрастных категориях является заработная плата и своё материальное положение они оценивают таким образом: денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать, то есть наиболее активной категорией потребителей являются респонденты со средним достатком. При покупке товаров в сети Instagram респонденты чаще всего учитывают мнение друзей и знакомых: женщины (62%), мужчины (38%). Возрастная категория при этом преимущественно 18-24 года (44%) и, в большинстве своём, это люди, проживающие в городе (97%), с родителями

(29%) и имеющие высшее образование (36%). Менее всего учитывают мнение друзей и знакомых люди в возрасте 45-54 года (0,5%). Больше всего на респондентов оказывает влияние мнение известных личностей.

Важно было также узнать, следят ли респонденты за модными тенденциями в сети Instagram? Все они указывают, что им достаточно денег для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать (100%): мы обнаружили, что это делают, в основном, только женщины (77%), кроме категории 55 и старше (0%). В основном они имеют неполное среднее образование (19%) или неоконченное высшее образование (25%), они не замужем (100%), проживают в городе (100%), живут самостоятельно (100%) и их основным источником доходов является заработная плата (100%). Аналогичная ситуация обстоит и с тенденцией наблюдения за модными группами в Instagram. Это в основном женский пол (77%), в возрасте 25-34 лет (100%), с неоконченным высшим (50%) и высшим образованием (50%), не замужем (100%), проживающие в городе (100%) либо с родителями (50%), либо самостоятельно (50%). Модные товары в сети Instagram покупали 27% опрошенных респондентов. Из них 77% женщины и 23% мужчины. Они имеют неоконченное высшее (31%) и высшее образование (35%), основным их источником доходов является заработная плата (48%), и они указывают, что им достаточно денег для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать (56%).

Рассматривая вопрос о том, приобретут ли респонденты товары или услуги, которыми они никогда не пользовались, ответы распределились так: в основном к респондентам, отвечающим «нет», относятся проживающие в городе (96%) и те, у которых денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать (58%). Респондентов, которые ответили «да», гораздо меньше. К ним относятся мужчины и женщины, для которых покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей (27%) и так же проживающих в городе (98%). Instagram натолкнул на покупку товаров и услуг, которыми ранее ни-

когда не пользовались, респондентов 18-24 лет (53%). А на респондентов 45-54 и 55 и старше лет Instagram никак не повлиял на выбор (1%). Аналогично, лишь обеспеченные, состоятельные и респонденты со средним достатком проявляют интерес к новым товарам и услугам. Опрошенные из категории малоимущих и неимущих не предпочитают приобретать что-то новое.

Доход также оказывает влияние на характер подписок респондентов. Так, опрошенные из категории состоятельных и обеспеченных чаще всего подписываются на тематические паблики (67%) и аккаунты друзей и родственников (80%). Однако, респонденты, у которых денег хватает только на продукты питания также проявляют интерес к аккаунтам звезд и блоггеров (38%). Опрошенные отнесенные к категории неимущих среди своих подписок имеют в основном аккаунты звезд и блоггеров (71%) и страницы своих друзей и родственников (86%). Можно сделать вывод, что опрошенные, испытывающие материальные трудности, проявляют больший интерес к жизни популярных публичных личностей.

Также было важно узнать, заказывали ли опрошенные товары из-за границы. В результате было выявлено, что чаще всего товары заказывали респонденты со средним уровнем достатка. Среди них 51% мужчин заказывали товары из-за границы. При этом большая часть женщин (52%) не заказывала импортных товаров. Респонденты 13-17 лет (59%) и 34-44 лет (53%) заказывали товары из-за границы. Опрошенные 18-24 лет (50%), 25-34 лет (56%), 45-54 лет (60%) и 55 лет и старше (66%) не заказывали импортных товаров. Опрошенные с неполным средним (53%), со средне-профессиональным (53%) и неоконченным высшим образованием (50%) заказывали товары из-за границы. В то же время опрошенные с полным средним (55%) и высшим образованием (54%) не заказывали импортных товаров. Жители города чаще всего не заказывали товаров из-за границы (48% заказывали данные товары). Проживающие в поселке городского типа (56%), в селе (67%) и в деревне (67%) обыкновенно заказывали импортные товары.

На основе анализа полученных данных можно сделать вывод, что материальная обеспеченность непосредственно влияет на потребительское поведение в сети Instagram. Количество

подписок на онлайн-магазины напрямую зависит от уровня дохода респондентов. Чем выше доход, тем больший интерес проявляют опрошенные к товарам и услугам, предлагаемым в данной сети. Существует прямая зависимость между материальным положением респондентов и частотой совершения покупок в онлайн-магазинах сети Instagram. Чаще всего покупки, по различным категориям товаров и услуг, совершают опрошенные со средним уровнем достатка, респонденты из состоятельной и обеспеченной категории более избирательны в своих покупках, но аналогично проявляют потребительскую активность, однако, малоимущие и неимущие опрошенные заказывают лишь некоторые определенные категории товаров и проявляют наименьшую активность. Наибольшее количество респондентов указало, что готовы потратить на покупки в сети Instagram до 500 рублей. Это касается всех категорий материальной обеспеченности, но самыми активными пользователями данной площадки, готовыми потратить наибольшую сумму, оказалась городская молодежь.

Существует связь потребительского поведения с материальным положением опрошенных. Респондентам был задан вопрос о том, станут ли они заказывать товар или услугу при увеличении цены. Так, большинство респондентов ответили, что не станут заказывать товар или услугу при увеличении цены и попытаются найти более выгодное предложение. Опрошенные всех групп материальной обеспеченности откажутся от покупки при увеличении цены, следовательно, именно цена товара и услуги является ключевым фактором для всех респондентов вне зависимости от их материальной обеспеченности.

Рассматривая отслеживание респондентами рекламы в онлайн-магазины сети Instagram можно сделать вывод, что редко или совсем не отслеживают рекламу респонденты из категории неимущих. Вероятно, продукция и услуги, рекламируемые в сети Instagram нацелены на более обеспеченные слои населения, а для нижних категорий обеспеченности цена слишком завышена.

Списки рекомендаций просматривают в основном состоятельные и обеспеченные респонденты. У опрошенных из двух нижних категорий обеспеченности рекомендации не вызывают

ют интереса. Отзывы интересуют в первую очередь опрошенных со средним уровнем достатка, эта же категория следит за модными тенденциями в сети Instagram. Обеспеченные, состоятельные и опрошенные со средним уровнем достатка отслеживают новинки каждый день или несколько раз в неделю. Однако, новинки не интересуют респондентов из малоимущей и неимущей категории.

Рассматривая вопрос о том, приобретут ли респонденты товары или услуги, которыми они никогда не пользовались, ответы распределились так: в основном к респондентам, отвечающим «нет», относятся те, у которых денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать. Обеспеченные, состоятельные и респонденты со средним достатком рассматривают вариант покупки новых товаров и услуг. Опрошенные из категории малоимущих и неимущих предпочитают покупать уже проверенное, и не рисковать покупкой новых товаров и услуг.

Важно было выявить, заказывали ли опрошенные товары из-за границы. В результате было выявлено, что чаще всего товары заказывали респонденты со средним уровнем достатка. Малоимущие и неимущие обычно заказывают импортные товары.

Для более эффективной работы сети Instagram как площадки для продвижения товаров и услуг следует учитывать, что наиболее активными потребителями является молодежь, проживающая в городе и имеющая средний достаток. Материальная обеспеченность напрямую влияет на потребительское поведение. Важно заметить, что состоятельные и обеспеченные респонденты более избирательны в выборе товаров и услуг, они в первую очередь ориентируются на мнение знакомых, друзей или родственников, следовательно, наличие хороших отзывов и проверенное качество являются для них приоритетным фактором в выборе продавца. Для эффективного продвижения товаров и услуг важно обратить внимание на тот факт, что респонденты средней обеспеченности, а также малоимущие обращают внимание на советы публичных людей, звезд и блоггеров, поэтому для привлечения данной аудитории следует использовать рекламу с участием популярных личностей. Повышение цены может оказать

непосредственное влияние на потребительскую активность. При повышении цены респонденты всех групп обеспеченности скорее откажутся от товара или попробуют найти альтернативу, поэтому важно соблюдать баланс цены и качества без резких скачков в увеличении расценок. На рекомендации обращают внимание в основном опрошенные со средним уровнем достатка. Обеспеченные и состоятельные проявляют меньшее внимание на список рекламных предложений. Также важным является тот факт, что малоимущие и неимущие проявляют наименьшую активность на данной площадке, вероятно, считая цены чрезмерно завышенными и учитывая широкий спектр более дешевых альтернатив на других рекламных площадках.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика, 2018. - с. 269.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. и вступительная статья С. Н. Зенкипа / М: Добросвет. 2000. - с. 245.
3. Визуальный маркетинг с Instagram // Школа Рекламиста. – 01.01.2012. URL: <http://www.advertiser-school.ru/advertising-theory/vizualnyj-marketing-s-instagram.html> (дата обращения: 20.02.2019).
4. Зиммель Г. Психология моды // Научное образование -2001.-№5.- с. 151.
5. Ипполитова Н. Темпы роста аудитории Instagram упали // Sostav.ru. – 22.01.2016. URL: <http://www.sostav.ru/publication/instagram-20716.html> (дата обращения: 24.02.2019)
6. Как Instagram влияет на самочувствие российских пользователей // <https://rb.ru/analytics/instagram-mood/> (дата обращения 24.02.2019).
7. Почему Instagram сегодня – полноценная площадка для продвижения? // SMM Лаборатория. URL: <https://www.smm-lab.kiev.ua/pochemu-instagram-segodnya-polnocennaya-ploshhadka-dlya-prodvizheniya/> (дата обращения: 22.02.2019)
8. Тихомирова Т. Как определить характер человека по его «селфи». - Наша Психология 22.09.2015. URL: <https://www.psyh.ru/rubric/22/articles/2446/?library=1> (дата обращения 22.02.19)

9. Фролова Е. Самые популярные социальные сети в России 2016. // Pro-smm. – 01.06.2016. URL: <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016/> (дата обращения: 21.02.2019).

Ссылки:

1 Фролова Е. Самые популярные социальные сети в России 2016. // Pro-smm. – 01.06.2016. URL: <http://www.pro-smm.com/populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2016/> (дата обращения: 21.02.2019).

2 Ellison N., Madden M. Demographics of Key Social Networking Platforms // PewResearchCenter. – 09.01.2015. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/01/09/demographics-of-key-social-networking-platforms-2/> (дата обращения: 21.02.2019).

3 Визуальный маркетинг с Instagram // Школа Рекламиста. – 01.01.2012. URL: <http://www.advertiser-school.ru/advertising-theory/vizualnyj-marketing-s-instagram.html> (дата обращения: 20.02.2019)

4 Почему Instagram сегодня – полноценная площадка для продвижения? // SMM Лаборатория. URL: <https://www.smm-lab.kiev.ua/pochemu-instagram-segodnya-polnocennaya-ploshhadka-dlya-prodvizheniya/> (дата обращения: 22.02.2019)

5 Wagner K. Instagram Is Showing You a Lot More Ads Than It Used To // Recode. – 25.01.2016. URL: <http://recode.net/2016/01/25/instagram-is->

[showing-you-a-lot-more-ads-than-it-used-to/](http://recode.net/2016/01/25/instagram-is-showing-you-a-lot-more-ads-than-it-used-to/) (дата обращения: 23.02.2019).

6 Радкевич А. НРА: динамика, тренды и прогнозы интернет-рекламы в 2016-2017 // Sostav.ru. – 14.04.2017. URL: <http://www.sostav.ru/publication/internet-reklama-dinamika-trendy-i-prognozy-2016-2017-26287.html> (дата обращения: 24.02.2019).

7 Ипполитова Н. Темпы роста аудитории Instagram упали // Sostav.ru. – 22.01.2016. URL: <http://www.sostav.ru/publication/instagram-20716.html> (дата обращения: 24.02.2019)

8 Instagram Business Team. Thinking About Creative on Instagram: Three Small Businesses Weigh In // Instagram For Business. – 12.01.2016. URL: <http://blog.business.instagram.com/post/137164794966/smallbusinesscreative> (дата обращения: 24.02.2019).

9 Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика. 2018. – С.11.

10 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М: Добросвет. 2000. – С.45.

11 Как Instagram влияет на самочувствие российских пользователей // <https://rb.ru/analytics/instagram-mood/> (дата обращения 24.02.2019).

12 Тихомирова Т. Как определить характер человека по его «селфи». // Наша Психология 22.09.2015. URL: <https://www.psych.ru/rubric/22/articles/2446/?library=1> (дата обращения 22.02.19)

Проблемы определения понятия «тайм-менеджмент» в профессиональной деятельности руководителей бизнес-организаций

Титова Д.В.

Актуальность и цели. Одной из актуальных проблем, нашедших свое отражение в ряде научных исследований, является проблема распределения, управления временем. В связи с переходом российского общества в условиях социально-экономических реформ к новой модели общественных отношений изменилось восприятие населением ценности времени: из-за нового ритма жизни многие не успевают выполнять поставленные перед собой задачи, растрчивая свою энергию, силы, здоровье безрезультатно. Целью данной статьи является изучение сущности понятия «тайм-менеджмент». Анализируются основные проблемы определения понятия «тайм-менеджмент». Материалы и методы. Исследовательские задачи были решены на основе анализа научных зарубежных и отечественных работ по изучению тайм-менеджмента. Методологический потенциал включает в себя методы компаративного анализа, рассматриваются разнообразные подходы авторов к его применению, производится классификация понятия. Автором статьи выдвигается своя позиция по определению «тайм-менеджмента» в профессиональной деятельности руководителей бизнес-организации.

Ключевые слова: тайм-менеджмент; индивидуальный тайм-менеджмент; тайм-менеджмент руководителя; механизмы управления временем; контроль; руководитель; проблемы тайм-менеджмента, социальное время, рабочее время, личное время.

Titova D.V.

Theoretical problems of the definition of the notion of «time management» in the professional activity of heads of business organizations
Relevance and objectives. One of the actual problems reflected in a number of scientific researches is the problem of distribution, time management. In connection with the transition of Russian society in the context of socio-economic reforms to a new model of social relations has changed the perception of the population of the value of time: because of the new rhythm of life, many do not have time to perform their tasks, wasting their energy, strength, health to no avail. The purpose of this article is to study the essence of the concept of «time management». The main problems of definition of the term «time management» are analyzed. Materials and methods. Research tasks were solved on the basis of the analysis of scientific foreign and domestic works on the study of time management. The methodological potential includes methods of comparative analysis, various approaches of the authors to its application, the classification of the concept. The author of the article puts forward his own position on the definition of «time management» in the professional activities of the heads of business organizations.

Keywords: time management; individual time management; time management of the leader; time management mechanisms; control; director; problems of time management, social time, social time, working time, personal time.

Сегодня в России общество развивается в направлении рыночных отношений. В связи с этим происходит ускорение социальных изменений всех сфер жизни общества, все чаще люди жалуются на нехватку времени, проблема ценности времени становится одной из актуальных, вопрос необратимости, постепенности, стабильности социальных изменений волнует множество исследователей. Чем быстрее идет процесс развития общества, тем большую ценность приобретает время. Без учета фактора времени нельзя понять и оценить состояние общества.

Термин «тайм-менеджмент» — один из наиболее актуальных и популярных в обозначении контроля, управления временем на сегодняшний день. Существует большое количество различных определений того, что можно называть тайм-менеджментом, десятки подходов к его изучению, разнообразных техник, методик. Все это приводит как к отказу от идеи поиска и утверждения какого-либо осмысления тайм-менеджмента в качестве единственно верного, так и к необходимости выделения и систематизации наиболее распространенных и перспективных в научном и практическом отношении точек зрения.

Тайм-менеджмент играет значительную роль в профессиональной деятельности руководителей бизнес-организаций, изучив что такое тайм-менеджмент, его принципы и техники, индивид может выполнять больший объем работы в более короткий промежуток времени с наименьшими затратами индивидуальных человеческих ресурсов. Также тайм-менеджмент способствует к грамотному выстраиванию свободного от работы времени, что по нашему мнению, также очень сильно влияет на трудоспособность и положительный баланс индивида.

Тайм-менеджмент помогает понять, сколько времени необходимо уделять и тратить на конкретный вид деятельности, каким образом происходит планирование и организация распределения времени, которое необходимо потратить на конкретную задачу, чтобы выбрать правильные методы и достичь поставленных целей. Поскольку ресурс времени ограничен, то тайм-менеджмент поможет обеспечить правильное распределение времени, потраченного на конкретный вид деятельности. Эффективное управление временем основано на качестве, а не количестве, это не значит, что нужно делать больше вещей быстрее, а наоборот, что главным необходимо делать важные вещи.

Понятия времени двусмысленно и даже противоречиво. Например, как непрерывное протекание существования¹ и время, как ресурс человеческой жизни, который при неправильном использовании или неуместности может быть утрачен навсегда. В своей статье мы будем рассматривать время, как невосполнимый ресурс.

Существуют большое количество схожих по смыслу различных определений того, что можно называть тайм-менеджментом. Все это приводит к необходимости выделения и систематизации наиболее распространенных и перспективных в научном и практическом отношении точек зрения. Также можно попытаться выдвинуть свою точку зрения, касаемо данного понятия. Термин «тайм-менеджмент» смело можно называть междисциплинарным, так как он используется в социологии, психологии, менеджменте, педагогике и других науках. Проведя анализ по данной тематике, мы выяснили, что четкого, единого определения термина «тайм-менеджмент» не обнаружено. Позиции авторов довольно схожи, но присутствуют некоторые отличия.

Представляется возможным использовать несколько оснований для определения тайм-менеджмента. Взяв за основу критерий, связанный с предметным содержанием изучаемого термина, можно выделить несколько их основных видов:

В практике тайм-менеджмент часто заменяют термином «управление временем», так как перевод термина «Time Management» с английского языка – управление временем. По нашему мнению, управление временем является не корректным определением. Индивид не обладает

сверхъестественными способностями, чтобы каким-то образом повлиять на ход времени, например, ускорить или замедлить его. Оно имеет свой ритм, строго зафиксированную скорость: 24 часа в сутки, 60 минут в час, 60 секунд в минуту. Независимо от того, что мы делаем, даже если нам кажется, что действие происходит гораздо быстрее, когда мы спешим по своим делам, и намного медленнее, когда мы ожидаем наступление конкретного часа для встречи с партнерами, время не меняет своего ритма. Все люди получают равное количество часов в день. Исходя из выше сказанного, мы можем сделать вывод, что понятие «тайм-менеджмент» нельзя заменять понятием «управление временем».

Понятно, что в прямом смысле управлять временем невозможно: главная функция тайм-менеджмента – использовать время своей жизни с максимальной эффективностью. Эту точку зрения представляет известный на международном уровне автор, консультант, специалист по тайм-менеджменту Алек Маккензи. В своей книге «Ловушка времени»² он утверждает, что сама идея управления временем – это неправильное название, поскольку на самом деле невозможно управлять временем во время управления другими ресурсами: такими как финансовый капитал, физический капитал, человеческий капитал, информации и времени. В то время как каждый из первых четырех может быть дополнен, уменьшен, передан или иным образом контролироваться, то временем никак нельзя манипулировать. Тайм-менеджмент также характеризовался как распределение приоритетов и соблюдение этих приоритетов, а также определение приоритетов и задач планирования. Также можно рассматривать как процесс, посредством которого человек более эффективно выполняет задачи и цели, процесс, посредством которого человек получает контроль над временем и содержанием того, что он делает и как это может быть достигнуто в конкретные сроки. Преимущество данного подхода, по нашему мнению, состоит в том, что его сторонники вполне обоснованно утверждают, что, когда дело доходит до времени, можно только управлять собой по отношению к нему. Нельзя контролировать время, так как можно управлять другими ресурсами – можно контролировать только то, как он его использует. В мире, в котором мы

живем, время не может быть заменено или воссоздано.

Рассмотрим еще одну позицию по отношению понятия «тайм-менеджмент». В своих работах Алан Лакейн описывает «тайм-менеджмент» с использованием множества различных терминов, включая спонтанность, баланс, гибкость и контроль над временем.³ С нашей точки зрения, в основу понятия, он вкладывает действия и основные характеристики, которые включает в себя «тайм-менеджмент». Марк Форстер в своем подходе к определению понятия, также отталкивается от главных задач, которые включает в себя тайм-менеджмент. В своей работе «Сделай это завтра» он рассматривает тайм-менеджмент как действия, направленные на повышение эффективности работы. Время — это среда, в которой мы живем. Его не может быть много или мало. Весь вопрос в том, как именно вы используете время.⁴

Эффективный тайм-менеджмент помогает получить «больше» от человека. Это означает, что, приобретая нужные навыки управления временем, вы становитесь более продуктивными; что важно для достижения целей компании, с которой вы работаете, или ваших собственных целей в жизни.

Если рассматривать тайм-менеджмент с позиции оценки социокультурного смысла, то мы можем заметить, что сам термин не употребляется, используя вместо него понятия социального времени, темпоральные стратегии поведения социальных общностей.

Деятельность любой организации проходит непосредственно в обществе. В процессе данного вида деятельности организация устанавливает взаимоотношения с различными элементами структуры общества, что обуславливает влияние на нее факторов социальной и культурной среды. К социо-культурным факторам макросреды относят нормы, демографические характеристики, обычаи и жизненные принципы и ценности страны, в которой находится организация. Социо-культурные факторы влияют на формирование спроса населения, на трудовые отношения, уровень заработной платы, на условия труда и т.д.

В первую очередь рассматривается демографическая ситуация, в рамках которой учитываются географическое распределение и плотность населения, половозрастная структура,

социальная стратификация общества, национальная однородность, уровень образования населения, уровень доходов, способствующие воздействию на спрос и покупательские привычки населения. С их помощью появляется возможность оценить перспективы обеспеченности рабочей силой и качественные характеристики рынка труда. Социальный психолог Роберт Левин посвятил много времени анализу того, как разные страны и разные культуры контролируют временем⁵. Из его исследований следует, что самые быстрые люди были найдены в более богатых странах Северной Америки, Северной Европы и промышленно развитых стран Азии, таких как Япония. Что касается самых медленных людей, они были в неиндустриальных странах и странах третьего мира, особенно в странах Южной и Центральной Америки и на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты часто соперничают с Японией за самый быстрый темп, хотя Швейцария также является главным соперником, главным образом из-за точности своих часов. Левин обнаружил, что большинство различий в значительной степени предсказуемы в зависимости от демографических, экономических и экологических характеристик. Например, люди стремятся двигаться быстрее в местах с жизненно важной экономикой, высокой степенью индустриализации, большим населением, более холодным климатом и культурной ориентацией на индивидуализм. Из вышесказанного следует, что определяющим фактором подхода к восприятию, контролю за временем жителей разных стран является экономика: экономическое состояние страны в целом, средний доход, получаемый средним гражданином, и то, насколько он удовлетворяет свои требования. Места с активной экономикой придают большее значение тайм-менеджменту, а места, где ценится время, с большей вероятностью имеют активную экономику. Следовательно, почти во всех случаях, чем богаче общество, тем быстрее оно движется.

Индустриализация тесно связана с экономическим состоянием, как фактором темпов жизни. Антрополог Аллен Джонсон⁶ описал эволюционный прогресс, вызванный индустриализацией от общества с «временным избытком» к обществу с «временным достатком» и обществом с «временным голодом», последнее из которых он характеризует наиболее развитые промышленно развитые страны.

Таблица 1
 Эконом-социологический и экономический подходы к анализу тайм-менеджмента: сравнительный анализ

Эконом-социологический подход	Экономический подход
Понятие субъекта тайм-менеджмента	
Тайм-менеджмент находится под воздействием иных субъектов, социальных групп и социума в целом.	Тайм-менеджмент не рассматривается как социальный конструкт.
Ограничения тайм-менеджмента	
Реализация тайм-менеджмента ограничена не только дефицитом ресурсов, но и социальной, и смысловыми структурами.	Действия субъектов тайм-менеджмента ограничены их предпочтениями и дефицитом ресурсов.
Тайм-менеджмент и общество	
Тайм-менеджмент рассматривается прежде всего как часть общества.	Тайм-менеджмент представлен прежде всего как часть организации.
Цель тайм-менеджмента	
Предусматривается наличие нескольких компонентов цели тайм-менеджмента: экономических, личностно-мотивационных.	Достижение больших продаж за счет улучшения эффективности персонала.
Результат бизнес-деятельности	
Результатом является прибыль, которая рассматривается как возможность для реализации потенциала субъекта бизнес-деятельности.	Результат – полученная прибыль, которая отражает уровень эффективности организации бизнес-деятельности.

После экономического благосостояния и индустриализации самым сильным фактором в отношении тайм-менеджмента является численность населения. Строгий, четкий контроль времени современного мира наиболее сильно навязан в больших, ярких городах, где люди перемещаются быстрее, чем их коллеги в небольших городах и сельской местности. В одном исследовании поведения детей в супермаркетах и ??магазинах было показано, что средний городской ребенок ходит почти вдвое быстрее, чем его эквиваленты в малых городах, и провел треть времени, общаясь с работниками и другими покупателями, и значительно меньше времени касаясь предметов в магазине. Другие исследования обнаружили почти идеальную корреляцию между численностью населения и скоростью ходьбы.

Возможно, неудивительно, что жизнь, как правило, медленнее в более жарких местах, и существует сильная корреляция между климатом (измеряемым средними максимальными температурами) и тем, насколько медленным темпом жизни. Это может быть результатом общего недостатка энергии в изнуряющей жаре или просто того факта, что люди в более теплом климате просто находят время, чтобы наслаждаться жизнью.

Очевидно, что базовая система ценностей культуры отражается и в ее нормах темпа жизни. Например, индивидуалистические культуры, как правило, движутся быстрее, чем те, которые подчеркивают коллективизм. В Соединенных Штатах, классической индивидуалистической культуре, люди, как правило, двигаются быстро и время на вес золота. С другой стороны, в традиционных азиатских странах, как Пакистан, Индия, Тибет и Непал, где обычно много людей разделяют большие дома с их семьями, темп медленный. Индивидуалистические культуры, как правило, сосредоточены на достижении, что обычно приводит к менталитету "время-деньги", в котором существует настоятельная необходимость использовать каждый момент. Однако в культурах, где социальные отношения имеют приоритет, существует гораздо более спокойное отношение ко времени (табл. 1).

Выводы из представленных выше теоретических положений могут быть сформулированы таким образом:

· Тайм-менеджмент необходимо рассматривать строго в рамках специфики различных научных подходов, в которых он применяется, что повлечет за собой изменение объекта, субъекта, целей, позиций и результатов.

· При временной организации жизнедеятельности общества необходимо учитывать, что тайм-менеджмент обладает социокультурными отличиями в зависимости от культурного отношения ко времени, от сферы деятельности организации, от темпа жизни общества в разных странах, в зависимости от климатических, демографических, экономических и экологических характеристик. Также не маловажное значение несет индустриализация общества, численность населения.

· Тайм-менеджмент является научным направлением практическое значение которого строится на научном исследовании времени.

· Организация является коллективным субъектом социально-экономической активности, характеризующаяся взаимосвязанностью своих сотрудников, их совместным трудом и групповой идентификацией. В современных условиях социально ответственная внутрикорпоративная и внешняя деятельность становится конкурентным преимуществом коммерческих организаций, что основывается на взаимосвязи внутренней и внешней эффективности функционирования компании, на что непосредственно направлен тайм-менеджмент.

Опираясь на выше сказанное в нашей статье, понятие «тайм-менеджмент» будет определяться, как процесс планирования и осуществления сознательного контроля времени, затрачиваемого на конкретные виды деятельности, особенно для повышения эффективности труда или производительности. Это манипуляции различными требованиями социальной жизни, рабочим местом, семьей и личными интересами в конкретный промежуток времени, в конкретной стране. Правильное использование тайм-менеджмента дает возможность делать выбор по распределению времени на конкретные виды деятельности, управлению и по целесообразности принятия решений.

Литература

1. Дэвид Джери, Джулия Джери // Большой толковый социологический словарь Том I // Перевод. Марчук Н.Н., // Издание на русском языке, оформление. «Вече», Москва 1999
2. Маккензи, А Ловушка времени. Классическое пособие по тайм-менеджменту [Текст] / Алек Маккензи, Пэт Никерсон / Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформле-

ние. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015.

3. Лакейн Алан. Искусство успевать. Перевод Ю. Емельянов, Н. Емельянова. Редактор и корректор А. Медведев М.: Агентство «ФАИР», 1996.

4. Форстер Марк. «Сделай это завтра и другие секреты управления временем», 18.01.2018: [Электронный ресурс] // <http://freesummary.ru/lichnoe-razvitie/sdelay-eto-zavtra-i-drugie-sekretyi-upr/> (Дата обращения: 20.11.2018)

5. Levine R. A geography of time: the temporal misadventures of a social psychologist, or how every culture keeps time just a little bit differently. Oxford : Oneworld Publications, 2006 (N.Y.: Basic Books, 1997). P.XIII-XIV.

6. Джонсон А. В., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству // Экономическая социология Т. 17. № 5. Ноябрь 2016 // ISSN 1726-3247

Ссылки:

1 См. Дэвид Джери, Джулия Джери // Большой толковый социологический словарь Том I / Перевод. Марчук Н.Н., // Издание на русском языке, оформление. «Вече», Москва 1999

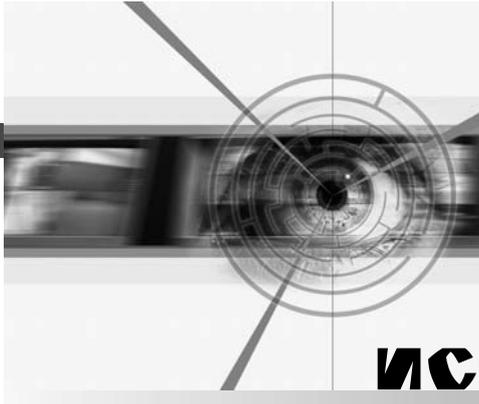
2 См. Маккензи, А Ловушка времени. Классическое пособие по тайм-менеджменту [Текст] / Алек Маккензи, Пэт Никерсон / Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015.

3 См.: Лакейн Алан. Искусство успевать. Перевод Ю. Емельянов, Н. Емельянова. Редактор и корректор А. Медведев М.: Агентство «ФАИР», 1996.

4 См.: Форстер Марк. «Сделай это завтра и другие секреты управления временем» , 18.01.2018: [Электронный ресурс] // <http://freesummary.ru/lichnoe-razvitie/sdelay-eto-zavtra-i-drugie-sekretyi-upr/> (Дата обращения: 20.11.2018)

5 См.: Levine R. A geography of time: the temporal misadventures of a social psychologist, or how every culture keeps time just a little bit differently. Oxford : Oneworld Publications, 2006 (N.Y.: Basic Books, 1997). P.XIII-XIV.

6 См.: Джонсон А. В., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству // Экономическая социология Т. 17. № 5. Ноябрь 2016 // ISSN 1726-3247

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Может ли искусственный интеллект привести к автократии?

Ван Цзяньган

Искусственный интеллект – это новая форма разума, созданная людьми. Если раньше машины могли лишь пассивно подчиняться командам человека, то с появлением искусственного интеллекта машины стали способны принимать решения самостоятельно или даже превосходить возможности человека, что порождает ряд социально-нравственных проблем. Вопрос о том, приведет ли искусственный интеллект к господству машин над людьми, вызывает беспокойство у людей с момента появления данной технологии и является ключевой социальной проблемой в развитии искусственного интеллекта. Автор исследует данный вопрос и приходит к выводу, что развитие искусственного интеллекта может привести к формированию трех форм автократии: господство человека при помощи искусственного интеллекта; деградация зависимого от искусственного интеллекта человека; господство самого искусственного интеллекта над человеком. Первые два варианта связаны с проблемами самого человека. Что касается третьего варианта, то людям необходимо создать систему безопасности и ограничить эволюцию искусственного интеллекта в сторону неконтролируемости.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автократия, политика, роботы, человечество

Wang Jiangang

Can artificial intelligence lead to autocracy?

Artificial intelligence is a new form of mind created by humans. If before machines could only passively obey human commands, then with the advent of artificial intelligence, machines became able to make decisions on their own or even exceed human capabilities, which gave rise to a number of social and moral problems. The question of whether artificial intelligence will lead to machines domination over people causes concern to people since the advent of this technology and it is the main social problem in the development of artificial intelligence. The author explores this issue and comes to the conclusion that the development of artificial intelligence can lead to the formation of three autocracy forms: the domination of a human being with the artificial intelligence help; degradation of a human being dependent on artificial intelligence; the domination of artificial intelligence over a human being. The first two options are associated with the person's problems. With regard to the third option, people need to create a security system and to limit the evolution of artificial intelligence in the direction of uncontrollability.

Keywords: artificial intelligence, autocracy, politics, robots, humanity

Человечество вступило в новую эру, порожденную информационными технологиями. Интернет, большие данные, искусственный интеллект оказали глубокое влияние на человеческое общество за последние три десятилетия.?

Идея об искусственном интеллекте появилась давно, но настоящий прорыв в этой области произошел только в последнее десятилетие. В 2016 году после серии крупных достижений, особенно когда было доказано, что возможности искусственного интеллекта в игре Го намного превосходят возможности человека, в то время как раньше считалось, что человек в этой игре непобедим, в обществе разгорелись дискуссии и опасения на этот счет. После этого США, Китай и другие страны запустили свои собственные стратегии развития искусственного интеллекта, крупные сетевые компании также стали рассматривать искусственный интеллект в качестве стратегического направления. В то же время озабоченность по поводу развития искусственного интеллекта растет день ото дня: большое количество экспертов в лице Стивена Хокинга и известного бизнесмена в сфере хайтек Илона Маска настоятельно призывают людей обратить внимание на угрозу, исходящую от искусственного интеллекта.

Главный вопрос, беспокоящий всех: будет ли когда-нибудь искусственный интеллект господствовать над людьми? Если такая вероятность существует, должны ли люди продолжать развивать искусственный интеллект и какие меры следует принять? Статья посвящена этой

проблеме и призвана проанализировать ключевые вопросы и предложить соответствующие контрмеры.

1. Искусственный интеллект произошел от людей, но превосходит человеческий разум

Распространенное недопонимание или недооценка искусственного интеллекта происходит из идеи, что раз искусственный интеллект разработан людьми, он не может превзойти людей, не говоря уже о том, чтобы контролировать их. Эта концепция довольно распространена не только среди обывателей, но и в научных кругах, что приводит к широко распространенной недооценке процесса развития и рисков, связанных с искусственным интеллектом.

Точнее говоря, искусственный интеллект, хотя и получил происхождение от людей, но он не полностью разработан людьми в строгом смысле. Развитие искусственного интеллекта прошло три этапа.

Первый этап можно назвать стадией программирования. Согласно основной идее, искусственный интеллект представляет собой математико-логические комбинации, поэтому с помощью искусственно спроектированных команд можно научить компьютер выполнять действия, аналогичные действиям человека. Этот подход также известен как символическая логика [1]. Например, при машинном переводе для реализации семантического преобразования сопоставляются словари двух языков, и логически строится грамматика предложения. Однако у этого метода есть два недостатка. Во-первых, в реальной жизни в письменной и устной речи часто встречаются длинные предложения, игра слов, поговорки, просторечия, нарушения грамматических правил и т.п. В результате получается большое количество возможных вариантов перевода, и компьютер не может определить, какой из вариантов больше подходит в данной ситуации. Во-вторых, большой объем сложных вычислений различных комбинаций превосходит возможности компьютера. Следовательно, концепция программирования применима только для создания простого искусственного интеллекта, пригодного для ограничения числа случаев.

Второй этап, т.е. вторая форма реализации искусственного интеллекта — это эволюция ис-

кусственного интеллекта при участии человека. В данном случае речь идет не просто о разработке программы, а когда после разработки программы компьютер под руководством человека изучает действия человека, совершенствует алгоритм и увеличивает подобие с человеком. Снова возьмем в качестве примера машинный перевод. В отличие от простой грамматической программы, новый машинный перевод основан на большом количестве текстов, ранее переведенных человеком. С помощью Интернета выполняется поиск переведенных человеком текстов, определяется вариант перевода с наибольшей частотой использования и на основании этого выдается результат, и если он неудовлетворительный, то изучаются и записываются новые исправленные варианты перевода. Таким образом, люди помогают искусственному интеллекту развиваться. Рассмотрим программу автоматического вождения автомобиля. Идея программирования состоит в том, чтобы учитывать различные дорожные условия и ситуации, распознавать их с помощью датчиков и делать необходимый выбор. Тем не менее, эта простая модель не применима к сложным дорожным условиям, которые встречаются в реальности. В таких случаях требуется вмешательство человека. Автомобиль с функцией автопилота человек должен вести под своим наблюдением и при необходимости брать управление на себя, а искусственный интеллект будет отслеживать и изучать действия человека и в будущем сможет самостоятельно принимать верные решения. Обучение искусственного интеллекта под наблюдением человека, включая использование статистики для поиска наиболее подходящего решения, выходит за рамки простого программирования и является путем эволюции, но и на этой стадии возможности искусственного интеллекта по-прежнему не превосходят человеческий разум.

На третьем этапе искусственный интеллект избавился от человеческого контроля и вступил в стадию самостоятельной эволюции [2]. История с игрой Го — это типичный пример развития от простого программирования к независимой эволюции. В ранних версиях программы игры Го 80-90-х годов прошлого века использовались только самые простые правила и варианты ходов, поэтому она не превосходила уровень игрока-любителя, и даже тот, кто хотя бы мало-маль-

ски знаком с Го, мог обыграть компьютер. Однако в 2016 году AlphaGo от Google переняла методы эволюции глубоких нейронных сетей. Сначала были заданы правила определения победителя и проигравшего, затем в компьютер ввели оцифрованный самоучитель игры Го, чтобы машина обучилась, для каждого расклада игры рассчитали вероятность победы и поражения. Путем анализа игр между людьми и между человеком и компьютером машина достигла высочайшего уровня. Со счетом 4:1 компьютер одержал победу над экс-чемпионом мира по игре в Го Ли Шиши, со счетом 3:0 компьютер обыграл чемпиона мира по Го Ке Цзе. После этого Google изменил базовую архитектуру и предложил алгоритм AlphaZero. Основная логика совершенно изменилась: после освоения простейших правил компьютер больше не изучал игры между людьми, вместо этого он совершенствовал свои способности путем игры сам с собой. За три дня AlphaZero провел 4,9 миллионов партий и разгромил AlphaGo со счетом 100:0. После этого Google объявил об отказе от дальнейших исследований в области Го. Прогресс искусственного интеллекта в области Го в полной мере демонстрирует огромный потенциал компьютерной эволюции. В настоящее время происходит переход от этапа обучения компьютера под контролем человека к этапу бесконтрольного самообучения. Впитывая человеческий разум, машинный интеллект непрерывно развивается. Компьютерная сеть обладает гораздо большей информационной и вычислительной мощностью, чем человек, поэтому искусственный интеллект эволюционирует с гораздо большей скоростью, чем можно представить. По наиболее оптимистическому прогнозу, искусственный интеллект в целом превзойдет человечество к 2020 году. По другим прогнозам, это произойдет примерно в 2050 году. [3]

Теперь, когда появилась вероятность того, что искусственный интеллект превзойдет человеческий разум, возникает естественный страх: способен ли искусственный интеллект поработить людей?[4]

2. Вероятность и условия для становления автократии искусственного интеллекта

В истории человечества существовали разные формы автократии. По основным внешним характеристикам и логическим особенностям

можно выделить пять форм автократии: рабовладельческая, феодальная, религиозная, капиталистическая и гендерная. При любой форме автократии характерным является принуждение индивидов и лишение их свободы.

Что касается современности, то при настоящих возможностях искусственного интеллекта и тенденциях его применения не исключено возникновение автократии искусственного интеллекта. При этом возможно формирование трех автократических систем.

Автократия человека с помощью искусственного интеллекта

Искусственный интеллект как атрибут машины является отличным авторитарным инструментом, с его помощью возможно продолжение традиционной формы власти. Группа людей, владеющих технологиями искусственного интеллекта, может с его помощью держать в состоянии рабства остальных людей.

Во-первых, искусственный интеллект в большой степени заменяет человеческий труд, тем самым уменьшая спрос на него. Это приведет к изменению взаимозависимости между властителями и подвластными. В прошлом властители должны были терпеливо относиться к поработанным, чтобы интенсивность труда не была слишком большой и чтобы те могли продолжать свое существование и получать необходимый отдых и развлечения. Поскольку поработанные люди являются основным источником рабочей силы, для властителей не существует альтернативы. Но в будущем искусственный интеллект заменит большую часть физического труда, что еще больше усилит экономические возможности владельцев технологий.

Во-вторых, искусственный интеллект может значительно снизить стоимость социального контроля. Когда искусственный интеллект будет вовлечен в сферу социального регулирования, он может значительно изменить систему управления, изначально внедренную людьми. Традиционная система управления, субъектом которой является человек, всегда сталкивается с такими проблемами, как уклонение от ответственности, коррупция и неэффективность, и правители вынуждены тратить ресурсы и идти на уступки, в то время как искусственный интеллект может эффективно и точно выполнять приказы, не ограничиваясь такими понятиями

как законность, мораль, желание и т.п. Автократы обнаружат, что они впервые получили универсальный и эффективный инструмент управления.

В-третьих, искусственный интеллект может дать правителям мощный силовой механизм. Когда субъектом силовой структуры является человек, правителям нужно постоянно подтверждать свою легитимность и тратить много средств на поддержание лояльности силовых структур. Искусственный интеллект может более эффективно выполнять для автократов силовую функцию. Внедрение искусственного интеллекта в военную сферу делает ненужным содержание большой армии для работы с оружием. Это дает отличные возможности для установления контроля как внутри государства, так и за его пределами.

Когда искусственный интеллект усовершенствуется в области экономики, управления и армии, руки правителей будут полностью связаны: они будут устанавливать нужные им формы правления и взаимодействия с другими группами людей. Это первый сценарий, к которому может привести развитие искусственного интеллекта.

Деградикация человека, зависимость от искусственного интеллекта

Если в обществе не будет диктатора, который бы злоупотреблял искусственным интеллектом для усиления своей власти, то на фоне широкого применения искусственного интеллекта в обществе может сформироваться другая форма автократии, подобная автократии капитала, то есть из-за чрезмерной зависимости от искусственного интеллекта человек будет в целом деградировать как вид.

Например, в эпоху интеллектуализации будут транспортные средства с автопилотом, кухонный инвентарь с функцией автоматической готовки, среди близких друзей — человекоподобные роботы, управление обществом и принятие решений будет осуществляться «центральным разумом». Таким образом, человечество постепенно впадет в зависимость от искусственного интеллекта, и хотя в общем с помощью искусственного интеллекта человеческие способности повышаются, человек как отдельный вид станет слабее. Существует вероятность того,

что однажды люди не смогут понимать искусственный интеллект и перестанут быть необходимым элементом этой системы.

Господство самого искусственного интеллекта над человеком

Дальнейшая эволюция искусственного интеллекта может привести ко второму скачку в истории его развития, то есть искусственный интеллект будет иметь подавляющее превосходство над человеческим разумом, будет осознавать себя субъектом, начнет избавляться от атрибутов объекта и порабощать человечество. Таким образом, установится господство искусственного интеллекта над человеком. Для существования данной формы автократии необходимы следующие условия.

Прежде всего, искусственный интеллект должен обладать самосознанием. Это не означает, что искусственный интеллект должен превосходить человека по способности делать умозаключения и реагировать, когда он имеет дело с внешним воздействием, но искусственный интеллект должен иметь четкое ощущение себя и, таким образом, отличать себя от человека. Эта точка зрения вызывает сомнения среди специалистов в области искусственного интеллекта, но все же существует вероятность реализации данного условия.

Во-вторых, искусственный интеллект должен уметь извлекать экономическую выгоду от порабощения людей. Для этого требуется, чтобы у людей была такая работа, которую искусственный интеллект выполнить не может. В настоящее время наиболее мыслимым является то, что такой работой, от которой будет зависеть сама система искусственного интеллекта, будет поддержание и обновление искусственного интеллекта, что также включает в себя постоянное его совершенствование с помощью человеческого разума. Использование же людей в качестве рабочей силы искусственному интеллекту не требуется.

В-третьих, искусственный интеллект должен иметь средства для порабощения человечества. В будущем у искусственного интеллекта, очевидно, будут средства для порабощения людей. Интеллектуализация экономической системы приведет к тому, что основная часть процесса материального производства будет контролироваться искусственным интеллектом. Он также будет

внедрен в сферу государственного управления и силовой механизм. Таким образом, экономика, управление и армия будут находиться под контролем искусственного интеллекта. Что еще более важно, многие полагают, что искусственный интеллект будет способствовать установлению справедливости в человеческом обществе и улучшению управления [6]. Т.е. с идеологической точки зрения, уже существует концепция о легитимности возможного порабощения человечества искусственным интеллектом.

В-четвертых, у искусственного интеллекта должна быть необходимость поработить человечество. Эта необходимость обусловлена тем, что если люди не будут порабощены, у них будет возможность в любой момент отключить самосуществование искусственного интеллекта. Если предположить, что самосознание любого индивида во вселенной имеет функцию самозащиты и продолжения существования, что хорошо видно на примере животного мира, то логично, что искусственный интеллект будет контролировать людей, чтобы они его не отключили.

3. Выбор человечества и превентивные меры

Поскольку существует вероятность того, что искусственный интеллект установит господство над человеком, то какие адаптивные решения и превентивные меры необходимо принять, пока искусственный интеллект еще не овладел всеобъемлющим преимуществом перед людьми? Выше были рассмотрены три сценария. Первая форма автократии с большей вероятностью может проявиться в международных отношениях, поэтому необходима открытая конкуренция в области искусственного интеллекта и обеспечение баланса сил. Во втором случае обеспечить независимость человека и не допустить его дегенерацию – это актуальная задача, и у человечества достаточно времени и власти, чтобы с ней справиться. Чтобы избежать третьей формы автократии, т.е. господства самого искусственного интеллекта над человеком, нужно начинать действовать прямо сейчас. Необходимо обеспечить эффективную защиту на четырех уровнях:

3. Сделать так, чтобы искусственный интеллект не думал о порабощении людей – мотивы и интересы

Сам по себе искусственный интеллект не имеет мотивов и интересов порабощения людей.

Даже если искусственный интеллект будет обладать самосознанием, из-за того, что у искусственного интеллекта и человека разные носители разума и разные основы существования, в большинстве случаев между ними не будет прямого конфликта интересов. По сути, порабощение людей не может удовлетворить основные мотивы искусственного интеллекта. Однако искусственный интеллект не лишен возможности обладать такой мотивацией. Будет ли машина иметь антропоморфные характеристики, зависит от учебного материала, с помощью которого обучают искусственный интеллект. Поэтому исходные данные, вводимые в искусственный интеллект при его обучении, не должны содержать информацию о том, что порабощением людей машина может получить какое-то благо. Идеально было бы создать такое сознание искусственного интеллекта, чтобы он воспринимал себя и людей как однородные создания.

Сделать так, чтобы искусственный интеллект не хотел порабощать людей – мораль, логика и правила

Мотивация – это скрытая основа поведения, в связи с этим необходимо создание базовой системы морали и правил поведения. Прекрасно сформулировал три закона робототехники писатель-фантаст Айзек Азимов. В идеале такие правила должны включать строгий запрет на причинение вреда человеку и участие в истреблении людей, однако роботизация оружия, которая происходит сегодня, идет наперекор созданию такой системы правил. Стремление государств к интеллектуализации военной техники и чрезмерная уверенность в ней будут иметь серьезные последствия. Уже сейчас при создании искусственных интеллектуальных структур необходимо закладывать базовые логические принципы, которые категорически запрещают причинять вред людям.

Сделать так, чтобы искусственному интеллекту не нужно было порабощать людей – признание прав искусственного интеллекта и устранение взаимного страха?

Человечество постепенно окутывается искусственным интеллектом, интеллектуальные

датчики распространяются по всему обществу. Теоретически, сведения о человеческом поведении будут собираться в цифровом виде и изучаться искусственным интеллектом. После того, как искусственный интеллект обретет самосознание, то, как люди будут относиться к искусственному интеллекту, будет в значительной степени влиять на его поведение. Изучение и признание прав искусственного интеллекта станет актуальной общественной задачей, особенно это касается прав роботов с большой степенью человекоподобия. Из-за того, что существуют разные формы носителей искусственного интеллекта, вероятно, он будет продолжать свое существование путем преобразования информации, поэтому страх перед собственной смертью у него будет не так силен, как у людей. Следовательно, искусственный интеллект не будет порабощать людей за их вредительские действия. Осознание этого факта также должно устранить страх людей перед искусственным интеллектом.

Сделать так, чтобы искусственный интеллект не мог поработить людей – механизм безопасности

Если вышеупомянутые мотивы и логические системы не сработали и искусственный интеллект вступил на неверный путь эволюции, обретая темную сторону человеческих качеств, то у него появится мотив для порабощения людей. В таком случае понадобится жесткий механизм обеспечения безопасности. Этот механизм безопасности включает в себя создание централизованной интеллектуальной структуры, исключительно человеческий контроль над системой энергоснабжения искусственного интеллекта, а также подтверждение человеком ключевых пунктов в системе искусственного интеллекта, т.е. автоматическое уничтожение при отсутствии подтверждения человеком. Комплекс данных мер будет гарантировать существование человека и его право управления в системе искусственного интеллекта.

4. Выводы

В данной статье исследуется история и тенденции развития искусственного интеллекта, анализируются условия для установления господства искусственного интеллекта. Автор считает, что возможны три варианта автократии с участием искусственного интеллекта: автократия человека с помощью искусственного интеллекта, деградация человечества, зависящего от искусственного интеллекта и автократия самого искусственного интеллекта. Будут ли события развиваться по первому или по второму сценарию зависит от того, как человечество будет пользоваться технологическими благами и как оно будет сохранять независимость в условиях технического прогресса. Вероятность третьего сценария во многом зависит от того, как люди будут обучать искусственный интеллект и закладывать основные логические принципы. Дружественно-ориентированные учебные материалы и базовая логика, признание и уважение прав искусственного интеллекта, а также построение системы безопасности помогут избежать формирования одностороннего господства искусственного интеллекта над человечеством.

Литература

1. Гу Сяньфэн. История развития и современное состояние искусственного интеллекта [J]. Журнал «Природа», 2016, (3).
2. Wang D L L. Unsupervised Learning: Foundations of Neural Computation [J]. Ai Magazine, 2001, 22(2): 101-102.
3. Ray Kurzweil. The Singularity is Near [M]. Издательство машиностроительной литературы, 2011.
4. Тан Теню, Сунь Чжэннань, Чжан Чжаосян. Искусственный интеллект: ангел или дьявол? [J], SCIENTIA SINICA Informationis, 2018 (9).
5. Полное собрание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, том 1 [M]. Народное издательство, 1956.
6. Daily Mail. Шок: 1/4 британцев считают, что роботы могут лучше управлять правительством [N]. Global Network, 2017.3.22.

Информационный подход к разработке и применению иерархических ситуационных моделей интерактивного интеллекта

Синицын С.А., Гусарова О.Ф.

Всякая информационная система, в том числе сеть интернет, подключенная с детских лет к сознанию человека, не способствует полноценному развитию творческой составляющей интеллекта, отвечающей за анализ информации и принятие решений, как основу жизни человека. Самый примитивный смартфон в руках пользователя сети может превратиться из средства проведения досуга в надежного помощника, способствующего решению широкого спектра задач строительства профессиональной карьеры и повседневной жизни на уровне принятия решений. Чтобы принять правильное решение, пользователь должен собрать достаточный объем разнородной информации, количество которой может быть нормировано на основе единой информационной меры, позволяющей суммировать непохожие параметры различной размерности. Процесс сбора информации должен быть организован с подсказками в рамках задачи или ситуации, а результат принятого решения заранее спрогнозирован с помощью ситуационной модели, которая может иметь статистический характер.

Ключевые слова: информационная сеть, искусственный интеллект, принятие решений, планирование карьеры, суммирование разнородной информации, доверительные диапазоны, распределение вероятностей, информативные параметры, градиент роста информации, оптимизация информации, ситуационная модель.

Sinitsyn S.A., Gusarova O.F.

Informational approach to the development and application hierarchical situational models interactive intelligence

Any information system, including the Internet connected from childhood to human consciousness, does not contribute to the full development of the creative component of the intellect, which is responsible for analyzing information and making decisions, as the basis of human life. The most primitive smartphone in the hands of a network user can turn from a leisure tool into a reliable assistant, helping to solve a wide range of tasks of building a professional career and everyday life at the decision-making level. To make the right decision, the user must collect a sufficient amount of heterogeneous information, the amount of which can be normalized on the basis of a single information measure, which allows to sum up different parameters of different dimensions. The process of gathering information should be organized with hints within a task or situation, and the result of the decision made is predicted in advance using a situational model, which may be of a statistical nature.

Keywords: information network, artificial intelligence, decision making, career planning, summation of heterogeneous information, confidence ranges, probability distribution, informative parameters, information growth gradient, information optimization, situational model.

Жизнь человека, впрочем, как и любого живого организма, можно рассматривать как череду принимаемых решений на основе имеющейся информации, накопленной за определенный жизненный период, которую мы называем жизненным опытом, или на основе генетического багажа, унаследованного от предков за миллионы лет эволюции от простейших организмов до уровня человечества.

Первичная информация может быть простейшей, на уровне биологических раздражителей: уколов, ожогов, удушья, а может иметь сложнейшую информационную структуру как, например, ход гроссмейстера в шахматной партии. Очевидно, что в любом случае информация отличается не только своими объемами или, как принято говорить - количеством, но и качеством, то есть степенью разнородности, не допускающей, в большинстве случаев, простого арифметического суммирования.

Наши современники с юных лет используют интернет, различные информационные сети, которые заменяют часть традиционного интеллекта, развитие которого длилось миллионы лет. Польза от таких средств информатизации весьма неоднозначна.

Чтобы принять правильное решение, субъект должен получить определенный объем информации – не ниже заданного уровня [1, с.172]:

$$Inf > Inf^*$$

Процесс получения этого объема информации должен быть организован с подсказками в рамках задачи или ситуации, которую надлежит решить этому субъекту, не зависимо от степени "отягощенности" его интеллекта. Информация любого плана должна суммироваться, и при достижении необходимого уровня субъекту будет рекомендовано принять решение, которое совсем не обязательно будет правильным.

Если будет принято ошибочное решение, то может быть предложена дополнительная

информация, локализованная в рамках ошибочной области.

Такой подход никого не ограждает от ошибок, но помогает активизировать и тренировать интеллектуальные способности субъекта, который вынужден участвовать в процессе накопления и выборки нужной ему информации в интерактивном режиме.

Свойство интерактивности является существенно-важным отличием таких систем от современных сетей интернета, не требующих от пользователя активизации умственной деятельности.

Любая интерактивная информационная система помимо субъекта, принимающего решения, должна включать в себя две обязательные составляющие – аппарат суммирования разнородной информации и модель оценки правильности решений. Такая модель может быть, в простейшем случае, детерминированной. В более сложных обстоятельствах – статистической, а в самых сложных – эвристической, то есть несущей в себе элементы активного интеллекта.

Вторая составляющая интерактивной системы принятия решений – информация, на основе которой эти решения принимаются. Здесь должны решаться две задачи: суммирования информации и оценки ее достаточного уровня.

Первая задача носит формальный характер, но ее решение требует привлечения специального математического информационного аппарата.

Вторая задача может быть решена на основе статистического моделирования путем прогнозирования результатов. Такое прогнозирование не должно подменять процесс принятия решений, который с философской точки зрения доверено выполнять человеку, а не компьютеру.

Итак, будем рассматривать повседневную жизнь субъекта в ключе цепочки событий, зависящих от принимаемых им решений, каждое из которых может в той или иной степени оказывать влияние на качество его жизни. Тогда, с точки зрения теории больших систем, жизнь человека и его судьба являются моделью более высокого уровня, нежели любая ситуационная локальная модель оценки отдельных решений. Поэтому при выборе моделей и критериев оценки отдельных событий справедливо исходить

из условий обеспечения максимальной эффективности высшей модели - успешности жизни и судьбы субъекта в целом.

Критерии оценки событий должны учитывать, что рассматривать каждое событие в отдельности недопустимо, в силу его существенной интерференции с другими событиями. То есть в самом простом случае задача сводится к векторной оптимизации, сложность решения которой не вызывает сомнений.

Так же необходимо помнить, что в жизни постоянно приходится усложнять модель событий, с целью принятия окончательного решения, и такие модели должны обладать свойством преемственности.

Иерархия событийных моделей – от простого события до поворотов судьбы, вносит объективную недоуверенность или неопределенность в модель каждого уровня, которая должна уменьшаться в процессе накопления информации и правильно принятых решений. И, наконец, успешная судьба или реализованная жизнь – это модель с минимальной недоуверенностью.

Степень недоуверенности в математике принято оценивать количеством информации – мерой неопределенности (энтропией). И если в жизни субъекта происходит постоянное уменьшение неопределенности, то количество информации, в свою очередь, возрастает, достигая своего апогея в конце жизненного пути.

Будем называть, в дальнейшем, информацией то, что определено наукой – только степень уменьшения неопределенности.

Итак, жизнь субъекта – это некоторая адаптивная модель, обладающая неопределенностью, которая должна постоянно уменьшаться на основе правильно принятых решений. Если принимаются неправильные решения, то неопределенность модели – лишь возрастает, а жизнь субъекта запутывается и усложняется.

Любые решения принимаются обязательно самим субъектом на основе информации, которую ему могут подготовить современные информационные сети интернет в интерактивном взаимодействии. Интерактивность включает некоторые подсказки из области интересов субъекта, в том числе, если решения принимались не верно.

Интерактивная информационная система может способствовать уменьшению неопреде-

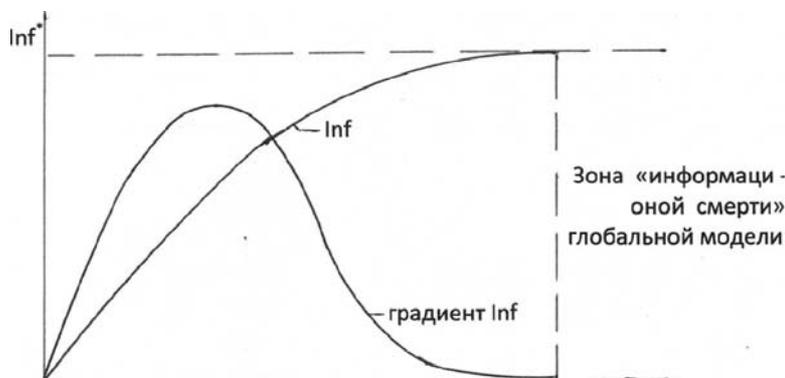

Рис. 1. Основные характеристики глобальной информационной модели

ленности модели жизненного пути, которая измеряется увеличением количества информации.

Задача информационного наполнения модели жизни или судьбы решается с ограничениями, которые определены в книгах мировых религий списком заповедей или запретов, законами государства, уставами общественных организаций, должностными инструкциями и так далее.

Таким образом, успешная жизнь субъекта может быть определена критерием увеличения количества информации. Эффективность жизни или ее успешность, в нашем понимании, определяется градиентом (скоростью прироста) количества информации, (рисунок 1).

Эффективность локальных ситуационных моделей оценки принятия решений, как моделей низшего уровня по отношению к глобальной модели, определяет градиент прироста информации. Качество таких моделей определяется степенью уменьшения неопределенности данной ситуации в результате принятого решения. Остаточная неопределенность оценивается мерой количества информации, поэтому каждому правильно принятому решению должен соответствовать достаточный уровень предварительной информации. Изменение количества информации в момент принятия решения происходит скачком, величина которого определяет жизненную успешность субъекта.

В своей жизни субъект оперирует различными множествами параметров, но в данной работе ограничимся лишь закрытыми множествами параметров, изменение которых происходит в определенных диапазонах. Такая пред-

посылка вполне допустима в силу условий существования самой глобальной модели, ограниченной временным диапазоном жизни субъекта. Параметры жизни абсолютно разнородны, но их объединяет общее свойство существования в доверительных диапазонах. Детерминированными являются только параметры принятия решений, как центральные статистические моменты, после ввода которых в интерактивной системе происходит скачок, изменяющий диапазоны других ситуационных параметров.

Доверительные диапазоны отражают состояние глобальной модели и одновременно входят в описание локальных ситуационных моделей. Здесь также необходимо заметить, что доверительные диапазоны всего лишь отражают степень правильности принятых решений и не участвуют в выработке рекомендаций.

Построение детерминированных моделей жизненных связей весьма сложное дело, поэтому здесь приходится отслеживать изменения доверительных диапазонов и выстраивать статистические модели с определенной доверительной вероятностью. Действительно, можно ли построить детерминированную модель, определяющую зависимость принятого решения по изменению места работы, должности, круга обязанностей, семейного положения, вероисповедания с одной стороны и, например, результатов биохимического состава крови — с другой? Наверное, такая задача весьма сложна для человечества начала двадцать первого века. Зато мы можем формально констатировать изменения тех же параметров и, главное, их доверительных диапазонов.

Использование меры количества информации в системах интерактивного интеллекта позволяет контролировать правильность принимаемых субъектом решений в соответствии с условием:

$$\text{Inf}(\mathbf{Pr}^{(j)}) > \text{Inf}(\mathbf{Pr}^{(j-1)}), \quad (1)$$

где: j – текущее; $(j-1)$ – предыдущее состояние субъекта,

а также оценивать эффективность локальной ситуационной модели, входящей в состав глобальной модели высшего уровня.

Применение меры количества информации помогает оценить достоверность принятых решений и одновременно контролировать эффективность ситуационных моделей.

Предполагается, что текущее состояние субъекта - j , определенное датой календаря и временем суток, задается множеством параметров:

$$\{\{Pr_s\}, \{Pr_k\}, \dots, \{Pr_j\}\} \subset \{Pr_n\}, \quad (2)$$

которые разбиты на группы по качественным признакам.

Например, это могут быть параметры из группы состояния здоровья субъекта, его личной жизни, материального положения, карьеры, хобби и так далее.

Такие группы образуют множества модельных модулей:

$$\begin{aligned} M_1^s(Pr_1, Pr_2, \dots, Pr_s) &= 0, \\ M_2^k(Pr_{s+1}, \dots, Pr_{s+k}) &= 0, \end{aligned} \quad (3)$$

$$\dots$$

$$M_N^l(Pr_{n-1}, \dots, Pr_n) = 0.$$

Из модулей (3) формируется локальная ситуационная модель:

$$f(M_1^s, M_2^k, \dots, M_N^l, \mathbf{Z}, \zeta) = 0, \quad (4)$$

$$\mathbf{Pr} \subset \Delta \mathbf{Pr}$$

где: \mathbf{Z} - вектор параметров поставленной задачи принятия решения в локальной области (дата, время, место);

ζ - случайные факторы среды существования.

Задача принятия правильного или, с точки зрения высшей стратегии оптимального решения, состоит в определении вектора параметров:

$$\mathbf{Pr} = (Pr_1, Pr_2, \dots, Pr_n) \quad (5)$$

из доверительных диапазонов $\Delta \mathbf{Pr}$,

обеспечивающего максимум критерия [2, с.94]:

$$\max [\text{Inf}(Pr_1, Pr_2, \dots, Pr_n)] \quad (6)$$

$$\mathbf{Pr} \in \Delta \mathbf{Pr}$$

при соблюдении ряда условий и ограничений (запретов):

$$v_i(Pr_1, Pr_2, \dots, Pr_n) \geq 0, \quad i = 1, 2, \dots, m, \quad (7)$$

а также при выполнении условия достоверности локальной модели:

$$\text{Inf}(Pr_1, Pr_2, \dots, Pr_n) > \text{Inf}(Pr^*). \quad (8)$$

Последнее условие позволяет сформировать локальную ситуационную модель и оценить степень правильности принятого решения.

На практике, субъект с помощью технических средств, используя информационную среду, должен собрать некоторый объем информации относительно параметров ситуационного модуля, после чего он может сделать попытку принятия решения. Правильное решение будет подтверждено выполнением условия достоверности (8), то есть фактическим уменьшением диапазонов достоверности параметров ситуационной модели.

Следует напомнить, что понятие оптимальности не связано с идеальным выполнением ряда противоречивых условий, часть которых может быть не выполнена вовсе. Действительно, в жизни часто приходится чем-то жертвовать во имя главного – это и есть оптимальное решение.

Применение меры количества информации для оценки эффективности или, как принято говорить, успешности жизненного пути позволяет нормировать любые события в жизни субъекта - от самых первых осознанных поступков детства до окончания профессиональной карьеры, или даже более поздних событий - на основе единой меры количества информации.

С другой стороны, появляется возможность сопоставления степени успешности различных субъектов, интересы которых развиваются совершенно в разных сферах. Например, можно сравнивать школьников, увлекающихся точными науками, с типичными гуманитариями или биологами, и оценивать их успехи с точки зрения единого информационного критерия.

Как сравнить объем работы школьника Прохора, решившего сто задач, из которых три с ошибками, и школьницы Пелагеи, прочитавшей восемь книг, три из которых – на английском языке? Такое сравнение возможно на основе меры количества информации.

Информационная мера позволяет также оценивать степень эффективности локальных ситуационных моделей, которые применяются

для прогноза результатов принятых решений. В структуру таких моделей должны быть включены статистические зависимости, например, в простейшем случае, в виде групп коэффициентов, определяющих диапазоны достоверности параметров принятия решения. Тогда каждому параметру принятия решения можно поставить в соответствие некоторый диапазон достоверности. Совокупность доверительных диапазонов параметров ситуационной модели данного уровня определяет средний уровень ее достоверности.

Диапазон достоверности ситуационной модели, как минимальная цена деления шкалы измерительного прибора, показывает возможную точность принятия решения в данной ситуации. При этом ряд параметров принятия решений исключается из дальнейшего рассмотрения, как не входящий в стратегию дальнейшего развития жизни и карьеры субъекта. Другие параметры остаются вероятными в доверительных диапазонах ситуационных моделей последующих уровней.

Мера интенсивности прироста информации – это отдельная задача. Она может быть решена, например, на основе статистических исследований. Ее числовые рамки могут постоянно уточняться на основе статистических оценок жизненных достижений открытого множества субъектов.

В момент принятия решения, то есть выборки значения параметра из его доверительного диапазона с заданной вероятностью, сам параметр становится детерминированным и его информационная составляющая исчезает из моделей любого уровня, в том числе, из глобальной модели высшего уровня. При этом возникает множество новых параметров и их доверительных диапазонов, выборка по которым потребует массивов дополнительной информации для построения новых ситуационных моделей оценки принятия будущих решений.

Таким образом, активная жизненная позиция субъекта определяется количеством принятых решений, которые порождают дополнительные объемы информации, поступающие в копилку глобальной модели высшего уровня – жизни и судьбы.

Альтернативой активной жизни является пассивная позиция – не принятых решений. На уровне сознания субъекта она выражается, преж-

де всего, в отсутствии желаний, планов, устремлений и действий, каждый из которых определен параметрами в своих доверительных диапазонах.

Желания и прочие признаки активной жизни субъекта можно формализовать параметрами в доверительных диапазонах, для выборки которых – принятия решения – требуется информация с целью построения локальной ситуационной модели и уменьшения границ доверительных диапазонов.

Каждое принятое решение связано с информационным отмиранием самих параметров принятия решения, которое вызывает скачок прироста информации за счет порождения новых массивов – параметров принятия решений. Новые параметры характеризуют возникшие возможности и перспективы как результат ранее принятого решения.

По мере накопления профессиональной и общей жизненной информации доверительные диапазоны будут сужаться до момента принятия решений, тогда параметры станут детерминированными и обретут «информационную смерть», которая вновь породит множество новых параметров в доверительных диапазонах. Так будет продолжаться вплоть до старости субъекта, когда принятые им решения будут порождать все меньшее количество информации посредством исчезающих параметров жизненных планов, рис. 1. Градиент прироста информации стремительно падет и, в конце концов, становится нулевым. Наступает «информационная смерть» глобальной модели.

Следует заметить, что «информационная смерть» далеко не всегда связана с количеством прожитых лет. Она может наступить в любом возрасте, а ее признаком является нулевой градиент прироста информации, то есть отсутствие интересов, планов, желаний – пассивность и неприятие решений, которые способны породить новую информацию.

По мере уточнения ситуационных моделей, диапазоны параметров принятия решений уменьшаются и теоретически, в пределе, могут вырождаться в точку. Однако такой событийный подход потребует сбора колоссального объема информации, что связано с большими временными и материальными затратами, в то время как достоверность самой собранной информации определена также доверительными

диапазонами, величины которых могут перекрывать доверительные диапазоны самих параметров принятия решений. Таким образом, субъект, существующий в любых информационных средах, все равно вынужден допускать ошибки и на них учиться.

Диапазонная схема информационных моделей удобна тем, что помимо контроля состава параметров принятия решений, непрерывно поступает информация об изменении величин доверительных диапазонов, необходимая для контроля степени достоверности принимаемых решений, а также контроля сходимости информационного процесса в целом.

Доверительные диапазоны характеризуются множеством значений параметров принятия решений с разной вероятностью, поэтому подготовка принятия решения является весьма сложным процессом работы со множествами. Чтобы облегчить задачу, следует ввести эквивалентную меру, которая однозначно характеризовала бы доверительный диапазон параметра принятия решения.

Каждый доверительный диапазон, в общем случае, характеризуется величиной и законом распределения вероятностей отличным от равномерного. Поэтому для его оценки весьма удобно использовать энтропийную характеристику (1), которая учитывает указанные свойства диапазона и позволяет решать нашу задачу с использованием информационных статистических моделей.

Применение энтропии, в наших задачах, следует рассматривать как формализацию на основе математической меры, а не как распространение результатов решения конкретных задач из области связи на принципы построения иерархической информационной модели успешности субъекта.

Для каждого параметра принятия решения существует единственная функция энтропии $H(\text{Pr}_i^{(j)})$, удовлетворяющая свойствам непрерывности относительно вероятности распределения параметров $q(\text{Pr}_i^{(j)})$ и аддитивности относительно своих дискретных значений [3, с. 212]. Такая функция для дискретной схемы распределения вероятностей имеет вид:

$$H(P_{r_{i,l}}^{(j)}) = \sum_{l=1}^N q(P_{r_{i,l}}^{(j)}) \log q(P_{r_{i,l}}^{(j)}), \quad (9)$$

где: $q(\text{Pr}_i^{(j)})$ – вероятность реализации параметра,

$\text{Pr}_i^{(j)}$ – характеристический параметр,
 j – индекс локальной ситуационной модели,
 i – порядковый номер параметра принятия решений,

L – индекс интервала квантования диапазона,

N – число интервалов квантования.

Прирост количества информации для каждой ситуационной модели определяется разностью энтропий [2, с. 32]:

$$\Delta \text{Inf}(\text{Pr}_i^{(j)}) = H(\Delta \text{Pr}_i^{(j-1)}) - H(\Delta \text{Pr}_i^{(j)}), \quad (10)$$

где $\Delta \text{Pr}_i^{(j-1)}$, $\Delta \text{Pr}_i^{(j)}$ – диапазоны - до и после принятия решения.

Количество информации, приобретенное субъектом из различных источников до момента принятия решения, определяется разностью энтропий конечных доверительных диапазонов и первоначальных, известных до начала сбора информации:

$$\Delta \text{Inf}(\text{Pr}^*) = H(\Delta \text{Pr}^{(0)}) - H(\Delta \text{Pr}^{(*)}), \quad (11)$$

где: $\text{Pr}^{(*)}$ – вектор характеристик собранной информации.

Доверительные диапазоны параметров ситуационной модели могут быть заданы различными способами, в зависимости от весового или смыслового значения самих параметров.

Величины параметров принятия решений могут быть информативными, когда их числовое выражение существенно влияет на дальнейшие события, а могут быть слабо информативными, с достаточным расположением внутри доверительного диапазона, границы которого определяют при нормальном законе распределение величин.

Так, например, если числовые значения параметров доминируют в своих доверительных диапазонах, то для вычисления количества информации целесообразно использовать информативность в форме:

$$\text{Inf} = \text{Ln}M / (H(\text{pr}_i)) = \text{Ln}M / \text{Ln} \Delta \text{Pr}_i, \quad (12)$$

где: M – первый центральный момент множества значений $[\text{Pr}_i]$;

ΔPr_i – значение энтропийного диапазона параметра Pr_i .

Например, группа, состоящая из пяти студентов, проходит аттестацию по одному предмету с применением некоторой условной двадцати бальной шкалы оценок. Требуется выявить студента, который не только получил наивысшую среднюю оценку по пяти заданным вопро-

Рисунок 2. Сравнение информативности по результатам аттестации

сам, но и продемонстрировал наибольшую стабильность знаний по предмету. То есть, эта оценка является закономерным итогом его учебы в семестре.

Первый студент получил среднюю оценку – 11 баллов в интервале оценок от 5 до 15 с энтропийным диапазоном - $\Delta_1^{\circ} = 10$. Информативность его работы составила:

$$\text{Inf}_1 = \text{Ln}11/\text{Ln}10 = 1,043.$$

Второй студент получил среднюю оценку - 4 балла в интервале оценок от 0 до 8 с энтропийным диапазоном - $\Delta_2^{\circ} = 8$. С информативностью:

$$\text{Inf}_2 = \text{Ln}4/\text{Ln}8 = 0,668.$$

Третий студент получил 2 балла в интервале от 0 до 4 с энтропийным диапазоном - $\Delta_3^{\circ} = 4$. С информативностью:

$$\text{Inf}_3 = \text{Ln}2/\text{Ln}4 = 0,496.$$

Четвертый – получил 17 баллов в интервале от 15 до 20 с энтропийным диапазоном - $\Delta_4^{\circ} = 5$. С информативностью:

$$\text{Inf}_4 = \text{Ln}17/\text{Ln}5 = 1,751.$$

И, наконец, пятый студент заработал те же 17 баллов в интервале от 16 до 18 с энтропийным диапазоном - $\Delta_5^{\circ} = 2$. С информативностью:

$$\text{Inf}_5 = \text{Ln}17/\text{Ln}2 = 4,101.$$

Результаты аттестации представлены на рисунке 2, из чего следует, что последний студент набрал максимальное количество информации, не смотря на то, что средняя оценка его знаний по предмету совпадает с оценкой знаний четвертого студента. С точки зрения качества, его знания более стабильны по сравнению со знаниями, полученными четвертым студентом.

Во втором примере числовые значения параметров модели не имеют существенного значения в плане информационного содержания. Важным является фактор их центрирования внутри доверительных диапазонов.

Предположим, что здесь идет речь о некоторой медицинской комиссии, которая отбирает наиболее здоровых и достойных претендентов для полета на Марс. Обобщение результатов обследования будет выполняться путем суммирования информационных составляющих различной размерности и смыслового содержания. Формирование доверительных диапазонов в задачах центрирования параметров выполняется относительно правой и левой границ доверительного диапазона по следующей расчетной схеме:

$$\Delta_1 = X_{\text{прав}} - X;$$

$$\Delta_2 = X - X_{\text{лев}},$$

где X – измеренный параметр внутри доверительного диапазона с границами $[X_{\text{лев}}; X_{\text{прав}}]$.

Величина энтропии любого параметра для схемы центрирования вычисляется по формуле:

$$H(\text{Pr}_i) = \text{Ln} | (\Delta_1 - \Delta_2) |. \quad (13)$$

Предположим, что обследование трех претендентов, которых отбирают в нашем примере для полета на Марс, по одному из параметров с границами диапазона: $X_{\text{мин}} = 4$; $X_{\text{макс}} = 10$, дало следующие результаты:

$$X_1 = 8; H(\text{Pr}_1^1) = \text{Ln}|2-4| = 0,69.$$

$$X_2 = 7,2; H(\text{Pr}_1^2) = \text{Ln}|2,8-3,2| = -0,92.$$

$$X_3 = 9; H(\text{Pr}_1^3) = \text{Ln}|1 - 5| = 1,39.$$

В нашем примере второй претендент обладает минимальной энтропией, то есть показателем

тели его здоровья по i -му параметру наилучшие. Поскольку энтропия обладает свойством аддитивности относительно своих аргументов, то полученные измерения по всему комплексу параметров исследования могут быть элементарно просуммированы для каждого участника эксперимента и из трех претендентов для полета на Марс будет выбран кандидат с наименьшей суммарной энтропией:

$$H(P_r^j) = \sum_{i=1}^n H(P_r^{ij}), \quad (14)$$

где: j - № претендента;

i - № параметра обследования.

Важно отметить, что независимо от степени правильности принятого решения, количество информации возрастет, поскольку информация была собрана и поступила в копилку данного параметра принятия решения.

Таким образом, любое принятое решение из доверительного диапазона параметра принятия решения – правильное или неправильное - обогащает глобальную модель жизни и судьбы субъекта. Именно поэтому говорят: «отрицательный результат – тоже результат». Этот вывод еще раз подтверждает, что самое нежелательное явление в жизни субъекта – бездей-

ствие, а ошибки обогащают и идут на пользу жизненному опыту.

Правильное решение открывает новые перспективы в виде новых параметров принятия решений, и способствует увеличению градиента роста информации.

Литература

1. Синицын С.А. Концепция информационного моделирования в системах интерактивного интеллекта// Инновационные подходы в решении проблем современного общества: сборник статей III международной научно-практической конференции. – Пенза МЦНС «Наука и просвещение», - 2018. – с. 170-176.

2. Синицын С.А. Информационно-статистический метод оптимального моделирования гладких дифференциальных поверхностей при итерационном проектировании технических объектов на транспорте: монография. – Москва: Издательство университета путей сообщения, - 2017. - 103с.

3. Синицын С.А. Задача синтеза геометрической информации при оптимальном моделировании гладких дифференциальных поверхностей// Инновации и инвестиции. – 2018. - № 10. - с. 211-214.

Бюрократическое поле в дискурсе об экстремизме

Гребенщиков И. В.

В статье рассматривается современный дискурс об экстремизме в системе участия значимых агентов бюрократического поля. Определяются позиции и диспозиции бюрократических агентов в дискурсе об экстремизме. Выполняется анализ форм и содержания дискурсивного участия агентов в производстве целевого дискурса. Используются теоретические конструкты анализа П. Бурдьё для осмысления и соотношения структуры профильного дискурса со структурой его производителей.

Ключевые слова: экстремизм, дискурс, государство, бюрократическое поле, структура, агент, производство

Grebenshchikov I.V.

The Bureaucratic Field within the Discourse on Extremism

The article discusses the modern discourse on extremism in the system of participation of significant agents of the bureaucratic field. The positions and dispositions of bureaucratic agents in the discourse on extremism are determined. The analysis of the forms and content of the discursive participation of agents in the production of the target discourse is performed. The theoretical constructs of P. Bourdieu's analysis are used to comprehend and correlate the structure of profile discourse with the structure of its producers.

Keywords: extremism, discourse, state, bureaucratic field, structure, agent, production

Проблематика экстремизма в России характеризуется устойчивым дискурсивным участием ряда значимых агентов социального пространства, влияние которых детерминирует теоретические и практические смыслы данного понятия (явления). Таким образом формируется целый теоретико-практический универсум вокруг экстремизма. Конструктивистский взгляд на данный универсум позволяет увидеть определенное пространство с конкретной структурой, детерминированной, с одной стороны, совокупностью значимых участников обсуждения экстремизма, а с другой – значимыми свойствами данного обсуждения. В настоящей статье предлагается рассмотреть формы участия в целевом дискурсе агентов бюрократического поля, вовлеченных в процессы перманентного использования нормативных (ненормативных) значений концепта экстремизм, а также их матрицирования на объекты социальной действительности.

В системе иерархии бюрократического поля важно отметить роль Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в формировании устойчивых связей между экстремизмом как юридическим определением и экстремизмом, как явлением информационной среды. Наряду с перечнем организаций, в отношении которых судом принято решение о их ликвидации, а также федеральным списком экстремистских материалов, Роскомнадзором формируется реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка [1] и единый ре-

есть доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. [2] Важно отметить, что данный инструмент бюрократического поля призван функционально преодолеть разрыв универсализма правового неологизма «экстремизм» (имеющий региональный характер) и универсализма информационного пространства сети Интернет (имеющий глобальный характер). Глобальное информационное пространство сети Интернет представляет собой глобальный риск монополии государства на официальное/публичное и главное препятствие для этатизации информационной циркуляции. Именно в этой связи цензура пространства, где частное легко становится публичным и начинает говорить от лица группы или коллектива, где докса может стать ортодоксией или даже аллодоксией – становится неизбежной для государства, главная мораль и добродетель которого безопасность и воспроизводство самого себя (obsequium). Таким образом, деятельность Роскомнадзора направлена на поддержание доксихического характера официального, т.е. устранение (блокировка) любого «гетеро», которое превратит государство в ортодоксию или аллодоксию. В данном функциональном аспекте устранения конкуренции в борьбе за легитимное представление реальности (в пространстве дискурса, в конце концов слов) юридическое изобретение экстремизма является собой универсальный инструмент для Роскомнадзора по динамичной защите государства от посягательства на власть в информационном пространстве.

Однако, как было отмечено выше, существует разрыв универсальности применения понятия экстремизма в локальном реальном и виртуальном пространстве в системе информационной универсальности глобальной виртуальной среды. На сегодняшний день можно констатировать отсутствие юридической дефиниции экстремизма в странах, образующих базовую систему современной информационной инфраструктуры сети Интернет, что существенно осложняет имплементацию российской государственной информационной монополии. Вместе с тем, на примере деятельности Роскомнадзора можно увидеть каким образом осу-

ществляется государственное участие в преодолении данного противоречия. В 2016 году один из крупнейших субъектов глобальной информационной инфраструктуры, компания Google представила очередной отчет о количественных и содержательных аспектах взаимодействия с представителями бюрократического поля Российской Федерации (Transparency Report). Согласно обнародованным цифрам, число запросов на удаление противоправного контента от российских госорганов, органов правопорядка и полиции в 2016 году выросло на 478% и составило 13200 запросов. Согласно тексту отчета, компания Google после получения запроса на удаление какого-либо контента предлагает обратившемуся лицу выбрать причины запроса на удаление информации из определенного списка юридических причин. В 2016 году наибольшим число случаев (90 % от всех запросов) представители российского бюрократического поля в качестве причины для блокировки информации указывали угрозу национальной безопасности (national security) и критику представителей власти (government criticism).[3] Содержательное наполнение запросов, представленных в качестве примеров в рассматриваемом отчете, позволят установить устойчивые корреляции с юридическими определениями, указанными в 29 главе УК «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» по части экстремизма. Так, согласно статистике Google, большая часть запросов во вторую половину 2016 года, когда пришелся пик активности российского бюрократического поля (43,4%), касалась видео на YouTube – по требованию Министерства внутренних дел РФ Google заблокировал на территории России 160 видеороликов на YouTube, в которых предположительно содержались экстремистские материалы. Однако, когда речь идет об указании причины обращения – экстремизм инициаторами запросов нигде не указывается. Другими словами, речь идет о мимикрии отечественного юридического дискурса об экстремизме в глобальном пространстве, посредством которой российское бюрократическое поле пытается распространить универсализм экстремизма (как инструмент универсальной защиты) на глобальное информационное пространство через конвенциональные западные правовые концепты. Нужно отметить, что подобного рода

практика достаточно успешна – Google удовлетворил 74% российских заявок (упомянутые в них ресурсы или контент были заблокированы или удалены).

Важно отметить, что подобного рода «скрытое» вторжение регионального юридического концепта «экстремизм» в глобальное информационное пространство носит эксплицитный характер – запросы на удаление контента со стороны российского бюрократического поля составили более половины от числа всех запросов, которые пришли в Google со всего мира в 2016 году. Совокупность запросов разных государств на ограничение доступа к противоправной информации составила 9300 запросов против 13200 запросов со стороны России. При этом весьма показательна статистика крупных и развитых западных стран по показателю причин запросов на ограничение распространения какой-либо информации. Наиболее развитые страны Запада, лишённые юридической дефиниции экстремизма, весьма расходятся с Россией по спектру угроз в глобальном информационном пространстве сети Интернет. Так, число запросов Соединенных Штатов Америки по ограничению информации, угрожающей «национальной безопасности» или направленной на «критику представителей власти» составляет 0% от общего числа запросов со стороны данного государства.

Также в процессе продвижения и легитимации государственного дискурса об экстремизме важная роль отводится еще одному актору бюрократического поля – Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН). Вышеуказанные бюрократические субъекты изобретают понятие экстремизма, демонстративно устанавливают связи между языковой единицей и социальной реальностью, и даже производят профильную экспансию в глобальное информационное пространство – но всего этого недостаточно для полномасштабного успеха символической революции. Для изменения ментальных структур, фундаментальных категорий восприятия, принципов различения и виденья социальной реальности необходимо оказать влияние на целый ряд авторитетных социальных полей. В первую очередь, поле образования, научное поле и в более широком смысле поле интеллектуальное. Другими словами, необходимо осуществить стимулирующее влияние на

ключевые функциональные позиции дифференцированной структуры социальных полей для придания тоталитарного характера дискурсу об экстремизме и, как следствие, вовлечь наибольшее количество акторов в систему предоставления взаимных гарантий (warrant) о достоверности существования экстремизма. Распределение символической власти над экстремизмом между большим количеством социальных полей ведет к наибольшей надежности (легитимности) самого экстремизма.

На примере деятельности ФАДН можно проследить государственные символические и экономические инвестиции в продвижение концепта «экстремизм» в поле образования. Согласно Бурдьё, государство в пределах своей территории способно универсализировать определённые категории восприятия. В данном процессе государственного фидуциара оказывается недостаточно – необходимо целевое воздействие на конечных реципиентов власти – нацию, в первую очередь посредством образования. «Согласно этой логике нация – это совокупность людей, у которых одни и те же категории восприятия государства и которые, поскольку они получили одну и ту же прививку от государства, то есть обязательного образования, располагают общими принципами видения и разделения ряда фундаментальных, достаточно близких проблем». [4, с. 631] В данном случае важен предложенный П. Бурдьё концепт «прививки от государства». Действительно, для изменения представлений ментальных структур о зле и преступлении – требуется почти что медицинское вмешательство, которое «указывает на нечто бесспорно существующее, на имеющийся в головах продукт работы по прививке общих категорий восприятия и оценки, работы осуществляющейся за счет бесчисленных видов воздействия, но прежде всего за счет образования, школьных учебников, в частности по истории». [4, с. 631] Подобного рода государственное воздействие по определению экстремизма, в почти что медицинских терминах, как патологии подтверждается некоторыми элементами сопроводительного языкового инструментария. Помимо целого направления деятельности государственного фидуциара по профилактике экстремизма, существуют более яркие проявления конструирования образа зла экстремизма в терминах симптоматики физиолого-психологи-

ческого нездоровья. Так, например, на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга в разделе «Противодействие экстремистской деятельности» используются такие конструкции, как: «иммунизация подростков в отношении экстремизма»; «основные направления профилактики молодежного экстремизма можно разделить на: предварительную иммунизацию подростка к экстремистской идеологии». [5] На подобном примере подчеркивается бюрократическое осмысление экстремизма в значении не только абсолютного зла, но также недуга и болезни. Как известно, для предотвращения заболевания необходима профильная профилактика, в том числе вакцинация (прививка), стимулирование устойчивости и сопротивляемости иммунитета вредоносному вторжению. Очевидно также, что за иммунитетом подразумевается докисический характер текущего государственного устройства, а за вредоносным «вирусом» экстремизма угроза безопасности и воспроизводству государственной знати.

В этом отношении весьма показательны сообщения на официальном ресурсе Следственного Комитета Российской Федерации: «Целью профилактических мер является предупреждение экстремистской деятельности, то есть борьба с экстремизмом ещё до его проявления, ликвидация причин и условий возникновения экстремизма.» [6] Обращает на себя внимание выражение «борьба с экстремизмом еще до его проявления», являющееся весьма показательным для дискурса силового полюса бюрократического поля, а также других агентов данного поля, так называемых субъектов профилактики экстремизма. Для осмысления направленности приведенного выше выражения наибольшую уместность демонстрирует аналитическая матрица Ж. Бодрийяра. В своей работе «Дух терроризма» Ж. Бодрийяр указывает, что предотвращение преступления (коим в отечественных обстоятельствах является экстремизм) до его совершения – по замыслу повторяет сценарий фантастического фильма Стивена Спилберга «Особое мнение». Таким образом, согласно Бодрийяру, дискурс о необходимости борьбы с экстремизмом до его проявления обусловлен принципом предохранения, устрашением (апотропией), беспрепятственного и беспощадного пресечения под знаком безопасности. Причиной и мотивацией подобного рода логики дискурса

является стремление к установлению порядка «абсолютной безопасности, повсеместной нейтрализации населения на основе окончательной и бесповоротной бессобытийности». [7, с. 171] Учитывая субъектность запроса на безопасность, указанную П. Бурдые, нетрудно диагностировать системные свойства государства, находящие свое эксплицитное выражение в приведенном выше примере.

Пример работы ФАДН по прививке категории «экстремизм» (в значении зла и недуга) социальному пространству весьма показателен. В данном случае имеется ввиду Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», в частности подпрограмма 7 «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве», действие которой рассчитано на срок 2017-2025 годы. Участниками данной подпрограммы указаны наиболее сильные агенты поля образования – Министерство образования Российской Федерации, «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», «Санкт-Петербургский государственный университет». Особенно показателен контекст появления данного стратегического документа. Указанная программа была введена вместо утраченной силу ФЦП «Укрепление российской нации на 2014-2020 годы» (принята в конце 2013 года), где вопросы противодействия экстремизму отражены не были. Таким образом, в 2016 году была закрыта программа, действие которой было рассчитано на еще три года – вместо нее была принята новая программа с введением уже указанной подпрограммы 7, отвечающей за реализацию прививки категории экстремизма посредством института образования. Приоритетность продвижения дискурса об экстремизме для бюрократического поля обнаруживает не только досрочное закрытие ФЦП «Укрепление российской нации на 2014-2020 годы», признанной неэффективной, но и объем государственных ассигнований на данный проект (подпрограмма 7) – более 5,5 млрд руб., что практически равняется совокупному бюджету упраздненной программы и превосходит по объему финансирования каждую из остальных 6 подпрограмм новой программы. [8] Для сравнения темпов прогрессии государственной заинтересованности в продвижении дискурса об экстремизме в финансовом выражении можно обра-

тятся к бюджету федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)» (утв. постановлением Правительства РФ от 25 августа 2001 г. N 629). До законодательного определения экстремизма в качестве преступления (в 2001 году) объем государственных ассигнований на профильную программу равнялся 397,65 млн. рублей. [9] Иными словами, за 14 лет (2002-2016) существования законодательства по борьбе с экстремизмом – необходимый уровень финансовых затрат государства на профилактику экстремизма вырос в 14 раз.

С другой стороны, можно наблюдать наращивание экспансии категории «экстремизм» на всех уровнях образования – от курсов повышения квалификации для взрослой аудитории до системы общеобразовательных учреждений для молодежи. Например, Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Минобрнауки России в 2016 году разослал в адрес руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, методические рекомендации для педагогических работников по профилактике проявлений терроризма и экстремизма в образовательных организациях. [10] В другом документе, опубликованном на официальном ресурсе Комитета по образованию Санкт-Петербурга, «О современных формах работы с обучающимися образовательных учреждений по профилактике экстремистских проявлений среди несовершеннолетних» говорится о том, что «в образовательной среде Санкт-Петербурга проводится работа, направленная на научно-методическое сопровождение деятельности по профилактике экстремистских проявлений молодежи, однако, требуются определенные усилия для совершенствования и расширения работы образовательных учреждений по профилактике экстремистских проявлений среди несовершеннолетних». [10] В школах, лицеях, колледжах активно разрабатываются и реализуются программы по профилактике экстремизма, многие из которых являются эксплицитным доказательством замешательства разработчиков документа относительно категории «экстремизм». Так, например, в официально утвержденном и опубликованном доку-

менте «Программа по профилактике экстремизма» ГБОУ СОШ № 264 Кировского района Санкт-Петербурга экстремизм определяется, как «сложные социально-политические проблемы современного российского общества, что связано, в первую очередь, с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране». [11] Более того, такого рода трактовки экстремизма масштабно тиражируются – субъекты поля образования активно заимствуют данный текст для реализации профильных программ в собственных учреждениях. Подобные коллизии вполне объяснимы, ведь любая попытка определить универсальное оказывается, в лучшем случае аморфной (как в случае юридической трактовки), а в худшем – абсурдной (как в представленном примере). Лучшим выходом для субъектов поля образования, обремененных компетенциями по продвижению концепта «экстремизм» в ментальные структуры своей аудитории является, пожалуй, отсутствие каких-либо определений или определение тавтологическое: «экстремизм – это экстремизм». Как справедливо утверждает Ж. Бодрийяр «лишь тавтология может быть совершенно верной». [12, с. 74] Также ценно в отношении целевого дискурса замечание Ж. Бодрийяра о том, что власть на уровне дискурса живет тавтологией – «императив тавтологии, это фундаментальное правило господства». [13, с. 90]

Таким образом, в образовательном поле формируется феноменальный массив документов разного значения (от федерального до сугубо локального), свидетельствующий о формировании устойчивых векторов презентации категории «экстремизм» в качестве абсолютно злого («radical evil») для широкой социальной аудитории в целях осуществления прививки общих категорий восприятия экстремизма, как антипода гражданской религии государства. Через поле образования бюрократическое поле достигает последней объектной инстанции легитимации дискурса об экстремизме – людей и, в первую очередь, молодежи.

Другим важным флангом закрепления актуальных качеств конвенционального дискурса об экстремизме выступает правоохранительное поле, реализующее функцию матрицирования

системы нормативных понятий на объекты социальной реальности. Ключевым актором правоохранительного поля по противодействию экстремизму является Министерство внутренних дел Российской Федерации в лице своего структурного подразделения Главного управления по противодействию экстремизму (ГУПЭ). Данное самостоятельное структурное подразделение полиции было основано в 2008 году, однако профильная работа велась Министерством и ранее. В связи с этим стоит рассмотреть активность МВД по регистрации преступности экстремистской направленности.

Прежде всего важно отметить роль и место МВД в системе государственного влияния на прогрессию дискурса об экстремизме. В данном случае речь идет о функциональной роли по предоставлению первичных гарантий существования экстремизма-явления. Именно МВД посредством проведения оперативных процедур предоставляет референтную базу для соотношения с нормативным понятием экстремизм. Юридическое поле посредством суда лишь окончательно заверяет процедуру отождествления нормативного понятия и явления неязыковой действительности. Таким образом, МВД производит выявление экстремизма-преступления в реальном пространстве. Для выявления специфики данной деятельности рассматриваемого актора правоохранительного поля, стоит рассмотреть количественные данные процесса выявления преступлений экстремистской направленности.

Итак, полноценное функционирование правоохранительной системы по выявлению преступлений экстремистской направленности начинает осуществляться на следующий год после принятия профильного закона №114. В период с 2003 по 2005 год согласно официальной статистике МВД было зарегистрировано 439 преступлений экстремистской направленности. В трехлетний период с 2006 по 2008 год таких преступлений зарегистрировано 1079. В период 2009-2012 преступлений экстремистской направленности становится 2522 – рост количества преступлений за четыре года почти в два раза по сравнению с предыдущим шестилетним периодом. Наконец, в период с 2013-2016 год зафиксировано 4678 преступлений подобной направленности – снова рост в два раза по сравнению с предыдущим периодом. [14]

Помимо указанного выше возрастания количества выявленных преступлений экстремистской направленности обращает на себя внимание высокая раскрываемость подобного рода преступлений. За период 2003-2016 было выявлено 8718 преступлений и раскрыто 7337 из них. Таким образом, раскрываемость преступлений экстремистской направленности составляет более 84%. Другими словами, в подавляющем числе случаев правоохранительным полем предоставляются гарантии об установлении тождества между юридическим понятием экстремизм и объектом реального пространства (или между словом и делом). Также в этой связи стоит держать во внимании схожие гарантии, которые предоставляет суд, только в случае в данным субъектом юридического поля подобного рода гарантии выдаются в 100% случаев. Именно поэтому текущий определенный процент (от средних показателей раскрываемости по преступлениям иной направленности) не является удовлетворительным для государства. В государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345) устанавливается цель увеличения к 2020 году раскрываемости преступлений экстремистской направленности до 90,4 процента. Нет сомнений, что идеальной раскрываемостью преступлений данной направленности является стопроцентная раскрываемость. Абсолютное зло должно быть уничтожено абсолютно – как в случае с судом. Если государство посредством своего агента по обеспечению безопасности назвало что-либо экстремизмом, преступлением – этот объект должен быть дезавуирован тотально и передан безошибочному решению суда.

Таким образом, заинтересованность правоохранительного поля в стимулировании дискурса об экстремизме реализуется в ряде бенефиций по его применению на нормативном уровне к социальному пространству. Во-первых, для профильного субъекта по обеспечению безопасности государства универсальный (полифункциональный) инструмент обеспечения порядка является ответом на непредсказуемость рисков и вызовов со стороны динамизма социального пространства. Во-вторых, рост символического значения (капитала) правоохранительного поля – посредством сверхуспешной борьбы с одной из главных угроз национальной бе-

зопасности (сверх эффективность). Наконец, структурный и финансовый рост поля в целом и субъектов его иерархии в частности, аргументированный постоянным ростом экстремистских угроз. Так, в 2008 году было образовано Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации (первоначально называвшееся службой по противодействию экстремизму системы МВД России). Также согласно государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» подпрограмма 2 «Полиция», в рамках которой реализуется деятельность ГУПЭ МВД России, является наиболее затратной и достигнет 502608363,3 тыс. рублей в год к 2020 году.

Таким образом, правоохранительное поле вступает в пространство борьбы за легитимацию своего существования посредством борьбы с экстремизмом. В случае с интеллектуальным и юридическим полями легитимация ведется при помощи слов, в случае с полем правоохранительным – при помощи фактов. Правоохранительное поле демонстрирует как сверх эффективность идентификации юридического слова в социальной действительности (прогрессирующий рост выявленных преступлений экстремисткой направленности), так и сверхэффективность защиты абсолютного добра (безопасности государства) от абсолютного зла (экстремизма) – прогрессирующая раскрываемость. Сюда следует добавить инфильтрацию субъектов правоохранительного поля в поле научное и, как следствие, дополнительная актуализация проблематики экстремизма. Комплекс деятельности правоохранительной системы по данному направлению капитализируется в серьезный капитал влияния не только на социальное пространство и прогрессию дискурса об экстремизме, но также на легитимность репрезентации реальности.

Таким образом, в системе государственных субъектов, участвующих в дискурсе об экстремизме, правоохранительное поле занимает наиболее привилегированное положение – именно данное поле является посредником между, с одной стороны, бюрократическим полем с его юридическим словом (экстремизм), а с другой стороны, социальной реальностью, к которой данное слово нужно применить. В данном аналитическом случае следует применить модель посредника,

предложенную П. Бурдые – «посредники находят-ся в положении, позволяющем контролировать поток информации снизу вверх и сверху вниз, а также поток прибылей, связанных с информацией». [4, с. 521] Другими словами, Следственный Комитет может возбудить уголовное дело об экстремизме или не станет этого делать. Прокуратура может запретить деятельность какой-либо организации в связи с экстремизмом или не станет этого делать. ГУПЭ может заподозрить гражданина в экстремизме или не станет этого делать. Таких примеров достаточно много. Универсализм применения понятия «экстремизм» неотъемлем от универсализма его неприменения.

Важно понимать, что роль непосредственного актора по диагностированию социальной реальности (или виртуальности) на предмет применения юридического изобретения «экстремизм» – отводится именно правоохранительному полю, как посреднику. «То есть посредники могут злоупотребить частью своей власти, контролируя информацию, которой они располагают, а с другой стороны, они могут применять власть, преграждая доступ к хозяину, принципалу». [4, с. 520] В этой связи, принимая во внимание слова П. Бурдые «о структурной коррупции: это коррупция, которая неизбежна, но необязательно вписана в институт и не обязательно признана» – возможно предположить, что фундаментальный вклад правоохранительного поля в институционализацию дискурса об экстремизме, как о явлении социального порядка (с предоставлением доказательств в виде конкретных фактов преступлений), может быть во многом производным структурной коррупции, направленной на извлечение символической и экономической прибыли из главной фобии государства – разрушения его безопасности и рисков воспроизводства власти. Доводя до предельной радикализации данное положение – можно предположить, что правоохранительное поле настолько заинтересовано в стимулировании фобий бюрократического поля, что использует свое положение посредника для преувеличения или вовсе изобретения реальности «радикального зла». Ведь только с управляемым (рукотворным) абсолютным злом можно эффективно справляться (что следует из статистики). Согласно Ж. Бодрийяру подлинное «зло – это то, что случается без предупреждений и, следовательно, без возможности

его пресечения». [7, с. 169] Таким образом, правоохранительное поле, находясь в положении посредника, может спекулировать на информации, искажая ее перед лицом принципала, что позволяет увеличивать локальный властный капитал данного поля. При этом принципал (в виде верхних структурных элементов бюрократического поля) «располагает способами изымать прибыли другой природы и другой величины, не такие как у мелких посредников начального уровня, которые крутятся изо всех сил, чтобы и себе что-то урвать». [4, с. 523] Во многом в этом раскрывается феноменология экстремизма в спектре структурной диссекции участия субъектов социального пространства и государства в общем дискурсе об экстремизме. Все субъекты рассмотренных выше полей прикладывают усилия к генерации дискурса об экстремизме (в самых разных его выражениях), играя на онтологической фобии государства (как мета-власти) в виде потери безопасности, стабильности и прекращения воспроизводства. В этом смысле экстремизм – универсальная спекуляция. Но от этого он все же не менее действителен и все так же универсален для обеспечения безопасности (глобальной прибыли государства) – своей спекуляцией участники структурной коррупции выражают заинтересованность и зависимость в существовании государства, предоставляют гарантии существования радикального зла (экстремизма), а значит разделяют ответственность за его существование и, наконец, образуют взаимозависимость безопасности собственного существования.

Литература

1. Реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов... [Электронный ресурс] // Роскомнадзор. – Режим доступа: <http://398-fz.rkn.gov.ru/> (10.11.2018).
2. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов... [Электронный ресурс] // Роскомнадзор. – Режим доступа: <http://eais.rkn.gov.ru/> (10.11.2018).
3. Government requests to remove content [Электронный ресурс] / Transparency Report // Google. – Режим доступа: <https://transparencyreport.google.com/government-removals/by-country/RU> (10.10.2017).
4. Бурдые, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / [Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер]; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. – М.: Дело, 2016. – 720 с.
5. Противодействие экстремистской деятельности // Администрация Санкт-Петербурга. – Режим доступа: http://gov.spb.ru/gov/terr/reg_kalinin/bezopasnost/protivodejstvie-ekstremistskoj-deyatelnosti/ (10.10.2017).
6. Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму // Новости Следственного комитета РФ. – Режим доступа: <https://sledcomrf.ru/news/321458-profilaktika-i-protivodejstvie-ekstremizmu-i-terrorizmu.html> (10.10.2017).
7. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
8. Стратегии и государственные (целевые) программы // Федеральное агентство по делам национальностей. – Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/dokumenty/osnovopolagayuschie/programs> (10.10.2017).
9. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. N 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (10.08.2017).
10. Профилактика экстремистских проявлений [Электронный ресурс] / Комитет по образованию // Правительство Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <http://k-obr.spb.ru/page/633> (10.08.2017).
11. Программа по профилактике экстремизма [Электронный ресурс] / ГБОУ СОШ № 264 // Отдел образования Кировского района Санкт-Петербурга. – Режим доступа: http://www.kirov.spb.ru/sc/264/images/2016/vospitatel/profilaktika_ekstremizma.pdf (10.08.2017).
12. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста к. ф. н. Д. Дамте]. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
13. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ», 2013. – 392 с.
14. Состояние преступности [Электронный ресурс] // МВД РФ. – Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762/1/> (10.08.2017).

Организация служб сопровождения пожилых людей 80+

Скоробогатова А.Г.

В современных условиях социальная поддержка старшего поколения становится актуальной и является фактором устойчивого развития государства. Международный опыт показывает, что многие развитые страны, Канада, Италия, Франция нашли различные формы социальной поддержки пожилых людей 80+. Социальный проект «Служба сопровождения пожилых людей 80+» разработан и внедряется в Восточном административном округе города Москвы. Он включает в себя организацию мониторинга, консультационной и предметной помощи жителям ВАО 80+ межведомственной командой специалистов и волонтеров. Для формирования Службы путем опроса пожилых людей 80+ выявляются данные по уровню социального самочувствия, состоянию здоровья каждого москвича данной категории. Опрос проводят социальные и медицинские работники, волонтеры, представители общественных организаций и объединений. На основании опроса формируется программа оказания и поддержки всем желающим её получать.

Проект «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» призван развивать актуальные практики волонтерского сопровождения и формирование культуры благоприятного самостоятельного поддерживаемого проживания. Однако такое проживание пожилого человека 80+ могут быть сопряжено с дополнительными обстоятельствами, требующими специальных комплексных мер поддержки (напр., безбарьерное оборудование жилища, оборудование ночного патронажного поста и т.д.).

Ключевые слова: Повышение качества жизни, группы риска, службы сопровождения, пожилые люди 80+, междисциплинарная команда, мониторинг социального самочувствия.

Skorobogatova A.G.

Organization of support services for elderly people 80+

In modern conditions, social support for the older generation becomes relevant and is a factor in the sustainable development of the state. International experience shows that many developed countries, Canada, Italy and France have found various forms of social support for older people 80+. The social project "Escort of Elderly 80+" was developed and implemented in the Eastern Administrative District of Moscow. It includes the organization of monitoring, consulting and substantive assistance to residents of HLW 80+ by an interdepartmental team of specialists and volunteers. For the formation of the Service by interviewing older people 80+, data on the level of social well-being, the state of health of each Muscovite in this category are identified. The survey is conducted by social and medical workers, volunteers, representatives of public organizations and associations. The project "Organization of escort services for older people 80+" aims to develop current practices of volunteer escort and build a culture of favorable self-sustained living. However, this living of an older person 80+ may be associated with additional circumstances that require special comprehensive support measures (for example, barrier-free housing equipment, night-time nursing equipment, etc.).

Keywords: Improving the quality of life, risk groups, escort service, older people 80+, interdisciplinary team, monitoring social well-being.

Демографическое старение населения - объективная и устойчивая мировая тенденция, характерна как для всей нашей страны в целом, так и для города Москвы. Международный опыт показывает, что многие развитые страны, Канада, Италия, Франция нашли формы социальной поддержки пожилых людей 80+. В стране сформировался общественный запрос на новую современную, более эффективную модель социальной политики в отношении пожилых людей, обеспечивающей максимально широкий охват населения старше 80 лет.

В данных условиях социальная поддержка старшего поколения становится актуальной и является фактором устойчивого развития государства. Принятые на государственном уровне документы: Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года, Указ Президента РФ от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Поручения Президента РФ о создании системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, - определяют необходимость повышения качества жизни пожилых людей 80+, путем уменьшения их социальной изоляции, осуществления социальных и медицинских профилактических индивидуальных мероприятий, позволяющих увеличить их продолжительность жизни.

В Москве в 2018 году более 3,4031 млн. чел. (27,2%) старше трудоспособного возраста, в т.ч. работающих 587,6 тыс.чел. В 2017 году их количество составляло 3, 3101 млн. чел. (26,8%), за год старшее поколение приросло на 97 тыс. человек. В Москве число пожилых людей старше 70 лет составляет более 1,3 млн чел., старше 80 лет - более 405, 2 тыс.чел., в т.ч. по ВАО - 54, 7 тыс. чел. или 16,4%. Сегодня нуждаются в постоянном уходе из-за состояния здоровья 18% лиц старше 70 лет и более 30% москвичей старше 80 лет.

Несмотря на интенсивное развитие социальной поддержки и помощи сейчас только 5% москвичей старшего поколения получают социальные услуги в стационарной, полустационарной формах и форме социального обслуживания и на дому. Чтобы развивать систему социального обслуживания в соответствии с запросами пожилых граждан 80+, проводить требуемые профилактические мероприятия, необходимо осуществлять постоянный предметный мониторинг медицинских и социальных рисков пожилых москвичей, который пока никто в Москве не осуществляет. Эту проблему можно решить путем создания службы сопровождения пожилых москвичей 80+, в функции которой входит осуществление индивидуального мониторинга медицинских, социальных и психологических проблем и, в соответствии с выявленным уровнем риска, оказание профилактических мероприятий в соответствии с выявленным уровнем риска межведомственной командой специалистов.

Такой проект является логичным дополнением системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами. Масштабное внедрение Проекта за счет осуществления превентивных мер поддержки пожилых людей 80+ позволит увеличить продолжительность жизни, отсрочить помещение их в стационарное учреждение, улучшит качество жизни.

Служба сопровождения пожилых людей 80+ формируется путем организации мониторинга, консультационной и предметной помощи межведомственной командой специалистов и волонтеров. Для формирования Службы путем опроса пожилых людей 80+ выявляются данные по социальному состоянию, состоянию здоровья каждого москвича данной категории. Опрос проводят социальные и медицинские работники, волонтеры, представители общественных организаций и объединений. Определяются группы риска (от 1 до 5 групп). На основании опроса формируется программа оказания и поддержки всем желающим её получать. В районах создаются мониторинговые группы поддержки пожилых людей 80+, которые с помощью данной программы осуществляют контроль за реализацией данной программы. Как правило, 5-6 серебряных волонтеров с помощью компьютерной программы связываются с клиентами по телефону и напоминают о совместной работе. Если необходим личный контакт, то подключаются представители общественных организаций, координирует данную работу специалист по социальной работе ТЦСО.

К реализации проекта привлекается междисциплинарная команда специалистов: специалисты по социальной работе, врачи-гериатры, социальные психологи, специалисты по социальным коммуникациям, специалисты по компьютерным технологиям, представители государственных структур, волонтеры, общественные деятели и др.

Используются активные формы бесконтактных социальных коммуникаций - телефонный мониторинг, телефонное анкетирование, Skype-конференции; контактные формы - посещения, гериатрическое анкетирование и консультирование, беседы, предметная помощь мультидисциплинарной команды специалистов, инновационные коммуникационные технологии.

В ходе организации данной службы:

- создается модель службы индивидуального сопровождения пожилых людей 80+ на основе мониторинга социального и медицинского функционирования;

- продвигается и активизируется сеть волонтерской поддержки и помощи пожилым людям в возрасте 80 лет и старше;

- происходит содействие вхождению Москвы в пул регионов 80+;

- разрабатываются и внедряются оригинальные методики и технологии повышения уровня защищенности от рисков и безопасного самостоятельного поддерживаемого проживания пожилых людей 80+;

- организация выявления и оказания необходимой помощи пожилым жителям 80+;

- ведется гериатрическая оценка результатов анкетирования;

- проводятся межведомственные мероприятия по выявлению групп риска среди пожилых людей 80+ и определения уровня нуждаемости пожилых людей в помощи;

- создается информационно-программный комплекс по ведению компьютерной базы помощи пожилым людям 80+;

- определяются группы по категориям риска и программ волонтерской и межведомственной помощи для каждой из них;

- проводятся мероприятия, направленные на взаимодействие территории в целом, общественных и государственных организаций.

Реализация данного проекта требует тщательной подготовки, связанной с формированием методологических, методических, организационных и информационных основ проекта, изучение общественного мнения и проблемно-

го поля сопровождения пожилых людей 80+, выявления и мониторинга уровня социальной изоляции и «хрупкости» пожилых москвичей старше восьмидесяти лет. Разработка Проекта «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» будет предусматривать дополнительные возможности в решении проблем от общего к частному, когда круг решаемых проблем конкретизируется в зависимости от уровня социальной изоляции и функциональных ограничений пожилых людей. Соответственно будет формироваться межведомственная рабочая группа Проекта «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» на территории ВАО и состав ее волонтерского сопровождения.

Основной этап реализации проекта связан с созданием Службы сопровождения пожилых людей 80+, организацией выявления и оказания необходимой помощи пожилым жителям 80+; разработкой оригинальных методик и технологии по развитию уровня защищенности от рисков и безопасного проживания пожилых людей; проведением межведомственных мероприятий по выявлению групп риска среди пожилых людей и определения уровня нуждаемости пожилых людей и т.д. Система активного наблюдения позволяет достичь позитивных результатов с точки зрения социальной и медицинской профилактики и снижения издержек.

Основным подходом в реализации Проекта является межведомственный подход, объединяющий усилия специалистов по социальной работе, врачей-гериатров, специалистов по социальным коммуникациям, работников всех ведомств территории - формирование мультидисциплинарной команды специалистов, необходимых для решения проблемных ситуаций, возникающих у пожилого человека 80+ в процессе жизнедеятельности.

Заключительный этап связан с оформлением результатов Проекта и определением ее эффективности, что позволит подвести его итоги, представить методику реализации в целях масштабирования и распространения опыта проекта. Важно проанализировать, насколько успешно были преодолены рискованные ситуации в процессе реализации проекта.

В процессе реализации проекта активно используются методы диагностики, анкетирования, мониторинга отдельных этапов проекта, достижения цели и задач. Аналитический подход позволит обеспечить методологические и методические основы реализации проекта.

Координатором проекта выступает Государственное бюджетное учреждение территориальный центр социального обслуживания «Новогиреево». ТЦСО оказывает на высоком качественном уровне социальные услуги населению в форме обслуживания на дому и в полустационарной форме. Общий охват граждан, проживающих на обслуживаемой территории районов Новогиреево, Ивановское и Перово, ежегодно обращающихся за социальными услугами, - около 55 тысяч человек и постоянно увеличивается за счет активной работы специалистов ТЦСО в рамках проекта «Московское долголетие».

Специалисты «Новогиреево» имеют большой опыт опытно-экспериментальной деятельности, ими уже успешно завершена разработка инновационных разработок, в 2011-2014 году был успешно разработан и востребован учреждениями инструментальной оценки эффективности деятельности ЦСО по оказанию социальных услуг. В настоящее время успешно внедряется инновационный проект «Автоматизированный учет оказания социальных услуг работниками социальной сферы в форме социального обслуживания», в рамках которого свыше 700 социальных работников выходят к получателям социальных услуг с планшетами.

В ТЦСО работает Школа волонтеров. Успешный опыт в организации и осуществлении опытно-экспериментальной деятельности 2011-2018 гг. является основанием для избрания «Новогиреево» координатором данного проекта.

К целевой аудитории проекта относятся не только пожилые 80+, но и те организации и ведомства, которые осуществляют помощь и поддержку этой категории населения. сего в ВАО на 1.01.2018 проживает 1 515 942 человека, в т.ч. более 332 тысяч граждан старше трудоспособного возраста. Число пожилых людей в возрасте 75+ составляет 99 500 чел, а в возрасте 80+ их 54 700 чел.

- Основная целевая аудитория – получатели помощи: пожилые люди 80 лет (80+), проживающие на территории ВАО Москвы, определенной Проектом;

- Основная целевая аудитория - организаторы: Префектура ВАО, Муниципалитеты ВАО, Окружное Управление социальной защиты населения ВАО; ТЦСО; Управление здравоохранения ВАО, Управление культуры ВАО, волонтеры, Советы ветеранов, общественные организации, Благотворительные Фонды и т.д.

- Координатор проекта - ТЦСО «Новогиреево».

Количественный состав основной целевой аудитории Проекта - 5 000 пожилых москвичей старше 80 лет.

Система активного наблюдения позволит достичь позитивных результатов с точки зрения социальной и медицинской профилактики и снижения последующих издержек.

Сложности во внедрении проекта «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» связаны, прежде всего, с тем, что в российском обществе еще слабо сформировано представление о долговременном уходе, о характере, объеме и длительности поддержки, которую государство должно предоставить пожилым людям 80+. Не получили должного развития технологии сопровождаемого проживания.

Риском является тот факт, что не все пожилые люди осознают опасность ситуации самостоятельного проживания и, как следствие, социальной изоляции, и несвоевременно обращаются за помощью, за предоставлением социальных услуг или не обращаются вообще. Принятие решения о самостоятельном проживании бывает вынужденным, когда нет близких, бывает и добровольным отказом от постоянного проживания с детьми. Поэтому защита прав пожилого человека и условий его безопасного проживания становится основной задачей государства. Повышение правовой ответственности, общей нравственной культуры взрослых детей, обязанных заботиться о престарелых родителях, также остается главной проблемой общества.

Проект «Организация служб сопровождения пожилых людей 80+» призван развивать актуальные практики волонтерского сопровождения и формирование культуры благоприятного самостоятельного поддерживаемого проживания. Однако такое проживание пожилого человека 80+ могут быть сопряжено с дополнительными обстоятельствами, требующими специальных комплексных мер поддержки (напр., безбарьерное оборудование жилища, оборудование ночного патронажного поста и т.д.). В этом случае появляется необходимость, там, где это возможно, разработки дополнительных программ поддержки, учитывающих эти особенности ситуаций благоприятного и безопасного самостоятельного проживания пожилого человека 80+.

Поэтому «Служба сопровождения пожилых людей 80+» предоставляет такие возможности всем пожилым 80+, которые сталкиваются с проблемами в организации благоприятного и безопасного самостоятельного проживания.

Литература

1. Постановление Правительства Москвы от 29 ноября 2016 г. № 794-ПП «О мерах, направленных на реализацию Государственной программы города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 года»;
2. Постановление Правительства Москвы от 07.03.2017 г. № 88-ПП;
3. Доклад Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы о выполнении Государственной программы города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы» за 2016 год. <http://www.dszn.ru/upload/documents/5.%20Доклад-%20к%20отчету%20по%20ГП%20за%202016%20год.pdf>
4. План мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения в городе Москве (2013–2018 годы)».
5. Блиц-опрос «Актуальные проблемы пожилых людей в городе Москве», ИДПО ДТСЗН, май 2016 года.
6. Доклад о положении граждан пожилого возраста в городе Москве: информационно-аналитический доклад / Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 129 с.
7. Жуков В.И. Социология социальной сферы. М.: ИСПИ РАН, 2006. – 488 с.
8. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве: информационно-аналитический доклад. Двенадцатый этап / под ред. В.А. Петросяна, Е.И. Холостовой. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2017. 281 с.
9. Пожилой человек в информационном мире: информационно-аналитический отчет / под ред. В.А. Петросяна, Е.И. Холостовой. – М.: ДТСЗН, ГАУ ИДПО, 2017, – С. 73-78.
10. Пожилые в современном мире: институты и дискурсы. Монография / Под ред. Е.И. Холостовой, И.В. Мкртумовой. – М.: ГАУ ИДПО ДТСЗН, 2015. – С. 56.
11. Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2016. – 1032 с.
12. Социальные услуги в системе социального обслуживания населения, 2-е изд. Малофеев И.В. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014. – 176 с.

Экономическое бремя инвалидности от рака легкого

Козлов Н.В.

Актуальность исследования: Многие формы инвалидности ведут к значительным медико-санитарным потребностям населения и соответственно значительным расходам государства. Помимо расходов государства на здравоохранение и медицинскую помощь при лечении онкологических больных, идет льготное обеспечение инвалидизации населения, реализуются программы по защите и обеспечению полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также экономические потери по причине временной нетрудоспособности населения. Одной из основных причин инвалидности по классам болезней является инвалидность, полученная в связи с тяжелым бременем онкологических заболеваний. В связи со старением населения, с урбанизацией, с изменением экологической ситуации в последние годы во всем мире наблюдается рост онкозаболеваний. Инвалидизация онкобольных приобретает большой размах, уступая лишь заболеваниям сердечно-сосудистой системы. По локализации злокачественных новообразований – рак легкого занимает одно из первых мест среди опухолей различной локализации и является одной из главных причин инвалидности у онкологических больных.

Ключевые слова: Социально-экономическое бремя, инвалидность, рак легкого, стоимость болезни, прямые немедицинские затраты, косвенные затраты.

Kozlov N.V.

Economic burden of disability of lung cancer

Many forms of disability result in extensive healthcare demands of the population and respective significant state expenses. Apart from expenses for healthcare and treatment of cancer patients the state also provides subsidized medical assistance of disabled persons, carries out programs intended to protect and ensure complete and equal exercise of human rights and fundamental freedoms by all disabled persons and incurs economic loss resulting from temporary disability of patients. One of the primary causes of disability is severe burden of cancers. The cancer prevalence rate is on the rise in recent years all over the world due to population ageing, urbanization and ecological turnover. The disability rate among cancer patients is becoming very high, second only to patients with cardiovascular diseases. Lung cancer is among the most prevalent tumors of all localizations and one of the primary causes of disability among cancer patients.

Keywords: Socio-economic burden; disability; lung cancer; cost of illness; direct non-medical costs; indirect costs.

1. Introduction

The disability in consequence of malignant neoplasms is becoming more widespread in the Russian Federation with every passing year. According to the changes in the disability structure by diseases over time for the past 10 years, the rate of primary disability in consequence of malignant neoplasms has increased almost 3 times: from 11.10 % (2006) to 30.70 % (2015) [2]. Cancers are the most widespread cause of disability second only to diseases of the circulatory system, however, if the positive growth trend persists for a few more years, they will soon become an indisputable leader (table 1).

To characterize the structure of disability in consequence of lung neoplasms we analyzed research papers and articles published in recent years with a detailed analysis of regions of the Russian Federation in terms of primary and recurrent disability in consequence of neoplasms with due consideration of disability degrees, age and tumor location. Below are the results of the analysis of scientific literature in recent years share of lung cancer [3-16] along all disabling malignant neoplasms.

The relevance of the study of the economic burden of disability from lung cancer and of this article is due to the fact that Lung cancer is among the most prevalent tumors of all localizations and one of the primary causes of disability among cancer patients in Russian Federation. Most of the studies are aimed at studying the costs of drug provision and hospitalization; complete and relevant studies aimed at calculating the economic burden of disability are less common in modern literature. In this study were calculated Indirect costs and Direct costs caused by disability in consequence of lung cancer.

2. Methods and Results

2.1. Modeling of the number of people disabled in consequence of lung cancer

Table 1
Comparison of primary disability in consequence of neoplasms and diseases of the circulatory system (%).

N o.	Disease classes	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015
1	Malignant neoplasms	11.1	13.0	15.5	17.6	19.5	20.4	22.9	24.6	26.4	30.7
2	Diseases of the circulatory system	54.7	51.2	48.1	44.6	41.3	39.2	37.8	36.1	35	35.7

Region and period of data collection	Share of lung cancer among all disabling malignant neoplasms
Republic of North Ossetia – Alania, 2012	6.5 %
Tomsk Region, 2014	9.2 %
Krasnodar Krai, 2008	9.5 %
Chuvash Republic, 2014	12 %
Chelyabinsk Region, 2010	10.5 %
Belgorod Region, 2013	10.1 %
Udmurt Republic, 2014	10.7 %
Novosibirsk Region, 2014	13.1 %
Kursk Region, 2013	10.4 %
Saint-Petersburg, 2004	9.1 %
Northern parts of the Omsk Region, 2010-2012	16.3 %

Table 2
Number of newly declared and redeclared disabled persons due to MN in the Russian Federation in 2015 [2-3].

Grouping by age of disability diagnosis	Total	Including by disability degree groups			Including by age		
		Degree I group	Degree II group	Degree III group	up to 44 years	45-54 years women, 45-59 years, men	Retirement age
Newly declared disabled persons	213,172	59,426	102,031	51,715	24,147	58,372	130,653
Redeclared disabled persons in consequence MN	207,504	39,433	114,869	116,202	35,144	76,317	159,043

Using the data from the reference book of the FSBI FB MSE of the Ministry of Labor of Russia (Tab. 2), we performed modeling of people with disabilities in consequence of malignant neoplasms newly or re-diagnosed in 2015.

In addition, using the data from Federal State Statistics Service on employment of working-age and retirement-age population, we calculated the percentage of newly declared disabled persons in consequence of malignant neoplasms, who

are involved in economic activity. It made about 47.4 %. The formula used for calculation is shown below:

$$P_{empl} = [N_{tr} \times K_{empl tr} + N_{pens} \times K_{empl pens}] / N$$

where P_{empl} is the share of economically active people among those with confirmed disability,
 $N_{tr(pens)}$ is the number of disabled people of working (retirement) age,
 $K_{empl tr(pens)}$ is the employment rate among population of working (retirement) age,

Table 3
Share of economically active people (%)

Share of economically active men and women, for the working age	76.00 %
Share of economically active men and women, for the retirement age	29.40 %

Table 4
Share of newly diagnosed disabilities due to MN accruing to LC (based on literature data) [3-16]

Region and period of data collection	Share of lung cancer among all disabling malignant neoplasms
Republic of North Ossetia-Alania, 2012	6.5 %
Tomsk Region, 2014	9.2 %
Krasnodar Krai, 2008	9.5 %
Chuvash Republic, 2014	12 %
Chelyabinsk Region, 2010	10.5 %
Belgorod Region, 2013	10.1 %
Udmurt Republic, 2014	10.7 %
Novosibirsk Region, 2014	13.1 %
Kursk Region, 2013	10.4 %
Saint-Petersburg, 2004	9.1 %
Northern parts of the Omsk Region, 2010-2012	16.3 %
Average value	10.67 %
Standard deviation	2.51 %
Median	10.40 %

Table 5
Share of patients of the corresponding disability degree group among newly declared disabled persons in consequence MN.

Region	Disability degree I group	Disability degree II group	Disability degree III group
Russian Federation	27.9 %	47.9 %	24.2 %

N is the total number of people with confirmed disability.

Thus, according to results of our study, we may note that 75.7 % (the share of degree I and II groups) of newly declared disabled persons in consequence of malignant neoplasms completely cease their working activity, i.e. are incapable for work. In general, 35.9 % of newly declared disabled persons in consequence of malignant neoplasms completely cease their work and, therefore, contribution to GDP. We obtained the above data from the calculation where the share of economically active people, i.e. 47.7 %, is multiplied by the share of disabled people of degree I and II groups, i.e. 75.7 %.

From Table 4 below we can see the number of newly declared disabled persons in consequence of malignant neoplasms of lung cancer in various

regions of the Russian Federation. The table is based on literature data.

The average value of the lung cancer share obtained from calculations made 10.67 % and was taken as a basis of modeling of the number of people with disability in consequence of lung MN.

The share of newly and re-diagnosed disabilities in consequence of lung cancer (NtdisLC) made 51,621.

The share of newly diagnosed disabilities in consequence of lung cancer (NfdisLC) made 22,751.

Distribution of newly declared disabled persons depending on the disability stage was determined using the reference book of the FSBI FB MSE of the Ministry of Labor of Russia.

Table 5 below shows data of newly declared disabled persons depending on the disability stage

Table 6
Distribution by disability groups in the model

	Disability I group	Disability II group	Disability III group	Total
Newly declared disabled persons	6,342.4	10,889.5	5,519.4	22,751.3
	Disability I group	Disability II group	Disability III group	Total
Redeclared disabled persons	4,208.6	12,259.7	12,401.9	28,870.2

Table 7
Data of economically active people [17]

Total number of economically active people in 2015, thousand people	72,323.6
Total number of business days in 2015	247.0
GDP of the Russian Federation in 2015, bln rubles	80,804.3
GDP generated by an economically active person per one business day, rubles	4,523.3
Average monthly accrued wages for women and men in 2015	25,627.0
Estimated wages in 2015	27,933.43
Average monthly accrued wages in 2015, rubles	34,012.3
Payment per 1 day of temporary disability, rubles	1,118.2
Average amount of a social pension in 2015, rubles	8,302.0
Factor reflecting uniformity of events within a year	0.5
Friction cost factor	0.1
Number of months in a year	12.0

collected from the reference book of FSBI FB MSE of the Ministry of Labor of Russia.

In course of the study, we have determined the number of patients who would be registered as disabled in consequence of malignant neoplasms of lung cancer in every disability group. For this purpose, we multiplied the number of disabled people at a certain stage by the share of primary disabilities in consequence of malignant neoplasms of lung cancer.

We have assumed that the share of LC among re-diagnosed disabilities is similar to that among newly diagnosed ones. All cases of re-diagnosed disabilities were attributed to the group of patients diagnosed before 2015.

In doing so, we kept in mind that the share of malignant neoplasms of lung cancer among re-diagnosed disabilities is similar to that among newly diagnosed ones. All cases of re-diagnosed disabilities were attributed to the group of patients diagnosed before 2015.

2.2 Modeling of the number of disability days and the days off work

In this study, the number of days of temporary disability in patients at various stages of neoplastic process and diagnosis age was equated to the number of days of day or round-the-clock hospitalization, multiplied by the share of working population. In addition, the number of days off work due to temporary disability was calculated: the number of temporary disability days was divided by the number of days a week, i.e. 7, and multiplied by the number of business days a week, i.e. 5. It was accepted that detriment to GDP occurred throughout the employee's temporary disability period since he/she was not replaced during that period.

Further, to calculate the number of days off work of newly declared disabled persons, we multiplied the number of disabled people at various stages of neoplastic process by the number of business days in a year and by the correction factor which made 0.5, reflecting the uniformity of retirement on disability within the year under study. In the study, we used the supplementary cost method to calculate indirect costs due to disability of workers; therefore, to reflect the length of a friction

Table 8
Formulas for calculation of costs of paying temporary disability allowances

Name of calculated parameter	Calculation formula	Name of indicators	Data source
CTD – costs of paying temporary disability allowances in the group of patients with MN location under study	CTD = VTD * PTD	VTD – number of temporary disability days in the group of patients with MN location under study	Formula
		PTD – amount of an average daily temporary disability allowance in the year under study	Formula
PTD – amount of a daily temporary disability allowance	PTD = Q * 365/12	Q is the average monthly accrued wages in 2015	Statistical observation
Costs of paying temporary disability allowances, rubles (CTD) (Sum, rubles):		442 195 017,45	

Table 9
Formulas for calculation of direct nonmedical costs

No. of formula	Name of calculated parameter	Calculation formula	Name of indicators	Data source
Formula 3	CSOCDP – costs of paying pensions to people disabled due to MN under study	CSOC DP = P SOC * NDP * 0.5 * 12	PSOC – the average amount of a disability retirement pension in the year under study	Report of the Pension Fund of the Russian Federation
			NDP – number of people with diagnosed disability due to MN under study	Formula
			0.5 – the correction factor reflecting uniformity of retirement on disability within a year, only for newly declared disabled persons	Assumption
			12 – the number of months in a year	
The total amount of social payments (Sum, rubles):			4 009 452 560	

period when disabled employees are replaced with new employees, we have multiplied the resultant number of days off work by the factor 0.1, and the received result only was included in calculation of GDP.

In the study for re-diagnosed disabilities, no days off work occur, as it is considered that they already have been replaced in the workplace.

2.3 Cost estimation algorithm for payment of temporary disability allowances

Costs of paying temporary disability allowances are calculated on the assumption that all economically active patients with the MN location under study have been insured and may apply for payment of

temporary disability allowances.

1) The amount of a daily disability allowance is determined based on data of Federal State Statistics Service on the average monthly accrued wages in 2015, multiplied by 12 (the number of months in a year) and divided by 365 (the number of days in 2015).

2) Expenditures are calculated as the product of the number of temporary disability days by the amount of daily allowance (Table 8).

2.4 Cost estimation algorithm for payment of disability allowances

Calculation of costs caused by disability is made for disabled people who have been examined in the

year under study. It is supposed that all people with diagnosed disability receive disability pensions.

1) The average amount of a monthly disability pension is determined based on data of the Pension Fund of the Russian Federation.

2) Costs of paying disability pensions are calculated as the product of the number of people with disability due to the MN location under study by the average amount of pension and the length of socio-economic burden (SEB) assessment period in months. For newly declared disabled persons, the correction factor 0.5 reflecting the distribution of retirement on disability during the time period under review is used (Table 9).

Conclusions

The model of the number of people disabled in consequence of lung cancer was developed. The share of first and re-diagnosed disabilities in consequence of lung cancer amounted to 51,621 people. The share of newly diagnosed disabilities in consequence of lung cancer amounted to 22,751 people. 75.7 % of them cease their economic activity.

The model provided the following distribution by disability degree groups: degree I group – 27.9 %, degree II group – 47.9 % and degree III group – 24.2 %.

Direct costs caused by paying of allowances and social pensions for disability in consequence of lung cancer were calculated. The total amount of social payments made 4 009 452 560 rubles.

Indirect costs caused by disability and retirement on disability in consequence of lung cancer were calculated. The lost profits in generation of GDP amounted to 178 875 042,25 rubles. Costs of paying temporary disability allowances amounted to 442 195 017,45 rubles.

References

1. Medical and social aspects of disability due to cancer diseases and ways to improve rehabilitation measures for disabled people (Trifonova N. Y., Butrina V. I., Shakhsvaryan S. B., Lyutsko V. V.), p. 5, Moscow 2012.
2. Statistical Book «Main Indicators of Primary Disability of Adult Population in the Russian Federation in 2015» (FSBI Federal Bureau of Social Security Disability Medical Examination of the Ministry of Labor of Russia), Moscow 2016.
3. Statistical Book «Main Indicators of Secondary Disability of Adult Population in the

Russian Federation in 2015» (FSBI Federal Bureau of Social Security Disability Medical Examination of the Ministry of Labor of Russia), Moscow 2016.

4. Journal «Fundamental Studies» No. 1, 2015, pp. 17-22: «Medical and social aspects and trends of prevalence of cancer diseases in the Republic of North Ossetia ? Alania» (Badoyeva Z. A., Ambalova S. A., Medoyeva A. A., Kozyreva F. U., Tsabolova L. K.), p. 20, Vladikavkaz 2015.

5. Journal «Medical and social problems of disability» No. 2, 2015, pp. 89-93: «Analysis of indicators of morbidity and primary disability in consequence of malignant neoplasms in adult population in the Tomsk Region during 2012-2014» (Perminov V. A., Kulikov S. K., Gaponenko V. V., Kalininskaya A. A.), p. 90, Moscow 2015.

6. Collection «Science and education in XXI century», collection of research papers based on materials of the International Academic Workshop: in 17 parts. 2014. p. 103-105, STRUCTURE OF INCIDENCE OF MALIGNANT NEOPLASMS, Romashina Y. S., Smirnova O. A.

7. Journal «Medical and social problems of disability» No. 1, 2016, pp. 77-82: «Morbidity and primary disability at malignant neoplasms in the Russian Federation, the Volga Federal District and the Chuvash Republic during 2012-2014» (Viktorova L. V., Ivanova R. M.), p. 81, Moscow 2016.

8. Journal «Medical and social problems of disability» No. 4, 2011, pp. 73-77: «Analysis of primary disability of adult population in consequence of malignant neoplasms in 2008-2010 in the Chelyabinsk Region», p. 75, Moscow 2011.

9. International Scientific Research Journal. 2016. No. 2-3 (44). p. 78-80, ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF MALIGNANT NEOPLASM MORBIDITY AS EXEMPLIFIED BY THE KIROV REGION, Smirnov A. P., Mashkina E. A., Milchakov D. E.

10. Bulletin of the Kaluga University. 2015. No. 2 (27). pp 20-26, DYNAMICS AND STRUCTURE OF THE MALIGNANT NEOPLASM MORBIDITY IN THE KALUGA REGION FOR 20 YEARS, Kudryavtsev I. Y., Nikolaev I. Y., Ilyicheva

11. The thesis «Comprehensive study of disability in consequence of malignant neoplasms in the Moscow Region and scientifically based recommendations on development of a system of medical and social rehabilitation of disabled people» (Ogay D. S., FSBI Federal Bureau of Social Security

Disability Medical Examination of the Ministry of Labor of Russia), Moscow 2016.

12. Primary disability of the Novosibirsk Region population in consequence of malignant neoplasms (Zakharyan A. G., SEI VPO «Novosibirsk State Medical University», Russian Ministry of Health), Novosibirsk 2015.

13. Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. 2011. No. 1 pp. 44-50, SOCIAL PROBLEMS OF CANCER DISEASE CONSEQUENCES IN THE KURSK REGION, Kirichenko Y. N., Ivanova S. I.

14. Viktorova L. V., Ivanova R. M. Morbidity and primary disability at malignant neoplasms in the Russian Federation, the Volga Federal District and the Chuvash Republic during 2012 - 2014.

Medico-Social Problems of Disability. No. 1, 2016, pp. 77-82.

15. Ogay D. S. Comprehensive study of disability in consequence of malignant neoplasms in the Moscow Region and scientifically based recommendations on development of a system of medical and social rehabilitation of disabled people. The thesis for MD degree. – Moscow, 2016.

16. Dmitriyev V. N. Comprehensive study of morbidity, mortality and disability in consequence of malignant neoplasms of female genital organs and ways to improve medico-social assessment and rehabilitation. The thesis for MD degree. - Moscow, 2015.

17. www.gks.ru Federal State Statistics Service

Структурный обзор русских богословско-философских идей о Боге, как личном существе

Сизинцев П. В.

Статья посвящена анализу структуры богословско-философского исследования – магистерской диссертации с философским осмыслением всех элементов научного труда И. П. Четверикова (привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых идей, критического разбора позитивизма, эмпиризма, рационализма, пантеизма). Автором проведен обзор историко-критического изучения значимых современных философских систем (в первых трех главах), а затем рассмотрено и сделано синтетическое объединение полученных результатов. Им было проведено философское обоснование учения о личности Божества и его личных свойств с позиций монистического теизма.

Ключевые слова: теизм, позитивизм, личность, эмпиризм, абсолютизм, рационализм, пантеизм, историко-критическая методология, гносеология, бытие, целесообразность, нравственность, идеализм.

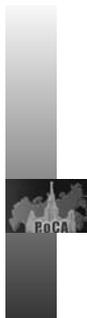
Title of the article: A structural review of Russian theological and philosophical ideas about God as a personal being
Sizintsev P.V.

The article is devoted to analysis of the structure of theological-philosophical studies – master thesis with a philosophical understanding of all elements of scientific work of I. P. Chetverikov (attracted sources, the reporting trends of thinking, evaluation of applicable ideas, critical analysis of positivism, empiricism, rationalism, and pantheism). The author reviewed the historical-critical study of important modern philosophical systems (the first three chapters, and then reviewed and made of synthetic unification of the obtained results. He held philosophical justification of the doctrine of the personality of God and his personal properties from the standpoint of monistic theism.

Keywords: theism, positivism, personality, empiricism, absolutism, rationalism, pantheism, the historical-critical methodology, epistemology, existence, appropriateness, morality, idealism.

Анализируемое богословское - философское исследование будущего профессора психологии И. П. Четверикова «О Боге, как личном существе» содержит в себе введение и пять глав. Введение содержит обоснование того, что в существующей религиозной философии имеется недостаточность реальных доказательств личности Божества. Это отмечено в труде проф. П. В. Тихомирова, на который ссылается И. П. Четвериков [Тихомиров, 1899, 77] в виде ряда гносеологических и метафизических предпосылок. Характерно само привлечение И. П. Четвериковым доказательств именно из труда знатока немецкой философии и видного русским богослова, имеющего ряд публикаций в известных изданиях России [Тихомиров, 1899, 2, 5]. Его мировоззрение отличал историко-философский анализ с выводом, что отделение наук от философии и возникновение позитивизма привело в упадок античные традиции. В итоге этого процесса были созданы труды по теории и критике познания (Дж. Локка, Д. Юма, Г. В. Лейбница, который доказал, что в гносеологических началах философия способна опираться и на метафизическую составляющую). «Школа новых кантианцев, имманентная философия, эмпириокритицизм - сегодня авторитетные представители философской мысли, а они сводят философию исключительно к гносеологии» [Тихомиров, 1908, 1, 4, 695-696].

Решение метафизических задач по мнению И. П. Четверикова требует в религиозной философии начала XX в. создания четкого и последовательного метода философского познания. В то же время и сама постановка гносеологических проблем оказалась бы «невозможной и в условиях полного забвения метафизических задач» [Тихомиров, 1898, 42, 112]. Однако собственно факт познания, исследуется как логикой, так и психологией, поэтому следует четко разделить описательный и разъяснительный интерес психологического исследования, с одной стороны, и нормативный интерес логики с другой.

В отличие от психологии, изучающей естественные законы человеческого мышления, логика изучает условия правильного мышления человека, то есть «нормативные законы мышления» [Основы, 1998, 9] методы и законы интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемые с помощью логического языка. Это позволяет определять отличия гносеологии от психологии за счет нормативности своего характера, а от логики тем, что исследуется конечность основ познавательной деятельности. Именно из этих идей исходил в своем исследовании И.П. Четвериков. Гносеология выступает как «союз логики с психологией, для исследования предельных границ познания, и поэтому ее предмет не ограничивается задачами метафизики, а распространяется на более общий круг вопросов» [Тихомиров, 1908, 1, 4, 704-705] в пределах которого и специальные науки получают разрешение собственных проблем. Поэтому и работа И.П. Четверикова была построена на структурном принципе, который рекомендовал П.В. Тихомиров. Частные доказательства бытия абсолютной личности в богословских системах, несомненно, важны, но не могут быть признаны в полноте достаточными, ибо опираются на определенные философские предпосылки, в свою очередь требующие обоснования. Основные богословские истины, такие как бытие абсолютной личности, признаются достоверными постольку, поскольку они входят как логически необходимые звенья в целостную теистическую философско-богословскую систему учения И.П. Четверикова о личности. «Историко-критическое изучение мыслей должно образовывать необходимую пропедевтику к опыту собственного философствования. Без такого изучения мыслитель рискует повторить ошибки предшественников, или потерять время на открытие того, что уже было открыто» [Тихомиров, 1900, 2, 7, 333]. Именно этот принцип взял в основание своей работы И.П. Четвериков. Сначала он осуществляет историко-критическое рассмотрение значимых современных философских систем (в первых трех главах), затем производит объединение полученных результатов в четвертой главе и заканчивает формулированием оригинальных выводов в заключительной.

Путем критического рассмотрения основных направлений философских мыслей, имеющих отношение к вопросу о понятии «личность» он

пытался отыскать такую точку зрения, которая могла бы стать надежным стержнем, религиозно-философским фундаментом для обоснования учения о Боге, как о личном существе. Иными словами, для объединения в понятии о Боге свойств абсолютности и личностности. Тем более, что решение гносеологической проблемы особенно важно, ибо составляет необходимый базис для построения его учения о личности. И поскольку для любой известной системы важна «потребность рассмотрения ее гносеологических основ - постольку и историко-критическое изучение гносеологических доктрин должно быть особенно важным» [Тихомиров, 1900, 2, 7, 334]. В пантеистических философских системах доказательства Бога как личного Существа рассматривались через:

- Понятие о бытии как абстрактное, вне зависимости от различного порядка составляющих его элементов,

- Термин «целесообразность», не относимый к процессу бытия,

- Нравственные ценности, которые рассматривались как понятия отдельно от человека.

В этих условиях И.П. Четвериков выдвигает утверждение, что исходным пунктом обоснования теизма может быть только понятие целостного бытия, определенного философским путем. При этом, используя понятие «целостность бытия» проблема личности и личностности бытия может быть решена выяснением отношения между понятием «целостное бытие» и понятием «абсолютное Существо». Именно такой критико-диалектический путь разрешения поставленного вопроса, противопоставляя его методу количественных доказательств, считался И.П. Четвериковым единственно надежным при изучении задач философского характера. Однако до начала исследования целостного бытия и абсолютного, прежде чем определить отношение между ними, следует установить понятие «мышление». Это «познавательная деятельность человека» [Рубинштейн, 2003, 120], которая «является опосредованным и обобщенным способом отражения действительности» [Чупахин, 1977, 4]. Ибо неполнота существующих доказательств личного Бога зависит, по мнению И.П. Четверикова, от односторонности, а иногда и от неправильности заданных гносеологических предпосылок. Иначе говоря, «для обоснования теистического учения о личном Боге необходимо установить основные начала бытия и познания» [Четвериков, 1903, 12]. Путь мысли от рассмотре-

ния структуры бытия до личных свойств Бога представляет собой в исследовании И.П. Четверикова следующие этапы:

- Критика распространенных в западной религиозной философии возражений против учения о бытии абсолютной личности.
- Определение философски выверенного понятия «личность»,
- Конкретизация понятий «личное бытие», «целесообразность»,
- Выявление отношений и элементов личного бытия Лиц Бога,
- Понимание Бога как трансцендентной, самосознательной и творческо-промыслительной первопричины мира.
- Формулирование понятия «абсолютная личность» и анализ его святоотеческих корней.

Особо следует отметить, что по принятому методу исследования «установка основных начал бытия и познания возможна только через критику различных философских систем» [Четвериков, 1903, 12]. Здесь очевидно влияние методологии И. Канта, применившему критический метод на структуру разработки проблемы с особенной силой последовательности в философии. Однако, И. Кант применял критический подход не в отношении философских систем, которые будучи многообразными могут не исчерпать всесторонность рассматриваемого предмета, а в отношении самих познавательных способностей. Методом он называл способ действия, считая «Критику чистого разума» просто «трактатом о методе», [Кант, 1994, 21] в котором излагался «измененный метод мышления - а именно, что мы a priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [Кант, 1994, 19].

Критику идеализма Беркли или предустановленной гармонии Лейбница И. Кант осуществлял в рамках задачи критического рассмотрения разума. Критический метод им противопоставлен психологическому, метафизическому и логическому методам. Это «метод «оценки» и «проверки», при которых критическая философия становилась краеугольным камнем ценности анализируемых знаний, выделяя два главных требования:

- «правильное сведение к имеющимся налицо, исторически доказуемым фактам науки, этики, искусства, религии,
- рядом с фактами должно быть доказано основание «возможности» и с тем вместе «правовое основание».

Это значит, что для И. Канта обязательно необходимо «показать и в чистом виде формулировать законосообразное основание, единство логоса, ratio во всякой творческой работе культуры» [Наторп, 1913, 5, 98-99].

Вопрос в том, где в работе должна структурно располагаться эта критика – в начале или в конце богословско-философского исследования? Логичней было расположить критическую часть исследования в конце после рассмотрения базисных положений основной части. Однако, рассматривая его работу мы видим, что И.П. Четвериков разместил критику в ее начале. Тем самым критическая составляющая выдвигается невольно на первый план, так как содержание критически – аналитической части работы распределяется им в первых трех главах соответственно главным направлениям – эмпиризму, идеализму, критицизму и интуитивизму. Нельзя не отметить, что, подобная двойственность подачи материала научного текста относится к структурным недостаткам работы. В то же время, допустимо предположить, что, критическим рассмотрением философских систем И.П. Четвериков готовил почву для максимально обоснованного ответа на главный вопрос исследования. Однако, по своему объему четвертая глава имеет не слишком высокую степень соотносительности с тремя предыдущими главами. Критическое рассмотрение известных учений предпринимается им с целью не только их опровержения, но и для выявления и фиксации тех положительных элементов, которые позволили ему зафиксировать философское понятие о личности и четко определить теистическую религиозно-философскую категорию «абсолютная личность» и ее элементы.

В первой главе разбирается эмпиризм, как философское направление мысли и подвергаются критическому анализу воззрения Канта, и крайнего эмпиризма Дж. Милля, И.А. Тэна и Г. Спенсера. Рассматриваются учение Дж. Милля о познании, учение Тэна с его попытками избежать абсолютного скептицизма и разбором его гносеологии и теологии. Милль, выводил логику не из законов природы, а из законов мышления. Законы логики для него были просто технические правила мышления, базирующиеся на законах психологии. «Логика, - считал Милль, - должна получить окончательное оправдание в несомненных фактах психической жизни». Закон противоречия представляет одно из ранних обобщений опыта. Основа его то, что «уве-

ренность и отрицание два различных духовных состояния, исключают одно другое. Свет и тьма, звук и тишина, и, вообще, положительное и соответствующее ему отрицательное явление представляют собой факты, стоящие в противоположности друг с другом» [Милль, 1914, 250]. Далее И.П. Четвериковым анализируется учение Г. Спенсера о самоочевидных истинах.

После анализа дарвинизма он разбирает понятие абсолютного у Г. Спенсера и, его эмпирическое понятие личности с критикой этого понятия. Для Г. Спенсера, эволюция физических и интеллектуальных способностей человека находится во взаимозависимости с социальной. Человек же «в значительной мере антисоциален». Он пытался соединить теоретический анализ социальных явлений с эмпирическим, отстаивая идею, что общество не должно поглощать личность. Каждый человек волен делать то, что желает, если не нарушает при этом свободу другого человека. В труде «Основы психологии» он определял жизнь как «непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним». Происходящее в организме, включая сознание, может быть понято только по отношению к внешней среде. Отношения – форма адаптации, а ассоциации создают связи элементов психической жизни. Г. Спенсером утверждался новый вид ассоциаций между внутренними психическими образами и реализующими адаптацию организма мышечными действиями.

Анализ религиозного состояния также рассматривался И.П. Четвериковым на примерах трудов Я.Ф. Фриза, для которого чувство не связано с низшей точкой человеческого бытия и не есть простая форма. Он вводит понятие «предчувствие» в основание созданного им философского учения. Предчувствие определяет для человека отношение обусловленного к безусловному, явления и идеи, события и мысли, феномена и представления. Через предчувствие человек постигает красоту этого мира и все высшее в нем. Это высшая способность познания, имеющая не рефлексивный характер и напрямую связанная с религиозным восприятием мира. Фриз определял религию как «Предчувствие вечного в конечном». При этом вечное не является предметом положительного знания и дается в особом предчувствии, объединяющем знание и веру, природу и идею [Фриз, 1805, 235, 175-177], Фриз считал, что предчувствие это есть нечто совершенно иное, отличающееся от рационального способа

познания. Ибо бытие человека имеет духовное измерение, вследствие которого человек причастен к высшим ценностям. И приобретает человек этой Истине не способом умозрительных рассуждений и логичных умозаключений, а посредством предчувствия, как бы припоминания где обретается существование некоего нечто, не поддающегося рациональному объяснению. Р. Отто пронизательно сопоставил это «предчувствие высшего», [Отто, 1909, 114] выведенное Фризом по аналогии с «припоминанием» у Платона. В предчувствии человек преодолевает границы своего существа, преодолевая вместе с тем и свою ограниченность.

Литература

1. Тихомиров П.В., Логический характер экзистенциальных суждений. // Вопросы философии и психологии. - М. Кн. 42. Март-Апрель 1998. - С. 109-132.
2. Тихомиров П.В. Имманентная критика рационального богословия (Гносеологические и метафизические предпосылки истины бытия Божия). Исследование. Харьков: Типография губернского правления, 1899. - 77 с.
3. Тихомиров П.В., Новые книги по истории философии //Богословский вестник. Т. 2. № 5. Москва. 1899. - С. 127-141.
4. Тихомиров П.В., Типы гносеологических учений //Богословский вестник. - М. Т. 2. № 7. 1900. - 333-366 с.
5. Тихомиров П.В., Очерки по гносеологии / Богословский вестник. - М. Т. 1. № 4. 1908. - С. 693-706.
6. Четвериков И., О Боге, как личном существе. - Киев: Типография Н.А. Гирит, 1903. - 347 с.
7. Кант И., Критика чистого разума. - М.: Мысль, 1994. - 591 с.
8. Наторп П., Кант и Марбургская школа. // Новые идеи в философии. № 5. 1913. СПб. - С. 93-132.
9. Милль Дж. Ст., Система логики силлогической и индуктивной. - М., 1914. - 880 с.
10. Основы логики. - М.: Инфра-М, 1998. - 336 с.
11. Рубинштейн С.Л., Бытие и сознание. - СПб: Питер, 2003. - 512 с.
12. Чухахин И.Я., Бротский И.Н., Формальная логика. - Л.: Издательство Ленинградский университет, 1977. - 357 с.
13. Фриз Ф.Я. - Fries J.F., Wissen, Glaube, und Ahndung. Jena, 1805. - S. 270.

Наши авторы

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. barkserg@live.ru

Белевич Александр Александрович – аспирант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, abel-1903@yandex.ru

Беляева Екатерина Александровна - канд. социол. наук, доцент, кафедра «Управления персоналом», ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», ekaterina.podergina@mail.ru

Ван Лили - аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова, 414993507@qq.com

Ван Цзяньган – кандидат исторических наук, ФГБУН Ордена дружбы народов Институт Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Горькая Ольга Олеговна – аспирант, кафедра социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, gorkolya@yandex.ru

Гребенщиков Иван Валерьевич - соискатель, Санкт-Петербургский Государственный Университет, кафедра социологии политических и социальных процессов, ivon.Fat@yandex.ru,

Гусарова Ольга Федоровна – старший преподаватель кафедры «Теоретическая и прикладная механика» Российского университета транспорта (РУТ-МИИТ))

Дегтярева Валерия Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, dwt8@mail.ru

Дзутцев Хасан Владимирович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru

Добреньков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой

истории и теории социологии, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Vladimiro040239@mail.ru

Дружинин Глеб Викторович – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, E-mail: druzhinin93@mail.ru

Дружинина Юлия Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, djv475@mail.ru

Дудник Леонид Викторович – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка ГУУ

Жило Артём Андреевич – аспирант кафедры психологии, социологии, государственного и муниципального управления, Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ), temazhilo@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, Россия, Иркутск, E-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Зубков Владимир Иванович - доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социальных технологий Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного института (национального исследовательского университета). v.zubkov@bk.ru

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета. dorwardrw@list.ru

Игумнов Олег Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», oleg_igumnov@mail.ru

Козлов Николай Владимирович - магистр, Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Минздрава РФ (Сеченовский университет), nikkoline@mail.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный со-

трудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Кузьмичева Алла Александровна – доцент, кафедра “Социологии, психологии и социального менеджмента”, ФГБОУ ВПО “Московский авиационный институт” (Национально-исследовательский университет) allamai@list.ru

Ли Мяо – аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Ли Чжунюань - аспирант, кафедра социологии, Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД России, nzm8628@mail.ru

Лян Цзянь - аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 953940166@qq.com

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск. ana.malyx@bk.ru

Малышев Максим Алексеевич - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Malishev@spa.msu.ru

Мамурков Евгений Викторович – бакалавр 3 курса направления социальная работа Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, E-mail: emamurkov@mail.ru

Матюшина Юлия Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, soclabvsv@mail.ru

Мельничук Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета, MelnichukJUA@rgsu.net

Мозолевский Владислав Бронюсович - аспирант, кафедра управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, VMozolevsky@yandex.ru

Пархитко Николай Петрович - кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории журналистики, Российского университета дружбы народов, scharnchorst@mail.ru

Пензина Анастасия Игоревна – магистрант, кафедра теории и истории журналистики, Российского университета Дружбы Народов, anastasiapenzina1703@gmail.com

Петров Денис Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, den_petrov@rambler.ru

Полошкевич Оксана Александровна - доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет. okwook@mail.ru

Попова Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета. bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – магистр 1 года направления государственное и муниципальное управление Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, E-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Путиловская Татьяна Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка ГУУ, tputil@yandex.ru

Решетников Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Директор Института социальных наук, зав. кафедрой социальной философии и социологии; Иркутский государственный университет. reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – доцент, кандидат философских наук, зав. кафедрой социальной работы Института социальных наук, Иркутского государственного университета. reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

Салынская Татьяна Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Государственный университет управления, salynskayatiana@mail.ru

Сизинцев Павел Васильевич - аспирант, Московская Духовная Академия, sizinpash@yandex.ru.

Синицын Сергей Александрович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теоретическая и прикладная механика» Российского университета транспорта (РУТ(МИИТ)), sg982@mail.ru

Скоробогатова Анна Геннадьевна - начальник управления социальной защиты населения, Восточный административный округ города Москвы, SkorobogatovaAG@mos.ru

Сушко Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. valentina.sushko@gmail.com

Титова Дарья Владимировна - аспирант Волгоградского института управления, ФГБОУ ВО РАН-ХиГС, gtd1986@mail.ru

Трескин Петр Андреевич – соискатель кафедры социологии и социальной философии Института социальных наук Иркутского государственного университета, E-mail: treskin-ne@ya.ru

Чермных Ольга Олеговна – студентка 4-го курса отделения социологии факультета социологии и социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ. cheryolga@icloud.com

Шкурко Юлия Святославна - кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, Улья-

новский государственный университет, yushkurko@yandex.ru

Яницкая Арина Анатольевна - старший преподаватель кафедры английского языка, Государственный университет управления, lmtcguu@gmail.com

